

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

T. 17

№ 3

2025

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2025. Т. 17. № 3

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskommnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Kalmyk Scientific Center of the
Russian Academy of Sciences, 2025

© Collective of authors, 2025

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимаа**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

канд. филол. наук **А. Т. Баянова**, Калмыцкий научный центра РАН
(Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **С. В. Джундэжэзов**, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);

д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО
РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **У. Б. Очиров**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия,
г. Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Переводчик: Б. О. Номинханова
Верстка: А. Н. Когданов
Ответственный секретарь: И. Б. Манджиева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

- A. Alimaa**, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- B. V. Bazarov**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- A. T. Bayanova**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- A. Birtalan**, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
- I. V. Bulgutova**, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
- L. S. Dampilova**, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- S. V. Dzhundzhuzov**, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia);
- C. Humphrey**, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- R. M. Khaninova**, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt**, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- L. V. Kuras**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- V. N. Mushaev**, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
- D. N. Muzraeva**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- U. B. Ochirov**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- K. V. Orlova**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- A. M. Plekhanova**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. Ts. Pyurbeev**, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
- A. D. Tsendina**, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya**, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);
- G. M. Yarmarkina**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Translator: B. O. Nominkhanova

Page layout: A. N. Kogdanov

Executive Secretary: I. B. Mandzhieva

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Шахназарян А. И., Мелконян А. А.* Первый поход монголов в Закавказье согласно армяно-грузинским источникам (в сопоставлении с восточными источниками) 414
- Сухбаатар Надмид.* Откочевка торгутов в 1771 г. 427
- Ванчикова Ц. П.* О раннем гелугпинском монастыре Внутренней Монголии — Майдари-джу 450
- Наранжаргал Норовсамбуу.* Западные рубежи Монголии в начале XX в. и тувинцы 461
- Орлова К. В.* Международно-правовой статус Монголии: плебисцит 1945 г. 490
- Лузянин С. Г., Кушхов Б. Х.* Влияние проектов экономического коридора Россия – Монголия – Китай на коммуникацию трансграничных этносов Российской Федерации и Монголии 506
- Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Базаров А. Б., Гомбожапов А. Д., Намжилова В. О., Цыренов Ч. Ц., Энхчимэг Цэндмаа.* От Чайного пути к Монгольскому коридору «Нового Шёлкового пути»: полевые результаты междисциплинарной экспедиции Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН в КНР (август 2025 г.) 525

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

- Содномтшилова М. М., Нанзатов Б. З.* Небесная трагедия: затмение луны в языке и мифологии тюрко-монгольских народов 546
- Хишигдулам Нанжидмаа, Изгарская А. А.* Образовательные стратегии монгольских семей скотоводов в условиях реформ: феноменологический анализ адаптации к 12-летнему обучению 559

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Бакаева Э. П.* Песни донских калмыков в записи от С. И. Манжикова (1962 г.) 576

ЛИНГВИСТИКА

- Туранская А. А.* «Образцы селенгинского диалекта монгольского языка» из фонда Ф. П. Аделунга Российской национальной библиотеки 595

CONTENTS

GENERAL HISTORY

<i>Shahnazaryan A. I., Melkonyan A. A.</i> The First Mongol Campaign in Transcaucasia according to Armenian-Georgian Sources (in comparison with Eastern Sources)	414
<i>Nadmid Sukhbaatar.</i> The Migration of the Torguts in 1771	427
<i>Vanchikova Ts. P.</i> On the Early Gelug Monastery of Inner Mongolia — Maidari-juu	450
<i>Naranzhargal Norovsambuu.</i> The Western Borders of Mongolia at the Beginning of the 20 th Century and the Tuvans	461
<i>Orlova K. V.</i> Mongolia's International Legal Status: the 1945 Plebiscite	490
<i>Luzyanin S. G., Kushkhov B. Kh.</i> The Impact of Russia-Mongolia-China Economic Corridor Projects on the Communication of Cross-border Ethnic Groups of the Russian Federation and Mongolia	506
<i>Bazarov B. V., Badaraev D. D., Bazarov A. B., Gombozhapov A. D., Namzhilova V. O., Tsyrenov Ch. Ts., Enkhchimeg Tsendmaa.</i> From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the “New Silk Road”: Field Results of the Interdisciplinary Expedition of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB of the RAS in the PRC (August 2025)	525

ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY

<i>Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z.</i> Celestial Tragedy: Lunar Eclipse in the Language and Mythology of the Turkic and Mongolic Peoples	546
<i>Khishigdulam Nanjidmaa, Izgarskaya A. A.</i> Educational Strategies of Mongolian Pastoral Families under Reform: A Phenomenological Analysis of Adaptation to 12-Year Schooling	559

FOLKLORE STUDIES

<i>Bakaeva E. P.</i> The Folk Songs of Don Kalmyks Recorded from S. I. Manzhikov (1962)	576
---	-----

LINGUISTICS

<i>Turanskaya A. A.</i> “Samples of the Selenginsk Dialect of Mongolian Language” Preserved in the Collection of F. P. Adelong at the National Library of Russia	595
--	-----

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Iss. 3, pp. 414–426, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-414-426

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(517)

Первый поход монголов в Закавказье согласно армяно-грузинским источникам (в сопоставлении с восточными источниками)

*Арташес Иванович Шахназарян¹,
Ашот Агасиевич Мелконян^{2,3}*

¹ Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (д. 24, пр. маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0009-0006-7000-5335. E-mail: [artashesshahnazaryan.1950\[at\]gmail.com](mailto:artashesshahnazaryan.1950[at]gmail.com)

² Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (д. 24, пр. маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

академик, доктор исторических наук, профессор, директор

³ Ереванский государственный университет (д. 1, ул. Алека Манукяна, 0025 Ереван, Республика Армения)

академик, доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-2579-0286. E-mail: [ashamelk\[at\]yahoo.com](mailto:ashamelk[at]yahoo.com)

UDC 94(517)

The First Mongol Campaign in Transcaucasia According to Armenian-Georgian Sources (in comparison with Eastern Sources)

*Artashes I. Shahnazaryan¹,
Ashot A. Melkonyan^{2,3}*

¹ Institute of History, National Academy of Sciences (24, Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

² Institute of History, National Academy of Sciences of Armenia (24, Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Academician, Dr. Sc. (History), Professor, Director

³ Yerevan State University (1, Alek Manukian st., 0025 Yerevan, Republic of Armenia)

Academician, Dr. Sc. (History), Professor

© КалмНЦ РАН, 2025

© Шахназарян А. И., Мелконян А. А., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Shahnazaryan A. I., Melkonyan A. A., 2025

Аннотация. *Введение.* Армяно-грузинские источники богаты разнообразными ценными сведениями о монголах. Самые ранние из них относятся к первому — разведывательному — походу монголов на Закавказье в 1220–1222 гг. Этот поход сыграл негативную роль в жизни армянского и грузинского народов, и именно во время этого похода армяне и грузины впервые познакомились с монголами, которые позже завоевали Грузинское царство, включавшее в себя северо-восточную Армению, известную в арменистике как Закарянская Армения. Этот поход, разумеется, также не остался вне поля зрения восточных источников. Внимание армяно-грузинских источников в основном сосредоточено на событиях, произошедших в Закавказье во время этого похода. Восточные же источники упоминают также связанные с ним, но происходившие в других местах события. *Материал и методы.* Из армянских источников об этом походе передают сведения историки XIII в. Киракос Гандзакети, Вардан вардапет, Григор Акнерци и хронисты того же века Мхитар Айриванци, епископ Степанос и Аноним (Ананун) Себасти. В грузинских источниках сведения сохранились у хрониста, современника грузинского царя Георгия Лаши (1207–1223 гг.), а также грузинского анонимного хрониста XIV в. и еще одного анонимного источника XIV в. Об этом походе в своих официальных письмах, направленных Римскому папе Гонорию III (1216–1227 гг.), писали грузинская царица Русудан (1223–1245 гг.) и атабек грузинского царства Иване Закарян. Тем не менее не все сведения, приведенные в этих письмах, заслуживают полного доверия. Сведения армяно-грузинских источников о рассматриваемом походе представлены посредством сочетания историко-сравнительного и историко-аналитического методов к реконструкции событий. Эти данные также сопоставляются с информацией восточных источников. *Результаты.* Представленные свидетельства могут стать основой для включения в научный оборот сведений, содержащихся в армяно-грузинских источниках о первом походе монголов на Закавказье. Это позволит более обширно и достоверно воспроизвести историю обсуждаемого похода.

Ключевые слова: Чингис-хан, монголы, Грузинское царство, Георгий Лаша, Киракос Гандзакети, Ибн аль-Асир, Ширван, Джэбе-нойон

Для цитирования: Шахназарян А. И., Мелконян А. А. Первый поход монголов в Закавказье согласно армяно-грузинским источникам (в сопоставлении с восточными источниками) // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 414–426. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-414-426

Abstract. *Introduction.* Armenian-Georgian sources are rich in various valuable information about the Mongols. The earliest of them relate to the Mongols; first reconnaissance invasion to the Transcaucasia in 1220–1222. It was during this invasion, which played a negative role in the lives of the Armenian and Georgian peoples, that they became acquainted with the Mongols, who later conquered the Georgian kingdom, which included northeastern, or, as it is commonly called in Armenology, Zakarian Armenia. The above mentioned invasion, of course, was not left out of the scope of Eastern sources either. The Armenian-Georgian sources focused mainly on the events that took place in the Transcaucasia during that invasion. And Eastern sources also touched upon the events related to it, however, that took place elsewhere. *Material and methods.* The information about this invasion is provided by such Armenian sources from the 13th century as historians Kirakos Gandzaketsi, Vardan Vardapet, Grigor Aknetsi, and chroniclers of the same century, Mkhitar Airivantsi, Bishop Stepanos, and Anonymous Sebastatsi. Georgian sources include the Georgian chronicle from the time of Georgian King Giorgi Lasha (1207–1223), the 14th-century Georgian anonymous chronicle, and another 14th-century anonymous source. Georgian Queen Rusudan (1223–1245) and the Atabek of the Georgian Kingdom Ivane Zakaryan wrote about this invasion in their official letters to Pope Honorius III (1216–1227). However, what they report is only partially

reliable. The data provided by Armenian–Georgian sources about the discussed invasion are presented using a combination of historical comparative and historical analytical methods of historical reconstruction. They are also compared with reports from Eastern sources. *Results.* The presented evidence can serve as a basis for putting into scientific circulation the material available in Armenian–Georgian sources about the first Mongol invasion of the Transcaucasia. This will provide an opportunity to more comprehensively and reliably reproduce the history of the invasion.

Keywords: Genghis Khan, Mongols, Georgian Kingdom, Giorgi Lasha, Kiragos Gandzaketsi, Ibn al-Asir, Shirvan, Jebe Noyon

For citation: Shahnazaryan A. I., Melkonyan A. A. The First Mongol Campaign in Transcaucasia According to Armenian–Georgian Sources (in comparison with Eastern Sources). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 3. Pp. 414–426. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-414-426

1. Введение

В 1220–1222 гг. монголы совершили первое вторжение в Закавказье. Они нанесли Грузинскому царству, включая Закарянскую Армению, тяжелые материальные и людские потери. Монгольское войско разгромило армяно-грузинское войско в трех сражениях, и Грузинское царство было значительно ослаблено в военном отношении. В результате оно первоначально не смогло противостоять опустошительным нашествиям (1225–1231) Хорезмшаха Джалал ад-Дина (1220–1237). Ослабленное еще больше, оно было захвачено монголами в 1236 г. Это вторжение хорошо отражено в восточных и армяно-грузинских источниках того времени. Как значимое историческое событие, оно привлекло внимание как востоковедов, в частности монголоведов, так и кавказоведов — особенно арменоведов и грузиноведов. Однако если первые изучали историю этого похода преимущественно на основе сообщений восточных источников, то вторые — по армяно-грузинским. Между тем более полную и достоверную картину первого монгольского похода в Закавказье 1220–1222 гг. можно получить лишь при использовании всех этих источников и проведении комплексного исследования. В рамках данной статьи попытаемся восполнить этот пробел и представить наиболее реалистичную картину рассматриваемого похода.

2. Причина и начало похода

После завоевания государства Хорезмшахов его шах Ала ад-Дин Мухаммад (1200–1222 гг.) бежал на запад. Для того чтобы захватить его в плен, провести военную разведку в Северном Иране и Закавказье, а затем вернуться в Монголию через Северный Кавказ, Чингис-хан установил трехлетний срок и сформировал специальную армию из войск своих полководцев Джэбе-нойона, Субэдэя Баатура и Тогачара [Рашид ад-Дин 1952: 208–209, 217; ан-Насиви 1973: 89, 96–97; Мирхонд 2009: 95]. Однако Тогачар вскоре был убит, и его войско было присоединено к войскам первых двух полководцев [Рашид ад-Дин 1952: 220].

Согласно Ибн ал-Асиру, численность этого войска составляла 20 тысяч, согласно же ан-Насиви, Рашид ад-Дину и Мирхонду — 30 тысяч [Ибн ал-Асир 1940: 137; ан-Насиви 1973: 89; Джувеини 2004: 96; Мирхонд 2009: 95].

Во время исполнения своей задачи Джэбе и Субэдэй, узнав о том, что хорезмшах скончался, сообщили об этом Чингис-хану и продолжили поход [ан-Насиви 1973: 92–93; Рашид ад-Дин 1952: 226].

Из армянских источников мнимую причину этого похода упоминает Киракос Гандзакечи. Историк пишет, что *«распространилась о них ложная молва, будто они — могои и христиане по вере, [будто] творят чудеса и пришли отомстить мусульманам за притеснение христиан... И эта ложная молва заполнила страну»* [Гандзакечи 1961: 202]. Он также ошибается, полагая, что монгольское войско вторглось в Закавказье через Северный Кавказ [Гандзакечи 1961: 202].

Вардан вардапет не указывает причин похода, но верно отмечает, что монголы вторглись в Закавказье через Алуанк [Вардапет 1862: 142]. Аноним Себастаци повторяет информацию, приведенную Варданом вардапетом [Мелкие хроники 1956: 137]. Причину похода сравнительно правильно излагает Григор Акнерци. Он сообщает, что монголы, узнав о своем предназначении завоевать мир по воле Божьей, напали на государство персов (имеется в виду государство Хорезмшахов), одержали победу, а затем, получив новый приказ от Чингис-хана, напали на Алуанк и Грузию [Акнерци 1974: 20]. Историк под *«Грузией»* подразумевает Грузинское царство, которое, как мы уже отмечали, включало в себя и Закарянскую Армению.

Имя главнокомандующего монгольским войском из армянских источников приводят Киракос Гандзакечи и Аноним Себастаци. Согласно им, это был Субэдэй [Гандзакечи 1961: 204; Мелкие хроники 1956: 137, 138]. Говоря о численности этого войска, Киракос Гандзакечи ограничивается выражением *«огромное множество»* [Гандзакечи 1961: 201]. Вардан вардапет и Аноним Себастаци пишут о *«приблизительно 20-тысячном войске»* [Вардапет 1862: 142; Мелкие хроники 1956: 137], что соответствует цифре, указанной Ибн ал-Асиром. Остальные армянские источники не затрагивают вопрос численности войска. Поскольку это войско, первоначально насчитывавшее 30 тысяч воинов, не пополнялось после понесенных в сражениях потерь, следует полагать, что его численность во время действий в Закавказье была меньшей.

Из грузинских источников к причинам этого похода, военачальникам и численности монгольской армии обращается грузинский анонимный хронист XIV в. Он считает, что Чингис-хан с целью преследования не *«старого Хорезмшаха»*, т. е. Ала ад-Дина Мухаммада, а его сына, поспешившего на помощь отцу, Джелал ад-Дина, *«отправил (в погоню) ... двух предводителей, коих грузины именуют Себа и Джебо. Велел им пройти земли Хорасана и Ирака, и, куда хватило бы сил, разведать те страны. Двинулись же они с двенадцатью тысячами всадников... Прошли Туран, Джеон, Хорасан, Ирак, Адарбаган и достигли Гандзы»* [Картлис цховреба 2008: 336]. Однако переданное им сообщение о численности монгольского войска не вызывает доверия.

3. Вторжение монгольского войска в Закавказье

В первой половине декабря 1220 г. монгольская армия вторглась в Персидский Ирак и Атропатену и, сея смерть, разрушения и грабежи во владениях ильдегизидского атабека Гандзака Узбека (1210–1225 гг.), продвинулась вперед.

Холодная и снежная зима вынудила монголов в середине декабря повернуть к северу от Тебриза. Они намеревались пересечь Аракс и перезимовать в Муганской долине, славившейся мягким климатом и пышными лугами [Рашид ад-Дин 1952: 227; Ибн ал-Асир 1981: 300; Джувеини 2004: 98]. Дорога в Му-

ганскую долину проходила по юго-восточной границе Закарянской Армении. И действительно, во второй половине декабря 1220 г. монголы перешли Аракс и вторглись в Закавказье, направившись к Муганской долине для зимовки.

Из армянских источников вторжение монгольской армии в Закавказье 1220 г. (без указания месяца) датируют Киракос Гандзакеци, Вардан вардапет, Аноним Себасти и епископ Степанос [Гандзакеци 1961: 201; Вардапет 1862: 142; Мелкие хроники 1956: 137; Мелкие хроники 1951: 38]. Григор Акнерци предлагает неприемлемую датировку — 1214 г. [Акнерци 1974: 22]. В грузинских источниках датировка отсутствует.

Армяно-грузинские источники оставили скудные сведения о событиях, последовавших после вторжения монголов в Закавказье. Киракос Гандзакеци пишет, что из-за распространившихся ложных сведений о монголах, «повсюду встречая беззаботных, они истребляли население и разорили многие местности. Сами же, упрятав свое имущество в укрепленной местности, называемой Бегамдж... совершили оттуда стремительные набеги и разоряли многие гавары» [Гандзакеци 1961: 22].

Царица Русудан и Иване-атабек также написали Римскому папе Гонорию III, что их страна наводнилась татарами, носящими символ креста. Так они были обмануты и не проявили осторожности по отношению к ним [Табагуа 1984: 177, 179].

Восточные источники утверждают, что монголы закрепились в расположенном в Муганской долине Бегамдже немного спустя после вторжения в Закавказье, после победы над 10-тысячной армяно-грузинской конницей, выступившей против них [Рашид ад-Дин 1952: 227; Ибн ал-Асир 1981: 300; Мирхонд 2009: 99], и после неудачной попытки углубиться в Грузинское царство [Рашид ад-Дин 1952: 227]. Только после этого они вернулись в Муганскую долину для зимовки.

Это сражение между армяно-грузинским и монгольским войсками не отражено в армяно-грузинских источниках. Судя по сведениям восточных источников, сражение, вероятно, произошло в начале января 1221 г. на юго-восточной границе Закарянской Армении. Через эту местность проходила кратчайшая дорога из Тебриза в Муган. Однако, согласно одному грузинскому анонимному источнику XIV в., атабек Узбек сообщил грузинскому двору о монгольской угрозе, призывая оказать помощь друг другу в ее нейтрализации [Кикнадзе 1966: 101]. Этим объясняется то обстоятельство, что Грузинское царство, стремясь предотвратить возможное вторжение монгольской армии, направило навстречу ей 10-тысячное войско. После поражения этого войска и неудачной попытки монголов углубиться в Грузию, грузинский двор осознал серьезность угрозы и решил заключить союз не только с атабеком Узбеком, но и с аль-Маликом аль-Ашрафом, правителем Хлата и Джазиры. Они договорились совместно выступить против монголов весной 1221 г. [Ибн ал-Асир 1981: 300; Мирхонд 2009: 99]. Однако монголы, несомненно, узнали об этом и опередили их.

Более того, они приобрели нового союзника в лице мамлюка Акуша, тюркского наместника Узбека в Алуанке, и в январе 1221 г. вторглись в Грузинское царство [Ибн ал-Асир 1981: 300, 301; Мирхонд 2009: 99].

4. Второе сражение между монгольской и армяно-грузинской армиями

Армяно-грузинские источники умалчивают о том, что Георгий Лаша, Узбек и аль-Ашраф решили совместно противостоять монголам и что к монголам со своей армией присоединился Акуш. Однако они содержат отсутствующие в восточных источниках сведения о событиях, последовавших за вторым вторжением монголов в Грузинское царство. Вардан вардапет пишет, что монгольская армия *«вторглась со стороны алуанских долин, вошла в Гугарскую страну, перебила всех... и быстро вернулась»* [Вардапет 1862: 142]. Епископ Степанос ошибочно относит к 1203 г. вторжение Джэбе-нойона и Субэдэя Баатура в *«Тхисскую страну»*, разрушение крепости Сахоте и их последующее возвращение [Мелкие хроники 1951: 37]. О захвате соседствующей с Тхисом с юго-запада крепости Сахоте без упоминания названия пишет Ибн ал-Асир [Ибн ал-Асир 1981: 301].

Киракос Гандзакечи не упоминает об этом походе монголов и связанных с ним событиях. В отличие от Киракоса Гандзакечи грузинские источники уделили им заметное внимание. Грузинский анонимный хронист XIV в. сообщает, что монголы *«достигли пределов Грузии, приступили к опустошению земель Гаги»* [Картлис цховреба 2008: 336]. Под *«землями Гаги»* он имеет в виду княжество Ваграмянов — часть Закарянской Армении, центром которой была крепость Гаг, на юго-востоке Тхиса. Это указывает на то, что монголы вторглись в Грузию по равнинному пути Партав – Гандзак – Тхис, проходившему по княжеству Ваграмянов на правом берегу Куры, кратчайшему и удобнейшему маршруту для их конницы.

Владыка пограничного княжества Ваграмянов Ваграм Гагеци не смог остановить продвижение монголов по территории своего княжества. Он и Иване-атабек *«сообщили царю Лаше о вторжении чуждых племен, чуждых языков, опустошении Самхети»* [Картлис цховреба 2008: 336]. Эти слова грузинского анонимного хрониста XIV в. подтверждает грузинский хронист, современник Георгия Лаши, одновременно добавляя, что монголы также вторглись в грузинскую область Герети [Картлис цховреба 2008: 217].

Согласно грузинскому анонимному хронисту XIV в., Георгий Лаша собрал конное войско в количестве 90 тысяч человек, которое двинулось против монгольской армии, остановившейся на берегу реки Сагим (или Бердуджи). К этой армии присоединились также войска армянских князей [Картлис цховреба 2008: 336]. Согласно Григорию Акнерци, численность войска Георгия Лаши составляла 60 тысяч человек [Акнерци 1974: 20]. Данная цифра ближе к действительности. По утверждению Вардана вардапета, епископа Степаноса и Анонима Себастиа, монгольская армия повернула назад, когда армяно-грузинская армия подошла к ней [Вардапет 1862: 142; Мелкие хроники 1951: 37; Мелкие хроники 1956: 137]. Сопоставление данных армяно-грузинских источников показывает, что монгольское войско не повернуло назад, а применяло тактический прием ложного отступления.

На это второе сражение армяно-грузинских войск также обращали внимание восточные источники — Ибн ал-Асир и Мирхонд. По их сведениям, оно произошло недалеко от Тифлиса, однако они не указывают точное место [Ибн ал-Асир 1981: 301; Мирхонд 2009: 99].

Армянские источники единодушны в том, что сражение состоялось на берегу реки Котман [Вардапет 1862: 142; Мелкие хроники 1951: 38; Акнерци 1974: 22; Айриванеци 1860: 65], причем Григор Акнерци сообщает о том, что во время сражения «Сагамская долина наполнилась убитыми татарами» [Акнерци 1974: 21]. Следовательно, Котман — это та же река Сагим (Бердуджи), на берегу которой, согласно грузинскому анонимному хронисту XIV в., остановились монголы. Что касается сообщений хрониста, современника Георгия Лаши, о том, что монголы нанесли некоторый урон Сомхети и Герети, и на обратном пути монголов их «царь настиг у Балисцкали, где получил первое ранение» [Картлис цховреба 2008: 217], то можно утверждать, что речь идет либо о той же реке, либо о ее притоке.

Грузинские источники не датируют это сражение. Из армянских авторов Вардан Вардапет, епископ Степанос и Аноним Себастици относят его к 1220 г., Григор Акнеци — к 1214 г., а Мхитар Айриванеци указывает интервал между 1211 и 1220 гг. [Вардапет 1862: 142; Мелкие хроники 1951: 38; Мелкие хроники 1956: 137; Акнерци 1974: 22; Айриванеци 1860: 65].

Восточные источники уточняют данные армянских источников. Если Мирхонд пишет, что монгольская армия после этого сражения направилась к Мараге в марте 1221 г. [Мирхонд 2009: 99], то Ибн ал-Асир конкретно указывает, что сражение состоялось в январе 1221 г., и это представляется вполне допустимым [Ибн ал-Асир 1981: 301].

Поскольку армяно-грузинские источники не знали о присоединении войска Акуша к монгольской армии, они, на первый взгляд, по-разному описывают ход этого сражения по сравнению с восточными источниками. Согласно Ибн ал-Асиру и Мирхонду, сначала в бой вступило войско Акуша, измотав армяно-грузинскую армию и нанеся ей серьезные потери. Затем, чтобы поддержать Акуша, из засады выступила монгольская армия, нанеся армяно-грузинским войскам тяжелое поражение [Ибн ал-Асир 1981: 301; Мирхонд 2009: 99].

Грузинский анонимный хронист XIV в. также сообщает, что «разразилась битва жестокая. Половина татар бежала, а (другая) половина скрылась в засаде и нагрянула с тыла ... и бежали грузины и воины их, и сам царь Лаша, и погибло несметное число душ христианских» [Картлис цховреба 2008: 337]. Бегущие татары — это войска Акуша, которые, выполнив свою задачу, быстро отступали. Грузинский хронист, современник Георгия Лаши, пишет, что в этом сражении также «царь Георгий обратил врага в бегство и истребил» [Картлис цховреба 2008: 217], что не соответствует действительности.

Ход этого сражения Вардан вардапет описывает кратко, тогда как Григор Акнерци — подробно, при этом их описания почти совпадают. Согласно последнему, в ходе битвы правым флангом армяно-грузинской армии командовал Ваграм Гагеци, а левым — Иване-атабек [Акнерци 1974: 21]. В начале сражения армянский князь по имени Гамидола, желая отомстить Иване-атабеку, перерезал сухожилия его коня и лишил его скакуна. Заметив это, воодушевленные монголы перешли в наступление и, нанеся тяжелые потери левому флангу армяно-грузинской армии, вынудили Георгия Лашу и Иване-атабека обратиться в бегство.

Не зная об этом, Ваграм Гагеци на правом фланге перешел в атаку и до самого вечера преследовал обратившееся в бегство левое крыло армии против-

ника [Вардапет 1862: 142; Акнерци 1974: 21]. Остальные армянские источники упоминают это сражение лишь вкратце, фактически ограничиваясь указанием его исхода [Мелкие хроники 1951: 38; Мелкие хроники 1956: 138; Айриванеци 1860: 65].

В армянских и грузинских источниках сведения о потерях армяно-грузинской армии в этом сражении сохранились в письмах царицы Русудан и Иване-атабека к Римскому папе Гонорию III, где упоминается о 6 тысячах погибших [Табагуа 1984: 177, 179]. Из восточных источников Ибн ал-Лаббад сообщает о 8 тысячах погибших [Бунятов 1982: 162].

Согласно грузинскому анонимному хронисту XIV в., после сражения монголы дошли до Самшвилде, после чего покинули Закавказье [Картлис цховреба 2008: 337]. На самом деле они вернулись в расположение своей армии в Бегамедже. С наступлением весны, двинувшись в направлении Атропатены и Алуанка, они захватили, разорили и разграбили ряд городов, вырезав много мирных жителей. По данным Мирхонда, в частности в марте 1221 г. монголы захватили Марагу, а согласно Ибн ал-Асиру, в ноябре того же года они захватили Байлакан [Мирхонд 2009: 99; Ибн ал-Асир 1981: 303]. Тебриз и Гандзак были спасены благодаря выкупу. Этот поход также упоминают Рашид ад-Дин и Джувейни [Рашид ад-Дин 1952: 227–228; Джувейни 2004: 99].

5. Третье сражение между армяно-грузинским и монгольским войсками

За вышеупомянутым походом монгольской армии, который не получил должного отражения ни в армянских, ни в грузинских источниках, последовало еще одно серьезное сражение между армяно-грузинскими и монгольскими войсками. Среди восточных источников это сражение освещено достаточно подробно, тогда как из армяно-грузинских авторов к нему обратился лишь Киракос Гандзакеци. Согласно Мирхонду, после того как жители Гандзака заплатили выкуп, «до монгольских военачальников дошел слух, что грузины собрали войско и готовятся к войне. Поэтому они сосредоточили все свое внимание именно на них» [Мирхонд 2009: 101]. Рашид ад-Дин также пишет, что после Гандзака монголы «направились в Гурджистан [Грузию], а те, приведя войско в [боевой] порядок, приготовились к сражению» [Рашид ад-Дин 1952: 228]. Ибн ал-Асир сообщает, что когда монголы в Атропатене и Арране «завершили свои дела ... двинулись в сторону грузинской (Курдж) страны» [Ибн ал-Асир 1981: 303].

Киракос Гандзакеци в свою очередь рассказывает, что для противостояния монголам «царь грузинский Лаша ..., Иване собрав войско, выступили войной против них и подошли к долине, называемой Хунан, ибо там находилось войско неприятеля» [Гандзакеци 1961: 203]. По сообщению Ибн ал-Асира и Мирхонда (последний ошибочно называет Георгия Лашу Давидом), Георгий Лаша не участвовал в сражении и остался в Тифлисе [Ибн ал-Асир 1981: 304; Мирхонд 2009: 101].

Прав Киракос Гандзакеци, который дважды сообщает об участии Георгия Лаши в сражении. Косвенным подтверждением этого служат приведенные выше слова грузинского летописца — современника этих событий — о том, что Георгий Лаша впервые был ранен в предыдущем сражении. Это могло про-

изойти именно в ходе данного сражения, поскольку после него армяно-грузинская и монгольская армии больше не сталкивались.

Из приведенных выше свидетельств восточных источников следует, что сражение действительно произошло в Хунанской долине, расположенной на восточной окраине Грузии. Через нее проходила дорога Партав – Гандзак – Тифлис. Киракос Гандзакец не датирует это сражение. Однако из сообщения Ибн ал-Асира о захвате Байлакана монголами в ноябре 1221 г. можно заключить, что сражение состоялось после ноября 1221 г. — либо в конце того же года, либо в начале 1222 г. Продолжая рассказ о сражении, Киракос Гандзакец сообщает, что вначале армяно-грузинская армия *«обратила в бегство неприятеля: но поскольку [другие части] неприятеля находились в засаде, он ударил с тыла и начал сечь грузинское войско. Повернули и выступили против [грузин] и обращенные в бегство [татары] и, окружив строй и с другой стороны, нанесли великое поражение войску христианскому. Бежали царь и все князья. А неприятель, забрав военную добычу, унес ее в свой стан»* [Гандзакец 1961: 203].

Восточные источники сообщают, что во время сражения монголы снова применили тактику засады, причем устроил засаду Джэбе-нойон, имея под командованием пять тысяч воинов, а войска Субэдэя Баатура через короткое время после начала сражения прибегли к ложному отступлению [Рашид ад-Дин 1952: 227–228]. Согласно Мирхонду и, как мы уже видели, Киракос Гандзакец, это случилось под давлением армяно-грузинских сил [Мирхонд 2009: 101; Гандзакец 1961: 203]. В любом случае и Киракос Гандзакец, и Мирхонд подтверждают факт применения засады. Когда после ложного отступления Субэдэя армяно-грузинская армия занялась грабежом, отряд Джэбе перешел в наступление, а войска Субэдэя развернулись и вернулись в бой. Армяно-грузинская армия оказалась в окружении и понесла тяжелые потери. По сведениям Ибн ал-Асира и Мирхонда, потери составили 30 тысяч человек [Ибн ал-Асир 1981: 304; Мирхонд 2009: 103]. Несмотря на то, что Киракос Гандзакец не уточняет число жертв, из его слов о том, что монголы *«нанесли великое поражение войску христианскому»* следует, что жертв было много [Гандзакец 1961: 203].

6. Дальнейшие действия монгольской армии

Сведения рассматриваемых источников о дальнейших действиях монгольской армии в Закавказье не всегда совпадают. Так, по утверждению Киракоса Гандзакец, после сражения, состоявшегося в Хунанской долине, *«собрал царь грузинское войско, еще более многочисленное ... и вознамерился дать бой неприятелю. А [татары] взяв с собой жен, детей и все свое имущество, намеревались пройти через Дербентские ворота в свою страну»* [Гандзакец 1961: 203]. Согласно Вардану вардапету, монголы в 1222 г. *«желали вернуться. Но так как их гонцы обнаружили, что армяне и грузины готовы [к отпору] и донесли сведения до монголов, они не посмели напасть, а ... ушли куда ушли»* [Вардапет 1862: 142]. Аноним Себастици в свою очередь почти дословно повторяет, что татары в 1222 г. *«хотели снова возвратиться, но так как армяне и грузины подготовили войска, не осмеливались»* [Мелкие хроники 1956: 137]. Этот хронист также сообщает, что *«Лаиа и Иване решили выступить против татар, но те [уклонились] и хотели со всем своим имуществом пройти через*

Дербентские ворота в свою страну» [Мелкие хроники 1956: 137]. Следовательно, согласно армянским источникам, монголы, осознав, что Грузинское царство готово к защите, не решились на вторжение, хотя и намеревались это сделать.

Грузинский хронист — современник Георгия Лаши — иначе представляет события, произошедшие после Хунанского сражения. Он сообщает, что *«на следующий год»*, т. е. в 1222 г., монголы *«вновь стали у побережья Бардава. [Тогда] собралось все царство, присоединились войска Карнукалаки, стали между Ломтагори и Агара, и не успев напасть, обратили [врагов] в бегство»* [Картлис цховреба 2008: 217]. Дислокация грузинским двором войск в Ломтагори-Агара — на естественном рубеже между Арменией и Грузией — указывает на то, что монголы вторглись в Грузинское царство тем же путем и что, оказавшись в безвыходном положении, грузинский двор заботился лишь о безопасности самой Грузии. И действительно Ибн ал-Асир утверждает, что грузины отправили войска против вторгшихся *«в страну татар, чтобы помешать им достичь срединных частей своей страны»* [Ибн ал-Асир 1981: 304]. После он пишет, что татары, учитывая то обстоятельство, что в стране много ущелий и горных перевалов, не осмелились продвинуться вперед и вернулись [Ибн ал-Асир 1981: 304]. Мирхонд в свою очередь отмечает, что, несмотря на то, что грузинский царь собрал армию для противостояния монголам, их военачальники, учитывая непроходимые и трудные дороги, вернулись назад [Мирхонд 2009: 101]. Находящийся в это время в Карине (Эрзрум) Ибн ал-Лаббад датирует эти события 1222 г. и сообщает, что после сражения *«грузины собрались вновь и получили поддержку войск Арзы ар-Рума ... когда мощь грузин усилилась, татары ушли без всякой причины и опасности»* [Буниятов 1982: 162]. Рашид ад-Дин в свою очередь утверждает, что после сражения монголы с поля боя *«направились к Дербенту Ширванскому»* [Рашид ад-Дин 1952: 228]. Однако, как мы видим, это утверждение опровергается свидетельствами грузинского хрониста — современника Георгия Лаши — и других восточных источников. Не соответствуют действительности также утверждения царицы Русудан и Иване-атабека в письме Римскому папе Гонорию III о том, что грузины якобы убили 25 тысяч монгол-всадников, некоторых пленили, а остальных обратили в бегство [Tabagya 1984: 177, 179].

Таким образом, на основе сведений хрониста, современника Георгия Лаши, а также Ибн ал-Асира и Мирхонда можно утверждать, что после сражения в Хунанской долине монголы, хотя и вошли в Грузию, не продвинулись вглубь страны. Из-за сложного рельефа, труднопроходимых и опасных дорог они ограничились разорением Закарянской Армении, грабежами и резней мирного населения.

Затем монголы вместо того, чтобы вернуться в свою зимнюю стоянку, вошли в Ширван, захватили и разграбили его столицу Шемаху, разрушили ее, а многих жителей перебили или увели в плен. Не имея возможности переправиться на Северный Кавказ через Дербент, монголы преодолели Кавказские горы по тропе, указанной отправленными Ширваншахом людьми [Ибн ал-Асир 1981: 304–305; Рашид ад-Дин 1952: 228–229; Джувейни 2004: 99; Мирхонд 2009: 101]. Как мы узнали выше, из армянских источников только Киракос Гандзакети и Аноним Себастаци упоминают, что монголы решили после

сражения на Хунанской равнине вернуться в свою страну «через Дербентские ворота». Оба источника буквально сообщают следующее: «Но мусульманское войско, находившееся в Дербенте, не пропустило их. Тогда они перевалили через Кавказские горы по неприступным местам, заваливая пропасти деревьями и камнями и имуществом своим, лошадьми, военным снаряжением, переправились и вернулись в свою страну» [Гандзакеци 1961: 203]; ср.: [Мелкие хроники 1956: 137]. Однако они молчат о действиях монголов в Ширване. Из грузинских источников грузинский хронист — современник Георгия Лаши — ничего не сообщает о монголах в Ширване, лишь отмечая, что монголы, остановившиеся возле побережья Партава, «скрылись, пройдя через Дарубанди» [Картлис цховреба 2008: 217], что не соответствует действительности.

Грузинский анонимный хронист XIV в. также обходит стороной события, связанные с монголами в Ширване, однако приводит обширные сведения о действиях монголов после их вторжения в Северный Кавказ. Он пишет, что они «пошли по дороге Дарубандской и потому как не смогли противостоять им ни ширваниах, ни дарубандцы, прошли Врата Дарубандские и вступили в Кипчакию и навязали [здесьнему населению] бой, и во многих местах бились с ними кипчаки, но повсюду одолели татары и так с боями удалились ... И пройдя Кипчакию и обогнув море Дарубандское, достигли Каракурума и предстали перед царем своим Чингиз-каеном» [Картлис цховреба 2008: 337]. Таким образом, грузинский анонимный хронист тоже ошибочно считал, что монголы прошли на Северный Кавказ через Дербентские ворота, и не упомянул сражение на Калке между русско-кипчакскими и монгольскими войсками. Тем не менее его сведения ценны для источниковедения, так как восполняют лакуны в армянских и грузинских хрониках о данных событиях.

7. Заключение

Армяне и грузины с монголами познакомились во время их первого — разведывательного — похода в Закавказье по приказу Чингис-хана в 1220–1222 гг. Этот поход, отмеченный в восточных источниках и сыгравший негативную роль в судьбе армянского и грузинского народов, занимает значительное место в армяно-грузинских хрониках. Сообщения этих двух групп источников взаимодополняют друг друга и позволяют воссоздать максимально целостное и соответствующее исторической действительности представление об этом походе. Кроме того, их сопоставление помогает определить достоверность отдельных сообщений. Армянские источники сообщают, что численность монгольской армии составляла 20 тысяч человек, а ее главнокомандующим был Субэдэй Баатур.

Сопоставительное исследование армяно-грузинских и восточных источников показывает, что монгольские войска вошли в Закавказье в середине декабря 1220 г. Затем между армяно-грузинскими и монгольскими силами произошли три сражения, которые завершились победой монголов. Первое сражение, по всей видимости, состоялось в начале января 1221 г. на юго-восточной границе Закарянской Армении. Второе произошло в том же месяце на берегу реки Котман (Сагим, Бердуджи, Балисцкали?). Третье сражение состоялось в конце 1221 г. или в начале 1222 г. на Хунанской равнине. Письма об этом походе,

отправленные царицей Русудан и Иване-атабеком Папе Римскому Гонорию III, внушают доверие лишь частично, поскольку в них реальность в значительной степени искажена политическими соображениями.

Литература и источники

- Акнерци 1974 — *Григор Акнерци*. История татар. Иерусалим: Тип. св. Яковянц, 1974. 80 с. (На арм.)
- ан-Насиви 1973 — *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насиви*. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Баку: ЭЛМ, 1973. 450 с.
- Айриванеци 1860 — *Мхитар Айриванеци*. История Армении. М.: Тип. Лазаревской семинарии, 1860. 69 с. (На арм.)
- Бунятов 1982 — *Бунятов З. М.* Неизвестная страничка из истории средневековой Грузии // Известия Академии наук Грузинской ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. 1982. № 4. С. 160–163.
- Вардапет 1862 — Всеобщая история, иллюстрированная Варданом вардапетом. Венеция: Святой Лазар, 1862. 184 с. (На арм.)
- Гандзакеци 1961 — *Киракос Гандзакеци*. История Армении. Ереван: АН Армянской ССР, 1961. 426 с. (На арм.)
- Джувейни 2004 — *Джувейни А.* Чингисхан. История Завоевателя Мира / пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. 690 с.
- Ибн ал-Асир 1940 — Материалы по истории Азербайджана из «Тарих ал-Камиль» (Полного свода истории) Ибн ал-Асира / пер. П. К. Жузе. Баку: АЗФАН, 1940. 184 с.
- Ибн ал-Асир 1981 — Арабские источники, II. Ибн ал-Асир. Ереван: АН Армянской ССР, 1981. 442 с. (На арм.)
- Картлис цховреба 2008 — Картлис цховреба. История Грузии / гл. ред. Роин Метревели. Тбилиси: Артануджи, 2008. 454 с.

References

- Aknertsi G. History of the Tatars, Jerusalem: St. Jacob's Cathedral, 1974. 80 p. (In Arm.)
- Shihan ad-Din Muhamad an-Nasivi. The Life of Sultan Jalal ad-Din Mankburny. Baku: Publishing House Elm, 1973. 450 p. (In Russ.)
- Ayriyanetsi M. History of Armenia, Moscow, Lazarian Seminary of Oriental Languages, 1860. 69 p. (In Arm.)
- Buniatov Z. M. Unknown Pages of Medieval Georgia. *Journal of the Academy of Sciences of Georgian SSR, Series of History, Archeology, Ethnography and History of Culture*. 1982. No. 4. Pp. 160–163. (In Russ.)
- The Collection of History Illustrated by Vardan Vardapet. Venice: St. Lazarus Cathedral, 1862. 184 p. (In Arm.)
- Gandzaketsi K. History of the Armenians. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1961. 4226 p. (in Arm)
- Juveyni A. Genghis Khan. The History of the World Conqueror, Written by Ala-ad-Din Ata-Melik Juveyni. Moscow: Magistr-Press, 2004. 699 p. (In Russ.)
- Materials on the History of Azerbaijan from Tarikh al-Kamil (Complete History) Ibn al-Asir. Baku: Azerb. Branch of the Academy of Sciences, 1940. 184 p. (In Russ.)
- Arabic sources, II. Ibn al-Asir. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1981. 442 p. (in Arm.)
- Kartlis Tskhovreba. History of Georgia, Tbilisi: Publishing House Artnauji, 2009. 454 p. (In Russ.)

- Кикнадзе 1966 — *Кикнадзе Зураб*. Еще один грузинской первоисточник об истории Лаша Георгия // Грузия в эпоху Руставели. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 312 с. (На груз.)
- Кикнадзе Z. One More Georgian Source about History of Lasha Georgy. Georgia in the Epoch of Rustaveli. Tbilisi: Publishing House Metsniereba, 1966. 312 p. (In Geo.)
- Мелкие хроники 1951 — Мелкие хроники XIII–XVIII вв. Т. I. Ереван: АН Армянской ССР, 1951. 453 с. (На арм.)
- Minor Chronicles of 13th–18th Centuries. Vol. 1. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1951. 453 p. (In Arm.)
- Мелкие хроники 1956 — Мелкие хроники XIII–XVIII вв. Т. II. Ереван: АН Армянской ССР, 1956. 684 с. (На арм.)
- Minor Chronicles of 13th–18th Centuries. Vol. 2. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1956. 684 p. (In Arm.)
- Мирхонд 2009 — *Мир Мухаммад Бин Сеид Борхан ал-Дин Хавендшах ал Махир бе Мирхонд*. История парков для прогулок. Тегеран: Элми, 2009. 630 с. (На перс.)
- Mir Muhammad Bin Seid Borhan al-Din Khavendshah al Mahir be Mirhond. History of Parks for Walks. Tehran: Elmi, 2009. 630 p. (In Persian)
- Рашид ад-Дин 1952 — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. вторая. М.; Л.: АН СССР, 1952. 315 с.
- Rashid ad-Din. Collection of Chronicles. Vol. 1. Book 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 315 p. (In Russ.)
- Табagua 1984 — *Табagua И. М.* Грузия в архивах и книгохранилищах Европы XIII–XVIII вв. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 333 с. (На груз.)
- Tabagua I. M. Georgia in the Archives of European Book Depositories in the 13th–18th Centuries. Tbilisi: Publishing House Metsniereba, 1984. 333 p. (in Geo.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 3, pp. 427–449, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-427-449

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

Откочевка торгутов в 1771 г.

*Надмид Сухбаатар*¹

UDC 94

The Migration of the Torguts in 1771

*Nadmid Sukhbaatar*¹

¹ Монгольский государственный педагогический университет (14, Бага тойруу, Сухэ-Баторский микрорайон, 14191 Улан-Батор-48, Монголия)

Ph.D., профессор

 0000-0002-0438-5871. E-mail: [na_sukhbaatar4\[at\]msue.edu.mn](mailto:na_sukhbaatar4[at]msue.edu.mn)

¹ Mongolian State Pedagogical University (14, Baga Toiruu, Sukhbaatar district, 14191, Ulaanbaatar-48, Mongolia)

Ph.D., Professor

© KalmSC RAS, 2025

© Nadmid Sukhbaatar, 2025

© КалмНЦ РАН, 2025

© Надмид Сухбаатар, 2025

Аннотация. *Введение.* Откочевка большей части калмыцкого народа в 1771 г. из российского Поволжья в Центральную Азию остается в монголоведении одной из сложных тем, включающей комплекс вопросов. Оценка фактов и событий во многом зависит от характера источников. Даже название народа в историографии разнится, так как оставшиеся в Поволжье ойраты окончательно приняли самоназвание «калмыки», а откочевавших на Алтай называли торгутами, так как они в основном представляли эту этническую группу. В данной статье рассмотрены некоторые моменты откочевки калмыков в Центральную Азию в 1771 г. *Цель работы* — реконструкция общественной и политической картины перекочевки ойратов-торгутов (калмыков) в 1771 г. с привлечением документов из цинских архивов. *Материалы и методы.* В статье анализируются архивные документы, относящиеся к истории торгутов (1731–1772), извлеченные из «Сборника архивных документов на маньчжурском языке о Синьцзяне при династии Цин» (Гуйлинь, 2012), который включает приказы маньчжурских и китайских министров и чиновников по охране западных и северных границ империи Цин, и опубликованные в переводе на монгольский язык (Улан-Батор, 2021 г.). В работе приводится научная критика источника, проведены источниковедческий анализ, обработка и анализ данных, содержащихся в нем, которые с позиции принципов историзма и объективности позволили рассмотреть процесс перекочевки калмыков в контексте рассматриваемой эпохи. *Результаты.* Изучение цинских архивных документов позволяет дополнить данные об откочевке калмыков (ойратов-торгутов) в 1771 г. При анализе ее причин стоит учитывать тот факт, что в 1770 г. во время участия в русско-турецкой войне калмыки получили некоторые финансовые средства, что ускорило принятие ими решения о перекочевке. Из-за теплой зимы более

18 000 семей остались в приволжских кочевьях на правом берегу, не сумев переправиться через реку. 14 ойратских (калмыцких) тайджи, приведшие на территорию Синьцзяна ойратов-торгутов, были в торжественной обстановке приняты маньчжурским императором. В статье приводятся сведения об особенностях выработки политики по отношению к мигрантам, о том, что план создания ойратских сеймов (чуулганов) принадлежал Джанджа-хутухте, об аудиенции, данной 16–24 октября 1771 г. Цяньлуном, о назначении главы ойратских сеймов. *Выводы.* При сопоставлении монгольских и русских письменных источников, секретных докладов маньчжурских министров Шухэдэ, Илэту и Цэбдэн Балчжура, указов Цяньлуна проясняются многие вопросы, в том числе о целях, времени начала откочевки, маршруте, количестве участников, политике России и маньчжуров. Откочевка торгутов 1771 г. оставила темный след в истории ойратского народа, нанесла ущерб их территориальной целостности, росту численности населения и, соответственно, будущему развитию. Маньчжуры же смогли за их счет укрепить свои западные границы.

Ключевые слова: откочевка, ойраты, калмыки, торгуты, Волга, Или, маньчжурский император, Убаши, казахи, исторические источники

Для цитирования: Надмид Сухбаатар. Откочевка торгутов в 1771 г. // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 427–449. DOI:10.22162/2500-1523-2025-3-427-449

Abstract. Introduction. The migration of the majority of the Kalmyk people from the Russian Volga region to Central Asia in 1771 remains one of the most complex topics, including a range of issues. The assessment of facts and events largely depends on the nature of the sources, and the topic remains one of the most relevant in Mongolian studies. Even the name of the people in historiography is different, since the Oirats who remained in the Volga region finally adopted the self-designation “Kalmyks”, and those who migrated to Altai are called the Torguts, since they mainly represented this ethnic group. This article examines some aspects of the migration of the Kalmyks to Central Asia in 1771. *The purpose* of the work is to reconstruct the social and political picture of the migration of the Oirat—Torguts (Kalmyks) in 1771 using documents from the Qing archives. *Materials and methods.* The article analyzes archival documents related to the history of the Torguts (1731–1772), extracted from their “Collection of archival documents in the Manchu language on Xinjiang during the Qing Dynasty” (Guilin, 2012), which includes orders from Manchu and Chinese ministers and officials for the protection of the western and northern borders of the Qing Empire, and published in translation into Mongolian (Ulaanbaatar, 2021). The work undertakes a source analysis, scientific criticism of the source, processing and analysis of the data contained in the source, which, from the standpoint of the principles of historicism and objectivity, allowed us to consider the process of Kalmyks migration in the context of the era under consideration. *Results.* The study of Qing archival documents makes it possible to supplement the data on the migration of the Kalmyks (Oirats-Torguts) in 1771. When considering the reasons for the migration of 1771, it is worth considering the fact that in 1770 during their participation in the Russian-Turkish war, the Kalmyks were able to receive some material reinforcements, which accelerated their decision to migrate. Due to the warm winter, more than 18,000 families remained in the Volga nomads on the right bank, unable to cross the river. The 14 Oirat (Kalmyk) Taishi, who brought the Oirat-Torguts to the territory of Xinjiang, were received in a solemn ceremony by the Manchurian emperor. The article provides information about the specifics of policy-making in relation to migrants, that the plan for the creation of the Oirat seimas (Chuulgans) belonged to the Janja Hutukhta, about the audience on October 16-24, 1771 at Qianlong, about the appointment of the head of the Oirat seimas. *Conclusions.* When comparing Mongolian and Russian written sources, the secret reports of the Manchu

ministers Shuhede, Iletu and Tsebden Balchur, and the Qianlong decrees, many questions become clear, including the goals, the time of the start of the migration, the route, the number of participants, and the policies of Russia and the Manchus. The migration of the Torguts in 1771 has left a dark mark on the history of the Oirat people, damaged the territorial integrity, population growth and, consequently, future development. The Manchus were able to strengthen their western borders due to them.

Keywords: migration, Oirats, Kalmyks, Torguts, Volga, Ili, Manchu Emperor, Ubashi, Kazakhs, historical sources

For citation: Nadmid Sukhbaatar. The Migration of the Torguts in 1771. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol.17. Is. 3. Pp. 427–449. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-427-449

1. Введение

Откочевка торгутов, составлявших большую часть населения Калмыцкого ханства, в 1771 г. в Центральную Азию, в пределы разгромленного к тому времени цинами Джунгарского ханства, оставила темный след в истории ойратов, нанеся ущерб их территориальной целостности, росту численности населения и будущему развитию. Маньчжурская власть, приняв прикочевавших в Или, заселила свои западные границы кочевниками, создав тем самым буфер против западных государств. Прибывшие ойраты были представлены торгутами, и данный этноним употребляется их потомками до настоящего времени. Этим и обусловлено использование в настоящей работе терминов «ойраты» и «торгуты» по отношению к ним. Ко времени их откочевки среди населения Калмыцкого ханства, образованного в российском Поволжье, уже получил распространение этноним *хальмг* ‘калмык’, еще не укрепившийся в самосознании ойратов, и только с конца XVIII в. он стал широко использоваться ими. В последний зимний месяц года Белого Тигра, по европейскому календарю — 5 января 1771 г., ойраты (калмыки), кочевавшие на Волге, начали откочевку в Центральную Азию, туда, где прежде были их кочевья, частью которых являлась территория Джунгарии, обезлюдевшая в результате разгрома Джунгарского ханства цинскими войсками во второй половине 1750-х гг. Цель исследования — реконструкция общественной и политической картины перекочевки торгутов в 1771 г.

2. Материалы и методы

Сведения об участниках, о времени откочевки, причинах, маршруте и ее завершении стали появляться в трудах исследователей начиная с 1776 г. Впервые этот вопрос был рассмотрен в работе П. С. Палласа «*Sammlungen historischer Nachrichten ber die Mongolischen V lkerschaften*», изданной на немецком языке в 1776 г. [Pallas 1776]. В целом вся информация, изложенная П. С. Палласом, аналогична содержанию источника «*Xalimaq xādiyīn tuujūiyigī xurājī bičiqsen tobči orošibai*» («Хальмг хаадудын туужиг хураж бичигн тобч оршиба») [Хальмг хаадудын 1991; Краткая история калмыцких ханов 1907]. Неизвестно, где, когда и кем был составлен данный источник [Краткая история калмыцких ханов 1907: 1–23], но на основании сведений о том, что «...в год Огненной овцы (1787 г.) в Могилевской губернии взяли в плен 1 784 российских подданных и ... впервые вступили в российские пределы» [Краткая история калмыцких ханов 1907: 13], можно предположить, что он был написан после 1787 г. Источник содержит датировки в соответствии как с калмыцким, так и с европейским календарями.

В нем в сжатом виде изложен исторический путь волжских ойратов, описаны события 1757 г., когда на престол воссел Дондук-Даши, а также рассмотрен процесс откочевки 1771 г. и ее результаты. Первоначально этот письменный памятник был основным источником информации для европейских исследований.

Позднее Н. Я. Бичурин в книге «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» значительно дополнил материалы из указанного источника, обогатив его историческими сведениями [Бичурин 1834; Бичурин 2015].

При изучении откочевки 1771 г. обычно используются маньчжурские официальные исторические хроники: «О присоединении торгутов» (1771) [Баадай 1992] и «Записки о великих дарах, пожалованных торгутам» (1771) [Ойрад монголын 2001], написанные на китайском, маньчжурском, монгольском и тибетском языках, «Илэтхэл шастир» (1795) [Зарлигаар тогтоосон 2007; Зарлигаар тогтоосон 2020; Илэтхэл шастир 1990] и «Мэн-гу-ю-му-цзи» («Записки о монгольских кочевьях») (1846) [Мэн-гу-ю-му-цзи 1895; Чжан Му 1998].

Изданные в последнее время несколько источников позволяют нам сравнить и уточнить данные по изучаемому вопросу, в частности дате, месте и причинах откочевки. На основе собрания архивных документов под названием «Сборник архивных документов на маньчжурском языке о Синьцзяне при династии Цин» [Циндай Синьцзян 2012], которое включает приказы маньчжурских и китайских министров и чиновников по охране западных и северных границ империи Цин, и в частности отобранных из этого собрания документов, опубликованных в переводе на монгольский язык в г. Улан-Баторе [Торгуудын түүхэнд 2021], нами рассмотрены некоторые моменты откочевки калмыков в Центральную Азию в 1771 г.

В 2012 г. Первый исторический архив КНР и Научно-исследовательский центр по изучению географии и истории формирования границ Китая совместно издали «Сборник архивных документов на маньчжурском языке о Синьцзяне при династии Цин» [Циндай Синьцзян 2012] (далее — Сборник), состоящий из 283 томов. Всего в него вошли 72 812 факсимиле документов, датирующихся 1730–1911 гг. Сборник содержит указы, приказы маньчжурских императоров, распоряжения, доклады губернаторов и чиновников, служивших на западных и северных границах империи Цин. Связанные с историей торгутов 253 документа, датируемые 1731–1772 гг. и извлеченные из 14 томов (1–2, 5, 19–22, 26, 100–105) данного сборника, были переведены с маньчжурского на монгольский язык и опубликованы в Улан-Баторе в 2021 г. [Торгуудын түүхэнд 2021: 102].

В работе проведены источниковедческий анализ, научная критика источников, приводится обработка и анализ данных, содержащихся в источниках, которые с позиции принципов историзма и объективности позволили рассмотреть процесс откочевки калмыков в контексте рассматриваемой эпохи.

3. Причины откочевки

Имеются разные точки зрения на вопрос о причинах откочевки.

В качестве первой причины можно рассматривать ситуацию, сложившуюся в системе управления Калмыцкого ханства, которая была ограничена в связи с реформой Зарго. Реформа 1762 г. ограничивала властные функции намест-

ника ханства. *«После Аюки-хана Церен-Дондук, Дондук-Омбо и Дондук-Даши были провозглашены Россией ханами. Российская царская власть ежегодно выплачивала торгутскому хану 100 000 рублей, а восемь членов суда Зарго — заргучей — не получали жалованье»*¹ [Торгуудын түүхэнд 2021: 102]. До возвышения Убаши-хана все восемь заргучи подчинялись калмыцким ханам, они представляли сословие зайсангов [Цюрюмов 2003: 164]. В начале правления Убаши была проведена реформа Зарго. Число членов Зарго было увеличено до девяти, главным заргучи был назначен нойон Цебек-Дорджи. Члены Зарго не выбирались, а назначались, для уменьшения зависимости членов Зарго (зайсангов) от своих владельцев им назначалось жалованье [Цюрюмов 2003: 169]. Таким образом, с самого начала правления Убаши российское правительство стало принимать активное участие во внутренних делах калмыков. Заргучи назначались российскими властями, к тому же они стали получать выплаты, т. е. их стали финансировать. Нойон Цебек-Дорджи сначала обсуждал вопросы вместе с заргучи и только затем докладывал наместнику Убаши. Членами Зарго были зайсанги, главным заргучи назначался нойон, который являлся посредником между Зарго и наместником. Это привело к тому, что они становились все более подозрительными по отношению друг к другу, утрачивалось и доверие к России. Шестеро из девяти заргучи — Цебек-Дорджи, Даши-Дондук, лама Лоузан Джалчин, Ганцогт, Цаган-Манджи и Джамба — откочевали на Или [Торгуудын түүхэнд 2021: 107].

Согласно «Краткой истории о калмыцких ханах», после Дондук-Даши на ханский престол мог претендовать Цебек-Дорджи, поскольку Убаши был малолетнего возраста. Российские власти, воспользовавшись внутренними противоречиями калмыков, использовали Цебек-Дорджи как инструмент для ослабления и дробления их власти [Краткая история калмыцких ханов 1907: 17–18].

Вторая причина откочевки 1771 г. — обстоятельства, сложившиеся после разгрома Джунгарского ханства. Послы Дондук-Даши — Чойджав и лама Джамба — прибыли от маньчжурского императора с сообщением: *«...Теперь казахи и джунгары стали моими подданными. Ваш торгутский хан должен последовать их примеру»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 102]. С 1701 г. стало затруднительным отправление послов из Калмыцкого ханства в Тибет и Маньчжурию через земли казахов. В 1756–1757 гг. послы, вернувшиеся из Тибета, сообщали о том, что земли джунгаров опустели, и это послужило для них главным стимулом к перекочевке в Центральную Азию [Торгуудын түүхэнд 2021: 56]. Дополнительной причиной к откочевке послужило желание осуществлять более тесные связи с религиозными буддийскими центрами [Митруев 2023: 8–43].

На наш взгляд, выбор времени откочевки был связан с тем, что в 1770 г. появилась возможность материально подготовиться к миграции, так как *«в позапрошлом году (1769), во время русско-турецкой войны, торгуты были направлены на передовую, но после одержанной победы весь трофей достался русским»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 102]. Ранее случалось так, что они, сражаясь на передовой, несли большие потери, но оставались без трофеев. В 1770 г. торгуты, также выступив против турков, одержали победу, и в этот раз им как победителям достались трофеи, которые материально их укрепили. Выждав удобный момент, торгуты начали свою откочевку [Торгуудын түүхэнд 2021: 102].

¹ Здесь и далее перевод мой. — Н. С.

4. Инициатива откочевки

После смерти Дондук-Даши (ок. 1690–1761) его сын Убаши не сразу был утвержден наместником ханства. В первый же год его правления была осуществлена реформа Зарго. Членов Зарго — заргучи — стали утверждать российские власти.

Согласно «Краткой истории калмыцких ханов», до утверждения Убаши наместником ханства в Зарго выбирали зайсангов исключительно из числа торгутов. Когда Убаши был утвержден императрицей Екатериной II в качестве наместника, в Зарго стали избирать зайсангов из представителей разных этнических групп — от торгутов, дербетов и хошутов. Был издан указ, в котором говорилось: *«Пусть их князья выбирают. Если заргучи не подчинятся, то пусть хан их накажет»* [Краткая история калмыцких ханов 1907: 18]. Именно реорганизация института заргучи нарушила прежние политико-социальные традиции калмыков, что породило недоверие к России и привело к откочевке «на Алтай» [Хальмг хаадудын 1991: 196].

Ряд исследователей полагал, что инициатива о возможной откочевке была выдвинута впервые в 1767 г. [Эрдей 2014: 145]. Несмотря на сообщения о том, что она готовится, российские власти не фиксировали на них свое внимание. *«Первое детальное сведение о совещаниях заговорщиков и о предмете обсуждений содержалось в письме Замьяна Н. А. Бекетову от 28 февраля 1767 г.»* [История Калмыкии 2009: 425]. Хошутский князь Замьян сообщил астраханскому губернатору Н. А. Бекетову о готовящемся бегстве калмыков [Болормаа 2008: 145]. Вместе с тем известен факт, что *«во избежание нежелательного хода событий Н. А. Бекетов предлагал вызвать ко двору главных зачинщиков, к каковым относил нойонов Цебек-Дорджи, Бамбара, Еремпила, Шеаренга, зайсанга Даши-Дондука, ламу Лоузанг-Джалчина, и произвести следствие»* [История Калмыкии 2009: 426].

В «Краткой истории калмыцких ханов» говорится, что инициаторами откочевки выступили нойоны Цебек-Дорджи и Шеаренг. Эту информацию повторили все последующие исследователи. В письме министра пограничных дел маньчжурскому хану говорится: *«Убаши, Цебек-Дорджи, Бамбар, Генден-Норбо и Еремпил договорились о совместном побеге. Шеаренг же, сбежавший из Джунгарии после разгрома Цинами, подозревался в выдаче тайны российской стороне»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 152]. Позднее, во время встречи Убаши с Шеаренгом, на предложение о принятии подданства Поднебесной последний ответил: *«Я давно предлагал уходить»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 152].

Убаши сообщил Шеаренгу об откочевке гораздо позже. Поскольку Шеаренг после прибытия на Волгу оставался в центре внимания русских, Убаши опасался утечки информации [Торгуудын түүхэнд 2021: 102]. Поэтому мнение о том, что Шеаренг был инициатором идеи откочевки, не выдерживает критики.

5. Время откочевки

В одном из рапортов говорилось: *«...Убаши осенью прошлого года (1770), переправившись через Волгу, направился в Хунхер. Затем, 17 января 1771 г., Убаши, Моомут, собрав войска и подданных, объявили ложную дату о походе против казахов»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 195].

В «Краткой истории калмыцких ханов» подробно описан процесс откочевки: «...в год Железа / Зайца (1771), 5 января, оставив своих соотечественников на правом берегу Волги, поклонившись божествам, взяв имущество и скот, 33 000 семей, в том числе женщины и дети <...> отправились в свои прежние джунгарские земли» [Краткая история калмыцких ханов 1907: 19].

Об ойратах, оставшихся на правом берегу Волги, сообщается: «Мать Убаши — Няндаг, дербетский Цебек-Убаши, хошутский Замьян и Убаши с подданными — более десяти тысяч семей — не смогли переправиться через реку и вынуждены были остаться» [Торгуудын түүхэнд 2021: 214].

Было два разных мнения по поводу маршрута откочевки. Шеаренг предложил идти от озера Иссык-Куль, Хох-Ус (*kikus*), Хар Тал (*hara tala*) и Эрgebчи (*erkebcı*) до Тарбагатая. Но Джундой и Дергечи заявили, что если они пойдут этим путем, то они подвергнутся грабежу казахов, поэтому Убаши и Цебек-Дорджи должны идти через озеро Балхаш и степи. Шеаренг последовал за ними. В пути через озеро Балхаш и степи возникла проблема с водой, поэтому «...люди, четыре вида скота и все пожитки все здесь легли, как будто их здесь растоптали» [Торгуудын түүхэнд 2021: 96].

Для переселения ойратов, оставшихся на Волге, маньчжуры начали собирать о них информацию, что очень обрадовало Убаши. И он дал о них подробные сведения: «Подданные Убаши 9 000 семей, или около 40 000 человек, Яндыка — 500 семей, или 2 000 человек, Асарху — 1 000 семей, Маши — 1 000 семей, Цебек-Дорджи — 1 000 семей, численность неизвестна. У хошутского тайджи Замьяна и Теке насчитывается около 200 семей, но численность неизвестна. У дербетского тайджи Цебек-Убаши, Цендена — 5 000 семей. Олетских 30–40 семей. Всего остались 18 000 семей, численность всего населения неизвестна» [Торгуудын түүхэнд 2021: 238]. Возможно, Убаши, пытаясь убедить маньчжуров, что на Волге осталось много людей, преувеличил численность населения. Н. Н. Пальмов, ссылаясь на документы, составленные М. Г. Новолетовым в 1884 г., писал, что вслед за Убаши последовали 30 909 дворов, а 11 198 дворов остались на Волге [Пальмов 1922: 76].

Численность откочевавших из калмыцких степей и прибывших на джунгарские земли оценивается различно. Так, Е. В. Дорджиева приводит данные о том, что, по мнению М. Г. Новолетова и Н. Н. Пальмова, ушли из Нижнего Поволжья 30 909 кибиток, а по данным М. М. Батмаева — с заместником ушли 30 285 кибиток (семей). Н. Я. Бичурин считал, что откочевали 50 000 кибиток, а отдельные исследователи доводили число откочевавших и до 70 000, отмечая, что добрались из них 30 000 семей [Дорджиева 2002: 121]. В. И. Колесник приводит данные ученых о численности откочевавших в 28 000, 30 000, 33 000, даже 70 000 семей, а также сведения о том, что в китайской историографии встречается и цифра в 80 000–90 000 кибиток [Колесник 2003: 239]. Существует подробное исследование, в котором оценивается количество участников похода 1771 г. По мнению Лижэ, с Волги ушли 33 361 семья, или 168 080 человек, а прибыли в Или 15 793 семьи, или 66 073 человека [Лижэ 2008: 9].

6. Происшествия во время откочевки

Российские власти об откочевке ойратов узнали с опозданием, попытка остановить откочевавших с привлечением яицких казаков провалилась, калмыки в январе переправились через Яик [История Калмыкии 2009: 428]. Согласно

маньчжурским источникам, об откочевке узнали через месяц [Чжан Му 1998: 91]. Вслед за откочевавшими торгутами, направившимися в казахские степи, были отправлены 2 000 солдат, погоня оказалась неудачной. По словам пленного казаха, погоню российские власти были вынуждены прекратить, поскольку их лошади были истощены, а колесницы сломаны [Торгуудын түүхэнд 2021: 102]. Маньчжуры знали об откочевке уже к середине мая [Чжан Му 1998: 91]. Вероятно, информацию получили от русских.

Убаши сообщил, что, когда они приблизились к землям казахов, Нурали, Айджибук и Аблай напали на них с отрядом численностью более 20 000 воинов. Убаши, Цебек-Дорджи, Шеаренг, Моомут-Убаши и Эмген-Убаши двинулись навстречу к ним с более чем 10 000 воинами. После этого они разделились на две части. Цебек-Дорджи, Еремпил и лама Лоузан Джалчин, взяв 5 000 воинов, ушли вперед и прибыли в Или первыми. Убаши и Шеаренг остались прикрывать их. Когда Аблай и его люди снова напали, Убаши и Шеаренг взяли несколько человек и встретились с ним. *«Мы собираемся стать подданными маньчжурского императора, а вы уже являетесь его подданными. Вас почтили титулами хана, вана, гуна. Вы должны позволить нам пройти по вашей территории»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 212]. Тогда Аблай вместе с войском отступил, но потом казахи все равно нападали. Казахи и киргизы угнали по 3 000 семей. Переговоры с Аблаем были хорошей тактикой, несмотря на то, что не удалось избежать угона людей.

В «Краткой истории калмыцких ханов» написано: *«С тех пор как Убаши со своими подданными перешел реку Урал и вошел в земли разбойников, начались страдания <...> Вторжения казахов были бесчисленны, и ханы и султаны с многочисленным войском нападали на них. Султан Аючиев напал на калмыков на реке Шикис, Нурлай-хан разбил их между рекой Ор и горой Мугоджар. Султан Аблай напал и многих убил. Таким образом много скота и людей угнали, а имущество разграбили. Так, претерпев лишения, невзгоды, достиг кочевий казахского султана Ирлай (Ералы). Но и здесь испытал горе большее, чем от всех предыдущих казахов»* [Краткая история калмыцких ханов 1907: 21].

7. Слухи об откочевке и как их встретили маньчжуры

Маньчжуры, узнав о прибытии откочевавших, начали планировать, какую тактику избрать по отношению к ним. В некоторых исторических работах, таких, как «Мэн-гу-ю-му-ци» (1846) говорится, что илийский генерал-губернатор приказал казахам: *«Охраняйте свои границы, не позволяйте торгутам войти в пределы вашей территории. Если ослушаются, немедленно их уничтожьте»* [Чжан Му 1998: 91].

Значительно ослабленные торгуты прибыли на р. Или. Убаши провел консультации с правящей верхушкой и ламами в течение 6–7 дней, в результате было принято решение о принятии подданства Цинов. Убаши передал через илийского генерал-губернатора подарки императору: изделие из яшмы, самозаводящиеся часы, фарфоровую посуду, пистолет, золотые и серебряные украшения, а также яшмовую печать с выгравированными китайскими иероглифами, датированную 1410 г. [Чжан Му 1998: 91].

Маньчжуры пытались узнать о перекочевке через различные каналы. Губернатор Или докладывал в Пекин: *«Если торгуты, бежавшие из России, примут*

подданство, то следует подумать об их заселении» [Торгуудын түүхэнд 2021: 203]. Узнав о перекочевке, цинские власти привели свои войска в этом районе в состояние боевой готовности. В 1834 г. Н. Я. Бичурин писал: «Маньчжуры приняли меры предосторожности и выставили 30-тысячную охрану по трем путям: от Кашгара до Халхи, от Или до Бархола и от Чугучака до Улясутая, на расстоянии 7 000 верст» [Бичурин 2015: 109].

Российские власти послали гонца к казаху Абулбишу, которого просили возвратить бежавших торгутов. Абулбиш ответил: «Я об этом не знаю, мой брат Аблай знает» [Торгуудын түүхэнд 2021: 62]. «Мы посетили кочевья Аблая в конце марта этого года. Мы не видели этого своими глазами, а лишь слышали. Некоторые говорят, что их численность составляет 50 тысяч, другие — 40 тысяч» — отметил в своем докладе губернатор Или [Торгуудын түүхэнд 2021: 62].

С 8 июля по 16 июля 1771 г. на Или прибыли две группы переселенцев. 8 июля прибыла первая группа, которую возглавляли торгутский тайджи Цебек-Дорджи и хошутский Еремпил, а 15–16 июля — вторая во главе с торгутским Убаши и Шеаренгом. Илийский губернатор Илэту и Шухэдэ¹ о прибытии двух переселенческих групп доложили императору 29 июля 1771 г. [Торгуудын түүхэнд 2021: 61–64].

Согласно докладу, первая часть переселенцев пришла через Чуй, Талас и Шар Бел. Навстречу им был отправлен хиа² Пусибоа. 8 июля он встретил примерно 100 человек торгутского тайджи Цебек-Дорджи. Гелюнг Нэмэх-Балджир сообщил, что «боялись погони русских, в таком случае не смогли бы выйти целыми. Выступили во время русско-турецкой войны, когда еще не началась мобилизация. Перед этим князья и тайджи, посоветовавшись, решили, что пойдут 60–70 тысяч семей торгутов, дербетов, хошутов и новых³ торгутов. Но более 10 000 семей торгутов и дербетов оказались в ловушке за Волгой, не смогли пересечь реку и вынуждены были остаться. Три брата Цебек-Дорджи с более чем 5 000 семей выступили первыми, и на Шар-Усн сражались с казахским Аблаем» [Торгуудын түүхэнд 2021: 63]. Таким образом были получены первые сведения о месторасположении тайджи, участвовавших в откочевке, и количестве семей.

14 июля в военный штаб прибыли семь человек: торгутский Цебек-Дорджи, его младший брат Ахсахал, лама Лоузан Джалчин, хошутский Еремпил, Буянцог и тайджи Баярлах и Буман. Здесь Цебек-Дорджи сообщил: «В прошлую зиму все посовещались и выехали. Дорога была долгой, в зимний и весенний период скот сильно пострадал. В казахских землях воевали с Аблаем, Эрели и Нурали. Наши люди и скот сильно пострадали» [Торгуудын түүхэнд 2021: 65–66]. Когда Убаши и Шеаренг вели переговоры с Аблаем, то Цебек-Дорджи с 5 000 воинами выехал, чтобы защитить передние ряды переселенцев. Цебек-Дорджи отпра-

¹ Шухэдэ (1710–1777) был назначен в 1772 г. генерал-губернатором Или. В 1749 г. он вместе с генералом Фухэном подавлял восстание, возглавлявшееся Ша Любэнем. В 1752 г. вместе с вице-министром Юйбао Шухэдэ был с армией, направлявшейся для завоевания Джунгарии.

² Помощник нойона.

³ «Новыми» торгутами стали называть тех, кто переселился из Джунгарии в 1750-х гг. в Калмыцкое ханство, в отличие от «старых» торгутов — основного населения этого ханства, принявших российское подданство еще в XVII в.

вил вперед послов во главе с гелюнгом Нэмэх-Джиргалом с целью узнать о расположении маньчжуров и дать им представление о миграции торгутов. Сам Цебек-Дорджи прибыл в маньчжурскую ставку через семь дней после послов [Торгуудын түүхэнд 2021: 103].

Послы второй группы переселенцев прибыли в Царин-Гол 14 июля. Ичанга¹ и олетский Шотон² встретились с 12 послами Убаши, среди которых были Джамба гелюнг, Ганцогт, Цэвээн-гецел, Дамба-Джалцан. 26 июля Илэту и Шухэдэ доложили о скором прибытии Убаши [Торгуудын түүхэнд 2021: 66]. Ичанга и Шотон прибыли в Шар-Булаг на рассвете 15 июля и увидели на берегу р. Или пыль, поднятую копытами лошадей. Это прибыл Шеаренг. Рано утром 5-го числа они отправились в лагерь Шеаренга. Последний, вспоминая события прошлого, говорил: *«Когда сказали прибыть в Улясутай, то в Тарбагатае кто-то сказал нам, что мы все будем убиты, поэтому мы ушли в Россию. Убить или помиловать нас — это воля императора»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 94].

«Новые» торгуты (бежавшие во время войны с цинской армией в 1750-е гг. в Калмыцкое ханство) во время своего пребывания еще в Джунгарском ханстве делились на подданных Батур-Убаши (отец Шар Кюкена) и Шеаренга. В 1758 г. Шеаренг, воюя с армией Танклу и Хошууча, двинулся в сторону России [Ойрад монголын 2001: 164]. Маньчжуры, получив сведения о победе Шеаренга в Россию, *«направили Цэвденжава, Фудэ и Лувсандоржа уничтожить его»* [Ойрад монголын 2001: 159]. Но Шеаренг опередил их и, уничтожив Танклу и его армию, тем самым расчистил путь для своего отступления. Причиной бегства в Россию послужило то, что подданные Дашдаваа, следовавшие за Танклу, сказали им: *«Мы уничтожим вас всех»* [Ойрад монголын 2001: 159]. 14 июля Ичанга, Шотон и еще более 10 человек прибыли в штаб Убаши. Ичанга сообщил цель своего прибытия: маньчжурский император поручил тех, кто принимает подданство, расселить на своей территории. Побег Шеаренга в Россию не будет обсуждаться, и он будет помилован [Торгуудын түүхэнд 2021: 68]. Тогда Убаши обратился к пограничным министрам: *«Позади нас остались наши люди, которые находятся на расстоянии в более 10 дней езды отсюда. Казахи и киргизы в большом количестве взяли их в плен. Поскольку наши лошади не восстановились после долгой дороги, мы не можем отправить людей и встретить их. Если военачальники не отправят им письма с просьбой прекратить грабежи, то оставшиеся люди будут полностью уничтожены»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 97].

Маньчжурские пограничные министры настаивали: *«...жизнь ваших соотечественников зависит от того, как вы быстро предстанете перед императором»*, с чем согласился Убаши [Торгуудын түүхэнд 2021: 68]. И, таким образом, вопрос о визите к Цяньлуну был решен быстро. Шеаренг попытался было сказать, что отправятся в путь *«в хороший день»*, на что Убаши возразил: *«Мы также выехали в хороший день, но на протяжении всего пути столкнулись с трудностями. Теперь все, кто позади нас, испытывают это. И как мы можем выбирать день? Сегодня должны выехать»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 68]. Предвидя, что их дальнейшая судьба решится только во время аудиенции с Цяньлуном, торгуты отправились в летнюю резиденцию императора Бишуншаньжуан. 17 июля выехал Убаши [Торгуудын түүхэнд 2021: 67–69].

¹ Чиновник маньчжурского государства в Или, занимавший должность «Бүгдийн дарга» (т. е. «начальник всех»).

² Маньчжурский военачальник в Или, олет по национальности.

20 июля состоялась встреча Убаши, Шеаренга, Лузанжава, Бамбара и других с илийским губернатором Илэту и Шухэдэ, на которой они обсудили дальнейшую перспективу. Маньчжуры снова заверили, что не будут преследовать Шеаренга и Лузанжава [Торгуудын түүхэнд 2021: 67–69]. Необходимо было составить список тех, кто отправится в летнюю резиденцию. Тем временем маньчжуры продолжали собирать сведения о тайджи, принявших участие в откочевке, численности их подданных, родовой принадлежности и отправляли их в Пекин. Убаши сообщил, что на них совершено несколько нападений со стороны казахов и киргизов, когда они обходили оз. Балхаш, что когда проходили через степи, долгое время не было ни травы, ни воды, и много людей и животных погибло [Торгуудын түүхэнд 2021: 69–71]. Отдельные историки предполагают, что из-за блокады маньчжурской армией некоторое время торгуты не смогли пересечь р. Или [Болормаа 2008: 132]. Тогда же они подверглись нападению со стороны казахов и киргизов. Это близко к правде.

8. Аудиенция у Цяньлуна

4 августа 1771 г. 13 торгутских, хошутских и чоросских тайджи приняли участие в военном параде в Илийском военном штабе, где они показали свое военное мастерство. На следующий день Шухэдэ и хиа Уртнасан выехали по маршруту Или – Урумчи – Бархол – Калган – Летняя императорская резиденция Бишунаньчжуан [Торгуудын түүхэнд 2021: 78]. И на протяжении пути в семи местах — Бархале, Хами, Сучжоу, Ганьчжоу, Лянчжоу, Нинся, Юйлин — цинские власти проводили пышные застолья, наадамы и празднества.

Их сопровождал Цэбдэн Балчжур, знавший монгольский язык [Торгуудын түүхэнд 2021: 92–93].

Таблица 1. Сведения о 13 тайджи, участвовавших в военном параде, и сопровождавших их лицах

[Table 1. Information on the 13 Taiji who participated in the military parade and their escorts]

№	Аймак	Имена тайджи	Возраст	Имена зайсангов и других сопровождающих
1	Хуучин Торгууд (старые торгуты)	Убаши	28	Зайсанги Убаши: Хюч, Совог, Гаваанжамц, Жамба гэлэн, Багдан; Сопровождение Убаши: Харцагай (сын зайсанга Вандана), Мунхжаргал (сын зайсанга Балдана), лама Чойнжор
2		Цебек-Дорджи	38	Зайсанги Цебека-Дорджи: Жавзан, Гаваан-Иш; Сопровождение Цебека-Дорджи: Гаваан, Улзий
3		Эмген-Убаши	34	Зайсанг Эмгена-Убаши (неразборчиво. — <i>Ha. C.</i>); Сопровождение Эмгена-Убаши: лама Шарав.

4		Сын Бамбара Дамбайжалцан	21	Зайсанги Дамбайжалцана: Гаваан, Андуруу; Сопровождение Дамбайжалцана: Мэнд
5		Момонт	40	Зайсанги Момонта: Дайжур, Буруй
6		лама Лоузан Джалчин	43	Сопровождение Лоузан-Джалчина: гелюнг Нэмэх-Банжур, лама Аванжамба, лама Шарав
7	Шинэ Торгууд (новые торгуюты)	Шеаренг	43	Зайсанг Шеаренга: Бабури; Сопровождение Шеаренга: Даши-Церен, Божиг, лама Соном-Озар (сын зайсанга Базара), Бойтон
8		Лузанжав	36	Сопровождение Лузанжава: Дондов, Байбач
9		Шар Кюкен	18	Сопровождение Шар Кюкена: Аюудлэх, Цагаандай, лама Ринчиндаш
10		Делдес	36	Сопровождение Делдеса: Чултун
11	Хошууд (хошуты)	Еремпил	61	Сопровождение Еремпила: Шодог, Гэндэш
12		Гюнге	25	Сопровождение Гюнге: Батцээр, лама Хивзан
13	Цорос (цоросы)	Сын Сандага — Кэнзэ	27	Сопровождение Кэнзэ: Солтон, Басан

Источник: [Торгуудын түүхэнд 2021: 107–108].

Из вышеприведенной таблицы становятся понятными возраст и социальное происхождение основных организаторов откочевки. Лидеру и организатору переселения Убаши было 28 лет, а Цебек-Дорджи — 38 лет. Остальные тайджи тоже были среднего возраста. Таким образом, будучи довольно молодыми, они имели зрелое политическое мышление и смогли организовать столь дальнюю и сложную перекочевку. По дороге от тифа и оспы умерли тайджи Лузанжав, Саран, Андуруу, Рагвасамдан, лама Джамба-гелюнг и Аванджамба. В то же время Дондов, Байбах, Джамба гелюнг, Шарав и Джамба заразились оспой, но выздоровели [Торгуудын түүхэнд 2021: 118, 115, 133].

1 сентября эфу¹ Цэбдэн Балчжур вместе с ойратскими тайджи прибыл в Хами. Согласно указу, губернаторы Феде и Шуандан заранее выстроили солдат в форме и при оружии перед городскими воротами, рынками и министерствами, а также устроили застолье, песнопения и провели монгольское празднество Наадам. Ойратская знать демонстрировала, что очень рада происходящему [Торгуудын түүхэнд 2021: 97].

16 октября они прибыли в Бишусаньчжуан [Торгуудын түүхэнд 2021: 118].

Из указов маньчжурского императора можно видеть, что аудиенция Убаши у маньчжурского императора продлилась с 16 октября по 24 октября 1771 г.

¹ Эфу — звание монгольских князей, женатых на маньчжурских принцессах.

Его встретили в монгольской юрте, и беседа велась на родном им языке. На следующий день состоялся пир, в котором приняли участие 86 монгольских князей [Ойрад монголын 2001: 415].

Князья во главе с Убаши пробыли в Бишушаньчжуане почти месяц. Они проводили свое время на охоте вместе с Цяньлуном, посещая пиры и наблюдая за специально подготовленными празднествами. 3 ноября им были пожалованы титулы. Для этого уже с 23 сентября шла подготовительная работа. Из военного ведомства был отправлен приказ Джанжа-хутухте составить список князей и титулов [Торгуудын түүхэнд 2021: 111]. Из более поздних исторических событий известно, что план дарования титулов и создания чуулгана, задуманный Джанжа-хутухтой, был реализован.

Очевидно, что при присвоении титула учитывались многие обстоятельства, такие, как количество бывших с тайджи подданных и его статус во время пребывания на Волге. Пекин постоянно оказывал давление на илийских министров, требуя предоставить данные о численности населения. Последние сообщали, что *«согласно указу, мы старательно допросили тайджи, дарга торгутов, хошутов, олетов и записали численность их подданных по окончании переправы через Или и представили вам, дополнив сведениями о некоторых опоздавших тайджи»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 119–120].

В документе говорится: *«Присвоить титул хана — тайджи старых торгутов Убаши. Его подданные составляют более 20 000 дворов, или 110 000 человек. Перешли р. Или 8 251 двор, или 35 909 человек. <...> Зоригту¹ был объявлен ханом старых торгутов чуулгана Унэн-Сужигту. Тайджи старых торгутов Цебек-Дорджи получил титул чин-вана. Его подданные составляют более 4 000 дворов, или более 21 000 человек. Перешли реку Или 2 151 двор, или 9 565 человек...»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 128–132]. И таким образом были перечислены имена 45 князей.

Когда ойратские князья во главе с Убаши собрались в обратный путь, то в храме Ботула императорской резиденции были воздвигнуты два памятника, на которых были высечены надписи Цяньлуна: *«О принятии подданства торгутами»* и *«Записки о великих дарах, пожалованных торгутам»*. Содержание надписей на обоих памятниках, начинающихся словами: *«Хотя изначально были виновны, но под конец приняли подданство. Их никто не завоевывал, они сами изъявили желание стать подданными»*, отражает дискриминационную политику маньчжурского государства по отношению к торгутам, принижающую их, напоминая предысторию, описывая характер помощи и поддержки, оказанных маньчжурским ханом.

9. Обратный путь из дворца. Назначение чуулган-дарги

Торгутов по решению маньчжурских властей при отправлении в обратный путь разделили на 4 группы. Это связано с тем, что после принятия маньчжурского подданства не все ойратские князья согласились с этим, они сомневались и считали, что в целом переселение оказалось безуспешным. За ними постоянно следили, в том числе за их взаимоотношениями. Из докладов видно, что Убаши, Шеаренг и Шар Кюкен состояли в одной группе, Гунге и Цебек-Дорджи — в другой, а большие — шли позади.

¹ Титул, дарованный Убаши.

Маршрут планировался следующим: летняя резиденция Бишунаньчжуан – Харчин – Улясутай – Ховд – Тарбагатай – Ховогсайр. Но так как дорога от Ховда до Тарбагатай дальняя и лагерь сложно было разбить, а после обильного снегопада стало трудно передвигаться и было решено идти по маршруту Бишунаньчжуан – Великая Стена – Долон-нур – р. Туй – Бархол и далее по той же дороге, что преодолели ранее [Торгуудын түүхэнд 2021: 124–125]. За один день они проходили 50 км и 18 ноября прибыли в Чифэн [Торгуудын түүхэнд 2021: 140].

Поскольку при назначении Убаши главой сейма Унэн-сужигту (чуулган-даргой) оставались сомнения, организация хошунной системы, выдача печати, наград были временно переданы в ведение Министерства церемоний [Торгуудын түүхэнд 2021: 151].

По просьбе Шеаренга его вместе с подданными поселили в окрестностях Ховда и Алтай. Его назначили чуулган-даргой сейма Чин-Сетхильту, а заместителем — Шар Кюкена. И, соответственно, решение вопросов о печатях, организации хошунной системы возлагалось на Министерство [Торгуудын түүхэнд 2021: 127–128].

Маршрут Шеаренга, Шар Кюкена и Делдеса был следующим: р. Туй – Бархол – Урумчи – Чжайр – Улясутай – Ховд [Торгуудын түүхэнд 2021: 141]. 28 ноября Джифу и Аюш создали ойратских тайджи в местности Толь Булган, где объявили о назначениях Шеаренга и Шар Кюкена. Убаши промолчал, но после того, как толпа разошлась, он сказал чиновнику Барану: *«Даровали землю Шеаренгу и назначили чуулган-даргой. Я же не был упомянут в указе. В России у нас не было такой должности. Эти люди пришли после меня. Среди нас мало семей Шеаренга, а Бамбара — много»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 150–151].

В рапорте Шударга баатар-гуна Фулунга от 2 ноября 1771 г., адресованного Шухэдэ¹, сообщалось о конфликте Убаши с Шеаренгом. Эмгэн-Убаши и Момонт поддерживали Убаши, поэтому их приказали поселить далеко от него [Торгуудын түүхэнд 2021: 149–150]. По мнению Шухэдэ, за это время пыл Убаши должен был охладиться, ожидалось, что он станет более смиренным. Шухэдэ приказали организовать дербетские и хойтские хошуны и назначить им чуулган-даргу [Торгуудын түүхэнд 2021: 160–164].

Носхай, торгутский тайджи 3-го ранга, отставший из-за болезни в Или, выразил желание остаться там. Это шло на руку маньчжурским властям, которые считали, что *«необходимо заселить торгутских тайджи далеко друг от друга»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 176].

При реализации плана по дарованию титулов и организации чуулганов (сеймов) и хошунов, первоначально составленного Джанжа-хутухтой, было задумано так, чтобы сторонников Убаши-хана определить в дальние кочевья. Зимой 1771 г. они были перемещены из Или в Чжайр и на Иртыш.

Процесс организации сеймов продолжался несколько лет, и окончательно они получили оформление в 1783 г. Торгутов разделили на «старых» и «новых». Старые торгуты образовали хошун Унэн-сужигту, они в свою очередь были подразделены на южных, северных, восточных и западных (см. табл. 2).

¹ Шухэдэ сменил Илэту на посту губернатора Или в 1772 г. и являлся илийским цзянцзюнем до 1774 г.

Таблица 2. Численность караванов и населения — подданных ойратских нойонов
 [Table 2. The number of caravans and the population of the subjects of the Oirat Noyons]

№	Имя	Посещал ли дворец	Численность населения в Поволжье	Численность населения, пришедшего на Или	Присвоенные титулы и звания
1	Убаши, тайджи старых торгутов	да	более 20 000 семей, более 110 000 чел.	8 251 семья, 35 909 чел.	Зоригту-хан аймака торгутов
2	Цебек-Дорджи, тайджи старых торгутов	да	более 4 000 семей, более 21 000 чел.	2 151 семья, 9 565 чел.	Буянт чин ван аймака старых торгутов Унэн Сужигту
3	Шеаренг, тайджи новых торгутов	да	более 500 семей, более 2 100 чел.	139 семей, 595 чел.	Билигт жун ван аймака новых торгутов Чин сэткэлту
4	Бамбар, тайджи старых торгутов	Нет, был сын Дамбайжалцан	более 2000 семей, более 5 000 чел.	852 семьи, 3 370 чел.	Бишрэлт жун ван. Дамбайжалцан тайджи первого ранга.
5	Гэндэн Норбо, тайджи хошутов	Нет, был младший брат Гунге	более 1 000 семей, более 5000 чел.	762 семьи, 3 158 чел.	Тушээт бэйлэ аймака хошутов Бат сэткэлту
6	Вандан, тайджи старых торгутов	нет	более 1 000 семей, более 4 000 чел.	615 семей, 2 029 человек	Улзийт бэйлэ
7	Хэвтэн, тайджи старых торгутов	нет	около 800 семей, примерно 4000 чел.	559 семей, 2 191 чел.	Итгэлт бэйлэ
	Момонт, тайджи старых торгутов	да	более 1 000 семей, более 4 000 чел.	462 семьи, 2 018 чел.	Жаргалт бэйлэ
8	Еремпил, тайджи хошутов	да	более 300 семей, более 1 000 чел.	244 семьи, 1 161 чел.	Амирлангуй бэйсэ
9	Эмгэн-Убаши, тайджи старых торгутов	да	400 семей, 2 000 чел.	200 семей, 842 чел.	Баярт бэйсэ
10	Байжих, тайджи старых торгутов	нет	более 200 семей, более 2 000 чел.	131 семья, 620 чел.	Амгуулагч бэйсэ
11	Шар Кюкен, тайджи новых торгутов	да	более 400 семей, более 2 000 чел.	98 семей, 282 чел.	Учралт бэйсэ

12	Нохай, тайджи хошутов	да	более 256 семей, более 1 400 чел.	104 семьи, 460 чел.	Учралт бэйсэ
13	Бэр Хашиха, тайджи старых торгутов	нет	неизвестно	108 семей, 467 чел.	Туслагч гун
14	Рагва, тайджи старых торгутов (отец Бусурман)	нет	140 семей, более 700 чел.	107 семей, 311 чел.	дзасак, тайджи первого ранга
15	Лузанжав, тайджи новых торгутов	да	более 100 семей, более 400 чел.	68 семей, 350 чел.	дзасак, тайджи первого ранга
16	Цогт, тайджи старых торгутов	нет	более 100 семей, более 500 чел.	неизвестно	дзасак, тайджи первого ранга
17	Багбан, тайджи хошутов	нет	150 семей, более 450 чел.	77 семей, 286 чел.	дзасак, тайджи первого ранга
18	Мёнген, тайджи хошутов	нет	100 семей, более 500 чел.	74 семьи, 266 чел.	дзасак, тайджи первого ранга
19	Баярлах, тайджи хошутов	нет	100 семей, более 500 человек	60 семей, 274 человек	дзасак, тайджи первого ранга
20	Цэдэн, тайджи старых торгутов	нет	неизвестно	70 семей, 211 чел.	дзасак, тайджи первого ранга
21	Бор, тайджи старых торгутов	нет	неизвестно	53 семьи, 202 чел.	дзасак, тайджи первого ранга
22	Норовцэрэн, тайджи новых хошутов	нет	более 100 семей, более 500 чел.	67 семей, 183 чел.	тайджи первого ранга, без слуг
23	Уранхай, тайджи новых торгутов	нет	78 семей, более 400 чел.	44 семьи, 180 чел.	тайджи первого ранга, без слуг
24	Галдан Норбо, тайджи хошутов	нет	неизвестно	41 семья, 150 чел.	тайджи первого ранга, без слуг
25	Занашир, тайджи хошутов	нет	более 100 семей, более 500 чел.	41 семей, 149 чел.	тайджи первого ранга, без слуг
26	Уйзэн, тайджи старых торгутов	нет	неизвестно	40 семей, 144 чел.	тайджи первого ранга, без слуг
27	Жавзан, тайджи хошутов	нет	неизвестно	40 семей, 125 человек	тайджи первого ранга, без слуг

28	Бадам, тайджи хошутов (сын Галдан Норбо)	нет	неизвестно	34 семей, 156 человек	тайджи первого ранга, без слуг
29	Делдес, тайджи новых торгутов	да	23 семьи, более 150 чел.	9 семей, 29 чел.	тайджи первого ранга, без слуг
30	Дэвзэн, тайджи хойтов	нет	более 100 семей, более 500 чел.	неизвестно	тайджи сул дэд зэрэг
31	Ринчиндаваа, тайджи новых торгутов	нет	40 семей, более 200 чел.	23 семьи, 96 чел.	тайджи второго ранга, без слуг
32	Ерин, тайджи хойтского отока Долоод	нет	неизвестно	14 семей, 63 чел.	тайджи второго ранга, без слуг
33	Шэрэн, тайджи хойтского отока Долоод	нет	неизвестно	21 семья, 172 чел.	тайджи второго ранга, без слуг
34	Тугсмуних, тайджи хойтского отока Долоод	нет	неизвестно	19 семей, 95 чел.	тайджи второго ранга, без слуг
35	Номхон, тайджи хошутов	нет	неизвестно	21 семья, 73 чел.	тайджи второго ранга, без слуг
36	Бабулдаг, тайджи хошутов	нет	неизвестно	16 семей, 58 чел.	тайджи гутгар зэрэг
37	Ноён гэлэн, тайджи хошутов	нет	неизвестно	10 семей, 48 чел.	тайджи третьего ранга
38	Сандаг, тайджи цоросов	нет	20 семей, более 80 чел.	11 семей, 42 чел.	тайджи третьего ранга
39	Баатар, тайджи хошутов	нет	неизвестно	9 семей, 41 чел.	тайджи третьего ранга
40	Төгөл, тайджи хошутов	нет	неизвестно	4 семьи, 38 чел.	тайджи четвертого ранга
41	Занам, тайджи хошутов	нет	неизвестно	5 семей, 33 чел.	тайджи четвертого ранга
42	Лувсан, тайджи хошутов	нет	неизвестно	7 семей, 30 чел.	тайджи четвертого ранга
43	Чурум, тайджи хошутов	нет	неизвестно	17 чел.	тайджи четвертого ранга
44	Жарин, тайджи хойтского отока Их Мянган	нет	неизвестно	3 семьи, 12 чел.	тайджи четвертого ранга
45	Занам, тайджи новых торгутов	нет	неизвестно	5 семей, 33 чел.	тайджи четвертого ранга

Маньчжуры проводили политику «разделяй и властвуй»: разделив торгутов, ограничили власть Убаши; князьям даровали титулы, а Убаши не назначили сразу чуулган-даргой; организацию хошунов и чуулгана оставили на свое усмотрение в зависимости от развития ситуации.

10. Положение кочевников

О реальном положении торгутов на новом месте имеются два доклада Шухэдэ от 1 и 22 июля 1771 г., которые являются важными источниками для понимания того, насколько изнурительной была откочевка и тяжелыми были положение и условия жизни кочевников. В них говорится, что *«положение дел, действительно, сложное. Не просто сложное, а все доведено до изнеможения. Верблюды и лошади хотя есть, но весьма худые. Коров практически нет. Одежда на них рваная, на ногах у большинства не видно обуви. Дети голые, без одежды. Не то что юрты, даже одной палатки нет. В степи они делали шалаши»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 84–85].

В докладе от 31 августа 1771 г. сказано: *«На обратном пути из Или много встретил людей, умерших от болезней. Когда спросил о причине, то сообщили, что многие умерли от голода. Они выехали зимой, а сюда приехали уже летом. По пути много воевали. Когда монгольские юрты и палатки закончились, пережидали ветер и дождь под открытым небом, а в степи много дней искали воду. Пили плохую воду, ели мясо мертвых животных, и они умирали от диареи и лихорадки. Очень часто они испытывали голод, и когда находили еду, то ели досыта жирное мясо. Когда поднималась температура тела, они садились в холодную воду, и через несколько дней заболели и умирали»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 95–96].

Ситуация продолжала ухудшаться и после посещения тайшами летней императорской резиденции Бишунаньчжуан. Это было связано с наступлением холодов, а также с началом эпидемии оспы.

1 января 1772 г. Оджин и Асха доложили Шухэдэ, что люди Убаши по-прежнему страдают от многих болезней и лишь немногие из них выздоравливают. Из 22 490 человек умерли более 3 390 [Торгуудын түүхэнд 2021: 177].

В докладе Шухэдэ от 28 января 1772 г. говорится, что когда он приехал в местность Хур-Хар-Ус, умерла жена Убаши. Чтобы укрыться от ветра и холода, кочевники разбрелись в разные стороны и, соответственно, отошли подальше от назначенного места. Скот, выделенный для них, либо украли, либо они сами его употребили в пищу, но большей частью они были настолько больны, что не могли заботиться о животных. Осталось очень мало скота. У Момонта из 10 418 голов скота остались 3 696; у Цебек-Дорджи из 7 719 — 1 480; у Убаши из 37 464 — 9 274. У Убаши насчитывалось более 6 000 верблюдов. *«Если они попросят скот, скажите, что ранее им уже выделяли. Если же будут настаивать, то следует обменять верблюдов на коров и овец»* [Торгуудын түүхэнд 2021: 187–188].

Когда откочевавшие только прибыли, маньчжуры оказали им помощь лошадьми, скотом и провизией. Об этом свидетельствует каменная надпись под названием «Записки о великих дарах, пожалованных торгутам», в которой говорится, что *«95 500 голов лошадей, крупного рогатого скота и овец были куплены у цахаров и олетов, 140 000 голов – в Дарьганге, Шанду и Давсан, а также дали*

еду и одежду» [Ойрад монголын 2001: 41]. Однако источники свидетельствуют, что при обеспечении скотом и едой, кроме тщательных подсчетов, цинские власти имели далеко идущие планы. «...Если раздать им земли, а также дать скот, то они смогут здесь устроиться. Но думаем, что верблюдов у них меньше и силы слабые» [Торгуудын түүхэнд 2021: 187–188]. Из доклада Шухэдэ видно, что скрытая и тайная политика маньчжуров в отношении торгутов на этот раз осталась прежней: уменьшить силу торгутов, поддерживать их на уровне выживания. Акцент на численности верблюдов был связан с оценкой возможности откочевки прибывших обратно: без верблюдов они не смогли бы откочевать.

В докладе от 17 марта 1772 г. Шухэдэ отмечает, что узнал от Асха: «Убаши, похоже, боится быть опекаемым, кроме того, все его лошади украдены. Теперь Убаши не в состоянии ничего решать, поскольку воровство и ложь среди них весьма распространены. Своих лошадей всех забили на мясо, а теперь покупают мясо. У живого верблюда вырезают аорту и тут же пьют его кровь. Сначала я не поверил, но кочевники, которые поселились поблизости, видели это собственными глазами» [Торгуудын түүхэнд 2021: 224–225].

Голод, болезни и холод серьезно сказались на положении не только простых кочевников, но даже тайджи. Прибыв на р. Или, погибли торгутский Момонт — от рецидива хронической болезни, Норов-Церен, мать Шеаренга, умерла после продолжительной болезни, от оспы умерли жена, дочь и двое сыновей Убаши, бэйсэ Эмген-Убаши, хошутский Генден-Норбо, Галдан-Норбо и др. — всего 13 человек [Торгуудын түүхэнд 2021: 280].

11. Ограничительная политика. Запрет на торговлю с казахами

14 сентября 1771 г. Цяньлун издал приказ, адресованный илийскому генерал-губернатору Шухэдэ: «После расселения торгутов на Иртыше и Чжайре был издан указ, в котором говорилось, что они кочуют вблизи от мест торговли скотом с казахами и халхасцами. Если казахи захотят продать баранов, то караульные должны доложить об этом тарбагатайскому губернатору. Последний должен выделить чиновника, который обязан осмотреть их, установить цену, при этом она не может превышать рыночной цены в Или. Также должен проследить, чтобы казахи не перемещались по своему усмотрению» [Торгуудын түүхэнд 2021: 141]. Путем запрета торговли цинские власти проводили политику, направленную на истощение и деградацию кочевников.

Во время конечного этапа откочевки киргизы напали на кочевников-торгутов и нанесли им большой урон. Они продолжили нападать даже после того, как те пересекли р. Или и оказались уже на территории Цинской империи. Убаши путем публичного высказывания хотел вернуть своих людей. В указе Цяньлуна, адресованного Шухэдэ, говорится: «Убаши несколько раз повторил о том, что киргиз Минхэйлха переходил нашу границу и напал на них. По его мнению, мы должны наказать Минхэйлха. В этом случае мы должны сообщить им, что не можем отвечать за дела до принятия ими подданства. Но после заселения на наших землях мы бы этого не допустили» [Торгуудын түүхэнд 2021: 227]. Шухэдэ было поручено сообщить об этом.

Таким образом, маньчжуры заняли несколько отстраненную позицию. Их не интересовали грабежи и пленение торгутов, которым те подверглись по пути, и они даже проигнорировали инцидент, произошедший в то время, когда торгуты уже вошли в пределы Цинской империи.

В своем докладе Шухэдэ коснулся вопроса, связанного с исполнением закона. «Согласно предыдущим законам ойратов, только за кражу одного барана должны были выколоть правый глаз, а на левой стороне лица поставить отметину в виде кремня, а также высечь, нанеся 50 ударов плетью. Если случаи воровства будут сами разбираться, то нас это не касается. Но если их приведут к нам, то мы накажем их по маньчжурским законам. У них жестокие наказания — казнь, удушение или битие до смерти. Наши законы их не очень напугают. Тем лучше, что у них суровые наказания. Если убьют одного из них, то минус одна сила. Так зачем же мы их будем судить по нашим законам?» [Торгуудын түүхэнд 2021: 158–159]. Он предупредил местных чиновников о том, что случаи воровства прибывшие должны рассматривать сами [Торгуудын түүхэнд 2021: 159].

12. Выводы

При сопоставлении монгольских и русских письменных источников, секретных докладов маньчжурских министров Шухэдэ, Илэту и Цэбдэн Балчжура, указов Цяньлуна проясняются многие вопросы, в том числе о целях, времени начала откочевки, маршруте, количестве откочевавших, политике России и маньчжуров.

Волжские ойраты идею откочевки «на Алтай» планировали с 1763 г., но само переселение начали 17 января 1771 г. Прибыли на р. Или 8 июля 1771 г. Маньчжурская династия Цин прекрасно понимала, что первоначальной целью откочевки, длившейся почти 6 месяцев, или 170 дней, было «завоевание земель долины р. Или», поэтому она проводила политику, которая соответствовала обстоятельствам того времени. Маньчжуры под видом покровителей и защитников кочевников на деле проводили политику обессиливания, превращая их из могучих воинов в скромных земледельцев.

Откочевка торгутов 1771 г. оставила темный след в истории ойратского народа, нанесла ущерб их территориальной целостности, росту численности населения и, соответственно, будущему развитию. Маньчжуры же смогли за их счет укрепить свои западные границы.

Литература

Баадай 1992 — Баадай, Алтан-Оргил, Эрдэнэ. Ойрадын түүхийн сурвалжууд (= Исторические источники ойратов). Урэмч: Шинжааны Ардын хэвлэлийн хороо, 1992. 496 х.

Бичурин 1834 — Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. Мед. департамента Министерства внутренних дел, 1834. 255 с.

Бичурин 2015 — Бичурин Н. Я. Ойрад буюу Халимагуудын түүхэн тойм (= Исторический обзор ойратов или калмыков). Орчуулсан Д. Идэвхтэн. Сер. Bibliotheca oiratica – XLVII, Улаанбаатар: Соёмбо, 2015. 124 х.

References

Baadaï, Altan-Orgil, Erdene. Sources for the History of the Oirats. Urumchi: Xinjiang People's Publishing House, 1992. 496 p. (In Mong.)

Bichurin N. Ya. Historical Review of the Oirats or Kalmyks from the 15th Century to the Present. St. Petersburg: Medical Department of the Ministry of Internal Affairs, 1834. 255 p. (In Russ.)

Bichurin N. Ya. Historical Review of the Oirats or Kalmyks from the 15th Century to the Present. I. Idevkhten (trans.). Bibliotheca Oiratica-XLVII. Ulan-Ude: Soyombo, 2015. 124 p. (In Mong.)

- Болормаа 2008 — *Болормаа О.* Ижил мөрний зүг нүүсэн Ойрадуудын нүүдэл (XVII–XVIII зуун) (= Переселение ойратов на Волгу (XVII–XVIII вв.)) / ред. Ж. Болдбаатар. Улаанбаатар: Адмон принт, 2008. 196 х.
- Bolormaa O. Migration of the Oirats to the Volga (17th–18th Centuries). Zh. Boldbaatar (ed.). Ulaanbaatar: Admon, 2008. 196 p. (In Mong.)
- Дорджиева 2002 — *Дорджиева Е. А.* Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.
- Dordzhieva E. A. The Exodus of the Kalmyks to China in 1771. Rostov-on-Don: South-Caucasian Scientific Center of the Higher School, 2002. 210 p. (In Russ.)
- Зарлигаар тогтоосон 2007 — Зарлигаар тогтоосон гадаад монгол, хотон аймгийн ван гүнгүүдийн илтгэл шастир (= Высочайше утвержденное сочинение о (биографиях и родословных) князьях Внешней Монголии и Туркестана). Монгол бичгээс кирилл бичигт буулгаж, тайлбар хийсэн Цэрэндорж Ц., Эрдэнэболд Л., Баржав Д., Ганбат Н. (= переложение со старомонг. на кириллическое письмо Ц. Цэрэндоржа, Л. Эрдэнэболда, Д. Баржава, Н. Ганбата). Улаанбаатар: Согоо нуур, 2007. 741 х.
- The Highly Approved Essay (Biographies and Genealogies) on the Princes of Outer Mongolia and Turkestan. Ts. Tserendorzh, L. Erdenebold, D. Barzhav, N. Ganbat. (trans. from old Mongolian to Cyrillic script). Ulaanbaatar: Sogoo Nuur, 2007. 741 p. (In Mong.)
- Зарлигаар тогтоосон 2020 — Зарлигаар тогтоосон гадаад монгол, хотон аймгийн ван гүнгүүдийн илтгэл шаштир (= Высочайше утвержденное сочинение о (биографиях и родословных) князьях Внешней Монголии и Туркестана). Улаанбаатар: Соёмбо, 2020. 228 х. (Bibliotheca oiratica-XCIX).
- The Highly Approved Essay (Biographies and Genealogies) on of the Princes of Outer Mongolia and Turkestan. Ulaanbaatar: Soyombo, 2020. 228 p. (Bibliotheca Oiratica-XCIX). (In Mong.)
- Зүүнгарын газрыг 2020 — Зүүнгарын газрыг төвшитгөн тогтоосон бодлогын бичиг Жинхэнэ зохиол (дэвтэр 52–68) (= Документ о политике централизации земель Джунгарии (книги 52–68)). Улаанбаатар: Соёмбо, 2020. 261 х. (Bibliotheca oiratica-XCV).
- Document on the Policy of Centralization of the Lands of Dzungaria (books: 52–68). Ulaanbaatar: Soyombo, 2020. 228 p. (Bibliotheca Oiratica-XCV). (In Mong.)
- Илэтхэл шастир 1990 — *Санчиров В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 137 с.
- Sanchirov V. P. “Ilethel Shastir” as a Source on the History of the Oirats. Moscow: Nauka, 1990. 137 p. (In Russ.)
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- The History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day. In 3 vol. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)

- Краткая история калмыцких ханов 1907 — Краткая история калмыцких ханов // Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ, составленная А. М. Позднеевым. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1907. С. 1–23.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
- Лижээ 2008 — *Лижээ Г.* Шинжааны ойрадууд: түүх судлал. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2008. 118 х. (Bibliotheca oiratica–VI).
- Митруев 2023 — *Митруев Б. Л.* Письмо Убаши-хана из монастыря Лабранг в свете данных тибетских источников о связях калмыков с духовными иерархами // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 8–43. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-8-43
- Мэн-гу-ю-му-цзи 1895 — Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / [Чжан-му и Хэ-цю-тао]; пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1895. VII, 487, 92, VIII с. (Записки Императорского Русского географического общества. По Отделению этнографии. Т. 24).
- Ойрад монголын 2001 — Ойрад монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд (= Источники по истории ойрат-монголов). I боть. Эмхэтгэж, тод болон монгол бичгээс кирилл бичигт буулгаж тайлбар хийсэн На. Сүхбаатар, редактор З. Лонжид (= сост., перелож. с ойратского и старописьменного монгольского на кириллическое письмо На. Сухбаатара и З. Лонжида). Улаанбаатар, Соёмбо, 2001. 242 х.
- Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калмгосиздат, 1922. 137 с.
- A Brief History of the Kalmyk Khans. In: Kalmyk Anthology for Reading in High Schools of Kalmyk Folk Schools, A. Pozdneev (compl.). 2nd ed. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1907. Pp. 1–23. (In Kalm.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Nomad. The Kalmyks' Transition from Central Asia to Eastern Europe and Back in the 17th and 18th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 286 p. (In Russ.)
- Lizhe G. Oirats of Xinjiang: a Historical Study. Ulaanbaatar: Soyombo, 2008. 118 p. (Bibliotheca Oiratica–VI). (In Mong.)
- Mitruiev B. L. One Letter by Khan Ubashi from Labrang Monastery: A Perspective from Tibetan Sources on Relations between Kalmyk Elites and Clerical Executives. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023. No. 1. Pp. 8–43. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-8-43
- Meng-gu-yu-mu-ji. Notes on the Mongolian Nomads [Zhang-mu and He-qi-u-tao]; P. Popov (transl. from Chinese). St. Petersburg: P. O. Yablonsky Parovaya Skoropechantnya, 1895. VII, 487 p., 92 p., VIII p. (Notes of the Imperial Russian Geographical Society. According to the Department of Ethnography. Vol. 24). (In Russ.)
- A Sources on the History of the Oirat Mongols. Vol. 1 .Na. Sukhbaatar and Z. Longid (comp. and transl. from Oirat and old-written Mongolian into Cyrillic Script). Ulaanbaatar, Soyombo, 2001. 242 p. (In Mong.)
- Palmov N. N. An Essay on the History of the Kalmyk People during their Stay in Russia. Astrakhan: Kalmykia Publ., 1922. 137 p. (In Russ.)

- Торгуудын түүхэнд 2021 — Торгуудын түүхэнд холбогдох Манж баримтын орчуулгын эмхэтгэл” (1731–1772) (= Сборник переводов маньчжурских документов, относящихся к истории торгутов (1731–1772)). / удиртгал бичиж, эрхлэн хэвлүүлсэн На. Сүхбаатар; манж хэлнээс орчуулсан Л. Энхсаруул; редактор Ү. Мөнхдагва (предисл., ред. На. Сухэ-Батор, пер. с маньчж. яз. Л. Энхсарул; ред. У. Мунхдагва). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2021. 280 т. (Bibliotheca oiratica–CIX).
- Хальмг хаадудын 1991 — Хальмг хаадудын туужиг хураж бичсэн товч оршв // Сарин герл. Элст: Хальмг дегтр нархач, 1991. X. 183–196.
- Циндай Синьцзян 2012 — Циндай Синьцзян маньвэнь даньвань хуэйбянь 清代新疆满文档案汇编 (= Сборник маньчжурских архивных материалов о Синьцзяне при династии Цин). Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2012. 283 х.
- Цюрююмов 2003 — *Цюрююмов А. В.* Реформа Зарго и эволюция института ханской власти // Монголоведение. 2003. Т. 2. № 1. С. 163–172.
- Чжан Му 1998 — *Чжан Му.* Монголын хошуу нутгийн тэмдэглэл. (= Заметки о монгольских хошунах) (1846) / Банзрагч монголчилов (переложение на монг. яз. Банзрагча). Доод дэвтэр. Хөххот: Үндэстний хэвлэлийн хороо. 1998. 446 х.
- Эрдэй 2014 — *Эрдэй У.* Тив алслан зүүнш буцсан Торгуудчууд (= Торгуты, откочевавшие на восток). Улаанбаатар, 2014. 298 х.
- Pallas 1776 — *Pallas P. S.* Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen. St. Petersburg: Gedruckt bey der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776. 232 s.
- Collection of Translations of Manchu Documents Related to the History of the Torguts (1731–1772) Na. Sukhbaatar (preface, ed.), L. Enkhsarul (transl. from Chinese); U. Munhdagva (ed.). Ulaanbaatar: Soyombo, 2021. 280 p. (Bibliotheca oiratica-CIX). (In Mong.)
- A Brief History of the Kalmyk Khans. In: Sarin Gerel. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. Pp. 183–196 (In Kalm.).
- Collection of Manchurian Archival Materials about Xinjiang during the Qing Dynasty. Guilin: Guangxi shifan daxue chubanshe, 2012. 283 p. (In Manch.).
- Tsyuryumov A.V. Zargo Reform and the Evolution of the Institute of Khan Power. *Mongolian Studies (Elista)*. 2003. Vol. 2. No. 1. Pp. 163–172. (In Russ.)
- Zhang Mu. Records of the Mongolian Khoshuns (1846) Banzrach (trans.) Vol. 2. Khokhot: People’s Publishing House. 1998. 446 p. (In Mong.)
- Erde U. The Torguids who Retreated Far East. Ulaanbaatar, 2014. 298 p. (In Mong.)
- Pallas P. S. Sammlungen Historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkernschaften. St. Petersburg: Academy of Sciences, 1776. 232 p. (In Germ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 3, pp. 450–460, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-450-460

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930+24-9

**О раннем гелугпинском монастыре
 Внутренней Монголии —
 Майдари-джу**

Цымжит Пурбуевна Ванчикова¹

UDC 930+24-9

**On the Early Gelug Monastery of Inner
 Mongolia — Maidari-juu**

Tsymzhit P. Vanchikova¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор,
 главный научный сотрудник

 0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts[at]gmail.com

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025

© Ванчикова Ц. П., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Vanchikova Ts. P., 2025

Аннотация. *Введение.* В конце XIX в. во Внутренней Монголии насчитывалось более 1 200 монастырей, к сожалению, о большинстве из них сохранились только названия или упоминания в некоторых исторических хрониках или архивных документах. Анализ исследований показал, что монастырь Майдари-джу практически не известен в российской историографии, потому *целью* статьи является дать краткое описание истории монастыря, его храмовой структуры, проанализировать архитектурные и историко-культурные особенности, рассмотреть современное состояние комплекса. Были использованы сравнительно-сопоставительный и нарративный *методы* для изложения истории монастыря в хронологической последовательности, для анализа событий и обобщения данных, типологический для сравнения его с другими монастырями Внутренней Монголии. Основными *источниками* стали статьи китайских и европейских ученых, информация из интернет-сайта монастыря, материалы, собранные во время поездки в монастырь в 2024 г. *Результаты и выводы.* Майдари-джу — один из самых ранних монгольских монастырей, основанный в 1565 г. Алтан-ханом (1507–1581) на территории современного поселка Майдари-джу в западно-гумэтском хошуне недалеко от города Баотоу. Он создавался как ставка Алтан-хана (Йеке Байшин), центр его княжества, в котором проживали и его родственники, и потомки, и придворные, позднее преобразованный в храмовый комплекс, где наряду с монахами жило и местное население. В 1606 г. в монастырь из Тибета прибыл Майдари-хутухту, по имени которого стали называть монастырь. Поселение и монастырь процветали вплоть

до кончины Майдари-хутухту и основных наследников Алтан-хана. Монастырь сыграл важную роль в распространении тибетского буддизма среди тумэтов. К концу XIX в. нем насчитывалось 15 храмов, из которых к настоящему времени сохранилось 6 больших храмов, взятых под охрану в 1979 г. После длительного перерыва, с конца 1990-х гг. в нем были частично возобновлены богослужения. В 1996 г. монастырь был включен в список «Основных национальных исторических и культурных объектов Внутренней Монголии». Сейчас монастырь является не только крупным туристическим объектом, но и действующим буддистским монастырем, функционирующим в соответствии с политикой Коммунистической партии Китая и со всеми законодательными актами, касающимися религий и этнических меньшинств.

Ключевые слова: тумэцкий Алтан-хан, Майдари-джу, Майдари-хутухту, история монастыря, храмовые постройки, настенная живопись

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственного задания «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (№ 121031000263-3).

Для цитирования: Ванчикова Ц. П. О раннем гелугпинском монастыре Внутренней Монголии — Майдари-джу // Монголоведение. 2025. Т. 17. №. 3. С. 450–460. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-450-460

Abstract. Introduction. By the end of the 19th century, there were more than 1 200 monasteries in Inner Mongolia. Unfortunately, only names or mentions in some historical chronicles or archival documents have remained about most of them. The analysis of the researches on the history of Maidari-juu monastery showed that this monastery is practically unknown in Russian historiography, therefore *the purpose* of the article is to give a brief description of the history of the monastery, its temple structure, analyze its architectural and historical-cultural features, and consider the current state of the complex. Comparative and narrative *methods* were used to present the history of the monastery in chronological order, to analyze events and summarize data, and typologically compare it with other monasteries of Inner Mongolia. The articles by Chinese and European scholars, information from the monastery's website, and materials collected during the trip to the monastery in 2024 have been used as *the main sources*. **Results and Conclusions.** Maidari-juu is one of the earliest Mongolian monasteries, founded in 1565 by Altan Khan (1507–1581) on the territory of the modern settlement of Maidari-juu in the Western Tumet khoshun near the city of Baotou. It was planned to be the headquarters of Altan Khan (Yeke Baysing), his principal administrative center, where his relatives, descendants, and courtiers would live, later it was transformed into a temple complex, where the local population lived along with monks. In 1606, Maidari khutukhtu arrived at the monastery from Tibet, after whom the monastery was named later on. The settlement and the monastery flourished until the death of Maidari khutukhtu and the main heirs of Altan Khan. The monastery played an important role in the spread of Tibetan Buddhism among the Tumets. By the end of the 19th century there were 15 temples in it, out of which 6 large temples, taken under protection in 1979, have survived up to the present day. After a long break, religious services have been partially resumed in it in the late 1990s. In 1996, the monastery was included into the list of the “Major National Historical and Cultural Sites of Inner Mongolia”. Now the monastery is not only a major tourist site, but also an active Buddhist monastery, functioning in accordance with the policy of the Chinese Communist Party and all legislative acts concerning religions and ethnic minorities.

Keywords: Tumet Altan Khan, Maidari-juu, Maidari-khutukhtu, monastery history, temple buildings, wall paintings

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy project no. 121031000263-3 “The Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia”.

For citation: Vanchikova Ts. P. On the Early Gelug Monastery of Inner Mongolia — Maidari-juu. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 3. Pp. 450–460. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-450-460

1. Введение

Монастырь Майдари-джу (монг. *maidari juu*, *maidari-yin juu* — монастырь Майтреи), один из самых ранних монгольских буддистских монастырей школы гелугпа во Внутренней Монголии, находится в селении Мэйдайчжао, расположенном примерно в 50 км к востоку от центра административного округа города Бугату (кит. Баотоу) Внутренней Монголии, в западно-тумэтском хошуне (Тумэд-Юоци). Расположен в живописном месте между южным склоном горного хребта Иньшань (Далан-хара) и протекающей с южной стороны рекой Тумэд, впадающей в р. Хуанхэ (монг. Хатан-гол). Основан на территории, выбранной в 1565–1567 гг. тумэтским Алтан-ханом (1507/1578–1582) в качестве своей ставки (*noyarqal-un töb-iyen bolyaba*), названной Йеке Байшин, при которой в 1575 г. был организован монастырь. Стационарный дворцовый комплекс был известен под названием Шоулинсы (壽靈寺 *shou lin si*), позднее поселению было пожаловано имя Фухуачэн (福化城 *fu hua cheng*, *buyan-dur dayayuluysan qota* ‘Город, ведущий к благодеяниям’) [Баотой; Meidaizhao Monastery]. Дворец и дворцовые помещения Алтан-хану строили китайские рабочие, ими же были возведены, помимо крепостных стен, залы для аудиенций, суда, жилые и служебные помещения [Баотой; Meidaizhao Monastery]. Преобразование ставки Йеке Байшин в буддистский монастырь началось параллельно с принятием Алтан-ханом буддизма, с его встреч с Далай-ламой и тибетскими ламами.

2. История монастыря Майдари-джу

Майдари-джу — единственный из сохранившихся укрепленных монастырей Внутренней Монголии, построенных тумэтами. Отсюда одно из его многих названий Чэнси (城寺 *chengsi*, т. е. укрепленный [город]-монастырь. *Cheng* переводится как «городская стена» и «город») [Bai cun 1998: 1; Charleux 2006: 47]. У монастыря было несколько монгольских названий — Майдари-йин джу, Майдари-йин хийд, Майдари-йин сумэ, Гайхамшигту билигту джу (*yayiqamšiytu bilig-tü juu*) [Sasin-toli 1996: 216], Улдзий джибхулангту сумэ (*Öljei jibqulang-tu süme*) [Charleux 2006: 62], тибетское название Дашилхундуб (тиб. *bkra-shis lhun-sgrub*, ‘*jam-dbyangs lha-khang*), китайские — Мэйдайчжао (美岱召 *Meidai zhao*), Фухуа-чен (福化城 *Fuhua chen*), Линцзюэ-си (靈覺寺 *Lingjue si*), Шоулин-си (壽靈 *Shoulin si*).

Ранее на тумэтских землях, расположенных вокруг монастыря-ставки Алтан-хана, поселились китайские крестьяне, приверженцы секты Белого лотоса¹, которым Алтан-хан разрешил остаться [Ying Quangpin 2009: 7]. Благодаря

¹ Собирательное название ряда китайских сект и их доктрин, проповедующих идею спасения посредством перерождения в «Западном раю» или «Чистой земле» — Цзин ту. Другое название — Байлянь цзяо («Общество Белого лотоса») [Маслов 2011: 147–149].

стараниям крестьян было распаханно несколько тысяч цинов¹ земли, на которых они выращивали зерновые, овощи. Алтан-хан поддерживал китайское население и способствовал их занятию земледелием и торговлей, которые снабжали продуктами войска и местное население, тем самым стимулируя экономическое благосостояние населения. Таким образом, на целинных землях монголов появились оседлое земледелие и поселения с оседлым населением. Эти поселения получили название *баньшэн* (板升) [Ying Quangpin 2009: 7]. По мнению Инь Гуанпина, этот термин происходит от названия способа возведения стен с помощью досок под названием «шэнбань чжудян» (升板筑墙) [Ying Quangpin 2009: 7]. Это поселение Алтан-хана под названием Йеке байшин² (кит. Да Баньшэн) было огорожено со всех сторон высокими каменными стенами со сторожевыми башнями по четырем углам, с двумя воротами. Таким образом его резиденция, первая столица, превратилась в укрепленный город-монастырь, в котором проживали монахи и миряне. Особенностью этого монастыря было то, что монастырь не находился в уединенном месте, а располагался среди жилых зданий, т. е. он был комплексом, объединявшим и монастырь, и храмы, и жилые городские постройки с инфраструктурой. Йеке байшин стремительно развивался, так, примерно через 20 лет после дня его основания в нем проживало около 2 000 монголов и 50 000 китайцев [Wanli wugong lu 1935: 117–118], что свидетельствует о том, что он стал городом, сгруппированным вокруг королевского дворца и населенным преимущественно китайцами. Китайцы не только работали на полях, но они занимались всеми строительными работами, помимо жилищ, ими были построены все здания монастыря и стены вокруг монастыря, они оказывали финансовую помощь монастырю, который был вовлечен в экономическую и торговую жизнь своего региона. Отношения между монастырем Майдари-джу и местным населением были разнообразными. Так, например, он сдавал в аренду земли вокруг монастыря жителям близлежащих деревень под пашни. Более того, отдельные жители ближайших деревень преподносили хворост, овощи, вносили арендную плату, приносили благовония, обращались к предсказателям-астрологам и т. д. Все это позволяет сделать вывод о том, что между китайским населением и монголами существовали вполне тесные взаимовыгодные отношения и что монастырь Майдари-джу способствовал возникновению этих отношений, что он не был закрытым узко-религиозным заведением, а был открыт для диалога и сотрудничества. Таким образом, монастырь Майдари-джу, возникший на месте официальной резиденции Алтан-хана, которая была одновременно укрепленной крепостью и его личным дворцовым монастырем, стал прибежищем и для монахов, и для верующих, и для местного населения, а объединяющим фактором этих сложившихся взаимозависимых сино-монголо-тибетских отношений стал тибетский буддизм. В монастыре неоднократно останавливались Далай-лама III и Далай-лама IV, причем Далай-лама III в 1588 г. скончался здесь.

В 1819 г. в монастыре был 1 ширетуй-лама, 1 дэмчи, 1 да-лама, 4 гекбуй-ламы, 36 простых лам, 4 послушника-мирянина без духовных степеней. В последние годы династии Цин в монастыре насчитывалось 126 лам [Bai ċun 1998: 10]. Согласно данным, приведенным Инь Гуанпином, в монастыре было 15 храмов,

¹ Цин — китайская мера площади земли, равная 66,670 м².

² От этого слова произошло монгольское слово *байшин* — дом, здание.

большинство из которых было разрушено, некоторые были заново восстановлены, часть реставрирована [Ying Quangpin 2009: 8].

2.1. Алтан-хан и Далай-лама

В последние 10 лет жизни Алтан-хан уделял особое внимание внедрению буддизма в Монголию. Встречи Алтан-хана (личное имя Анда или Амда)¹ с тибетскими ламами в Кукуноре пробудили в нем интерес к буддизму и буддийскому учению. В 1571 г. к Алтан-хану прибыл с проповедью тибетский монах Ашин-лама (Асин-лама) [История в трудах ученых лам 2005: 98–103], который в разговорах с Алтан-ханом сравнивал его с основателем юаньской династии Хубилай-ханом, признавшим буддизм государственной религией, и, призывая его последовать примеру Хубилая, пригласившего к своему двору Пагба-ламу, настоятельно советовал пригласить в Монголию высших тибетских лам. Поскольку проповеди Ашин-ламы соответствовали интересам Алтан-хана, направленным на объединение монголов и усиление своей власти, Алтан-хан вскоре пригласил Далай-ламу III в Монголию. Для проведения встречи с главой тибетской школы гелугпа Далай-ламой III Сонам Гьяцо в 1575 г. Алтан-хан приступил к строительству Цабчиал-сумэ в местности, находящейся к востоку от озера Цинхай (Кукунор). В 1577 г. его строительство было завершено. Император Мин-ди даровал храму имя Янхуа (仰华 yang hua). В 1578 г. в нем состоялась знаменитая встреча Алтан-хана с третьим Далай-ламой². Алтан-хан под впечатлением встречи с Далай-ламой и его проповедей составил и обнародовал указ, запрещающий совершение кровавых жертвоприношений и поклонение онгонам [Почекаев 2011: 119–139]. С этого времени монголы начали постепенно отказываться от проведения шаманских ритуалов и принимать буддизм.

2.2. Майдари-хутухта

В 1589 г. у Сумбэр-Цэцэн Цоохур-тайджи, внука Алтан-хана, родился сын, который был признан перерожденцем Далай-ламы III, он получил духовное имя Йондан-Чжамцо и стал Далай-ламой IV (1589–1616). В 1602 г. он отправился в Тибет, где был возведен на престол. В 1603 г. Далай-лама IV встретился с монгольскими паломниками, которые попросили его послать к монголам вместо себя какого-нибудь высокородного ламу. Вняв их просьбе, он в 1604 г. послал 12-летнего Майдари-хутухту Гендун-Бальжан-Чжамцо (*dGe 'dun dpal bzang rgya mtsho* (1592–1635)) в Хух-Хото. Гендун-Бальжан-Чжамцо считается перерожденцем Жимба-Чжамцо, ученика Падмасамбхавы, который был признан воплощением Майтреи [Charleux 2014: 7]. Сведения о Майдари-хутухту очень скудны. Известно, что у Майдари-хутухту было восемь реинкарнаций. Первый Майдари-хутухту (1592–1635) прибыл в 1604 г. к тумэтам и поселился в Хух-Хото, был настоятелем сумэ Майдари (Майдари-гэгэн сумэ). Второй проживал в Майдари-джу. Восьмой перерожденец, да-лама Майдари-джу (1880–1953), был назначен главой буддийского департамента Маньчжоу-Го в 1944 г. после смерти Чаган-Дархан-хутухту. После поражения Японии он вступил в Коммунистическую партию [Charleux 2006: 357].

¹ Подробно о биографии Алтан-хана см.: [Kollmar-Paulenz 2001; Афонина 2003: 39–47].

² Эта встреча подробно описана в ряде монгольских исторических сочинений, в частности в летописях Джамбалдорджа «Болор эрихэ», Эрдэнипэла «Конечная причина религий в Монголии» [История в трудах ученых лам 2005: 98–104; 214–221].

В 1606 г. Мачиг-хатун (ок. 1550–1612) или Эркэту-хатун (*toydoi mačiy buyantu dalai qatun*, кит. имя *dayičing beiji* или *bay-a beiji*) [Sasin-u toli 1996: 216], жена Цоохур-тайджи [Kollmar-Paulenz 2000: 190–204; Serruys 1974: 191–245], пригласила Майдари-хутухту для освящения храма Десяти тысяч Будд и статуи Майтреи. Майдари-хутухту после обрядов освящения некоторое время проживал в этом монастыре, продолжая проповедническую деятельность Далай-ламы III. Местные жители в знак признательности его заслуг стали называть храм и весь комплекс «Майдари-джу» (монастырь Майтреи), которое закрепилось за ним [Ying Quangpin 2009: 16].

2.3. Архитектура: храмы и постройки

Поселение начиналось, скорее всего, с юрт, в которых проживали члены семьи Алтан-хана и знать правого знамени тумэтов, а также монахи, и жилых помещений для челяди и воинов. Очень быстро китайскими строителями были возведены дворцовые здания для Алтан-хана, каменные здания для его родственников, которые до превращения их в храмы служили дворцовыми помещениями, местами приема делегаций, проведения судебных заседаний. С началом строительства г. Хух-Хото примерно в 1579–1580 г. Алтан-хан перенес в него свою столицу и начал ее устройство наряду с созданием двух крупнейших монастырей Йеке-джу и Ширету-джу.

Архитектура монастыря Майдари-джу выделяется среди других монгольских монастырей сочетанием тибетского, китайского и монгольского стилей, что является его отличительной чертой. Весь храмовый комплекс с прилегающей территорией занимает площадь более 30 тыс. м², территория самого храмового комплекса равна примерно 4 000 м², монастырь был окружен мощной каменной стеной высотой в 5,3 м, шириной от 5 м у основания и 2–3 м в верхней части. Часть стены, общая длина которой составляет 681 м, сохранилась, также как и 4 смотровые площадки-башни высотой в 11 м, расположенные по углам стен, и центральная башня, находящаяся над главным входом и воротами монастыря [Foreigners in China].

В данное время Майдари-джу состоит из 15 построек разного назначения, из которых восемь являются храмами, относящимися к периоду династии Мин, расположенными вокруг главного храма. Основными храмами являются: главный соборный храм — цогчен дуган (*γoul čoycin*) — одноэтажное здание, окруженное внешней колоннадой, построенное в тибето-китайском стиле. На высоком пьедестале расположена статуя Шакьямуни, окруженная статуями Ананды и Кашьяпы, по бокам от них расположены статуи восьми бодхисаттв высотой в 2 м, к основному залу пристроено здание с иконостасом, в которое ведут 2 небольшие двери. В Тайхоу-сумэ, в котором хранился субурган из сандалового дерева с прахом Чжунхэн-хатун, третьей жены Алтан-хана, сохранились предметы, которыми она пользовалась при жизни. Внутри храма «Десяти тысяч Будд» находятся статуи Будды и двух его учеников, размещенные на фоне пещерных стен, окруженные коридором для обхода, стены которого украшены макетами пещер с отшельниками. Люли-дян — главный храм, храм Будд трех времен, самое раннее здание монастыря, построенное в период династии Мин, в нем находятся статуи Кашьяпы, Шакьямуни и Майтреи. Крыша этого храма, самого высокого здания в монастыре и наиболее раннего, облицована зеленой глазурованной плиткой. В нем сохранились уникальные настенные фрески. Най-

чун-сумэ — небольшое здание в тибетском стиле, в котором находится статуя Майтреи, называют резиденцией Майдари-хутухту, поскольку он жил в нем во время своего пребывания в монастыре. Это здание с многочисленными окнами и балконом больше похоже на жилище, чем на храм; резиденция Майдари-хутухту после его кончины в 1635 г. была превращена в храм. На первом этаже этого храма находятся статуи дхармапал. На его верхнем этаже находятся новая статуя хутухты и его кровать [Jin Shen 1984: 19]. Хва-Шан (Хэшан) сумэ — храм «бога богатства», а Далай-мяо — храм, в котором останавливался Далай-лама III в 1585 г. во время посещения монастыря, а позднее — и Далай-лама IV.

Монастырь постепенно утрачивал свое значение и приходил в упадок, особенно после смерти основных наследников Алтан-хана и его жен и после смерти Майдари-хутухты в 1635 г.

После строительства монастыря Майдари-джу повсеместно началось возведение новых монастырей и храмов. Архитектурный стиль храмов отражает вкусы Алтан-хана и его потомков, он отличается эклектичностью, сочетанием тибетского и китайского стилей, адаптированных к монгольскому образу жизни и имеющимся ресурсам (юрта стала храмом или байшин), при этом демонстрирует *«техническое мастерство и гибкость интерпретации китайского и тибетского архитектурных языков»* [Charleux 2006: 335–336]. Сами буддистские монастыри постепенно становились одними из главных факторов неформального сопротивления синизации монголов.

2.4. Настенные росписи

Отличительной чертой монастыря являются уникальные цветные настенные росписи некоторых храмовых построек (общей площадью 1 500 м²), которых практически нет в других монастырях Внутренней Монголии. Наибольшее количество росписей содержится в главном монастырском храме цогчен. Эти многоцветные росписи, весьма разножанровые по своей тематике, отражают основные этапы и события из жития Будды, встречи монгольских ханов и ханш с монахами или прием ханами подношений от подданных; в большом количестве приведены изображения разных буддийских божеств, тибетских иерархов разных школ и милостынедателей, обрамленные пейзажами из облаков, гор, скал, рек и источников, разными благоприятными символами, птицами, деревьями и орнаментальными узорами из цветов, ритуальными и музыкальными инструментами. Эти изображения выполнены в традиционном тибето-китайском стиле буддистской иконописной живописи. Самыми ценными из этих росписей являются уникальные фрески, изображающие сцены жизни монгольского княжеского двора эпохи Мин. Особый интерес вызывает центральная картина длиной в 16 м высотой в 2 м, на которой изображены ханши Чжунхэн и Мачи, князь Гуругэ (внук Алтан-хана), принимающие в 1606 г. подношения от милостынедателей, окруженные государственными служащими, монахами, купцами, генералами и т. д. На картине также изображен Майдари-хутухту в монашеском одеянии с бородой и длинными волосами. Всего на картине изображены 62 персонажа и два божества (Замбала и Жамсран). Это единственная известная сохранившаяся монгольская фреска, на которой изображены мирские монгольские жертвователи эпохи Мин, их одеяния, головные уборы, прически, музыкальные инструменты, что делает ее не только художественным памятником, но и уникальным этнографическим источником по истории культуры средневековых монголов.

Подробный историографический анализ работ китайских ученых, исследовавших фрески, выполнен И. Шарлё в 1999 г. [Charleux 1999: 85–86]. Убедительно доказано, что храмовые рисунки монастыря свидетельствуют о культурной интеграции и влиянии тибетской и китайской культур на храмовые настенные рисунки и на развитие местной культуры и школы гелугпа в Монголии [Charleux 1999]. История Майдари-джу тесно связана с историей Тумэтского княжества и потомками Алтан-хана. Майдари-джу являлся важным центром распространения буддизма на территории Внутренней Монголии. Его история, архитектура, настенные рисунки являются ценным материалом для исследования монгольской истории, религии, архитектуры и искусства.

3. Заключение. Современное состояние и перспективы

Монастырь в значительной степени сохранился до наших дней и не был уничтожен во время культурной революции, так как большая часть храмов была использована в качестве охраняемых зернохранилищ, что позволило сохранить уникальные настенные росписи. В 1996 г. Майдари-джу (Мэйдайчао) был включен в список культурных объектов Внутренней Монголии и национального наследия КНР, были проведены значительные реставрационные и ремонтные работы.

Ко времени нашего посещения монастыря в июне 2024 г. в Майдари-джу насчитывалось 20 монахов. Из них один пожилой лама — выходец из Сунитского хошуна, все молодые ламы — монголы, многие из которых закончили буддистский институт Внутренней Монголии, а некоторые из них закончили буддистский университет в Халха-Монголии. Буддистский институт Внутренней Монголии был основан в 1987 г. в монастыре Бадгар, в котором ламы получали дополнительные знания. В 1992 г. университет официально открылся в Хух-Хото с разрешения правительства Внутренней Монголии. Курс обучения в нем длится 3 года, по окончании его ламы получают дипломы. В 2006 г. 30 выпускников шестого потока завершили обучение. Выпускники после завершения обучения возвращаются в свои хошунские монастыри, лучшие учащиеся из их числа остаются в монастырях Хух-Хото [Управление религиозными делами]. В монастыре восстановлены все основные службы, которые традиционно проводятся в буддистских монастырях Монголии. Последний перерожденец Майдари-хутухту скончался в 2018 г. в Хух-Хото. Сейчас монастырь возглавляет хамбо-лама Буман-Баир (1980 г. р.), его духовное имя — Содба-Чжалцан, он выходец из хошуна Оннигут, из г. Улаан-хад.

Монастырь оказывает определенное влияние на социальное и экономическое развитие и культуру региона в целом и в частности на поселение, расположенное рядом с ним, жители которого активно вовлечены в туристический бизнес (в том числе продажу сувениров, обслуживание туристов), снабжение монастыря продуктами. Наиболее яркой иллюстрацией этого является праздник «Guan Ding temple festival»¹, проводимый ежегодно в мае, когда в течение недели наряду с богослужениями проводится расширенная ярмарка, на которую люди всех соседних регионов привозят продукты земледелия, народного творчества,

¹ «GuanDing temple festival» — богослужения, проводимые ежегодно с 13 мая на протяжении 7-ми дней, связаны с обрядом освящения или омовения (санскр. *абхитшека*) божества, монастыря, а также во время этих богослужений проводится обряд посвящения в монахи (*eši abqu nom-un qural*) [Ying Quangpin 2009: 31].

сувениры и многое другое и которая пользуется большой популярностью, становясь объектом взаимовыгодного притяжения как для монастыря, верующих, так и для туристов, и для населения.

Современное состояние монастыря свидетельствует и подтверждает тенденцию центральных и местных властей использовать традиционные религиозные идеи и ценности для укрепления государственной идеологии и обоснования незыблемости государства [Алексанян 2022: 306].

Источники

Баотоу — Баотоу [электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Баотоу> (дата обращения: 01.02.2025).

Управление религиозными делами — Управление религиозными делами Внутренней Монголии на 2012 год [электронный ресурс] // URL: <http://www.fjdh.cn/ffzt/fjhy/amsy2012/11/153638193873.html> (дата обращения: 25.09.2024).

Meidaizhao Monastery — Meidaizhao Monastery [электронный ресурс] // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Meidaizhao_Monastery (дата обращения: 25.09.2024).

Foreigners in China — Foreigners in China // URL: http://www.foreignercn.com/index.php?option=com_content&view=article&id=7909:meidaizhao-lamasery&catid=39:inner-mongolia&Itemid=123 (дата обращения: 25.09.2024).

Sources

Baotou. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Баотоу> (accessed: 1 February 2025). (In Eng.)

Religious Affairs Administration of Inner Mongolia for 2012. Available at: <http://www.fjdh.cn/ffzt/fjhy/amsy2012/11/153638193873.html> (accessed: 25 September 2024). (In Eng.)

Meidaizhao Monastery. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Meidaizhao_Monastery (accessed: 25 September 2024). (In Eng.)

Foreigners in China. Available at: http://www.foreignercn.com/index.php?option=com_content&view=article&id=7909:meidaizhao-lamasery&catid=39:inner-mongolia&Itemid=123 (accessed: 25 September 2024). (In Eng.)

Литература

Алексанян 2022 — Алексанян А. Рецензия на: Feuchtwang, S. (ed.) (2020) Handbook on Religion in China. Cheltenham: Edward Elgar. 488 pp. // Государство – религия – церковь. 2022. № 2(40). С. 305–312.

Афони́на 2003 — Афони́на Е. Н. К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507–1581) // Mongolica-VI. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 39–47.

История в трудах ученых лам 2005 — История в трудах ученых лам / сост. А. С. Железнякав, А. Д. Цендина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. 275 с.

References

Aleksanyan A. Review of: Feuchtwang S. (ed.) (2020) Handbook on Religion in China. Cheltenham: Edward Elgar. 488 p. *State – Religion – Church*. 2022. No. 2 (40). Pp. 305–312. (In Russ.)

Afonina E. N. On the Assessment of the Policy of the Tumet Altan Khan (1507–1581). In: *Mongolica-VI*. St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2003. Pp. 39–47. (In Russ.)

History in the Works of Learned Lamas A. Zheleznyakov, A. Tsendina (comps.). Moscow: KMK Scientific Publications Partnership, 2005. 275 p. (In Russ.)

- Маслов 2011 — *Маслов А. А.* Байлянь-цзяо // *Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Вост. лит., ИФ РАН, 2011. 1045 с.*
- Maslov A. A. Bailian-jiao. In: *Philosophy of Buddhism: Encyclopedia M. Stepanyants (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, Institute of Philosophy (RAS), 2011. 1045 p. (In Russ.)*
- Почекаев 2011 — *Почекаев Р. Ю.* Уложение Алтан-хана — монгольский правовой памятник второй половины XVI в. // *Правоведение. Известия высших учебных заведений: научно-теоретический журнал. 2011. № 1. С. 119–139.*
- Pochekaev R. Yu. The Altan Khan Code is a Mongolian Legal Monument of the Second Half of the 16th Century. *Pravovedenie. News of Higher Educational Institutions: Scientific and Theoretical Journal. 2011. No. 1. Pp. 119–139. (In Russ.)*
- Bai čun 1998 — *Bai čun.* Mayidari-yin juu. Köke qota: Obür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1998. 91 p.
- Bai chun. Mayidari-yin juu. Köke qota: Inner Mongolia People's Publishing House, 1998. 91 p. (In Mong.)
- Charleux 1999 — *Charleux I.* La peinture des donateurs du temple de Maitreya en Mongolie méridionale // *Arts asiatiques. 1999. Vol. 54. Pp. 85–102.*
- Charleux I. The Painting of the Donors of the Maitreya Temple in Southern Mongolia. *Asian Arts. 1999. Vol. 54. Pp. 85–102. (In French)*
- Charleux 2006 — *Charleux I.* Temples et monastères bouddhiques de Mongolie-Intérieure. Paris: Comité des Travaux Historiques et Scientifiques / Institut National d'Histoire de l'Art, 2006. 373 p.
- Charleux I. Buddhist Temples and Monasteries of Inner Mongolia. Paris: Committee for Historical and Scientific Works. National Institute of Art History, 2006. 373 p. (In French)
- Charleux 2014 — *Charleux I.* Recent researches on the Maitreya Monastery in Inner Mongolia (China) // *Asiatische Studien. 2014. Vol. 68. No. 1. Pp. 1–64. DOI: 10.1515/asia-2014-0001*
- Charleux I. Recent Researches on the Maitreya Monastery in Inner Mongolia (China). *Asiatische Studien. 2014. Vol. 68. No. 1. Pp. 1–64. (In Eng.) DOI: 10.1515/asia-2014-0001*
- Jin Shen 1984 — *Jin Shen.* Meidai zhao [Le Mayidari-yin juu]. Hohhot: Nei Menggu renmin chubanshe, 1984. 113 p.
- Jin Shen. Maydary Monastery. Hohhot: Nei Menggu renmin chubanshe, 1984. 113 p. (In Chin. and Mong.)
- Kollmar-Paulenz 2000 — *Kollmar-Paulenz K.* New Data on the Life of the Jonggen Qatun, the Third Wife of Altan Qayan of the Tumed Mongols // *Central Asiatic Journal. 2000. T. 44. № 2. Pp. 190–204.*
- Kollmar-Paulenz K. New Data on the Life of the Jonggen Qatun, the Third Wife of Altan Qayan of the Tumed Mongols. *Central Asiatic Journal. 2000. Vol. 44. No. 2. Pp. 190–204 (In Eng.)*
- Kollmar-Paulenz 2001 — *Kollmar-Paulenz K.* Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qagan der Tümed-Mongolen. Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16 Jahrhundert // *Asiatische Forschungen. Bd. 142. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001. 390 p. (In Germ.)*
- Kollmar-Paulenz K. Erdeni Tunumal Neretü Sudur. The Biography of the Altan Qagan of the Tümed Mongols. A Contribution to the History of Religio-Political Relations between Mongolia and Tibet in the Late 16th Century. *Asiatische Forschungen. Vol. 142. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001. 390 p. (In Germ.)*

- Sasin-u toli 1996 — Sasin-u toli. Dictionary of Religions. Tungliyao: Suryan kümüjil-ün keblekü qoriy-a, 1996. 933 p. (In Mong.).
- Sasin-u toli. Dictionary of Religions. Tungliyao: Suryan kümüjil-ün keblekü qoriy-a, 1996. 933 p. (In Mong.).
- Serruys 1974 — *Serruys H.* Two Remarkable Women in Mongolia: The Third Lady Erketi Qatun and Dayicing-Beyiji // *Asia Major.* 1974. Vol. XIX. № 2. Pp. 191–245.
- Serruys H. Two Remarkable Women in Mongolia: Tte Third Lady Erketi Qatun and Dayicing-Beyiji. *Asia Major.* 1974. Vol. XIX. No. 2. Pp. 191–245. (In Eng.).
- Wanli wugong lu 1935— Wanli wugong lu 萬曆武功錄 (= Record of the Military Accomplishments of the Wanli Era), by Qu Jiusi 瞿九思 (jinshi in 1573), 7 juan. Ed. in Guoxue wenku 國學文庫. Vol. XX. Beijing: Wendiange, 1935. 164 p.
- Record of the Military Accomplishments of the Wanli Era (萬曆武功錄). By Qu Jiusi 瞿九思 (jinshi in 1573), 7 juan. Ed. in Guoxue wenku 國學文庫. Vol. XX. Beijing: Wendiange, 1935. 164 p. (In Chin.).
- Ying Quangpin 2009 — *Ying Quangpin* 内蒙古“城寺”美岱召考述_银光平 (= Research of Maidai Monastery in Chensi). Magister Dissertation. Khuh-khot. 12 May, 2009.
- Ying Quangpin. Research of Maidai Monastery in Chensi. Magister Dissertation. Khuh-khot. 12 May, 2009. (In Chin.).

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Iss. 3, pp. 461–489, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-461-489

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

Западные рубежи Монголии в начале XX в. и тувинцы

*Наранжаргал Норовсамбуу*¹

¹ Институт международных исследований Академии наук Монголии (д. 15–4, 4 квартал, ул. Барун Сэлби, район Чингелтей, 15170 Улан-Батор, Монголия)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0001-5788-4618. E-mail: [naranjargal_n\[at\]mas.ac.mn](mailto:naranjargal_n[at]mas.ac.mn)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Наранжаргал Норовсамбуу, 2025

UDC 94

The Western Borders of Mongolia at the Beginning of the 20th Century and the Tuvans

*Naranzhargal Norovsambuu*¹

¹ Institute of International Studies of the Mongolian Academy of Sciences (15–4, West Selby St., 4th Quarter, Chingeltei District, 15170 Ulan-Bator, Mongolia)

Ph.D. (History), Research Associate

© KalmSC RAS, 2025

© Naranzhargal Norovsambuu, 2025

Аннотация. *Введение.* Монголы и тувинцы, расселенные с запада от границы Монголии, долгое время жили по соседству и в определенной степени участвовали в событиях в регионе. *Цель* статьи — рассмотреть, как тувинцы участвовали в событиях, происходивших в западной Монголии в первой половине XX в. *Результаты.* В начале XX в. Монголии и Тувы начали освободительную борьбу против маньчжурской династии Цин. Борьба за независимость началась с изгнания китайских торговых компаний с берегов рек Тес, Хандгаит и Торхилог, а затем увенчалась освобождением г. Ховда (Кобдо), в котором приняли участие более 500 тувинцев. Более того, в 1921 г. более 50 тувинских солдат во главе с Наранбаатаром объединили свои силы с Хасбаатаром, Дамбадоржем и правительственной армией Западной границы, чтобы освободить регион от оставшихся белогвардейских сил. В 1930 г. повстанцы из монастыря Тугсбуянтин хурэ, расположенного в аймаке Чандмани-Уул, также попытались установить контакт с тувинцами, которые в свою очередь предложили создать государство в сотрудничестве с дербетами.

Ключевые слова: западная граница, тувинские солдаты, освободительное движение, Ховд, китайские торговые компании, народное правительство Западной границы, белогвардейцы, Тугсбуянтин хурэ, восстание, тувинцы, дербеты

Для цитирования: Наранжаргал Норовсамбуу. Западные рубежи Монголии в начале XX в. и тувинцы // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 461–489. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-461-489

Abstract. *Introduction.* The Mongols and Tuvans from the western frontier, who had long lived as neighbors, participated to some extent in the events of the region. The *purpose*

of this article is to examine how the Tuvan people participated in the events that took place in western Mongolia in the first half of the 20th century. *Results.* At the beginning of the 20th century, Mongolia and Tuva began a liberation struggle against the Manchu Qing dynasty. The struggle for independence began with the expulsion of the Chinese trading companies from the banks of the Tes, Khandgait and Torhilog rivers, and then culminated in the liberation of Khovd, which was attended by more than 500 Tuvans. Moreover, in 1921, more than 50 Tuvan soldiers led by Naranbaatar joined forces with Khasbaatar, Dambadorj and the government army of the Western Border to liberate the region from the remaining White Guard forces. In 1930, the rebels from the Togsbuyantiyn Khure monastery, located in the Chandmani-Uul aimag, also tried to establish contact with the Tuvans, who, in turn, proposed to create a state in cooperation with the Derbets.

Keywords: western frontier, Tuvan soldiers, Khovd, liberation war, Chinese trading companies, Western Frontier People's Government, White Guards, Tögsbüantiin Khüree, rebellion, Tuvans, Derbets

For citation: Naranzhargal Norovsambuu. The Western Borders of Mongolia at the Beginning of the 20th Century and the Tuvans. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 3. Pp. 461–489. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-461-489

1. Введение

Ойраты (западные монголы) попали под управление маньчжурской империи Цин в середине XVIII в. Территория их расселения была ограничена хребтом Танну-Ола, их соседями были тувинцы. Представители этих двух этнических групп имели похожий тип хозяйства, исповедовали одну религию — буддизм тибетского толка, потому их обычаи имели сходство. Они были вовлечены в исторические события региона и оказывали определенное обоюдное влияние в социальном и культурном развитии. Тувинцы обычно называют монголов западной Монголии дербетами, а Далай-ханы, правившие этим западным регионом, именовали танну-урянхайцев (расселявшихся в районе Танну) урянхайцами, что необходимо учитывать при обращении к историческим источникам.

В данной статье ставится цель рассмотреть, как тувинцы участвовали в событиях, происходивших в западной Монголии в первой половине XX в., и осветить следующие вопросы: революция 1911 г. и тувинцы, революция 1921 г. и тувинцы, восстание 1930 г. в монастыре Тугсбуянт и тувинцы. Эти три события, произошедшие в западной Монголии в первой половине XX в., оказали значительное влияние на жизнь местного населения.

2. Материалы и методы

В работе в качестве источников привлекаются архивные документы из Центрального национального архива Монголии (МУУТА — Монгол Улсын Үндэсн Төв архив), Специального архива Главного управления разведки Монголии (МУТЕГА — Монгол Улсын Тагнуулын ерөнхий газрын тусгай архив), а также научная литература, прежде всего новейшие исследования монгольских и тувинских исследователей, в которых отражены отдельные аспекты проблемы и приводятся воспоминания участников рассматриваемых событий. В качестве источника использована информация, содержащаяся на «Аллее памяти героев Кобдинского сражения (1912–1914 гг.)». В работе применяются историко-сравнительный и описательный методы исследования.

3. Революция 1911 г. и тувинцы

Постепенное ослабление могущества маньчжурской династии Цин создало условия для того, чтобы поработанные ею народы начали борьбу за независимость. В 1911 г. монголы под предводительством Богдо-гэгэна провозгласили независимость, и среди тувинцев также начались восстания против власти Цин.

3.1. Начало борьбы дербетов, байтов и тувинцев против маньчжурских и китайских торговцев и ростовщиков

Зимой 1911 г. отряд танну-урянхайских всадников-тувинцев собрался и совершил нападение на поселения, расположенные в долине реки Торхилог, разграбив имущество шести китайских торговых домов [МУУТА. Ф. 1. ХН. 45. Т. 7; Сандаг 2018: 199]. Нападения на китайских торговцев продолжались на протяжении всего 1911 г. Жители Хемчикского кожууна в Танну-Урянхае захватили около 25 китайских торговых точек, сожгли долговые книги и выгнали владельцев [Орос дахь монгол 1995: 199]. В 1912 г. подобные набеги продолжились. Так, 8 января 1912 г., узнав о готовящемся рейде урянхайцев, хозяева торгового дома в Баян-Коле в панике бежали в направлении Каа-Хема. Однако урянхайцы (около 40 человек) их догнали, вскоре к преследующим присоединились еще 60 человек, и они разграбили и подожгли оставленное без присмотра имущество. Впоследствии, 12 января, аналогичные нападения произошли в местечке Таспы в Улуг-Хемском кожууне, 14–15 января — в Чаа-Хёле, 16 января — в Чадане, и затем практически ежедневно совершались нападения на китайские торговые дома, сопровождаемые грабежами и поджогами [Кабо 1934: 163–164]. Эти события были подробно задокументированы в разведывательных отчетах Иркутского военного округа.

Действия нападавших на китайские торговые дома тувинцев, по всей видимости, вдохновляли их соседей — население Далай-ханского аймака Монголии, также поднимавшихся на борьбу против маньчжурской власти. Так, местные жители в Улангоме и в байтских¹ землях совместно с урянхайцами разрушали китайские торговые поселения, а спасавшиеся китайцы бежали в Ховд² [Бурдуков 1987: 69]. В 1911 г. в аймаке Дербет под руководством Пунцага местные жители разгромили ближайшие китайские ростовщические фирмы и захватили товаров на сумму 21 900 лан, поделив их между собой [МУУТА. Ф. 1. ХН 36. Т. 165].

В январе 1912 г. в дербетских и байтских кожуунах вспыхнуло движение против маньчжурских и китайских чиновников, алчных торговцев и ростовщиков. Инициативу в борьбе взяли на себя танну-урянхайцы из кожууна Говь-бэйс и байты, которые напали на китайцев, находившихся в низовьях реки Тэс, разграбив их товары, лошадей и скот, а также сожгли долговые книги китайских торговцев. Это стало сигналом для других, и китайцы, находившиеся вдоль реки Тэс, в панике разбежались по разным направлениям, рассеявшись среди байтских зимовок. Китайцы, охваченные паникой, срочно эвакуировали свои торговые компании и передвижные отделения в такие места, как Дэжээлин (монастырь байтов, расположенный в кожууне Самдан-вана), Цалгар (поселение

¹ Байты и дербеты составляли основное население Далай-ханского аймака Монголии.

² Город Ховд в русскоязычных источниках того времени назывался Кобдо. В настоящее время принято написание «Ховд».

князя-бэйсэ Нацага), Улангом и Буянт (торговые точки Да Шенкуй), Арашант (торговая точка Юн Шиндэ) и монастырь халхаского князя-гуна Гончигдамбы. Собравшись в этих местах, они временно успокоились. Однако вскоре урянхайцы вновь взяли инициативу в свои руки и начали вести местное население за собой в борьбе против китайцев. Ночью они прибыли в монастырь Дэжээлин, открыли стрельбу и вызвали панику, заставив китайцев покинуть свои торговые дома. Некоторые из китайцев спрятались в жилищах буддийских монахов (лам), а отдельные надели монашеские одеяния и бежали. Уходя, они забрали часть своих долговых книг, оставив другие книги у монахов. Узнав об этом, урянхайцы поделили оставшиеся товары и потребовали у монахов передать им оставшиеся долговые книги, пригрозив разрушить монастырь, если это не будет сделано. Монахи вынуждены были передать китайские долговые книги урянхайцам. Через два дня урянхайцы разграбили торговые посты в Арашанте и Буянте, заставив китайцев в панике бежать в Ховд и Улясутай. Только группе китайцев, находившихся в Цалгаре, удалось выжить, укрывшись в резиденции бэйсэ Нацага [Нямдорж 2015: 67–68].

Далай-хан Тумэндэлгэржав отправился с войском в Ховд, и после этого туvinцы напали на китайцев, проживавших в районе Улангома (по неофициальным данным, там находилось около 250 китайцев). Китайцы, укрывшиеся в крепости Улангома, вооружились старыми ружьями, копьями и дубинками, готовясь к обороне. Они даже построили пушку из дерева, обшив ее жестью с обеих сторон и укрепив веревками, после чего установили ее на крепостной стене. Эта самодельная пушка, установленная на оси телеги и заряженная чугунными ядрами, выглядела внушительно, и слухи о ней быстро распространились в окрестностях. Услышав об этом, более ста безоружных урянхайцев из Хемчика, вооружившись деревянными палками, под покровом ночи атаковали китайцев, засевших в крепости Улангома. Они закричали, чтобы напугать спящих китайцев. Самодельная пушка китайцев, которую они так старательно изготовили, взорвалась при первом же выстреле, убив двоих китайцев, находившихся рядом [Бурдуков 1987: 68]. Урянхайцы захватили около 25 конных мельниц, находившихся за крепостной стеной, разграбили запасы муки и риса и попытались проникнуть внутрь крепости. В это время прибыл начальник кожууна Далай-хана Бардуу с отрядом, чтобы остановить столкновение. Потерей китайцев стали только несколько солдат, погибших из-за взрыва пушки [Амитан 2015: 93–94]. После этого оставшиеся китайцы бежали в Ховд.

О нападении дербетов, байтов и тувинцев на Улангом стало известно после освобождения Ховда, когда допрашивали ховдского чиновника по имени Хуувий. Он сообщил: «...В феврале этого года торговцы и многие люди из разных монгольских кожуунов, в том числе танну-урянхайцы, напали на китайцев в Улангоме и других местах, разграбили их имущество и убили людей. Также они заявили, что направляются в Ховд. Поэтому все торговцы в Ховде запросили защиты, и им было выделено 200 ружей и патроны¹» [Мягмарсамбуу 2022: 41].

Таким образом, простые жители соседних регионов начали вдохновляться примерами их борьбы с маньчжурской властью и китайскими торговцами и в некоторых случаях сотрудничать в борьбе против общего врага.

¹ Здесь и далее перевод мой. — Н. Н.

3.2. Привлечение правительством Монголии войск из Тувы для освобождения Кобдоского края

Одной из первых задач, которые Богдо-ханское Монгольское государство поставило после своего основания, было изгнание маньчжурского амбана из города Ховд. Одной из причин освобождения Ховда было «присоединение кожуунов и населения Тагны, Ховда и Алтая к новообразованному независимому Монгольскому государству» [Сухбаатар 2000: 19].

После прибытия представителей нового — Богдо-ханского — правительства в западные земли Ж. Дамдинсурэн и С. Магсаржав считали необходимым призвать войска из Тувы, а Джалханза хутухта Дамдинбазар установил связь с властями Танну-Урянхая [Нямдорж 2022: 78]. Весной 1912 г. представители Богдо-ханского правительства провели экстренное собрание Ховдского округа в Улангоме. В этом собрании приняли участие Дамби Джамцан, большинство князей из двух дербетских аймаков, представители Танну-Урянхая, а также сторонники Китая — Нацаг-бэйсэ и Далай-хан [Бурдуков 1987: 75]. На этом собрании было принято решение об освобождении Ховда.

В последовавшем освобождении Ховда участвовали и войска Танну-Тувы, подтверждение этому факту находим в работах исследователей. Так, С. Мягмарсамбу пишет: «Министры Ж. Дамдинсурэн и С. Магсаржав организовали свои войска в шесть отрядов и установили направления атаки. В частности около 500 воинов под командованием С. Магсаржава были расположены на правом фланге у подножья горы Талын Улаан, войска из двух дербетских аймаков находились к востоку от монастыря Тугээмэл Амаржуулагч, 300 урянхайских воинов стояли восточнее, около горы Цонж, войска двух восточных аймаков располагались на северной стороне горы Рашаант, а к югу от города, в местности Алаг Толгой, был размещен отряд, прибывший из столицы» [Мягмарсамбу 2022: 35–36]. 20 июня (по новому стилю — 3 августа) на рассвете «из города Ховда вышло большое количество солдат, которых вскоре удалось отбить и загнать обратно. В этот момент ... с северо-запада подошли новые вражеские силы ... и Ж. Дамдинсурэн направил баргутские войска, чтобы встретить их. В этом сражении отличились командир Нямбуу, князь первого ранга Жамсранжав, начальник Эрдэнэ и князь четвертого ранга Иишуу. Вскоре за ними в бой вступил лама Дамбийжанцан¹ с 300 халха-монгольскими и 87 танну-урянхайскими воинами. Объединив силы, они в течение часа разгромили противника» [Мягмарсамбу 2022: 37]. Д. Гонгор сообщает, что у Цонж чулуун на востоке разместились 300 воинов Урянхайского кожууна [Гонгор 2006: 99]. Н. Алтантогс отмечает, что при осаде Ховда на востоке от Шар сюме размещались войска из двух дербетских аймаков, а к востоку от Цонж чулуун находились 300 воинов Танну-Урянхая под командованием Лувсана [Алтантогс 2022: 47; Монгол цэргийн 1996: 40]. Х. Чойбалсан писал, что после этого было решено атаковать и захватить город Ховд. В первую очередь была организована попытка прорвать и разрушить стену Сангийн хот. Однако, несмотря на то, что Лувсан из Урянхая и его команда трудились несколько дней, копая и закладывая 5 пудов пороха для подрыва стены, они не смогли ее разрушить [Чойбалсан 1942: 43]. Поэтому было решено атаковать со всех четырех сторон.

¹ Дамби Джамцан, Джа-лама.

Б. Нямдорж отмечает, что 3 августа 1912 г. под командованием Ж. Дамдинсүрэна было организовано нападение на 140 китайских солдат, прибывших из Бугатского кожууна, при этом было полностью уничтожено их войско [Нямдорж 2014: 84]. Также были захвачены 80 ружей и 10 000 патронов [Батсүрэн 2022: 155], которые использовались для вооружения дербетских, баитских и урянхайских войск.

По данным историка Тувы М. Х. Маннай-Оола, бой за освобождение Ховда начался 8 июля 1912 г. Из-за мощной защиты китайских войск было решено взорвать стену. Он также сообщает, что командир урянхайских войск Лопсан (Лувсан) выделил 7 наиболее умелых солдат, которые в течение недели копали под стеной и, наполнив подкоп порохом, попытались взорвать стену, но без значительного успеха [Маннай-Оол 1998: 136]. Китайские войска ответили огнем, и в результате боев получили ранения Ёндон, Ужар-оол и Кара-Хопуй. Тем временем под руководством Хатанбаатара Магсаржава и Манлайбаатара Дамдинсүрэна более 3 000 солдат были собраны для осады, а 2 000 солдат были подготовлены для нападения, что в итоге привело к освобождению Ховда [Маннай-Оол 1998: 136].

В Национальном архиве Тувы, Национальном музее Республики Тыва и Тувинском институте гуманитарных и прикладных исследований имеется множество документов, связанных с этими событиями. Среди них есть интересные воспоминания участников событий 1912 г. Так, на основе анализа ряда документов В. С. Салчак и Б. Баярсайхан приводят сведения о том, что война за освобождение Ховда началась в час Тигра в день Тигра под руководством тувинского военного командира Куулара Лопсана. Жалханз Хутэгт (т. е. Джалханза хутухта) благословил воинов и их оружие, а тувинские солдаты переоделись в китайскую военную форму, чтобы обманом открыть ворота крепости. Во время войны на высоких горах позади Ховда Джалханза хутухта с монахами читал молитвы, а сказитель Парчин исполнял эпос «Бум Эрдэн» [Салчак, Баярсайхан 2025: 72].

Что касается точного числа тувинских солдат, участвовавших в освобождении Ховда, мнения исследователей расходятся. Правительство Богдо-хана уведомило амбана Тагны Комбу-Доржа (Гомбодоржа. — Н. Н.) и правителей кожуунов, возглавлявшихся князьями-бэйсэ, о необходимости направить солдат для участия в освобождении Ховда, после чего в Танну-Урянхае начался военный призыв [Маннай-Оол 1998: 127-140]. Амбань Тагны отправил своим военачальникам Санаа и Дандыгай-Залаану приказ о призыве солдат 5 июля 1912 г. для участия в «операции по урегулированию северо-западных территорий» [Салчак, Баярсайхан 2025: 73].

Численность тувинских воинов, участвовавших в освобождении Ховда, оценивается различно. Х. Чойбалсан пишет, что Лувсан из Урянхыя привел 300 солдат для участия в освобождении Ховда [Чойбалсан 1942: 35]. Во втором томе «Истории МНР» говорится, что в этот период Гомбодорж из Урянхыя привел в Улангом 300 солдат, а позже к ним присоединились 300 солдат из 17 сомонов под командованием Ши бэйсэ [БНМАУ-н түүх 1968: 443]. Исследователь Д. Шурхуу считает, что цифра в 600 солдат выглядит достаточно обоснованной [Шурхуу 2007: 145]. Однако Б. Батсүрэн [Батсүрэн 2022: 65] опровергает эти данные, указывая, что в отчете Ж. Дамдинсүрэна упоминается только 87 добро-

вольцев из Танну-Урянхая, среди которых были командиры Дамбий, Малтар, Увш, Цагаанху и Сэрээтэр [Дэндэв 2010: 207–208]. Этим людям объединили с солдатами из алтайских олетов и разместили рядом с монастырем Шар-сюме. Позже их переместили на менее важную позицию у Цонж чулууна, что могло быть связано с их небольшим числом [Батсүрэн 2022: 65].

Современные российские исследователи считают, что в освобождении Ховда участвовало от 600 до 1 000 тувинцев. Например, тувинский ученый Ю. Л. Аранчын указывает, что «число призванных в армию составляет 559, добровольцев — 116, всего — 675 человек» [Аранчын 2021: 9–26]. Историк М. Х. Маннай-Оол в своей работе отмечает, что «правители Танну-Урянхая — отгон Тогос и Мээрэн Занги, а также генерал-командир Комбу-Доржу в очень короткие сроки провели призыв, разбив 200 солдат на 4 группы по 50 человек под командованием 2 офицеров, назначив 4 человека для обеспечения тыла и 40 добровольцев, всего подготовив 250 человек. Из них 146 были вооружены, 104 — без оружия. Также из кожууна Бейсе было 200 человек, из кожууна Даа — 160, из местности Бора-Шай пришли 20 солдат, среди которых были Менго и Алдын-Херел (Алтангэрэл. — Н. Н.), 60 солдат от мэйрэнов¹ Хандагайта — Байыскалан, Опунай, Белек. В общей сложности их было 698, и вместе с добровольцами, которые присоединились по пути, в войне за освобождение Ховда участвовало около 1 000 тувинцев» [Маннай-Оол 1998: 130]. Историк А. К. Канзай, основываясь на копии рапорта, отправленного консулом А. А. Вальтером 12 декабря 1912 г. от подьесаула Харанова («Из Урианхая идет войско из 1 200 человек, отправленное Чжа-ламом, они прибыли на три остановки до Ховда» [Канзай 2021: 51]), полагает, что число солдат, прибывших из Урианхая в ноябре-декабре 1912 г., может составлять от 1 000 до 1 200 [Канзай 2021: 51].

Из этого можно заключить, что в освобождении Ховда участвовало более 700 солдат из Тувы.

Исследователь В. С. Салчак вместе с тувинскими учеными основал мемориальный парк «Битва за Ховд: историческое событие, произошедшее в Туве и Монголии в 1912–1914 годах» в г. Кызыле в честь тувинских воинов, участвовавших в освобождении Ховда. В этом мемориальном парке на стенде размещены имена 561 бойца, принимавшего участие в освобождении Ховда, а также установлены бюсты 8 человек, которые, как считается, возглавляли это сражение.

Рассмотрим имена тех, кто был упомянут в этом списке²:

¹ Мэйрэн — должностное лицо. Это звание, которое носили все тувинские военачальники, отправлявшиеся в Ховд. Во времена маньчжурской династии Цин также так называли чиновника, ответственного за помощь губернатору уезда, и заместителя чиновника, отвечающего за финансовые и административные дела.

² Список имен приводится в оригинальном варианте написания, чтобы избежать искажений при переводе имен в соответствии с алфавитом русского языка.

Солдаты, призванные приказом Амбань-ноёна (губернатора):

1. Даамал дарга (командир взвода)
Езуту — 34 года;
2. Базыр — 52 года;
3. Чамьян — 37 лет;
4. Мелдер-оол — 55 лет;
5. Хортан-Бөрүк — 30 лет;
6. Чылбак-оол — 48 лет;
7. Ензук — 20 лет;
8. Дорбуй-оол — 28 лет;
9. Чолдак-Кара — 26 лет;
10. Манзый-оол — 26 лет;
11. Даамал дарга (командир взвода)
Агбаан — 29 лет;
12. Байыр — 52 года;
13. Дүкей — 37 лет;
14. Биче-оол — 28 лет;
15. Дозур — 31 год;
16. Доптаанак — 37 лет;
17. Балдан — 21 год;
18. Таспаанчык — 23 года;
19. Кегелчик — 32 года;
20. Кош-кулак — 29 лет;
21. Даамал дарга (командир взвода)
Балчий — 33 года;
22. Чамбий — 45 лет;
23. Буюкпан — 58 лет;
24. Чамбий-оол — 32 года;
25. Надмит — 19 лет;
26. Биче-оол — 34 года;
27. Балдан — 26 лет;
28. Оруспай — 48 лет;
29. Хаважап — 40 лет;
30. Ходушпай — 34 года;
31. Даамал дарга (командир взвода)
Ёндан — 44 года;
32. Хойбалык — 25 лет;
33. Монгалбии — 20 лет;
34. Бадыраа — 22 года;
35. Ужар-оол — 35 лет;
36. Хойзунмай — 56 лет;
37. Лопсан-оол — 45 лет;
38. Бугалдай — 20 лет;
39. Сайын белек — 30 лет;
40. Сайын-оол — 20 лет;
41. Даамал дарга (командир взвода)
Дамбаа — 39 лет;
42. Опай — 23 года;
43. Аппужук — 28 лет;
44. Монгалбии — 31 год;
45. Хавандай — 26 лет;

46. Дуганчык — 39 лет;
47. Шаратай — 39 лет;
48. Донгуракпай — 25 лет;
49. Шыырап — 21 год;
50. Шаратай — 39 лет;
51. Чорбаа — 48 лет;
52. Командир этих 50 воинов — залан
Дарыма-Базыр — 32 года;
53. Даамал дарга (командир взвода)
Чыргалан — 58 лет;
54. Конзан — 25 лет;
55. Сергелен — 40 лет;
56. Шекпей — 24 года;
57. Дөнгүр-оол — 42 года;
58. Балчий — 30 лет;
59. Анчы — 26 лет;
60. Адыяа — 50 лет;
61. Хөмүртү — 50 лет;
62. Атсыгбай — 45 лет;
63. Даамал дарга (командир взвода)
Хаа-Сүрүн — 31 год;
64. Ойдуп — 47 лет;
65. Бумба — 23 года;
66. Сарыг-оол — 45 лет;
67. Сииринмей — 18 лет;
68. Хопуй — 43 года;
69. Чөнүкпей — 51 год;
70. Баадыр-оол — 21 год;
71. Эргилек — 52 года;
72. Даваа — 52 года;
73. Даамал дарга (командир взвода)
Каваа — 36 лет;
74. Бакыйлан — 51 год;
75. Сүрүн — 37 лет;
76. Дондар — 37 лет;
77. Дүгээлей — 26 лет;
78. Хунакаа — 33 года;
79. Сүүжүк — 23 года;
80. Калзанмай — 18 лет;
81. Санчатпай — 26 лет;
82. Шыылаа — 41 год;
83. Даамал дарга (командир взвода)
Ойдуп — 31 год;
84. Бадыргы — 34 года;
85. Байыр-Хөө — 32 года;
86. Чылбак-оол — 40 лет;
87. Чадамба — 27 лет;
88. Баажый — 20 лет;
89. Кезил-оол — 33 года;
90. Тунгулак — 19 лет;
91. Намдак — 22 года;
92. Буйбу — 53 года;

93. *Даамал дарга* (командир взвода)
Дандыгай — 24 года;
94. Дулбаа — 27 лет;
95. Доктугу — 23 года;
96. Бүүрекпен — 33 года;
97. Банзул — 24 года;
98. Бичелей — 47 лет;
99. Максур — 63 года;
100. Серен — 35 лет;
101. Түмен-Баадыр — 26 лет;
102. Ян-оол — 20 лет;
103. Командир роты (*арыскан занги*)
Сундуй — 44 года;
104. *Даамал дарга* (командир взвода)
Тараачы — 45 лет;
105. Бүлчүн — 23 года;
106. Сундуйбан — 29 лет;
107. Балданай — 33 года;
108. Амырдаа — 42 года;
109. Намаакай — 37 лет;
110. Лакпа — 37 лет;
111. Түмен — 30 лет;
112. Дондуп; 113. Шойдак — 54 года;
114. *Даамал дарга* (командир взвода)
арыскан занги Серен — 39 лет;
115. Кимпал — 22 года;
116. Дондупчук — 31 год;
117. Тоолайбан — 31 год;
118. Маннай — 26 лет;
119. Кодур-оол — 49 лет;
120. Хас-оол — 23 года;
121. Ян — 23 года;
122. Базыр-Док — 66 лет;
123. Агар — 26 лет;
124. *Даамал дарга* (командир взвода)
Бадан — 54 года;
125. Сүрүн — 41 год;
126. Дарда-Көк — 32 года;
127. Намбар — 21 год;
128. Сумбаазык — 27 лет;
129. Таспан — 32 года;
130. Болчаан — 42 года;
131. Дондувай — 38 лет;
132. Донунай — 42 года;
133. Терезик — 39 лет;
134. *Даамал дарга* (командир взвода)
Сундукай — 45 лет;
135. Шадьп — 22 года;
136. Суван — 25 лет;
137. Шыырап — 32 года;
138. Самдан — 24 года;
139. Мелдер — 71 год;
140. Шинин — 26 лет;
141. Донгуян — 58 лет;
142. Багай — 26 лет;
143. Ёнзук — 32 года;
144. *Даамал дарга* (командир взвода)
Самдан — 36 лет;
145. Сарыг-оол — 72 года;
146. Агбаан — 32 года;
147. Майынды — 46 лет;
148. Калга-Хөө — 36 лет;
149. Лүүжү — 24 года;
150. Думчукпан — 46 лет;
151. Миндикей — 25 лет;
152. Тонмит — 20 лет;
153. Шикпер — 49 лет;
154. *Даамал дарга* (командир взвода)
Мөнгө — 44 года;
155. Сыпынай — 30 лет;
156. Шагжы — 41 год;
157. Тайлырбан — 24 года;
158. Сананчык — 49 лет;
159. Ордуп-оол — 33 года;
160. Дажываа — 38 лет;
161. Марчын — 47 лет;
162. Чамыян — 29 лет;
163. Тойбунай — 21 год;
164. *Даамал дарга* (командир взвода)
Хайбыт — 39 лет;
165. Баазан — 45 лет;
166. Шадыпай — 29 лет;
167. Энчекпен — 20 лет;
168. Кандан — 21 год;
169. Домакпан — 29 лет;
170. Эник-Кирер — 44 года;
171. Даваа — 29 лет;
172. Хорукпан — 26 лет;
173. Балдар — 40 лет;
174. *Даамал дарга* (командир взвода)
Дамба — 33 года;
175. Бузан-оол — 47 лет;
176. Динзе — 46 лет;
177. Шойдаарак — 47 лет;
178. Бүдү — 27 лет;
179. Шывак — 27 лет;
180. Ёнзук — 23 года;
181. Төмүр — 21 год;
182. Надмид — 27 лет;
183. Айыыр — 25 лет;
184. *Даамал дарга* (командир взвода)
Маньрыяа — 30 лет;
185. Калбак-оол — 26 лет;
186. Самындар — 25 лет;

187. Борбак-оол — 26 лет;
 188. Сундуй — 23 года;
 189. Ажыл-оол — 26 лет;
 190. Самбыра — 28 лет;
 191. Далай — 48 лет;
 192. Өзеккей — 33 года;
 193. Көкей — 40 лет;
 194. *Даамал дарга* (командир взвода)
 Балдан — 55 лет;
 195. Сундуй — 23 года;
 196. Дембирел — 19 лет;
 197. Тараачы — 24 года;
 198. Шавы — 29 лет;
 199. Шывак — 29 лет;
 200. Хуна — 34 года;
 201. Чалзал — 30 лет;
 202. Чылбак-оол — 22 года;
 203. *Даамал дарга* (командир взвода)
 Шыырап — 47 лет;
 204. Намчал — 37 лет;
 205. *Командир этих 50 воинов — арыскан занги* Дагбажай — 39 лет;
 206. *Командир всех воинов — Мээрэн* Санаа — 42 года;
 207. *Залан* Дандыгай — 44 года;
 208. Хөдел Долбанай;
 209. Хөдел Лакпа;
 210. Хөдел Лүүжү;
 211. Хөдел Дончуй-оол.
Добровольцы, прибывшие вместе с войсками Амбана
 212. Торлук — 59 лет;
 213. Чырандай — 66 лет;
 214. Куваа — 27 лет;
 215. Нибуу — 49 лет;
 216. Нарын-оол — 23 года;
 217. Сарыг-оол — 30 лет;
 218. Урбаа — 49 лет;
 219. Чамбал — 49 лет;
 220. Чамбал — 33 года;
 221. Шара-Хөө — 20 лет;
 222. Сарыгбай — 33 года;
 223. Чоон-Кежеге — 45 лет;
 224. Калбак-оол — 58 лет;
 225. Сайын-белек — 21 год;
 226. Чамзырын — 25 лет;
 227. Кавыына — 39 лет;
 228. Ойдупаа — 20 лет;
 229. Таван-оол — 42 года;
 230. Хайдып — 48 лет;
 231. Доктугу — 43 года;
 232. Кара-оол — 46 лет;
 233. Маныр — 52 года;
 234. Дагбажык — 40 лет;
 235. Шойнам — 30 лет;
 236. Сууржук — 23 года;
 237. Чылбак-оол — 22 года;
 238. Мөнге — 48 лет;
 239. Даш-Думчук — 45 лет;
 240. Атсыгбай — 38 лет;
 241. Нимакай — 36 лет;
 242. Лоовай — 38 лет;
 243. Коя — 35 лет;
 244. Чүдек-оол — 20 лет;
 245. Конгунай — 50 лет;
 246. Түнчүн — 52 года;
 247. Чомужак — 26 лет;
 248. Сундуйбан — 34 года;
 249. Борбак-Кара — 44 года;
 250. Монгура — 45 лет;
 251. Чотчумай — 47 лет;
 252. Хүрбежик — 50 лет.
Неполный список имен, учет призванных по указам Бээсийн и Даа кожсунов, а также добровольцев под командованием Кыргыз Дамбы:
 1. Адыг-Түлүш Ашак-Демичи;
 2. Адыг-Түлүш Балган;
 3. Адыг-Түлүш Балдан;
 4. Адыг-Түлүш Балдар;
 5. Адыг-Түлүш Дамба;
 6. Адыг-Түлүш Дойлур;
 7. Адыг-Түлүш Дүмендей;
 8. Адыг-Түлүш Марзан-оол;
 9. Адыг-Түлүш Кончук;
 10. Адыг-Түлүш Кек-оол;
 11. Адыг-Түлүш Ойбаа;
 12. Адыг-Түлүш Соскал;
 13. Адыг-Түлүш Союндуп;
 14. Адыг-Түлүш Союспан;
 15. Адыг-Түлүш Сумакин;
 16. Адыг-Түлүш Танзүрүн;
 17. Адыг-Түлүш Чадамба;
 18. Адыг-Түлүш Чудуклан;
 19. Адышаа Сергелен;
 20. *Залан* Ажыты;
 21. *Залан* Алдын-Херел;
 22. Баа-Хөө;
 23. Бады-Дондуп;
 24. Бадыргы;
 25. *Хүнд* Бады-Хөө;
 26. *Мээрэн* Байыскылан;
 27. *Мэйрэн* Барзындай;
 28. Бүрбүжал;

29. Быстаан-оол;
30. Дамба-Хөө;
31. Дамдыкай;
32. Дамдын-Сара;
33. *Занги* Дамдын Сүүрн арыскан;
34. Дамчан Кунгаа;
35. Дарга Данзын;
36. Дарган Данзырын;
37. Дарган-оол;
38. Дарыймаа;
39. Дарын-шулуту-хуулгаан (*хувил-гаан*);
40. *Захирагч* Дендип-Очур;
41. Докпак-оол;
42. Докур-оол;
43. Долаан Аргуунчук;
44. Долаан Бора-Хөө *чайзан*;
45. Долаан Күүлнмей;
46. Долаан Тараачы;
47. Донгак Даваа;
48. Понгак Дүгүр;
49. Донгак Майынды-хөө;
50. Донгак Курлуг-Анчы;
51. Донгак Кыйан;
52. Донгак Лопсан Чодур;
53. *Хүнд* Донгак Орус;
54. Донгак Өпей;
55. Донгак Самбу-Хөө;
56. Донгак Серди Х;
57. Донгак Серен-Дондук;
58. Донгак Сүрүнчач;
59. Донгак Урупчач (Үрүнчок);
60. Донгак Халбан-Кулак;
61. *Тэргүүн зоригт баатар* Донгак хенче-Кара;
62. Донгак Хүрен-оол *чайзан*;
63. Донгак Хорлуу;
64. Донгак Шыдыраа;
65. Донгак Эрен-Дондук;
66. Иргек;
67. Иргит Комбуй-оол;
68. Иргьт Конгур;
69. Иргит Күдерек;
70. Иргит Сарыг-Ёнзак;
71. Иргит Сойту;
72. Иргит Сундуйбан;
73. Иргит Тараачы;
74. *Бичээч мээрэн* Калга;
75. Кара-Донгак Шыырап *чайзан*;
76. Кара-сал Кара-Хуна;
77. Комбу;
78. Кончукай;
79. *Хүнд* Кончук;
80. Конзулак;
81. Кунаа Дамчаа;
82. Курзук;
83. Куулар Анмай;
84. Куулар Барыймаа;
85. Куулар Бүрбежал;
86. Куулар Дааданмай;
87. Куулар Дежик;
88. Куулар Кежик-хунан;
89. Куулар Кегендик;
90. Куулар Көк-Айыы;
91. *Тэргүүн зоригт баатар* Куулар Лопсан;
92. Куулар Лопсаны хүү Ажакпай;
93. Куулар Мандан-оол;
94. Куулар Самба;
95. Куулар Самбыга;
96. Куулар Сумунак;
97. Куулар Хорагай;
98. Куулар Хуулган-оол;
99. Куулар Чымба;
100. Куулар Эрен;
101. Күжүгет Адыгжы;
102. Күжүгет Додукай;
103. Күжүгет Кара-Хуна;
104. Күжүгет Чаш-оол;
105. Күжүгет Шокар-Сүүр-оол;
106. Кыргыз Адавастай;
107. Кыргыз Акаа;
108. Кыргыз Алдын-оол;
109. *Мээрэн* Кыргыз Ашак;
110. Кыргыз Балбыр;
111. Кыргыз Бөлзүк;
112. Кыргыз Дагба;
113. *Тагна Тувагийн баатар* Кыргыз Дамбы;
114. Кыргыз Дамдын-оол;
115. Кыргыз Дандаагай;
116. Кыргыз Дембирел;
117. Кыргыз Доктаалчы;
118. Кыргыз Доктугу;
119. Кыргыз Кызанмай;
120. Кыргыз Кызыл-оол;
121. Кыргыз Лопсан-оол;
122. Кыргыз Манчын;
123. Кыргыз Момбужай;
124. Кыргыз Намбырал;
125. Кыргыз Намчай;
126. Кыргыз Ойдуп;
127. Кыргыз Онгар-оол;
128. Кыргыз Опай;

129. Кыргыз Сар-Хөө;
 130. Кыргыз Седен;
 131. Кыргыз Серен-Орус;
 132. Кыргыз Суван;
 133. Кыргыз Сүүлей-Доржу;
 134. Кыргыз Топтан-оол;
 135. Кыргыз Улаан-Байыр;
 136. Кыргыз Хорлуг-оол;
 137. Кыргыз Чамзы;
 138. Кыргыз Чинне;
 139. Кыргыз Чирик-Балдыр;
 140. Кыргыз Чиртек-Мелдер;
 141. Кыргыз Чүдеки;
 142. *Лам* Кыргыз Чылап;
 143. Кыргыз Чымба;
 144. Кыргыз Шондаан;
 145. Кыргыз Ырлаар-оол;
 146. Мойтужук;
 147. Монгуш Белек-чагырыкчы;
 148. Монгуш Белеклен;
 149. Монгуш Бугатай;
 150. Монгуш Бүрбү;
 151. Монгуш Имажап;
 152. Монгуш Көкүне;
 153. Монгуш Мажыкы;
 154. Монгуш Метпекей;
 155. Монгуш Мочак;
 156. Монгуш Сарадак;
 157. Монгуш Темээкей;
 158. Монгуш Чыда;
 159. Монгуш Шыырап-Хелин;
 160. Монгуш Ыйдамчык;
 161. Мөге-Хелин (Хүрекей Чөвекийн
 хүү *лам* Мөге);
 162. Мембүү (жей);
 163. Мөнгө чангы;
 164. Наадым чангы; 165. Нарын;
 166. Ондар Алдын-Херел;
 167. *Лам дарга* Ондар Кенден;
 168. Андар Сундуй-оол;
 169. Ондар Токпак-оол;
 170. Ооксу Хүлбүзек;
 171. Ооржак Амыр-Ашак;
 172. Ооржак Буян-оол;
 173. Ооржак Кенден-Нава;
 174. Ооржак Узун-Буттуг;
 175. Мээрэйн Опанай;
 176. Орус-оол;
 177. Осурбай;
 178. *Зоригт баатар* Откун;
 179. *Бичээч* Оюн Ак;
 180. Оюн Баазн;
 181. Оюн Беден;
 182. *Зоригт баатар* Оюн Дактан;
 183. Оюн Делик-оол;
 184. Оюун Донай;
 185. Оюун Дүгээлей;
 186. Оюун Кара-Хапый;
 187. Оюн Моол-оол;
 188. Оюн Мылдыккы;
 189. Оюн Ойдул Кашпык;
 190. Оюн Падар-оол;
 191. Оюун Сайын-Белек (Күрсэди);
 192. Оюн Самбуу;
 193. Оюн Сайын-оол;
 194. Оюн Сандан-*Хурак*;
 195. Оюун Сийрен;
 196. Оюн Уван-*Сот*;
 197. Оюн Хелин-оол;
 198. Оюн Чадамба;
 199. Оюн Чула;
 200. Өлзей Буян;
 201. Саая Намчыл (Допур-оол);
 202. Садыгжы,
 203. Салчак Мадарай;
 204. Салчак Сыпый-оол;
 205. Салчак Тоокур *Мерген*;
 206. *Захирагч* Салчак Үндүн;
 207. Салчак Энге;
 208. Самдан;
 209. Санчай;
 210. Санчатпаа;
 211. Сартыыл Сумар-Мунгурга;
 212. *Лам* Сарыг;
 213. Сарыглар Базыр-оол;
 214. Сарыглар Боратан;
 215. Сат Байыр;
 216. *Захирагч* Сат Бойдаа;
 217. Сат Дугур;
 218. Сат Кежиккей;
 219. *Хүнд* Сат-оол Дамдын;
 220. Сат Санаа;
 221. Сат Таран-оол;
 222. Сат Хунажык;
 223. Сат Шойдар;
 224. Севен-оол;
 225. Соян Бора-Дуга;
 226. Соян Ондарай;
 227. Соян Соодай;
 228. Соян Текпер;
 229. Таваа;
 230. Хамба Тактан;
 231. Ткпарак;
 232. Тумат Адавастай;

233. *Баатар* Тумат Биче;
 234. Тумат Борбак-оол *чайзан*;
 235. *Мээрэн* Тумат Дыржы;
 236. Тумат Калчан-Чамзырын;
 237. *Хүнд* Тумат Кыспай;
 238. Тумат Матпажык;
 239. Тумат Сандак;
 240. Тумат Сержикей;
 241. Тумат Серээ;
 242. Тумат Сыспыр-оол;
 243. Тумат Тыспыр-оол;
 244. Тумат Узун-Кежеге;
 245. Тумат Чамбаалай;
 246. Тумат Шокар-Идам;
 247. Түвендей;
 248. Түлүш Айыжы;
 249. Түлүш Баазанай;
 250. Түлүш Бады-Төмүр;
 251. Түлүш Балчый;
 252. Түлүш Барзын-оол;
 253. Түлүш Бүрүшкеклей (Адан-Чода);
 254. Түлүш Дамбай-оол;
 255. Түлүш Дамбый;
 256. Түлүш Дамдыкай;
 257. Түлүш Данзын;
 258. Түлүш Дондукай;
 259. Түлүш Кадын Нава;
 260. Түлүш Калга-оол;
 261. Түлүш Кошкар-оол;
 262. Түлүш Кыспай;
 263. Түлүш Сандан;
 264. Түлүш Санчай-оол;
 265. Түлүш Сарыг-*Хырын*;
 266. Түлүш Сендижик;
 267. Түлүш Мендий-оол;
 268. Түлүш Серемел;
 269. Түлүш Серен-Орус;
 270. Түлүш Серенмаа;
 271. Түлүш Соданнай;
 272. Түлүш Токаш-оол;
 273. Түлүш Төмүрген;
 274. Түлүш Түмен-Чыргал;
 275. Түлүш Түрүшкеклей;
 276. Түлүш Шыдаар;
 277. Түлүш Шырбан;
 278. Түмен-оол;
 279. Улуг-Хелин,
 280. Хавандай;
 281. Хавырыкпай;
 282. Хертек Дамбаштай;
 283. Хертек Наадын-Хөө;
 284. Хетпе-чагыры;
 285. Ховалыг Онгар-оол;
 286. Ховалыг Сайын-Белек;
 287. Хомушку Дыйтаа;
 288. Хомушку Чыртак-Сүрүн;
 289. Хунан-Кара;
 290. *Хуулгаан соржу* Зара-хелин;
 291. Часпас-Адар *Хырынай*;
 292. Чанчпы;
 293. Черлик-оол;
 294. Черликпей;
 295. Чолдак-*мөге*;
 296. *Лам* Чотчу;
 297. Шавыраа;
 298. Шалык Кижиир-оол;
 299. Шалык Мөөнекей;
 300. Шойдан;
 301. Шокар-Айыжы;
 302. Шонаклан;
 303. Шыдыраа Деге;
 304. Шыра-Хуурук;
 305. Шыырап *чайзан*;
 306. Ырыл; 307. Эргине; 308. Чооду
 Амырдаа.
Алтайские тувинцы
 309. *Гүн (ноён)* Иргит Очуржап (Са-
 рыг-даа);
 310. *Баатар* (герой) Карсыга;
 311. Хаа-Хөйүк Овчаа;
 312. Сүжигт, сын Тэжээвэра, из рода
 Сарыглара.

Из данного списка можно заключить, что солдат, прибывших из Тувы в Ховд для участия в его освобождении, можно разделить на четыре категории: солдаты, пришедшие по приказу амбана, солдаты, мобилизованные из кожуунов Бейсе и Даа, добровольцы и солдаты из Алтайской Тувы.

В состав солдат, мобилизованных по приказу амбана, входило 211 человек, которых разделили на 20 десятков, назначив над ними десятников, а затем объединили в четыре пятидесятка, которые возглавлялись предводителем залана, а всей группой командовал мэйрэн Санаа. Среди добровольцев, прибывших вместе с этими солдатами, удалось установить имена 44 человек.

Что касается солдат из кожуунов Бейсе и Даа и добровольцев под командованием Кыргыз Дамбы, всего их было 308 человек. Однако нет информации о том, как именно эти солдаты были распределены по десяткам и пятидесяткам, кто был их командирами и кто из них был добровольцем. Тем не менее было записано социальное положение некоторых из этих солдат, что представляет интерес. Среди них были два залана, пять человек со статусом «хунд» (уважаемые люди), пять мэйрэнов, один анги (командир отряда), один хувилгаан (священнослужитель), один хувилгаан-цорж, три предводителя, пять зайсанов, два писаря и пять лам.

В составе солдат, пришедших из Алтайской Тувы, зарегистрировано только четыре человека, что говорит о неполноте данного списка. В начале списка указано имя кожуунного князя гуна Очиржава, что позволяет предположить, что он был их командиром.

Что касается добровольцев, имена и возраст 44 человек, прибывших вместе с амбаньскими солдатами, были установлены, но точное количество и имена добровольцев из кожуунов Бейсе и Даа не определены. Известно лишь, что их возглавлял Кыргыз Дамба. Исследователь Ю. Л. Аранчын утверждает, что «из бейсского кожууна было 68 добровольцев под командованием Дамбы и Улаан-Байыра» и что всего участвовало 116 добровольцев [Аранчын 2021: 9–26].

Солдаты, участвовавшие в сражении, были в возрасте от 19 до 66 лет и представляли все социальные классы. Это позволяет заключить, что тувинцы участвовали в освобождении Ховда не только по приказу властей, но и добровольно, следуя своим собственным желаниям и целям.

При освобождении Ховда погибло 19 тувинских солдат, около 20 человек получили ранения. После войны в честь проявивших отвагу урянхайских солдат было организовано специальное награждение: от имени Богдо-гэгэна им были вручены специальные знаки отличия. Командир Лопсан был удостоен звания «Зоригт тэргүүн тайж» («Храбрый главный князь»), а также награды в виде знака отличия — «девятиглазого» «отго жинс»¹ [Аранчын 2021: 9–26], Ондару Сундуй-оолу вручили знак «*хиа отго жинс*»² в качестве поощрения. В предании говорится, что «Богдо-хан наградил тувинских солдат, участвовавших в освобождении Ховда, среди которых Куулар Лувсан был удостоен звания „Тэргүүн зоригт баатар“ („Главный храбрый герой“), а также награды получили Хенче-Кара, сын Донгак Чигденчапа, Оюун Дактан и Откун. Хатанбаатар Магсаржав и Манлайбаатар Дамдинсурэн присвоили звание „Тагна-Урианхайн баатар“ („Герой Танну-Урянхая“) более чем 30 солдатам, помимо этого, было много других наград для командиров, занги, мээрэн и других офицеров» [Аллея Героев]. В мемориальном парке, созданном в Кызыле, установлены бюсты восьми героев Танну-Урянхая: Ойдуца, сына Оюна Кашпыка (1878–1941), Ойтпака, сына Кижиир-оола (1890–1948), Кужугета, сына Адыгжы Мерге (1890–1948), Наадын хоо, сына Хертек Балзана (1872–1941), Тэргүүн зоригт баатар Хенче-карас, сына Донгак Чигденчапа (1872–1930), Тэргүүн зоригт баатар Куулар Лопсана, сына Балданы (1878–1932), Шондаан, сына Кыргызса Кармана (1892–1943) и Сундуй-оола, сына Ондара Допуша (1878–1966). В списке участвовавших солдат также упоминаются имена Тэргүүн зоригт баатар Куулар Лопсан, Зоригт

¹ Отго жинс — знаки отличия на головных уборах, в том числе перья и камни, использовавшиеся для различения рангов знати и чиновников.

² Хиа — подчиненный офицер или слуга, служащий под началом правителя или высокопоставленного чиновника.

баатар Откун, *Зоригт баатар* Оюун Дактан, *Тагна Тувагийн баатар* Кыргыз Дамба, *баатар* Тумат Биче и *баатар* Карсыга (алтайский тувинец).

Далее прошла вторая волна мобилизации для удержания крепости Кобдо. Е. А. Белов пишет, что в конце января 1913 г. монголов было около 3 тысяч: 500 халхасцев, включая роту, обученную русскими военными инструкторами, остальные — новобранцы из Кобдоского (т. е. Ховдского) округа и 700 танну-урянхайцев [Белов 1997: 210].

По воспоминаниям участников, мобилизованных во второй раз из Хемчика, отрядом Бэйсэ хошуна командовал Куулар Лопсан, Даа хошуна — Шавыраа. Оба отряда объединились в местечке Бора-Шай и через двадцать дней достигли местности Гурван-Салаа на юге-востоке от г. Кобдо (Ховда). Монгольский руководитель Дамбийжанцан высоко оценил мобилизацию танну-урянхайцев, прибывших в срочном порядке, в том числе из отдаленных мест [Харунова, Харунов 2023: 124].

Тувинские добровольцы, охранявшие западные пределы Кобдоского округа, в связи с длительным пребыванием вдали от родных кочевий и сложившимся тяжелым материальным положением неоднократно обращались к нойонам Урянхая с просьбой об оказании помощи в снаряжении. Так, в августе 1913 г. командиры просили снабдить войска палатками и продовольствием [Аранчын 2021: 26].

Перезимовав в местности Гурван-Салаа, весной они перебрались в Зуун Цэнхэрийн Ам, летом — на Цаган-Тунке. Тувинские отряды вернулись домой в средний месяц зимы, т. е. в январе-феврале 1914 г., приняв участие в двух крупных сражениях летом 1913 г. в местности Цаган-Тунке [Харунова, Харунов 2023: 124].

3.3. Положение Тувы после революции 1911 г.

Когда тувинские воины участвовали в освобождении Ховда, в Танну-Урянхае создались условия для принятия важного политического решения. Правители Танну-Урянхая того времени разделились на три фракции: за присоединение к Монголии, за зависимость от царской России и за независимость. В январе 1912 г. состоялось совещание всех князей, на котором богатые купцы во главе с Агваандэмчигом считали правильным поддержать Россию, в то время как князья во главе с Гомбодоржем выступали за подчинение монгольскому правительству. На этом совещании было решено, что независимость Урянхая должна быть достигнута под покровительством Российской империи, и было направлено прошение русскому царю [Нацагдорж 1963: 92].

Монгольские сторонники также не оставались бездействующими. Например, летом 1912 г. Цагаанбилэг, глава Урянхайской губернии Алтая Хемчиг, губернатор Эрхшун и князь алтайских торгутов Мишигдонров неоднократно подавали прошения Богдо-хану о подчинении Монголии [МУУТА. Ф 1. ХН 2. Т. 82]. Глава Хемчига Урянхая эрдэнэ-гун Буянбадрах поставлял военное снаряжение, и монгольское правительство назначило его в управление владениями Джалханза хутухты в аймаке Засагту-хана, наградив его титулом «туше-гун». Кроме того, Хишигжаргал, глава урянхайцев, проживавших у озера Хубсугул, князь Тогмид из Тожинского кожууна и Балжин, губернатор Сальчакского кожууна, в 1913 г. подали свои заявления о присоединении [Орос дахь монгол 1995: 93], и им были вручены печати и титулы. В апреле 1914 г. пророссийские сторонни-

ки вновь собрались и направили письмо российскому правительству, которое приняло их просьбу, назначив пограничного комиссара и заявив, что *«отныне Китай и Монголия не могут взаимодействовать с Урианхаем без разрешения центрального правительства России»* [Орос дахь монгол 1995: 94].

Когда тувинцы Урянхая стали массово переходить под власть Монголии, царская Россия назначила своих представителей, которые, используя различные методы давления, сместили с должности амбана Урянхая Гомбодоржа и привели к власти сторонника России Агваандэмчига. По соглашению 1915 г., хотя Тува формально находилась под властью Автономной Монголии, она фактически стала зоной влияния России. Вскоре Тува была втянута в Гражданскую войну, разразившуюся в России. Для уничтожения белогвардейцев в Туве туда также вошли красные войска. В этот период, в 1919 г., правительство богдо-ханской Монголии назначило Хатанбаатара Магсаржава *«главой по умиротворению Урянхайского края»* и отправило его с 300 солдатами в Туву [Шурхуу 2018: 404].

Магсаржав также набрал дополнительных солдат среди тувинцев. Хотя он не вел крупных сражений, несколько раз организовывал партизанские бои, успешно вытесняя красных солдат. Он представил к награде 7 солдат за заслуги в этих боях, трое из них были тувинцами. В архивных документах об этом говорится следующее: *«...охраняли перевал Тагна, вели бои с жестокими русскими солдатами, совершали атаки, уничтожали врага, ломали их боевой дух, обращали в бегство, захватывали оружие, занимали сложные участки местности, проявляя исключительную храбрость»* [МУУТА. Ф 1. ХН 5. Т. 130].

В архивных документах сохранилась запись следующего содержания: *«Также весной, совместно с гражданскими и военными силами, продвигаясь через горы Танну, сражались против жестоких русских... Просьба касается урианхая из сумона Салуг (Шалык) пятой степени, который служил в кожууне Далай-гун Доржпалама из Засагту-ханского аймака, наградить его четвертой степенью и званием „баатар“. Также запрашивается награждение урианхая из сумона Хиргис (Салчиг), подчиненного Самади-ламе Жалханз хутагты, Дагдана, седьмой степенью и званием „баатар“»* [МУУТА. Ф 1. ХН 5. Т. 131].

16 мая 1920 г. в местности Баянгол состоялись переговоры между полномочным комиссаром России по Урянхайскому краю А. И. Кашниковым, китайским генералом Ян Ши Чао и министром богдо-ханской Автономной Монголии по делам Урянхайского края Чин зутгэлт бейсе Жамсраном. Они договорились отказаться от кровопролитной войны и предоставить тувинцам возможность самим решать свою судьбу [Орос дахь монгол 1995: 95].

4. Освобождение западной границы от белогвардейцев в 1921 г. и участие в нем тувинцев

Революция 1921 г. продолжала идеологию революции 1911 г. в решении цели объединения монгольской нации. Именно поэтому Временное народное правительство (ВНП) и Народное правительство (НП) последовательно проводили политику присоединения Тувы в рамках создания единого монгольского государства. Весной 1921 г., когда в Монголии было создано Временное народное правительство, в Урянхайском крае также вспыхнула революция, которая дала толчок событиям на западной границе. Если в 1911 г. тувинцы и монголы вместе

боролись против маньчжурских и китайских войск, то в 1921 г. они объединились для борьбы против белогвардейцев.

4.1. Наранбаатар и его отряд в борьбе с белогвардейцами

В воспоминаниях участников освобождения западной границы от белогвардейцев встречается немало сведений о том, что среди солдат Народного правительства были тувинские воины. Основываясь на этих воспоминаниях, можно более детально рассмотреть эти события.

Жители района реки Бухмурэн вспоминают, что некий человек по имени Наранбаатар, начиная с 1920 г., собирал тувинских и монгольских мужчин, ведя борьбу против белогвардейцев на территории Танну-Урянхая и земель дербетов.

Согласно этим сведениям, тувинцы под руководством Наранбаатара принимали участие в освобождении западной границы от белогвардейцев. Настоящее имя Наранбаатара — Наран, но благодаря его героической борьбе против белогвардейцев народ прозвал его «Наранбаатар». Об этом имеются сведения в работах исследователей.

Летом 1920 г. И. Буянхишиг, ограбленный белогвардейцами, собрал 11 местных охотников, среди которых были Ц. Журнай, Х. Баянзул, М. Солуун, Т. Цэвэгмэд, Б. Цэдэн-Иш, И. Дорж и С. Чойжил. Они уничтожили более 20 белогвардейцев, когда те остановились на ночлег в зимовке «Талын торгон» [Батбаяр 1972: 31]. Это событие, вероятно, привлекло внимание тувинца Наранбаатара, который прибыл в Бухмурэн. В воспоминаниях говорится: *«В Жигэртэйском ущелье ... у старика Уйгара собралась большая группа солдат ... Мы отправляемся преследовать тех дураков, которые недавно ограбили одну тувинскую семью в урочище Баян-Огоомор. Мы рады, что жители Бухмурэна столкнулись с белогвардейцами, и хотим объединиться с вашими воинами, которые вели эту борьбу»* [Батбаяр 1972: 35]. Это говорит о том, что тувинцы, вероятно, прибыли в Бухмурэн осенью 1921 г. У них была общая цель и враг, поэтому они объединились для борьбы. Отряд Наранбаатара преследовал белогвардейцев, бежавших вверх по реке Бухмурэн. Им помогал местный проводник Цэрэн, сын Уйгара. Цэрэн вместе с солдатом Цэдэн-оолом находился на разведке, когда они случайно столкнулись с белогвардейцами и погибли. Однако белогвардейцы вскоре были достигнуты и уничтожены тувинскими солдатами под командованием Нарана на пограничной линии [Батбаяр 1972: 37]. После этого события местные жители начали называть Нарана Наранбаатаром, что означает «Наран-герой» [Батбаяр 1972: 38].

В это время Наранбаатар командовал отрядом примерно из 50 кавалеристов, среди которых около 20 были тувинцами, а остальные 30 — местными жителями монгольского происхождения. Он всегда возглавлял свой отряд, держа перед собой боевой флаг, на котором были изображены *«несущиеся пять лошадей пяти цветов, на белом фоне»* [Батбаяр 1972: 35].

Позже жители Бухмурэна вспоминали Наранбаатара так: *«Наранбаатар был человеком, хорошо знающим буддийское учение, поэтому он мог с помощью силы молитв отражать пули. Говорят, что когда он сражался в открытой степи против врагов, спрятавшихся в горах, вражеские пули всегда проливали вокруг него дождем, но не попадали в него. Он, вероятно, был не обычным человеком»* [Батбаяр 1972: 39–40].

В мае 1921 г., когда Хасбаатар и Дамбадорж прибыли в Хушуу мод, на территорию Бухмурэна, чтобы начать деятельность Народного правительства, они отправили Наранбаатару письмо с просьбой: «Присоединяйтесь к нам со своим отрядом, и мы вместе уничтожим белогвардейских бандитов» [Батбаяр 1972: 159]. Вскоре Наранбаатар со своими 20 солдатами присоединился к ним. У него был отряд из 50 солдат, состоящий из монголов и тувинцев, но часть монгольских солдат присоединилась к отряду Хасбаатара, когда он начал набирать солдат в Далай-ханском аймаке. Таким образом, Наранбаатар прибыл только с тувинскими солдатами. Об этом Ц. Дамбадорж писал: «Когда мы узнали о прибытии Хасбаатара, мы обменялись посланцами и договорились объединить наши силы. Несколько месяцев мы сражались вместе, и он проявил себя с большой отвагой» [Улаан оторч 2021: 65].

В то время к востоку от реки Бухмурэн проживали дербеты, между Уланхусом и рекой Бухмурэн — урянхайцы и тувинцы, а к западу от рек Уланхус и Сагсай жили казахи. Многие казахские правители тех районов придерживались мнения, что «Монгольская революция нас не касается, это дело только монгольских племен» [Батбаяр 1972: 160]. По этой причине они не проявляли большой активности в борьбе против белогвардейцев, а в некоторых случаях даже помогали им, предоставляя лошадей и продовольствие. Хасбаатар и его отряды с начала лета 1921 г. до середины осени вели бои с белогвардейцами на территории дербетов и в ходе десятков сражений смогли оттеснить их на запад. В середине осени 1921 г. войска Народного правительства начали наступление на белогвардейцев в районах Уланхус и Сагсай. Когда отряд К. К. Байкалова, состоящий из монгольских и русских солдат, прибыл к реке Уланхус, белогвардейцы уже успели закрепиться на противоположном берегу. Они, заняв оборонительные позиции раньше, нанесли отряду К. К. Байкалова большие потери, когда тот пытался переправиться через реку, открыв огонь из пушек и пулеметов. К. К. Байкалову пришлось ждать прихода войск Хасбаатара. Когда силы Хасбаатара подошли и соединились с отрядом К. К. Байкалова, белогвардейцы отступили, и их начали преследовать вверх по реке Сагсай. «В результате на следующий день на реке Сагсай произошла ожесточенная битва. Эта битва продолжалась целый день и не позволила войскам К. К. Байкалова и Хасбаатара перейти реку. Во время сражения, после того как солнце уже село, на берегу Сагсай показались несколько всадников, преследовавших белых. К. К. Байкалов и Хасбаатар, наблюдая через бинокль, узнали, что это монгольские всадники, и увидели, как они, попав в ряды белых, были вынуждены отступить в лес. Однако не было никакой возможности помочь им из-за вражеских стрел. Поскольку белые не смогли одержать победу, они отступили в ту ночь. На следующий день К. К. Байкалов и Дамбадорж послали людей, чтобы выяснить следы монгольских воинов, которые сражались с белыми накануне <...> Вскоре пришел солдат и сообщил: „Наш Наранбаатар лежит на берегу Сагсай. Его горло перерезано, и вряд ли он мог бы так погибнуть от рук врага“. Когда Хасбаатар, Байкалов и Дамбадорж пришли посмотреть, действительно обнаружили, что у Наранбаатара перерезано горло. Они начали обсуждать, что „такой герой, как он, не мог бы так просто отдать жизнь врагу“» [Улаан оторч 2021: 64]. Дамбадорж предположил: «...Множество его воинов погибли в жестокой битве накануне, а некоторые были захвачены врагом. Поэтому Наранбаатар, увидев, как его

войска попали в плен, был в отчаянии и сам перерезал себе горло» [Батбаяр 1972: 162]. Это предположение о смерти Наранбаатара кажется далеким от истины. Совершить самоубийство, перерезав себе горло, — крайне неправдоподобная версия. Люди, командующие войсками и участвующие в многочисленных битвах, считают самоубийство позорным поступком. Напротив, они предпочитают использовать последнюю пулю не для себя, а для уничтожения врага и уходить с поля боя, убив врага. Что касается смерти Наранбаатара, то житель Гурван жигэртэй Бухмурэнского сумона Нацаг Наянтай, который тоже участвовал в битве на реке Сагсай, говорил: «В дни, когда мы сражались с белыми, улаан (красные) войска сдерживали их. Наранбаатар, не дожидаясь команды, не стал укрываться с войсками, а сразу же совершил конную атаку на белых и продолжал сражаться, убивая множество врагов, хотя и потерял много своих товарищей» [Батбаяр 1972: 163].

В том сражении Наранбаатар врвался в бой на полном скаку, и несмотря на многочисленные выстрелы врагов, он оставался невредимым, словно вихрь, пронзающий поле битвы. «Когда он один выходил на широкую равнину против множества врагов, и десять, и двадцать человек стреляли одновременно, но никто не мог его поразить. Он был настоящим героем. Как говорится, „богатый человек погибает в один голодный год, а герой — от одной пули“. К сожалению, наш герой был застигнут врасплох и погиб» [Батбаяр 1972: 163]. На следующее утро после сражения Наранбаатар, считая, что одержал победу над врагом, привязал своего оседланного коня и лег отдохнуть на берегу реки Сагсай, заснув, глядя в небо. Герой, который три дня и три ночи сражался без сна, наконец, погрузился в глубокий сон.

Тем временем один из белых офицеров, который пережил битву, спрятался в лесу, тяжело раненый, с одним-единственным охранявшим его солдатом. Офицер, пораженный тем, как Наранбаатар скакал, уклоняясь от всех пуль, размышлял: «Этот монгольский герой сражался на открытом поле и не получил ни одной раны. Наверное, пули его не берут, тут что-то не так». Он вручил нож своему солдату и приказал: «Иди и перережь горло этому монгольскому герою, которому не страшны пули». Так и закончилась жизнь Наранбаатара — его горло было перерезано, и он погиб [Батбаяр 1972: 162–163]. Этот рассказ кажется весьма близким к правде.

В освобождении западных рубежей от белогвардейцев также принимал участие ветеран-партизан Б. Аюур, который вспоминал: «... после этого произошло еще одно сражение, в котором героически сражался и погиб Наранбаатар из Тувинской Народной Республики вместе с двумя своими солдатами» [Монгол ардын 1982: 53–55]. О. Махатбай добавляет: «Наши войска вступили в бой с белыми на устье реки Сагсай... В этом сражении из войск Кайгородова было убито около десятка человек. С нашей стороны также погибли несколько русских и монгольских бойцов, среди которых был храбрый герой по имени Наранбаатар» [Монгол ардын 1985: 589–592]. Ц. Долгорсурэн также отмечал: «С нашей стороны понесли потери как русские, так и монгольские бойцы, среди которых был Наранбаатар, командующий тувинским отрядом» [Долгорсурэн 1966: 70–76; 1921 оны Монголын хувьсгалын 2021: 134–137; Баруун хязгаар 2022: 96–100].

Местные жители рассказывали: «Наранбаатар три дня сражался с белогвардейцами, а на четвертое утро, измотанный боями, он уснул на берегу

реки, лежа на спине. Когда враги начали стрелять по нему с двух сторон, пули лишь поднимали пыль вокруг, не попадая в него, так как он обладал магической защитой от пуль. Враги испугались его и послали солдата с ножом, чтобы перерезать ему горло» [Батбаяр 1972: 163]. Это событие стало частью местных легенд. Дети впоследствии играли, изображая Наранбаатара в своих играх.

Хасбаатар и его отряд похоронили Наранбаатара на том самом месте, поклявшись отомстить за него [Батбаяр 1972: 164]. Его бойцы были объаты глубокой скорбью. Дамбадорж описывает это так: «Когда Хасбаатар и его люди обсуждали, как почтить память Наранбаатара, его бойцы начали собираться у его тела, искренне скорбя, некоторые из них даже плакали. Другие сжимали зубы и клялись отомстить: „Пусть нас и всего дюжина человек, но мы будем сражаться до последней капли крови и отомстим за Наранбаатара“» [Улаан оторч 2021: 65].

Из этого можно сделать вывод, что, хотя Наранбаатар привел своих солдат и присоединился к Хасбаатару и К. К. Байкалову, его отряд не был расформирован и оставался под его непосредственным командованием. Таким образом, он сохранял независимость в принятии решений, даже находясь в составе народной революционной армии. Его самостоятельность, возможно, сыграла роль в принятии неправильного решения, которое привело к его гибели. Наранбаатар, не уведомив К. К. Байкалова и Дамбадоржа, отделился от основного войска при ночном марше вдоль реки Сагсай [Улаан оторч 2021: 63]. На следующий день, когда К. К. Байкалов и Дамбадорж не могли форсировать реку из-за сильного сопротивления белогвардейцев, Наранбаатар с небольшим отрядом пересек реку и вступил в неравный бой с значительно превосходящими силами противника, в результате чего был отброшен назад [Батбаяр 1972: 31]. Когда Наранбаатар погиб, его бойцы оплакивали его утрату [Улаан оторч 2021: 65], а Хасбаатар, К. К. Байкалов и Дамбадорж отмечали его заслуги в борьбе и выражали свое уважение к нему и его отряду [Улаан оторч 2021: 65].

После смерти Наранбаатара солдаты, находившиеся под его командованием, продолжили борьбу. Партизан П. Ноост об этом вспоминал: «В районе Толбо нуура ... в начале Хаалганта увидели четырех человек, которые шли с тремя нагруженными верблюдами, и послали 50 солдат, чтобы их перехватить. Когда этих людей привели, среди них оказались двое, которые были с Наранбаатаром и пропали. Оказалось, что их захватили белогвардейцы, и они были вынуждены работать истопниками. Однако во время боя они убили охранявшего их белого солдата, забрали оружие и отправились в путь» [Монгол ардын 1985:725].

Существуют разные сведения о происхождении Наранбаатара. В некоторых источниках упоминается, что он является тувинцем или монголом. Большинство свидетелей рассказывают о Наранбаатаре как о монгольском герое, однако исследователь Н. Батбаяр отмечает: «Наран, который изначально вышел из халхаского Амарбаясгалантского монастыря, прожил несколько десятилетий среди тувинских, дербетских братьев, завоевав славу героя среди своего народа, в конце концов с непоколебимой храбростью нашел свой покой среди величественных гор на западе» [Батбаяр 1972: 163]. Дамбадорж добавляет: «Наранбаатар родом из людей из халхского Амарбаясгалантского монастыря, которые много лет назад прибыли в Урянхай и основали там поселение. Они стали уважаемыми учителями и жили там несколько лет. Весной прошлого года

белые войска уничтожили это поселение, разграбив имущество и погубив людей. В результате местные охотники собрались и поклялись отомстить за своих близких, сражаясь против белых, пока те находятся на монгольской земле. С тех пор они начали сражаться с белыми, чтобы отомстить, и охранять пути, по которым проходят белые войска» [Улаан оторч 2021: 64–65]. О. Махатбай, участвовавший в освобождении западной границы, отмечает: «Наранбаатар — это тот человек, который весной 1920 года, когда белые войска разрушили монастырь в Хэмин бэлчир, разграбили имущество и убили верующих монахов, поклялся мстить и сражаться с белыми, пока они находятся на монгольской земле. Когда Ц. Хасбаатар и его отряд пришли на западную границу для набора войск, он привел с собой более десяти своих единомышленников» [Монгол ардын 1985: 589–592].

Под руководством Наранбаатара тувинские и дербетские мужчины объединились и сражались против белых вместе с Хасбаатаром и К. К. Байкаловым. Хотя не ясно, был ли Наранбаатар тувинцем или монголом, очевидно, что он объединял тувинских и дербетских мужчин для борьбы против белых.

В 1921 г. среди тувинских лидеров существовали две группы: одна во главе с Буянбадрахом, стремившаяся сделать Туву независимым государством, и другая во главе с Лувсаном, которая стремилась объединить Туву с Монголией. В конечном итоге группа Буянбадраха стала сильной и в 1925 г. основала независимое государство Танну-Тувы. Советское правительство и Коминтерн тайно поддерживали их стремление сделать Туву независимым государством и уменьшить влияние Монголии, чтобы взять ее под свой контроль.

4.2. Внешняя обстановка вокруг Монголии в период революции 1921 г. и события в Туве

В операции по освобождению западных границ Монголии от белогвардейцев значительную роль сыграло успешное сосредоточение вооруженных сил Народного правительства Монголии в районе Улангома, а также усиление влияния Советской власти и помощь Красной армии в Туве. Совместными усилиями Красной армии, армии народной Монголии, а также активным участием дербетского и тувинского народов удалось нейтрализовать крупные силы белогвардейцев в западных регионах Монголии.

Таким образом, в результате активизации деятельности Народного правительства Монголии в регионе земли дербетского Далай-хана белые войска, подвергшиеся ударам со стороны монгольской армии и Красной армии советской России были разбиты на три группы. Наиболее значительная сила, состоящая из войск генерала А. И. Бакича и коменданта И. Г. Казанцева (около 2 500 солдат), двинулась на север в сторону Танну-Урянхая, пройдя через Торхилог, Хандгайт и Улаангом. За ними следовала Красная армия: 185-й батальон 21-й дивизии, кавалерийский полк 59-й дивизии, а также войска Хатанбаатара Магсаржава, действовавшие в районе озера Увс и реки Хархираа, и войска Б. Пунцага, которые двигались в направлении Дэжээлэн, Торхилог и Хандгайт. На территории Танну-Урянхая генерал А. С. Бакич и И. Г. Казанцев со своими основными силами встретили отряд, командуемый известным сибирским партизаном Кочетковым¹.

¹ Имя и отчество не известны.

В этом сражении противник потерял около 500 человек и был вынужден отступить. Дойдя до Монголии, в Улангоме [Долгорсурэн 1966: 70–76] они встретились с С. Магсаржавом и Б. Пунцагом, после чего сдались.

Следовательно, в ходе освобождения западной границы Монголии от белых войск силы Народного правительства Монголии грамотно сконцентрировали свое войско в Улангоме, благодаря успешной тактике и поддержке Красной армии, укрепленной советской властью в Туве. Таким образом, совместными усилиями Красной армии, Народной регулярной армии, а также дербет и тувинцев удалось одержать победу над крупными силами белых на западной границе Монголии.

5. Восстание 1930 г. в монастыре Тугсбуянтин хурэ и тувинцы

Длительное проживание на соседних территориях и общность культуры западных монголов и тувинцев могли способствовать объединению, и эта идея была близка определенной части населения. Вместе с тем для властных структур была характерна политика разделения. Превращение Танну-Урянхая в независимое государство было одним из мероприятий, соответствующих такой политике. В дальнейшем имелись попытки отделения территории Ховда от Монголии с целью создания отдельного государства с участием и монголов Тувы и Синьцзяна. Хотя эти идеи не были осуществлены, они были довольно близки западным монголам и простым тувинцам, имеющим одну религию и культуру. В конце 1920-х гг. политика Коминтерна по построению общественного порядка, уничтожению частной собственности и коллективизации вызвали недовольство части населения западномонгольского региона и тувинцев. Это стало очевидно, когда восставшие в 1930 г. в монастыре Тугсбуянт установили контакт с тувинцами.

В 1930-е гг. в юго-западных округах Танну, недалеко от Тувы, начали вспыхивать восстания против советской власти, и восставшие связывались с населением соседнего горного региона Чандман-уул. Например, повстанцы Тугсбуянта в своем письме в министерство Чандман-уульского аймака от 26 марта 1930 г. заявили: «...в последнее время народ Танну-Тувы, недавно присоединившийся к нашим границам, внезапно протестует, мобилизует власти центральных населенных пунктов, занимавших должности, и пытается установить равные права своей партии со старым правительством. Они неоднократно говорили нам в письменной или устной форме, что собираются действовать» [Гонгор 1970: 73–74]. Из этого видно, что тувинцы уже имели связь с восставшими из Тугсбуянта и призывали их сражаться против советской власти, тем самым создавая себе тыл.

Жители Тугсбуянта 27 марта 1930 г. отправили губернатора Батжаргала в Танну-Туву с просьбой вооружить 50–100 человек и предоставить оружие для 500 человек [Сухбаатар 2000: 59].

В это время некоторые восставшие из Танну-Тувы, опасаясь приближения войск и полиции, начали переходить на территорию Монголии. В районе реки Сагил в сомоне Баянзурх Тугсбуянтского аймака укрылись 500 человек, имевших 120 домохозяйств и более 10 000 голов скота. Среди них было около 80 вооруженных людей, находившихся в постоянной боевой готовности [МУУТА. Ф. 1. Д. 2. ХН. 431]. Эти жители Танну-Тувы, вероятно,

желали объединиться с «правительством» Тугсбуянты и создать совместное государство. В докладе Бурятского полномочного комиссара сказано: «... они общаются письменно, как дипломаты, ... имеют подобное правительство с административными и судебными учреждениями... Из имеющихся документов видно, что противники Танну-Тувы выражали желание присоединиться к созданной в Тугсбуянте „власти“» [МУТЕГТА. Ф. 1. ХН. 16]. В отчете Дашгала, который был направлен как охранник в район Сагил сомона Баянзурх Тугсбуянтского аймака, говорится: «Тувинцев уговаривали переселиться в другие районы, и они отвечали: „Наши граждане уберут дом и скот, а все мужчины сядут на лошадей и отправятся в Хэмин бэлчир на войну. Теперь дербеты и мы должны объединиться, и что ты на это скажешь?“» [МУУТА. Ф. 1. Д. 2. ХН. 431, 206]. Это говорит о том, что их не интересовали другие мнения.

После подавления восстания в Тугсбуянтин хурэ полномочный комиссар отправил отряд под командованием Дарьжава, чтобы вывести бежавших из Танну-Тувы, с целью прекратить влияние на местное население. Им было поручено наладить связь с Красной армией Тувы, а в случае сопротивления — открывать огонь и вести боевые действия [МУУТА. Ф. 1. Д. 2. ХН. 431, 18], задерживать и допрашивать граждан Танну-Тувы, вести точный учет имущества, а также передавать Красной армии людей, подозреваемых в поддержке противника, вместе с их имуществом [МУУТА. Ф. 1. Д. 2. ХН. 431, 22].

Таким образом, участвовавшие в восстании монголы и тувинцы, потерпев поражение, сдались, а некоторые жители бежали в Синьцзян.

Среди тувинцев, имена которых остались в памяти местного населения, были Тумурдун и Маржаан [Сухбаатар 2000: 58]. В некоторых источниках упоминаются Мардаажиг и Тавхай, считается, что они были лидерами восстания в Туве и сыграли немалую роль в восстании в Тугсбуянте в 1930 г. [Гаадан 2023: 9]. После подавления восстания этих двоих тувинцев долго преследовали и задержали. Их отправили в столицу под охраной 4 солдат, при этом запретив разговаривать друг с другом. По пути, когда двое тувинцев начали петь хоомей¹, солдаты, охранявшие их, подошли ближе, чтобы послушать. В этот момент оба тувинца напали на охранников, сбросили их и сбежали. Когда за ними начали гнаться внутренние войска, они направились в сторону Синьцзяна и, поднявшись на вершину снежной горы, спустились, сидя на своих седлах, и солдаты не смогли их догнать. Позже Тумурдун и Маржаан вернулись в свои родные края, и, по слухам, никто их не узнал.

Этот рассказ имеет несколько версий, и различие в них заключается в следующем:

1. Имена двух тувинцев: Тумурдун и Маржаан, Мардаажиг и Тавхай и т. д.
2. Сроки их задержания: осень 1930 г. или 1936 г.
3. Из четырех солдат, сопровождавших их, трое были убиты, а один лишился глаза. Из шести солдат двоих убили, остальных сбили с ног и убежали.
4. Преодолевая гору, они скользили, сидя на своих седлах. Убив свою кобылу, они положили в ее шкуру мясо, а на него сложили оружие, седло, уздечку и другие

¹ Хоомей — тувинское горловое пение.

вещи. Во время спуска кожа, замерзшая от холода, быстро скользила по земле. Они, ведя верблюда за собой, быстро поднялись на гору и продолжили бегство.

Позже, во время Великой Отечественной войны, они вернулись на свою родину, но тувинцы не знали, что они жили на горе, охотясь на оленей. По словам старожил, они присоединились к бандитам Хаска и пересекли границу, совершая грабежи, пока не были уничтожены в результате бомбардировки с самолета.

6. Заключение

Монголы западной Монголии и тувинцы в начале XX в. активно участвовали в событиях, оставивших глубокий след в истории региона, таких как революции 1911 г., 1921 г. и восстание в Тугсбуянте в 1930 г., поддерживая друг друга.

Совместное участие монголов и тувинцев в этих событиях связано не только с их соседством, но и сходством хозяйства и культуры. Среди участников этих событий витали идеи совместного пребывания в составе единого государства. Однако эти устремления не сбылись из-за международных геополитических проблем. После вхождения Тувы в состав СССР в 1944 г. этот вопрос больше не поднимался.

Источники

МУУТА — Монгол Улсын Үндэснi Төв архив (= Национальный центральный архив Монголии).

МУТЕГТА — Монгол Улсын Тагнуулын ерөнхий газрын тусгай архив (= Специальный архив Главного управления разведки Монголии).

Аллея Героев — Аллея Героев. Информация из парке о «Аллея памяти героев: Кобдинское сражение (1912–1914 гг.)».

Sources

National Central Archive of Mongolia.

Special Archive of the General Directorate of Intelligence of Mongolia.

Alley of Heroes-Information from the Park about “Alley of Memory of Heroes: the Battle of Kobd (1912–1914)”.

Литература

1921 оны Монголын хувьсгалын 2021 — 1921 оны Монголын хувьсгалын түүхийн өгүүллүүд. 2-р боть. Ардын журамт цэрэг ба Монгол орныг чөлөөлөх цэргийн ажиллагаа / эрхэлсэн Г. Мягмарсамбуу, эмхэтгэсэн Н. Мягмар, Г. Цэрэнсугар (= История Монгольской революции 1921 года. Т. 2. Народная революционная армия и военные операции по освобождению Монголии / под ред. Г. Мягмарсамбуу, сост. Н. Мягмар, Г. Цэрэнсугар). Улаанбаатар: Соёмбо, 2021. X. 134–137.

References

History of the Mongolian Revolution of 1921. Vol. 2. The People’s Revolutionary Army and Military Operations for the Liberation of Mongolia. G. Myagmarsambuu (ed.), N. Myagmar, G. Tserensugar (comp.). Ulaanbaatar: Soyombo, 2021. Pp. 134–137. (In Mong.)

- Алтантугс 2022 — *Алтантөгс Н.* Ховд хотыг манж сайдаас чөлөөлөхөд барга гүн Ж. Дамдинсүрэнгийн гүйцэтгэсэн үүрэг (= Роль баргинского князя Ж. Дамдинсүрэна в освобождении города Ховда от маньчжурского наместника // Ховдыг манжаас чөлөөлсөн нь. Эмхэтгэж эрхлэн хэвлүүлсэн На. Сүхбаатар, Ү. Мөнхдагва (= Освобождение Ховда от маньчжурского господства / под ред. На. Сухбаатара, У. Мунхдагвы). Улаанбаатар: Соёмбо, 2022. Т. 43–54.
- Алтантугс N. The Role of the Barginsky Prince J. Damdinsuren in the Liberation of Khovd from the Manchu Governor. In: Liberation of Khovd from Manchu rule. Na. Sukhbaatar, U. Munkhdagva (eds.). Ulaanbaatar: Soyombo, 2022. Pp. 43–54. (In Mong.)
- Амитан 2015 — *Амитан Н.* Түмэндэлгэржавын намтар, түүхэнд холбогдох ам дамжин өвлөгдсөн зарим нэг баримтууд (= Некоторые устные сведения, связанные с жизнью и деятельностью Далай-хана Тумэндэлгэржава) // Далайхан Түмэндэлгэржав-140 / Баруун монголын түүх соёл. Эмхэтгэж, эрхлэн хэвлүүлсэн На. Сүхбаатар (= Далайхан Тумэндэлгэржав-140. История и культура Западной Монголии / под ред. На. Сухбаатара) (Bibliotheca oiratica–L). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2015. Х. 91–103.
- Амитан N. Some Oral Information Related to the Life and Work of Dalai Khan Tuman-delgarzhav-140. In: Dalai Khan Tuman-delgarzhav-140. History and Culture of Western Mongolia N. Sukhbaatar (ed.) (Bibliotheca Oiratica–L). Ulaanbaatar: Soyombo, 2015. Pp. 91–103. (In Mong.)
- Аранчын 2021 — *Аранчын Ю. Л.* Шиитпирлиг базым (= Решающий шаг) // Хомду дайны: эртем болгаш салгалдарныц сактышкыннарында (= Ховдская война: в исследованиях и материалах по истории и культуре). Кызыл: Аныяк, 2021. 272 х.
- Аранчын Yu. L. The Decisive Step. In: The Khovd War: Research and Materials on History and Culture. Kyzyl: Anyyak, 2021. Pp. 9–26. (In Russ.)
- Баруун хязгаар 2022 — Баруун хязгаар 1921 онд (өгүүлэл, дуртгал, нийтлэл). Эмхэтгэж, эрхлэн хэвлүүлсэн: На. Сүхбаатар, Н. Наранжаргал. (= Западный край в 1921 году (статьи, воспоминания, публикации) / под ред. На. Сухбаатара, Н. Наранжаргала.) Улаанбаатар: Соёмбо, 2022. 128 х.
- The Western Region in 1921 (Articles, Memoirs, Publications) N. Sukhbaatar, N. Narangargal (eds.). Ulaanbaatar: Soyombo, 2022. 128 p. (In Mong.)
- Батбаяр 1972 — *Батбаяр Н.* Өндөрт хатгасан түг (= Знамя, возвышающееся на высотах). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1972. 195 х.
- Batbayar N. The Banner Towering on the Heights. Ulaanbaatar: State Publishing House, 1972. 169 p. (In Mong.)

- Батсүрэн 2022 — *Батсүрэн Б.* 1912 оны Ховдын байлдааны тухай (= О Ховдском сражении 1912 года) // Ховдыг манжаас чөлөөлсөн нь. Эмхэтгэж эрхлэн хэвлүүлсэн На.Сүхбаатар, Ү. Мөнхдагва (= Освобождение Ховда от маньчжурского господства / под ред. На. Сухбаатара, Е. Мунхдагвы). Улаанбаатар: Соёмбо, 2022. Х. 141–178.
- Батсүрэн В. About the Battle of Khovd (1912). In: The Liberation of Khovd from Manchu Rule. N. Sukhbaatar, E. Munhdagva (eds.). Ulaanbaatar: Soyombo, 2022. Pp. 141–178. (In Mong.)
- Белов 1997 — *Белов Е. А.* Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1919 гг. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. 314 с.
- Belov E. A. Russia and China at the Beginning of the 20th Century. Russian-Chinese Contradictions in 1911–1919. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1997. 314 p. (In Russ.)
- БНМАУ-н түүх 1968 — БНМАУ-н түүх. Дэд боть. (= История МНР. Т. 2). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хорооны хэвлэлийн газар, 1968. 443 с.
- The History of the Mongolian People's Republic. Vol. 2. Ulaanbaatar: National Publishing House, 1968. 443 p. (In Mong.)
- Бурдуков 1987 — *Бурдуков А. В.* Хуучин ба шинэ Монголд (= В старой и новой Монголии). Орчуулсан Э.Базаржав (= пер. Э. Базаржава). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1987. 261 х.
- Burdukov A.V. In Old and New Mongolia. E. Bazarjav (trans.). Ulaanbaatar: State Publishing House, 1987. 261 p. (In Mong.)
- Гаадан 2023 — *Гаадан Х.* Маргуузай хэмээн өгүүлсэн элдэв зүйл (= Рассказы о Марзуузае). Biography Serica-IV. Улаанбаатар: Соёмбо, 2023. 188 х.
- Gaadan H. Various Stories about Martuuzai (Biography Serica-IV). Ulaanbaatar: Soyombo, 2023. 188 p. (In Mong.)
- Гонгор 1970 — *Гонгор Д.* Халх товчоон тэргүүн дэвтэр (= Краткая история Халхи. Т. 1). Улан-Батор: Улсын хэвлэлийн газар, 1970. 339 х.
- Gongor D. A Brief History of Khalkha. Vol. 1. Ulaanbaatar: State Publishing House, 1970. 339 p. (In Mong.)
- Гонгор 2006 — *Гонгор Д.* Ховдын хураангуй түүх. 2 дахь хэвл (= Краткая история Ховда. 2-е изд.). Улаанбаатар: Соёмбо, 2006. 197 х.
- Gongor D. A Brief History of Khovd. 2nd ed. Ulaanbaatar: Soyombo, 2006. 197 p. (In Mong.)
- Долгорсүрэн 1966 — *Долгорсүрэн Ц.* Толбо нуурын баатарлаг хамгаалалт (= Героическая оборона Толбо-нуура) // Ардын армийн Улс төрийн газрын сэтгүүл. «Ардын арми» (= Журнал Политического управления Народной армии «Ардын арми»). № 1. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1966. Х. 70–76.
- Dolgorsuren Ts. The Heroic Defense of Tolbo-Nuur. *Journal of the Political Administration of the People's Army "Ardyn Army"*. No. 1. Ulaanbaatar: State Publishing House, 1966. Pp. 70–76. (In Mong.)
- Дэндэв 2010 — *Дэндэв Л.* Монголын түүхийн эх сурвалж 1911–1921 Эмхэтгэж хэвлэлд бэлтгэсэн О. Батсайхан (= Источники по истории Монголии, 1911–1921 гг. / сост. О. Батсайхан). Улаанбаатар: Адмон, 2010. Х. 207–208.
- Dandev L. Sources on the History of Mongolia, 1911-1921. O. Batsaikhan (comp.). Ulaanbaatar: Admon, 2010. Pp. 207–208. (In Mong.)

- Кабо 1934 — *Кабо Р. М.* Очерки истории и экономики Тувы. Ч. I. Дореволюционная Тува. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 201 с.
- Кабо R. M. Essays on the History and Economy of Tuva. Part I. Pre-Revolutionary Tuva. Moscow; Leningrad: State Socio-Economic Publishing House, 1934. 201 p. (In Russ.)
- Канзай 2021 — *Канзай А. К.* Хосталгаже орук (= Дорога к свободе) // Хомду дайны: эртем болгаш салгалдарнын сактышкыннарында (= Ховдская война: исследования и материалах по истории и культуре). Кызыл: Аныяк, 2021. С. 48–56..
- Kanzai A. K. The Road to Freedom. In: The Khovd War: Research and Materials on History and Culture. Kyzyl: Anyyak, 2021. Pp. 48–56. (In Russ.)
- Маннай-Оол 1998 — *Маннай-оол М. Х.* Хомду дайны (= Ховдская война) // Улуг-Хем. № 1(23/100). Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1998. С. 127–140.
- Mannai-ool M. H. The Khovd War. In: Ulug-Khem. No. 1(23/100). Kyzyl: Tuvan Publishing House, 1998. Pp. 127–140. (In Tuvin.)
- Монгол ардын 1982 — Монгол ардын журамт цэргийн дуртгалууд. Тэргүүн дэвтэр (= Воспоминания бойцов Народной революционной армии Монголии. Т. 1). Улан-Батор: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. СХ. 3–55.
- Memoirs of Soldiers of the People's Revolutionary Army of Mongolia. Vol. 1. Ulaanbaatar: State Publishing House, 1982. Pp. 53–55. (In Mong.)
- Монгол ардын 1985 — Монгол ардын журамт цэргийн дуртгалууд. Дэд дэвтэр (= Воспоминания бойцов Народной революционной армии Монголии. Т. 2). Улан-Батор: Улсын хэвлэлийн газар, 1985. Х. 589–592.
- Memoirs of Soldiers of the People's Revolutionary Army of Mongolia. Vol. 2. Ulaanbaatar: State Publishing House, 1982. Pp. 589–592. (In Mong.)
- Монгол цэргийн 1996 — Монгол цэргийн түүхийн товчоон (1911–1990)-ээд он. Дэд дэвтэр (= Краткая история монгольской армии (1911–1990 гг.). Т. 2). Улан-Батор: Нъюс хэвлэлийн газар, 1996. 565 х.
- A Brief History of the Mongolian Army (1911–1990). Vol. 2. Ulaanbaatar: News, 1996. 565 p. (In Mong.)
- Мягмарсамбуу 2022 — *Мягмарсамбуу Г.* Ховд, Баруун хязгаарыг манж, хятад цэргээс чөлөөлсөн нь (= Освобождение Ховда и Западного края от маньчжурских и китайских войск) // Ховдыг манжаас чөлөөлсөн нь. Эмхэтгэж эрхлэн хэвлүүлсэн На. Сүхбаатар, Ү. Мөнхдагва (= Освобождение Ховда от маньчжурского господства / под ред. На. Сухбаатара, У. Мунхдагвы). Улан-Батор: Соёмбо, 2022 С. 26–42.
- Myagmarsambuu G. Liberation of Khovd and the Western Region from Manchurian and Chinese Troops. In: Liberation of Khovd from Manchurian Rule. N. Sukhbaatar, U. Munhdagva (ed.). Ulaanbaatar: Soyombo, 2022. Pp. 26–42. (In Mong.)

- Нямдорж 2015 — *Нямдорж Б.* Дөрвөд, баядын хошуунд шинэ тулгар монгол улсад дагаар орсон нь (= Вхождение дербетского и байтского аймаков в состав молодого монгольского государства) // Далай хан Түмэндэлгэргэ-жав-140. Баруун монголын түүх соёл. Эмхэтгэж, эрхлэн хэвлүүлсэн На. Сүхбаатар (= Далай-хан Түмэндэлгэргэ-жав-140. История и культура Западной Монголии / под ред. На. Сүхбаатара) (Bibliotheca oiratica—L. Улаанбаатар: Соёмбо, 2015. Х. 67–68.
- Нямдорж 2022 — *Нямдорж Р.* Ховд хотыг манжаас чөлөөлөхөд оролцсон түүхэн зүтгэлтнүүдийн гүйцэтгэсэн үүргийн тухай асуудалд (= О роли исторических деятелей, участвовавших в освобождении города Ховда от маньчжурского господства) // Ховдыг манжаас чөлөөлсөн нь. Эмхэтгэж эрхлэн хэвлүүлсэн На. Сүхбаатар, Ү. Мөнхдагва (= Освобождение Ховда от маньчжурского господства / под ред. На. Сүхбаатара, У. Мунхдагвы). Улаанбаатар: Соёмбо, 2022. Х. 77–85.
- Нямдорж 2014 — *Нямдорж Б.* ХХ зууны эхэн үеийн баруун хойд Монголын түүхийн чухал сурвалж (= Важный источник по истории северо-западной Монголии начала ХХ века). Улаанбаатар: Соёмбо, 2014. 84 тх.
- Орос дахь монгол 1995 — Монгол Орос дахь Монгол угсааны улсууд. Нягталсан Л. Жамсран (= Население монгольского происхождения в России / под ред. Л. Жамсрана). Улаанбаатар: Сүхбаатар, 1995. 140 х.
- Салчак, Баярсайхан 2025 — *Салчак В. С., Баярсайхан Б.* Ховдыг чөлөөлөх дайнд тувачуудын оролцоо (= Участие тувинцев в войне за освобождение Ховда) // Oiratica (Түүх соёл, хэл бичиг, аман зохиол судлалын эрдэм шинжилгээний бичиг) (= Ойратика. Сборник научных трудов по истории, культуре, языку и устному народному творчеству). Т. III. Улаанбаатар: Соёмбо, 2025. Х. 67–74.
- Nyamdorj B. The Entry of the Derbet and Bayit Aimags into the Young Mongolian State. In: Dalai Khan Tumandelgarzhav-140. History and Culture of Western Mongolia. N. Sukhbaatar (ed.). Bibliotheca Oiratica—L. Ulaanbaatar: Soyombo, 2015. Pp. 67–68. (In Mong.)
- Natsagdorj Sh. A Brief History of Khalkha under Manchu Rule (1691–1911). Ulaanbaatar: State Publ. House, 1963. 282 p. (In Mong.)
- Nyamdorj R. On the Role of Historical Figures who Participated in the Liberation of Khovd from Manchurian Rule. In: Liberation of Khovd from Manchurian Rule / N. Sukhbaatar, U. Munhdagva (ed.). Ulaanbaatar: Soyombo, 2022. Pp. 77–85. (In Mong.)
- Nyamdorzh B. An Important Source on the History of Northwestern Mongolia at the Beginning of the 20th Century. Ulaanbaatar: Soyombo, 2014. 84 p. (In Mong.)
- Mongols in Russia and in the States of Mongolian Origin. L. Zhamsran (ed.). Ulaanbaatar: Sukhbaatar, 1995. 140 p. (In Mong.)
- Salchak V. S., Bayarsaikhan B. Participation of Tuvans in the War for the Liberation of Khovd. In: Oiratica Collection of Scientific Works on History, Culture, Language and Oral Folk Art. Vol. 3. Ulaanbaatar: Soyombo, 2025. Pp. 67–74. (In Tuvin.)

- Сандаг 2018 — *Сандаг Ш.* Монголын улс төрийн гадаад харилцаа (1850–1919) / Эмхэтгэн хэвлүүлсэн О. Батсайхан, У. Загдцэсэм (= Сандаг Ш. Внешнеполитические отношения Монголии (1850–1919) / под ред. О. Батсайхана, У. Загдцэсэма). Улаанбаатар: Соёмбо, 2018. 199 х.
- Сандаг Ш. Foreign Policy Relations of Mongolia (1850–1919). O. Batsaikhan, U. Zagdtsesem (ed.). Ulaanbaatar: Soyombo, 2018. 199 p. (In Mong.)
- Сухбаатар 2000 — *Сухбаатар На.* Баруун хязгаарын нийгэм-улс төрийн хөгжлийн түүхэн тойм (XX зууны эхэн үеэс 1930-аад он) (= Исторический обзор социально-политического развития Западного края (с начала XX века до 1930-х гг). Улаанбаатар: Соёмбо, 2000. 192 х.
- Sukhbaatar Na. Historical Review of the Socio-Political Development of the Western Territory (from the Beginning of the 20th Century to the 1930s). Ulaanbaatar: Soyombo, 2000. 192 p. (In Mong.)
- Улаан оторч 2021 — Улаан оторч. Толбо нуур (= Улан оторч. Озеро Толбо) (Biography Serica–XVI). Улаанбаатар: Соёмбо, 2021. 65 х.
- Улан Otorch. Lake Tolbo (Biography Serica–XVI). Ulaanbaatar: Soyombo, 2021. 65 p. (In Mong.)
- Харунова, Харунов 2023 — *Харунова М. М.-Б., Харунов Р. Ш.* О тувинцах в Кобдинском сражении 1912 г. Век спустя // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 116–126.
- Kharunova M. M.-B., Kharunov R. Sh. About the Tuvans in the Battle of Khobd in 1912. A Century Later. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 1. Pp. 116–126. (In Russ.)
- Чойбалсан 1942 — *Чойбалсан.* Ардын Хатагбаатар Магсаржав (= Народный Хатагбатор Магсаржав). Улаанбаатар: Хэвлэх үйлдвэр, 1942. 43 т.
- Choibalsan. People's Khatanbator Maksarzhav. Ulaanbaatar: Hevlekh uldver, 1942. 43 p. (In Mong)
- Шурхуу 2007 — *Шурхуу.* Ховд хотыг чөлөөлөхөд Тагна урианхайгаас цэрэг дайчилсан асуудалд-Монголын үндэсний хувьсгал-95. (= О мобилизации войск из Тагна-Урианхая в освобождении города Ховда// Национальная монгольская революция – 95). Улаанбаатар: Цоморлиг төв, 2007. 240 х.
- Shurkhuu. On the Mobilization of Troops from Tagna-Uriankhai in the Liberation of Khovd. In: National Mongolian Revolution – 95. Ulaanbaatar: Tsomorlig, 2007. 240 p. (In Mong.)
- Шурхуу 2018 — *Шурхуу Д.* Монгол, Тувагийн адилсал, ондоошил болон хоёр талын харилцааны хувьсал өөрчлөлт (XX зууны эхэн хагас) (= Сходство и различия Монголии и Тувы, эволюция двусторонних отношений (первая половина XX века)) // Монгол Улсын гадаад харилцаа: түүх, орчин үе (= Внешние отношения Монголии: история и современность). Улаанбаатар: Соёмбо, 2018. Х. 392–409.
- Shurkhuu D. Similarities and Differences between Mongolia and Tuva, the Evolution of Bilateral Relations (the First Half of the 20th Century). In: Foreign Relations of Mongolia: History and Modernity). Ulaanbaatar: Soyombo, 2018. Pp. 392–409. (In Mong.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 3, pp. 490–505, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-490-505

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

Международно-правовой статус Монголии: плебисцит 1945 г.

Кеemia Владимировна Орлова¹

UDC 94

Mongolia's International Legal Status: the 1945 Plebiscite

Keemya V. Orlova¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk[at]mail.ru

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), PhD. (Philology), Senior Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025

© Орлова К. В., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Orlova K. V., 2025

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена непростому пути Монголии к признанию ее независимости де-юре — от национально-освободительной революции 1911 г. до 1945 г., когда было принято решение о «сохранении status-quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики)» на Ялтинской (Крымской) конференции (4–11 февраля). Национально-демократическая революция 1921 г., провозглашение республики в 1924 г. не изменили статуса страны. С решением Ялтинской конференции не согласился Китай. В ходе нескольких раундов переговоров советской и китайской сторон в Москве камнем преткновения, помимо других, стала формулировка термина «сохранение status-quo». Каждая из сторон вкладывала разную трактовку: китайская сторона подразумевала сохранение автономии Внешней Монголии в составе Китая под протекторатом СССР, советская — положение МНР по факту как независимое. Под давлением Советского Союза Китай согласился признать независимость МНР при условии проведения плебисцита в стране и обнародования его результатов. 20 октября 1945 г. состоялось всенародное голосование, результаты которого де-юре подтвердили право монгольского народа на независимость. Плебисцит широко освещался в средствах массовой информации — как в советских, так и в монгольских. В Государственном архиве Российской Федерации хранятся материалы ТАСС, отражающие реакцию мировой прессы на плебисцит в МНР. *Материалы.* Статья основана на материалах из Государственного архива РФ, Российского государственного архива социально-политической истории, опубликованных сборниках документов, научной литературе. *Результаты и выводы.* Благодаря решению Ялтинской конференции Монголия смогла добиться фактического и юридического признания своей независимости и стать полноправным членом мирового сообщества. Советский Союз как ключевой участник Ялтинской

конференции выступил гарантом независимости Монголии и активно продвигал этот вопрос на международной арене. Под давлением СССР и союзников Китайская Республика признала независимость Монголии, но потребовала проведения плебисцита, который состоялся 20 октября 1945 г. Результаты всенародного голосования однозначно подтвердили стремление монгольского народа к независимости.

Ключевые слова: СССР, МНР, плебисцит, Китайская Республика, 1945 год, Ялтинская (Крымская) конференция, архивы, газета «Правда»

Для цитирования: Орлова К. В. Международно-правовой статус Монголии: плебисцит 1945 г. // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 490–505. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-490-505

Abstract. Introduction. The article is devoted to Mongolia's difficult path to de jure recognition of its independence, from the national liberation revolution of 1911 to 1945, when it was decided to "preserve the status quo of Outer Mongolia (the Mongolian People's Republic)" at the Yalta (Crimean) Conference (February 4–11). The National Democratic Revolution of 1921 and the proclamation of the republic in 1924 did not change the country's status. Beijing did not agree with the decision of the Yalta Conference. During several rounds of negotiations between the Soviet and Chinese sides in Moscow, the wording of the term "maintaining the status quo" became a stumbling block, among others. Each side had a different interpretation: the Chinese side implied the preservation of Outer Mongolia's autonomy as part of China under the protectorate of the USSR, the Soviet one is the position of the MNR in fact as an independent one. Under pressure from the Soviet Union, China agreed to recognize the independence of the MNR on condition that a plebiscite be held in the country and its results made public. On October 20, 1945, a popular vote was held, the results of which confirmed the de jure right of the Mongolian people to independence. The plebiscite was widely covered in the media, both in Soviet and Mongolian media. The State Archive of the Russian Federation contains TASS materials reflecting the reaction of the world press to the plebiscite in the MPR. Materials. The article is based on materials from the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of Socio-Political History, published collections of documents, scientific literature. Results and conclusions. Thanks to the decision of the Yalta Conference, Mongolia was able to achieve de facto and de jure recognition of its independence and become a full member of the world community. The Soviet Union, as a key participant in the Yalta Conference, acted as the guarantor of Mongolia's independence and actively promoted this issue in the international arena. Under pressure from the USSR and the Allies, the Republic of China recognized Mongolia's independence, but demanded a plebiscite, which took place on October 20, 1945. The results of the popular vote unequivocally confirmed the desire of the Mongolian people for independence.

Keywords: USSR, MNR, plebiscite, Republic of China, 1945, Yalta (Crimean) Conference, archives, newspaper "Pravda"

For citation: Orlova K. V. Mongolia's International Legal Status: the 1945 Plebiscite. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17 Is. 3. Pp. 490–505. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-490-505

1. Введение

XX век стал для Монголии периодом бурных перемен и сложных испытаний. В первой половине этого столетия ключевой задачей для страны была борьба за независимость. Этот путь, начавшийся с национально-освободительной революции 1911 г., продолжившийся в национально-демократической революции 1921 г. и провозглашении республики в 1924 г. (которые, однако, не привели к

изменению статуса страны), завершился в 1945 г. Именно Ялтинская конференция (4–11 февраля 1945 г.) привела к международному признанию независимости Монголии де-юре. С решением конференции не согласился официальный Китай. В ходе нескольких раундов переговоров советской и китайской сторон в Москве камнем преткновения, помимо других, стала формулировка термина «сохранение status-quo» Ялтинской (Крымской) конференции. Каждая из сторон вкладывала разную трактовку: китайская сторона подразумевала сохранение автономии Внешней Монголии в составе Китая, советская — положение МНР по факту как независимое. Под давлением Советского Союза Китай согласился признать независимость МНР при условии проведения плебисцита в стране и оглашения его результатов. Всенародное голосование состоялось 20 октября 1945 г., результаты которого де-юре подтвердили право монгольского народа на независимость. Плебисцит широко освещался как в советских средствах массовой информации, так и в монгольских. В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) хранятся материалы ТАСС, отражающие реакцию мировой прессы на плебисцит в МНР.

2. Материалы исследования

Статья основана на материалах из Государственного архива РФ [ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 3136], Российского государственного архива социально-политической истории [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 29], опубликованных сборников документов («Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945. Кн. 2. 1945 г.» [Русско-китайские отношения 2000], «Советско-монгольские отношения. 1921–1966» [Советско-монгольские отношения 1966], «Советско-монгольские отношения» (Т. 1; Т. 2: 1941–1974. Ч. 1) [Советско-монгольские отношения 1975; Советско-монгольские отношения 1979], «Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики» [Конституция 1952]), научной литературе.

3. Путь к международному признанию

После свержения цинской власти в 1911 г. Монголия провозгласила независимость и установила феодально-теократическое государство во главе с VIII Богдо-гэгэном Джебдзундамба-хутухтой (1869–1924). Как констатировал представитель России И. Я. Коростовец (1912), «подлинная власть в Халхе... принадлежит хутухте и его правительству» [История Монголии 2007: 38]. Новое государство не получило международного признания и столкнулось с осторожной позицией России, стремясь при этом избежать обострения отношений с Китаем [История Востока 2005: 485]. Тем не менее, благодаря российской поддержке, Монголия смогла добиться от Китая гарантий невмешательства во внутренние дела [История Востока 2005: 484–485]. В 1912 г. было заключено Русско-монгольское соглашение, согласно которому «было создано правовое поле для защиты завоеваний революции 1911 г.» [История Монголии 2007: 41], хотя его отдельные положения до сих пор являются предметом научных дискуссий [Дудин 2011: 162–165; Батунаев 2017: 37–43; Цыбенков 2015: 64–72; Грайворонский 2023: 36–47; Кузьмин 2023: 11–35; и др.].

В 1913 г. русско-китайская декларация подтвердила автономию Внешней Монголии, признав ее частью Китайской Республики. Таким образом, Китайская

Республика де-юре унаследовала от Цинской империи права на Монголию под российским протекторатом.

В 1915 г. Тройственное (Кяхтинское) соглашение, заключенное между Россией, Китаем и Монголией, закрепило за Монголией статус автономии в составе Китайской Республики. Однако каждая из сторон трактовала это соглашение по-своему: Китай считал Монголию своей провинцией, Россия видела в ней широкую автономию под китайским протекторатом, а Монголия однозначно настаивала на своей полной независимости [Курас 2025: 120]. В конечном счете был принят российский вариант, согласно которому Монголия (в границах Халхи и Кобдоского округа) сохраняла право на внутреннее самоуправление и заключение договоров с иностранными государствами за исключением политических и территориальных. Россия и Китай обязались не вмешиваться во внутренние дела Монголии, не вводить войска и не колонизировать ее земли [История Монголии 2007: 42]. В 1919 г. Китай нарушил Кяхтинское соглашение, ввел войска в Монголию и упразднил ее автономию. Эти действия, по словам американского дипломата Чарльза Д. Теннея, привели к отмене автономии Внешней Монголии [Болд 2015: 103]. Последующие события в Монголии развивались стремительно и напоминали «бурлящий котел», что в итоге привело к национально-демократической революции 1921 г.

5 ноября 1921 г. РСФСР и Монголия заключили соглашение, заложившее основу для дружественных отношений между двумя государствами. Дополнительный протокол к этому соглашению закрепил взаимное признание правительств обеих стран как единственно легитимных [Советско-монгольские отношения 1975: 58–61, 62]. Стороны договорились об обмене дипломатическими представительствами и взяли на себя обязательства по недопущению на своих территориях деятельности, направленной против другой стороны. Это включало запрет на формирование и поддержку групп, стремящихся к свержению правительства, а также на мобилизацию или вербовку граждан для армий, враждебных другой стороне [Советско-монгольские отношения 1975: 59].

Для Монголии установление дипломатических отношений с РСФСР стало существенным шагом в укреплении ее государственности и «открывало путь во внешний мир» международного признания [История Монголии 2007: 67], хотя формально страна считалась частью Китайской Республики.

После кончины VIII Богдо-гэгэна (1924 г.) Великий Хурал Монголии провозгласил республику. Была принята конституция, декларирующая суверенитет, государственную собственность на землю и недра, а также гарантирующая свободу слова и печати.

Тем не менее международное признание Монголии оставалось сложной задачей. Лишь спустя время после национально-освободительной революции 1911 г. (более 30 лет), национально-демократической в 1921 (более 20 лет), провозглашения республики в 1924 г. (более 20 лет), или даже со времени маньчжурского завоевания в 1691 г. (более 200 лет), ситуация изменилась. Ключевым фактором стала Ялтинская конференция (4–11 февраля 1945 г.), где СССР, США и Великобритания достигли соглашения о признании «сохранения *status quo* Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики)» [Советско-монгольские отношения 1979: 110–111].

4. Крымская (Ялтинская) конференция. 1945 г.

Согласно Крымскому соглашению трех великих держав по блоку дальневосточных проблем от 11 февраля 1945 г., СССР согласился вступить в войну против Японии при условии «сохранения *status quo* Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики)» [Советско-монгольские отношения 1979: 110; Русско-китайские отношения 2000: 16]. Как считает монгольский исследователь Р. Болд, Франклин Д. Рузвельт взял на себя «ответственность за согласие и признание статуса МНР, что связано с заинтересованностью в скорейшем вовлечении СССР в войну с Японией и уменьшении (здесь и далее выделение наше. — К. О.) *потерь США... сохранении многих жизней американцев...*» [Болд 2015: 194, 326–327]. Немаловажным для США оказалось следующее: победа СССР и МНР в войне на Халхин-Голе (1939), «независимое существование МНР», а также личное разрешение И. В. Сталина посетить Монголию в 1944 г. вице-президенту США (1941–1945) Генри А. Уолессу, одной из задач которого было изучение «предпосылок для возможного признания Монголии как суверенного государства» [Болд 2015: 326; Хишигт 2020: 10]. Визит вице-президента в Монголию благоприятно сказался на решении Ф. Д. Рузвельта о независимости Монголии [Болд 2015: 89; Хишигт 2020: 12]. Вопрос «сохранения статус-кво Внешней Монголии» вызвал крайне отрицательное отношение со стороны официального Китая. Во время встречи И. В. Сталина и Г. Трумэна в 1945 г. на Потсдамской (Берлинской) конференции (17 июля – 2 августа) госсекретарь США (1945–1947) Д. Бирнс задал вопрос И. В. Сталину: «*Не слишком ли много забираете у Китая*» (цит. по: [Болд 2015: 202]), ответ последовал незамедлительно: «*Внешняя Монголия не имела никаких отношений с Китаем в течение 22 лет. В Монголии нет даже китайского представителя. Поэтому нельзя потерять то, чего нет*» (цит. по: [Болд 2015: 202]).

Еще до окончания Второй мировой войны И. В. Сталин имел несколько встреч в Москве с председателем Исполнительного юаня¹ и министром иностранных дел Китайской Республики Сун Цзывэннем, который находился в Москве для ведения переговоров и заключения договора о дружбе между странами. Помимо других обсуждавшихся вопросов, основное внимание уделялось определению статуса МНР. Первая встреча состоялась 2 июля 1945 г., в ходе которой Сун Цзывэннь озвучил позицию президента Китайской Республики Чан Кайши «*оставить пока вопрос открытым*», ибо проблема независимости Внешней Монголии тотчас же поставит проблему и в отношении Тибета — «*от Китая немедленно отложится Тибет*» [Русско-китайские отношения 2000: 7, 79, 87]. Другим значимым аргументом с точки зрения советской стороны стало заявление, что в МНР нет китайских представителей, а в Китае — монгольских, тогда как в Китае есть тибетские представители, а в Тибете — китайские. Во время их третьей встречи 7 июля 1945 г. глава Исполнительного юаня передал согласие Чан Кайши на согласованную лидерами трех держав формулировку о «*сохранении статус-кво Внешней Монголии*», однако не готов признать ее независимость [Русско-китайские отношения 2000: 86]. И. В. Сталин подчеркнул, что под «*сохранением статус-кво*» Внешней Монголии подразумевалось признание ее независимости, и «все стороны» согласились с такой интерпретацией данной формулировки, учитывая, что «*Монголия уже 24 года (т. е. с 1921 г. — К. О.) живет самостоятельной жизнью и не хочет быть китайской*

¹ Исполнительный юань — исполнительная ветвь государственной власти.

провинцией» [Русско-китайские отношения 2000: 87, 88]. Важно отметить, что термин «статус-кво» означает существующий или существовавший правовой порядок. Китайская сторона, говоря о «сохранении status-quo», подразумевала сохранение автономии Внешней Монголии в составе Китая. Проблема в том, что в самом соглашении Внешняя Монголия в скобках была обозначена как Монгольская Народная Республика, что подразумевало сохранение фактического, а не юридического положения дел [Цыбенев 2015: 67]. Именно поэтому, по мнению Сун Цзывэня, «руководители трех держав в Ялте отдавали себе отчет в чувствительности китайского общественного мнения, поэтому они и предусмотрели это в принятой ими формуле („сохранение status-quo“»)» [Русско-китайские отношения 2000: 87]. Еще в 1924 г. полномочный представитель Советской России в Монголии (1923–1925) А. Н. Васильев по прибытии в Ургу дал большое интервью газете «Ургинские новости», в котором он на вопрос о взаимоотношениях России, Монголии и Китая, в частности, сказал: «Настоящая обстановка не позволяет сейчас говорить о независимости Вашего государства. Пока что приходится говорить об автономии. Полезно отметить, что некоторые деятели монгольского правительства и притом такие, которые играют далеко не последнюю роль, излагая свою программу минимум также признавали целесообразным ограничиться сейчас лишь требованием автономии. Но еще важнее подчеркнуть, что „независимость“ и „автономия“ — это не абсолютные понятия, а понятия юридические, понятия внешней формы, а не внутреннего содержания. Вполне мыслима и такая „автономия“, которая, по существу, ничем не будет отличаться от „независимости“. И наоборот. Вопрос относительно широты пределов автономии будет зависеть от реального соотношения сил. И чем Монголия будет сильнее в военном, экономическом, финансовом и культурном отношениях, тем больше прав она сумеет себе выторговать — в этом весь центр задачи» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 29. Л. 21, 22]. Вполне возможно, что уже в 1924 г. Советский Союз и Монголия тщательно продумывали дипломатические шаги и готовились к провозглашению независимости страны де-юре.

8 июля 1945 г. состоялась встреча советского посла в Китайской Республике (1945–1948) А. А. Петрова и Цзян Цзинго, неофициальным представителем Чан Кайши, и его сыном. В ходе беседы Цзян Цзинго повторил опасения Чан Кайши, ранее высказанные через Сун Цзывэня, относительно признания Китаем независимости Внешней Монголии. Китайская сторона была обеспокоена тем, что это значительно ослабит ее правительство и вызовет негативную реакцию общественного мнения [Русско-китайские отношения 2000: 92]. А. А. Петров ответил, что Монголия уже де-факто является независимым государством, и надо постараться убедить Чан Кайши в разумности советского предложения — «сохранения статус-кво и ...признания фактического положения вещей» [Русско-китайские отношения 2000: 92]. Уже на следующий день, 9 июля, Чан Кайши направил телеграмму Сун Цзывэню, в которой сообщалось о готовности китайского правительства решить вопрос о независимости Внешней Монголии после победы над Японией, который будет зависеть от трех факторов: проведения плебисцита и обнародования его результатов, а также определения границ Монголии «в соответствии с первоначальными границами китайских карт» [Русско-китайские отношения 2000: 93, 113].

В ходе пятой встречи, 11 июля, камнем преткновения в переговорах стала дискуссия о границах Монголии: советская сторона настаивала на формулировке «в нынешних границах Внешней Монголии», китайская — на «старых границах Внешней Монголии согласно китайских карт» [Русско-китайские отношения 2000: 125], но объяснить, какие имеются в виду «старые границы» и «старые карты», председатель Исполнительного юаня не смог. В итоге договорились создать пограничную комиссию после официального признания независимости Монголии. В ноте от 14 августа 1945 г. министр иностранных дел Китайской Республики сообщил наркому иностранных дел СССР о готовности китайского правительства признать независимость МНР «в ее существующих границах» при подтверждении «стремления монгольского народа к независимости» [Советско-монгольские отношения 1979: 122].

17 сентября 1945 г. посол Китайской Республики (1943–1949) Фу Бинчан обратился к заместителю министра иностранных дел СССР С. А. Лозовскому по просьбе китайского правительства форсировать процесс официального признания независимости Внешней Монголии. Для этого китайская сторона предложила: в кратчайшие сроки организовать плебисцит в МНР; после проведения плебисцита направить желательнее к 10 октября, в честь дня Китайской Республики, монгольскую делегацию в Чунцин для подписания акта о признании независимости; разрешить присутствовать китайской делегации для наблюдения за ходом плебисцита [Русско-китайские отношения 2000: 242]. В ответ на эти пожелания премьер-министр и министр иностранных дел МНР маршал Х. Чойбалсан сообщил, что плебисцит будет проведен в период с 10 по 20 октября; правительство МНР согласилось на присутствие китайских наблюдателей во время референдума при условии невмешательства в его проведение; в связи с запланированными сроками плебисцита (10–20 октября) монгольская делегация с результатами голосования будет направлена в ноябре того же года в Чунцин [Русско-китайские отношения 2000: 243].

Таким образом, решение Ялтинской конференции стало ключевым фактором, позволившим Монголии впоследствии добиться международного признания и открыть новую страницу в истории Монголии.

5. Всенародное голосование и его результаты

21 сентября 1945 г. вышло постановление президиума Малого Государственного хурала МНР, в котором объявлялось о подготовке и проведении открытого голосования по всей стране с 10 по 20 октября, установлении единого дня голосования на всей территории республики — 20 октября по спискам, составленным местными органами власти, создании Центральной комиссии (в состав комиссии вошли 26 человек) во главе с председателем Г. Бумцэндом, председателем Малого хурала и его заместителем Ч. Сурэнжавом, министром животноводства, утверждении инструкции по проведению голосования [Постановление 1952: 58–60]. Согласно инструкции, голосование проводится по всей стране гражданами с правом голоса от 18 лет, «за исключением умалишенных» и иностранцев, не являющихся гражданами Монголии [Инструкция 1952: 60, 62]. В армии и пограничных войсках МНР порядок голосования устанавливается приказами военного командования в соответствии с инструкцией, итоги референдума подводятся Политуправлением Монгольской Народно-революционной

армии и политотделами управления пограничной военной охраны и доставляются непосредственно в Центральную комиссию. На президиуме Малого Государственного хурала МНР (5 октября 1945 г.) была выработана «формула голосования» в следующей редакции: «голосуется вопрос о государственной независимости МНР. В листе против своей фамилии отметить „за“ или „против“ и дай свою подпись, в случае неграмотности дай отпечаток большого пальца правой руки» [Постановление Президиума 1953: 63; Советско-монгольские отношения 1979: 130].

К намеченному плебисциту были созданы баговые, сомонные, хоринные, хоронные¹ и городские комиссии, в составе 20 138 человек, по всей стране создано 4 251 пунктов для голосования [Протокол об итогах 1952: 67; Советско-монгольские отношения 1979: 130, 131; Хишигт 2020: 25], в том числе семь пунктов за рубежом, где находились 395 монгольских граждан [Протокол об итогах 1952: 67; Советско-монгольские отношения 1979: 130, 131]. Комиссия зарегистрировала 494 960 граждан за исключением 7 551 человек, не принявших участие по уважительной причине — либо в связи с тяжелой болезнью, либо из-за нахождения в пути [Протокол об итогах 1952: 67; Хишигт 2020: 25]. За ходом плебисцита наблюдала китайская делегация в составе 12 членов по главе с представителем Исполнительного юаня, заместителем министра внутренних дел Лэй Фа-чжаном². В день голосования глава китайской делегации в сопровождении заместителя председателя Центральной комиссии Ч. Сурэнжава, корреспондента газеты «Унэн» Ц. Дамдинсурэна, заместителя министра иностранных дел Э. Намсрай посетили два хорона в Улан-Баторе, члены китайской делегации — глава департамента МИД Китайской Республики Хэ Жи жун, советник Лю И ван и руководитель департамента МИД МНР Б. Сэрээтэр, заместитель главного редактора газеты «Унэн» Цээнжав, заместитель министра внутренних дел МНР Б. Дордог — сомон Лун³ Центрального аймака [Хишигт 2020: 39–40].

20 октября в 6 часов утра были открыты все участки для голосования, в котором приняли участие 487 409 граждан с правом голоса (98,4 %), ни одного голоса не было подано против [Советско-монгольские отношения 1979: 131]. 12 ноября президиум Малого Государственного хурала своим постановлением утвердил протокол Центральной комиссии [Протокол об итогах 1952: 65–68]. 13 ноября маршал Х. Чойбалсан направил письмо наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову с документами (протокол о проведении плебисцита и постановление президиума Малого Государственного хурала), эти же документы были отправлены министру иностранных дел Китайской Республики [Советско-монгольские отношения 1966: 156]. Только 5 января 1946 г. официальный Китай признал независимость МНР в существующих границах, 8 февраля в Чунцин прибыла монгольская делегация во главе с заместителем премьер-ми-

¹ Баг (монг. *баг*), сомон (монг. *сум*), хорин (монг. *хорин*), хорон (монг. *хороон*) — административно-территориальные единицы Монголии.

² Встречается разное написание имени главы делегации: Лэй Фа-чжан [Правда. 21.10.1945. № 252 (10023); Правда. 25.10.1945. № 254 (10025)], Ли Фа-чжан [Правда. 25.10.1945. № 255 (10026); 26.10.1945. № 256 (10027); ГА РФ. Ф. 4456. Оп. 27. Д. 4330. Л. 12]; Лён Фанчан [Цыбенев 2015: 68], в монгольской историографии принято написание — Лэй Фажан [Хишигт 2020: 39] и др.

³ В газете «Правда» сомон Лун (монг. *Лун*) Центрального аймака указан как сомон Лулун [Монгольская печать о плебисците 1945: 4].

нистра, министром животноводства Ч. Сурэнжавом, в состав делегации вошли заместитель министра иностранных дел Н. Лхамсурэн, помощник Л. Норовсамбуу, референт Д. Нямаа, переводчик с китайского языка С. Рэнцэнсоном, заместитель министра внутренних дел Б. Дордог, референт премьер-министра Ц. Цэдэв [Хишигт 2020: 46–47]. За время пребывания в Пекине с 9 по 16 февраля монгольская делегация встречалась с министром иностранных дел Республики Китай Ван Шицзе, заместителем министра внутренних дел Лэй Фа-чжаном, была принята президентом республики Чан Кайши, которому были переданы документы о плебисците и постановление Малого Государственного хурала [Хишигт 2020: 47].

13 февраля 1946 г. установлены дипломатические отношения между МНР и Китайской Республикой, 16 октября 1949 г. — между МНР и КНР.

Таким образом, плебисцит подтвердил де-юре право монгольского народа на независимость, Монгольская Народная Республика получила официальное признание ее международно-правового статуса

6. Плебисцит в Монгольской Народной Республике по материалам СМИ

Плебисцит широко освещался в средствах массовой информации. Накануне всенародного голосования в газете «Правда» вышла заметка «Перед плебисцитом в Монгольской Народной Республике», в которой кратко освещалась ситуация в стране перед голосованием: «На многочисленных собраниях тщательно обсуждена инструкция по проведению плебисцита, печать и радио широко освещают ход подготовки к плебисциту. В течение нескольких дней прокатилась волна митингов...» [Перед плебисцитом 1945: 4]. В заметке «К плебисциту в МНР» сообщалось о прибытии вице-министра внутренних дел Китайской Республики Лэй Фа-чжана для наблюдения за проводимым в МНР плебисцитом. Важно отметить, что по приезде глава китайской делегации сначала нанес «визит Чрезвычайному и Полномочному посланнику СССР в МНР Иванову, затем вице-министр был принят премьер-министром и министром иностранных дел маршалом Чойбалсаном» [К плебисциту в МНР 1945: 4]. В день голосования, 20 октября, «жители направлялись к участкам в лучших национальных костюмах с государственными флагами МНР ... голосование шло дружно, к полудню в подавляющей части участковых комиссий Улан-Батора проголосовало 80 % избирателей... глава буддийской церкви Эрдэнипил¹ от имени верующих провозглашал молитвы за процветание независимости МНР» [Знаменательный день 1945: 4]. 22 октября были оглашены предварительные итоги голосования по Улан-Батору: «в девяти хоромах (районах), на которые был разбит город, в списки для участия было занесено 26 658 граждан, из них приняли участие 24 683 человека. В городе отсутствовало 1 975 человек, которые голосовали в других хоромах» [Плебисцит в МНР 1945: 4]. В городах Сухэ-Батор, Ундурхан, Цицерлик и других, в Убурхангайском аймаке все голоса поданы за независимость МНР. Из пустыни Гоби телеграфируют: в сомоне Сонинчагасон² из 464 граждан проголосовало 389 человек. Все как один голосовали за независимость страны» [Плебисцит в

¹ Верное написание имени: Эрдэнипэл. Эрдэнипэл (1877–1960) — первый настоятель монастыря Гандантэгчинлин в Улан-Баторе после восстановления религиозной службы в 1944 г., автор сочинения «Что является причиной религий, исповедуемых монгольскими народами» [История в трудах 2005: 155].

² Сомон Сайнцагаан.

МНР 1945: 4]. Но не только газета «Правда» широко освещала и комментировала плебисцит. В монгольских газетах «Үнэн», «Улаан одон» («Красная звезда»), «Залууч-Удын»¹ («Молодежная правда»), газете китайской секции профсоюзов «Рабочий путь» (на китайском языке) также отмечались *«исключительное морально-политическое единство народа ... беспрецедентная преданность своей независимой родине и безграничная признательность Советскому Союзу за его бескорыстную помощь монгольскому народу»* [Монгольская печать о плебисците 1945: 4]. Уполномоченный китайского правительства Лэй Фа-чжан и сопровождавшие его лица выразили представителям властей МНР свое удовлетворение, что *«плебисцит проводится в строгом соответствии с демократическими принципами свободного волеизъявления граждан МНР»* [Плебисцит в МНР 1945: 4]. Эта же заметка перепечатана в газете «Известия» за 23 октября [Плебисцит в МНР. Предварительные 1945: 4]. Следует обратить внимание на заявление Лэй Фа-чжана от 25 октября в беседе с корреспондентом ТАСС: *«Я как представитель национального правительства Китая испытываю такое же удовлетворение, как и весь монгольский народ. Это совпадает с основными целями Китайской народной революции, которые можно сформулировать так: во-первых, добиться независимости и освобождения китайского государства, во-вторых, обеспечить свободу и равенство всем народам Китайской Республики, и отметил, что осуществление этих задач срывала японская агрессия в Китае, длившаяся 50 лет. При заключении дружественного соглашения между Китайской Республикой и Советским Союзом состоялся обмен нотами, в которых был решен вопрос юридического оформления независимости монголами законным порядком — путем всенародного голосования — плебисцита. Если монгольский народ подтвердит свое стремление к независимости и свободе, то тогда представители монгольского народа приедут в Чунцин и сообщат о результатах голосования, китайское национальное правительство законным порядком официально объявит о независимости Монголии. После нынешнего плебисцита положение в Монголии будет наконец юридически оформлено»* [Заявление представителя 1945: 4].

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) хранятся материалы ТАСС, отражающие реакцию мировой прессы на плебисцит в МНР. Эти материалы дают представление о различных, порой противоречивых, взглядах на происходящее.

Так, в августе 1945 г. агентство «Рейтер», ссылаясь на японское агентство «Домей Цусин», сообщило об атаке японской авиации на советские моторизованные части, передвигавшиеся по территории МНР. В сообщении подчеркивалось, что это первое свидетельство использования Советским Союзом территории МНР, которая, по мнению агентства, находилась под полным контролем советских советников и фактически была независима от Китая [ГА РФ. Ф. 4456. Оп. 27. Д. 4330. Л. 7]. В мае того же года, согласно радиоперехвату агентства «Юнайтед Пресс», представитель китайского правительства, комментируя манифест Гоминьдана об автономии Внешней Монголии, напомнил о советско-китайском договоре 1924 г., в котором СССР признавал Внешнюю Монголию неотъемлемой частью Китая и никогда открыто не оспаривал это положение. При этом корреспондент отмечал, что с 1921 г. (с 1924 г. — К. О.)

¹ «Улаан Од», «Залуучуудын үнэн».

Внешняя Монголия фактически является республикой, и китайское правительство не имело возможности установить «контроль над обширной территорией, простирающейся между Великой китайской стеной и озером Байкал» (!) [ГА РФ. Ф. 4456. Оп. 27. Д. 4330. Л. 7].

После проведения плебисцита 25 октября 1945 г. из Дели поступило сообщение о его результатах, свидетельствующих о подавляющей поддержке населением независимости МНР. «Китайские представители, которые присутствовали в Монголии во время плебисцита» (см. сообщение газеты «Чжунмэйжибао» за 23 октября. — К. О.), выразили удовлетворение демократическим характером его проведения [ГА РФ. Ф. 4456. Оп. 27. Д. 4330. Л. 9]. Из Сан-Франциско ТАСС передало «протокольную запись», в которой говорилось, что народ Монголии проголосовал за разрыв связей с Китаем и обретение независимости. Подчеркивалось, что Китай не контролировал Внешнюю Монголию в течение 25 лет, и плебисцит был проведен в соответствии с советско-китайским договором [ГА РФ. Ф. 4456. Оп. 27. Д. 4330. Л. 9]. Сообщение из Чунцина также подтверждало решение о независимости Внешней Монголии, принятое в результате голосования, в котором могли участвовать все жители республики от 18 лет; в столице Монголии в голосовании участвовало 20 000 человек. Представители Министерства внутренних дел Китая впервые посетили территорию Внешней Монголии и наблюдали за ходом голосования. Однако, указывает газета, положение еще больше осложнится, если независимость получит не только Внешняя Монголия¹ [ГА РФ. Ф. 4456. Оп. 27. Д. 4330. Л. 10–11]. 23 октября газета «Чжунмэйжибао» с «глубочайшим сожалением» сообщает, что «плебисцит в Монголии проходит без наблюдения представителей китайского правительства» [ГА РФ. Ф. 4456. Оп. 27. Д. 4330. Л. 11].

Ситуация вокруг независимости Внешней Монголии была непростой и вызывала разные оценки в прессе разных стран. Китайская газета «Лянхожибао» признавала право монгольского народа на самоопределение, хотя и выражала сожаление по поводу возможного отделения. Издание отмечало, что Китай и СССР честно выполнили свои обязательства по проведению плебисцита, что является проявлением демократии в Азии [ГА РФ. Ф. 4456. Оп. 27. Д. 4330. Л. 13].

Американская «Нью-Йорк Геральд трибюн» подчеркивала, что влияние СССР на Внешнюю Монголию обусловлено скорее привлекательностью советской модели развития, чем военной силой. Газета признавала, что Внешняя Монголия фактически является советским протекторатом, успехи СССР в повышении уровня жизни в Сибири, по мнению газеты, оказали сильное влияние на жителей Внешней Монголии [ГА РФ. Ф. 4456. Оп. 27. Д. 4330. Л. 14].

Турецкая газета «Улус» в лице своего обозревателя Эсмэра выражала открыто антисоветскую точку зрения. Он считал, что «первый плебисцит установил независимость МНР²», и предположил проведение еще одного плебисцита, который приведет к ее присоединению к СССР. Эсмэр считал, что «русские

¹ Имеется в виду Тибет, статус которого после признания независимости МНР беспокоил китайское правительство, о котором можно судить по дискуссиям И. В. Сталина и Сун Цзывэня во время советско-китайских переговоров в Москве [Русско-китайские отношения 2000: 87].

² Плебисцит 1945 г. — первый, независимость МНР была провозглашена в результате национально-освободительной революции 1911 г.

ждут подходящего момента, чтобы приступить к такому дополнительному плебисциту», и видел в действиях СССР в Монголии «технику внешней политики Советов», направленной на расширение своего влияния [ГА РФ. Ф. 4456. Оп. 27. Д. 4330. Л. 22].

Таким образом, материалы ТАСС, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, демонстрируют неоднозначную картину восприятия плебисцита в МНР и отражают различные точки зрения на ее статус, а также роль в ней Советского Союза и Китая.

7. Заключение

История обретения независимости Монголией была долгой и сложной. После национально-освободительной революции 1911 г., провозгласив независимость, страна не получила международного признания. Последующие соглашения с Россией и Китаем лишь подтвердили автономию Внешней Монголии в составе Китайской Республики, что категорически не устраивало Монголию, настаивавшую на полной независимости. Национально-демократическая революция (1921) и провозглашение республики (1924) также не изменили ее международный статус. Лишь решения Ялтинской конференции (1945) позволили Монголии добиться фактического и юридического признания независимости и стать полноправным членом мирового сообщества. Советский Союз как ключевой участник Ялтинской конференции выступил гарантом независимости Монголии и активно продвигал этот вопрос на международной арене. Под давлением СССР и союзников Китайская Республика признала независимость Монголии, но потребовала проведения плебисцита, который состоялся 20 октября 1945 г. Результаты всенародного голосования однозначно подтвердили стремление монгольского народа к независимости.

Плебисцит широко освещался в советской и монгольской прессе. Мировая пресса неоднозначно оценила плебисцит и отразила различные точки зрения на статус Монголии и роль в этом процессе Советского Союза и Китая.

Таким образом, тернистый путь Монголии к международному признанию был непростым, но благодаря усилиям монгольского народа и Советского Союза, страна заняла достойное место в мировом сообществе.

Источники

Sources

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.	The State Archive of the Russian Federation.
РГАСПИ — Государственный архив социально-политической истории.	The State Archive of Socio-Political History.
Правда 1945 — газета «Правда». 21.10.1945. № 252(10023); 25.10.1945. № 254(10025), 25.10.1945. № 255(10026); 26.10.1945. № 256(10027).	Pravda 1945 — Pravda Newspaper. 21.10.1945.No.252(10023);25.10.1945. No. 254 (10025); 25.10.1945. No. 255 (10026); 26.10.1945. No. 256(10027).

Литература

References

- Батунаев 2017 — Батунаев Э. В. Монголия в борьбе за независимость: от Халхин-Гола до Ялты (1939–1945 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2(41). С. 37–43.
- Батунэев E. V. Mongolia in the Struggle for Independence: from Khalkhin-Gol to Yalta (1939–1945). *Oikumena. Regional Researches*. 2017. No. 2(41). Pp. 37–43. (In Russ.)
- Болд 2015 — Болд Р. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: СССР – Россия – Китай, 1910–1973 / пер. с монг.: Ю. Н. Кручин; предисл.: А. С. Железняков. М.: Весь мир, 2015. 400 с.
- Bold R. Independence and Recognition. Mongolia in the Triangle of Interests: USSR – Russia – China, 1910–1973. Yu. N. Kruchkin (transl. from Mong.), A. Zheleznyakov (pref.). Moscow: Publishing House “The Whole World”, 2015. 400 p. (In Russ.)
- Грайворонский 2023 — Грайворонский В. В. Место русско-монгольского соглашения 1912 г. в истории русско-монгольских отношений // Вестник Института востоковедения. 2023. № 1(23). С. 36–47.
- Grayvoronskiy V. V. The Place of Russian-Mongolian Friendship Agreement of 1912 in the History of Russian-Mongolian Relations. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the RAS*. 2023. No. 1 (23). Pp. 36–47 (In Russ.)
- Дудин 2011 — Дудин П. Н. История международных договоров, закрепляющих статус Монголии в начале XX в. (1911–1924 гг.) // Вестник Бурятского университета. 2011. № 7. С. 162–165.
- Dudin P. N. History of International Treaties, Confirming Status of Mongolia in the Beginning of the 20th Century (1911–1924). *Bulletin of the Buryat University*. 2011. No. 7. Pp. 162–165 (In Russ.)
- Заявление представителя 1945 — Заявление представителя китайского правительства о плебисците в МНР // Правда. 25.10.1945. № 255 (10026). С. 4.
- Statement by the Representative of the Chinese Government on the Plebiscite in the MPR. *Pravda*. 25.10.1945. No. 255 (10026). 4 p. (In Russ.)
- Знаменательный день 1945 — Знаменательный день // Правда. 22.10.1945. № 253 (10024). С. 4.
- A Significant Day. *Pravda*. 10.22.1945. No. 253(10024). 4 p. (In Russ.)
- Инструкция 1952 — Инструкция по проведению всенародного голосования по вопросу о независимости МНР // Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики / пер. с монг.; ред. и вступ. статья С. С. Демидова. М.: Изд-во иностр. лит., 1952. С. 60–62.
- Instructions for Conducting a Nationwide Vote on the Independence of the People’s Republic of Mongolia. Constitution and Basic Legal Acts of the Mongolian People’s Republic. S. S. Demidov (transl. from Mong.; ed. and introd. article). Moscow: Foreign Literature, 1952. Pp. 60–62. (In Russ.)
- История в трудах 2005 — История в трудах ученых лам / сост. А. С. Железняков, А. Д. Цендина. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2005. 275 с.
- History in the Works of Scientists Lama. A. Zheleznyakov, A. Tsendina (comp.). Moscow: KMK Scientific Publications Partnership, 2005. 275 p. (In Russ.)
- История Востока 2005 — История Востока. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). Кн. 2. М.: Вост. лит., 2005. 574 с.
- The History of the East. Vol. 4. The East in Modern Times (late 18th – early 20th Century). Book 2. M.: Vostochnaya Literatura, 2005. 574 p. (In Russ.)

- История Монголии 2007 — История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с. The History of Mongolia. 20th Century. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)
- К плебисциту в МНР 1945 — К плебисциту в МНР // Правда. 21.10.1945. № 252(10023). С. 4. To the Plebiscite in the MPR. *Pravda*. 21.10.1945. No. 252 (10023). P. 4. (In Russ.)
- Конституция 1952 — Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики: пер. с монг. / ред. и вступ. статья С. С. Демидова. М.: Изд-во иностр. лит., 1952. 272 с. The Constitution and the Main Legislative Acts of the Mongolian People's Republic: transl. from the Mong. / S. S. Demidov (ed., introd. article). Moscow: Foreign Literature, 1952. 272 p.
- Кузьмин 2023 — Кузьмин С. Л. Русско-монгольское Соглашение 1912 г. и международно-правовой статус Монголии // Вестник Института востоковедения. 2023. № 1(23). С. 11–35. Kuzmin S. L. The 1912 Russo-Mongolian Agreement and International Legal Status of Mongolia. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the RAS*. 2023. No. 1 (23). Pp. 11–35 (In Russ.).
- Курас 2025 — Курас Л. В. У истоков монгольской государственности (к 110-летию Кяхтинского тройственного соглашения) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения СО РАН. 2025. № 2(58). С. 118–125. Kuras L. V. At the Origin of Mongolian Nation-Building (to the 110th Anniversary of the Treaty of Kyakhta). *Bulletin of the Buryat Scientific Center (SB RAS)*. 2025. No. 2 (58). Pp. 118–125 (In Russ.).
- Монгольская печать о плебисците 1945 — Монгольская печать о плебисците // Правда. 25.10.1945. № 255(10026). С. 4. The Mongolian Press on the Plebiscite of 1945. *Pravda*. 25.10.1945. No. 255 (10026). P. 4. (In Russ.)
- Перед плебисцитом 1945 — Перед плебисцитом в Монгольской Народной Республике // Правда. 20.10.1945. № 251(10022). С. 4. Before the Plebiscite in the Mongolian People's Republic. *Pravda*. 20.10.1945. No. 251 (10022). P. 4. (In Russ.)
- Плебисцит в МНР 1945 — Плебисцит в МНР // Правда. 22.10.1945. № 253 (10024). С. 4. Plebiscite in the MPR. *Pravda*. 22.10.1945. No. 253 (10024). P. 4. (In Russ.)
- Плебисцит в МНР. Предварительные 1945 — Плебисцит в МНР. Предварительные итоги голосования // Известия. 23.10.1945. 1945. № 250(8860). С. 4. Plebiscite in the MPR of 1945. Preliminary Voting Results. *Izvestiya*. 1945. No. 250 (8860). P. 4. (In Russ.)

- Постановление 1952 — Постановление Президиума Малого хурала МНР 21 сентября 1945 г. о проведении всенародного плебисцита по вопросу о независимости МНР // Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики / пер. с монг.; ред. и вступ. статья С. С. Демидова. М.: Изд-во иностр. лит., 1952. С. 58–60.
- Постановление Президиума 1953 — Постановление Президиума Малого Хурала МНР от 5 октября 1945 г. «О формуле голосования за независимость МНР» // Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. С. 63.
- Протокол об итогах 1952 — Протокол об итогах проведения плебисцита по вопросу о независимости Монгольской Народной Республики // Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики / пер. с монг.; ред. и вступ. статья С. С. Демидова. М.: Изд-во иностр. лит., 1952. С. 65–68.
- Русско-китайские отношения 2000 — Русско-китайские отношения в XX в. Материалы и документы. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 2. 1945 г. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 704 с.
- Советско-монгольские отношения 1966 — Советско-монгольские отношения. 1921–1966. Сборник документов. М.: ГРВЛ, 1966. 360 с.
- Советско-монгольские отношения 1975 — Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1: 1921–1940. М.: Международные отношения; Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1975. 589 с.
- Resolution of the Presidium of the Small Khural of the MPR on September 21, 1945 on Holding a Nationwide Plebiscite on the Independence of the MPR. The Constitution and the Main Legal Acts of the Mongolian People's Republic. S. S. Demidov (transl. from the Mong.; ed. and the introd. article). Moscow: Foreign Literature, 1952. Pp. 58–60 (In Russ.)
- Resolution of the Presidium of the Small Khural of the Mongolian People's Republic dated October 5, 1945, "On the Voting Formula for the Independence of the Mongolian People's Republic" // Constitution and Basic Legislative Acts of the Mongolian People's Republic. Moscow: Foreign Literature, 1953. P. 63.
- Protocol on the Results of the Plebiscite on the Independence of the Mongolian People's Republic. In: The Constitution and the Main Legal Acts of the Mongolian People's Republic. S.S. Demidov (transl. from Mong.; ed. and the introd. article). Moscow: Foreign Literature, 1952. Pp. 65–68. (In Russ.)
- Russian-Chinese Relations in the 20th Century. Materials and Documents. Vol. 4. Soviet-Chinese Relations. 1937–1945. Book 2. 1945 S. Tikhvinsky (ed.). Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2000. 704 p. (In Russ.)
- Soviet-Mongolian Relations. 1921–1966. Collection of Documents. Moscow: GRVL, 1966. 360 p. (In Russ.)
- Soviet-Mongolian Relations. 1921–1974. Documents and Materials. Vol. 1: 1921–1940. Moscow; Ulaanbaatar: International Relations, State Publishing House, 1975. 589 p. (In Russ.)

- Советско-монгольские отношения 1979 — Soviet-Mongolian Relations. 1921–1974. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2: 1941–1974. Ч. 1. М.: Международные отношения; Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1979. 529 с.
- Советско-монгольские отношения. Documents and Materials. Vol. 2: 1941–1974. Part 1. Moscow; Ulaanbaatar: International Relations, State Publishing House, 1979. 529 p. (In Russ.)
- Хишигт 2020 — *Хишигт Н.* 1945 он: Монгол улс тусгаар тогтнолоо ард нийтгээр батлав. Танин мэдэхүйн цуврал – 55 (= 1945 год: народ Монголии ратифицировал независимость. Серия «Знание – 55») / ред. Ц. Батбаяр (= ред. Ц. Батбаяр). Улаанбаатар: Глобал партс Монголиа, 2020. 56 х.
- Khishigt N. 1945: The People of Mongolia Have Ratified Independence. Series–55. B. Batbayar (ed.). Ulaanbaatar: Global Partners Mongolia, 2020. 56 p. (In Mong.)
- Цыбенев 2015 — *Цыбенев Б. Д.* Монголия: от статус-кво до юридического признания // Известия Восточного института. 2015. № 3(27). С. 64–72.
- Tsybenov B. D. Mongolia: from the Status Quo to Legal Recognition. *Izvestia of the Oriental Institute*. 2015. No. 3 (27). Pp. 64–72 (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 3, pp. 506–524, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-506-524

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

Влияние проектов Экономического коридора Россия – Монголия – Китай на коммуникацию трансграничных этносов Российской Федерации и Монголии

*Сергей Геннадьевич Лузянин^{1, 2, 3},
 Борис Хабижевич Кушхов^{4, 5}*

UDC 94

The Impact of Russia-Mongolia-China Economic Corridor Projects on the Communication of Cross-Border Ethnic Groups of the Russian Federation and Mongolia

*Sergey G. Luzyanin^{1, 2, 3},
 Boris Kh. Kushkhov^{4, 5}*

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 20, ул. Мясницкая, 101000 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

³ Фонд поддержки востоковедческих исследований (д. 32, Нахимовский пр., 117218 Москва, Российская Федерация)

президент Фонда

 0000-0001-9578-6023. E-mail: [luzyanin.sergey\[at\]mail.ru](mailto:luzyanin.sergey[at]mail.ru)

¹ MGIMO University (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

² National Research University Higher School of Economics (20, Myasnitskaya St., 101000 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

³ Foundation for the Support of Oriental Studies (32, Nakhimovsky ave., 117218 Moscow, Russian Federation)

President of the Foundation

⁴ Посольство России в Монголии (д. 6, пр. Мира, 14250, Улан-Батор, Монголия)

кандидат исторических наук, атташе

⁴ Russian Embassy in Mongolia (6, Peace Ave., 14250 Ulaanbaatar, Mongolia)

Cand. Sc. (History), Attache

⁵ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)

⁵ MGIMO University (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)

кандидат исторических наук, исследователь — Cand. Sc. (History), Researcher

 0000-0001-5976-7749. E-mail: boris.kushkhov[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Лузянин С. Г., Кушхов Б. Х., 2025

© Luzyanin S. G., Kushkhov B. Kh., 2025

Аннотация. *Введение.* В данной статье оценивается возможное влияние реализации транспортно-инфраструктурных проектов Экономического коридора Россия – Монголия – Китай на развитие и условия внутренней коммуникации трансграничных этносов, проживающих в России и Монголии. Возможное влияние новых проектов на этнический ландшафт трансграничья оценивается как за счет анализа опыта уже возведенных ранее транспортных магистралей на российско-монгольской границе, так и с помощью анализа динамики этнической ситуации на границе Казахстана и КНР как места реализации в недавнем прошлом аналогичных континентальных коридоров. *Цель* исследования — оценка позитивного и негативного влияния деятельности по созданию новых международных транспортных магистралей на благополучие трансграничных народов и их внутреннюю коммуникацию. Новаторской составляющей исследования является нестандартность поставленной перед ним задачи, призванной оценить влияние экономических факторов на этнокультурную обстановку трансграничного региона, равно как и оригинальное средство ее решения, представляющее сочетание географического наложения транспортных проектов и трансграничных этнических ареалов и кросс-регионального анализа. *Материалы и методы.* В работе были проанализированы монографии и аналитические статьи отечественных и монгольских специалистов и экспертов, статистические данные, материалы СМИ, тезисы из частных бесед с жителями трансграничных этнических районов. Использован метод кросс-регионального анализа (как пространственные, так и временные сравнения). Для операционализации понятия «трансграничный этнос» применимо к анализу транспортно-инфраструктурных факторов его развития была использована концепция «Этнического трансграничного региона». *Результаты.* Реализация проекта Западного коридора может привести к сокращению доли трансграничных этносов в самых близких к границе населенных пунктах, но не отразится на других районах, лежащих на пути новой магистрали. В прилегающих к новым магистралям и границе двух стран территориях может сократиться доля кочевого населения, произойдет увеличение плотности населения. Неизбежное изменение режима границы негативно скажется на интенсивности переходов к родственникам вне установленных пунктов, однако сделает пересечения более удобными на установленных участках. Реализация транспортно-инфраструктурных проектов, скорее всего, не приведет к изменению показателей миграции представителей трансграничных этносов и не спровоцирует рост сепаратистских настроений. Создание международных магистралей улучшит благосостояние в среде трансграничных этносов из-за создания новых рабочих мест, возникновения торговых, туристических, сортировочных, упаковочных и других предприятий, сократив миграцию представителей трансграничных этносов в региональные центры или другие крупные города.

Ключевые слова: Монголия, Россия, Китай, граница, история, транспорт, экономика, инфраструктура, этнос

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Этнический фактор в развитии межкультурного диалога России и Монголии на современном этапе» (№ 24-48-03030, <https://rscf.ru/project/24-48-03030/>).

Для цитирования: Лузянин С. Г., Кушхов Б. Х. Влияние проектов Экономического коридора Россия – Монголия – Китай на коммуникацию трансграничных этносов Российской Федерации и Монголии // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 506–524. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-506-524

Abstract. Introduction. This article assesses the potential impact of the implementation of transport and infrastructure projects within the Russia–Mongolia–China Economic Corridor on the development and internal communication conditions of cross-border ethnic groups living in Russia and Mongolia. The potential impact of new projects on the ethnic landscape of the cross-border region is assessed through an analysis of the experience of previously constructed transport highways on the Russian–Mongolian border, as well as through an analysis of the dynamics of the ethnic situation on the border of Kazakhstan and China, where similar continental corridors have recently been implemented. The *purpose* of the study is to evaluate the positive and negative impact of the creation of new international transport highways on the well-being of cross-border peoples and their internal communication. A novel component of the study is the originality of its task, designed to assess the influence of economic factors on the ethnocultural situation of a cross-border region, as well as the original solution, which represents a combination of the geographical overlap of transport projects and cross-border ethnic areas, along with cross-regional analysis. *Materials and methods.* The study utilized monographs and analytical articles by Russian and Mongolian specialists and experts, statistical data, media reports, and private interviews with individuals from transborder ethnic regions. A cross-regional analysis (both spatial and temporal comparisons) was employed. The concept of an “ethnic transborder region” was used to operationalize the concept of a “transborder ethnic group” for the analysis of transport and infrastructure factors affecting its development. *Results.* The study yielded the following conclusions. Implementation of the Western Corridor project may lead to a reduction in the proportion of transborder ethnic groups in settlements closest to the border, but will not affect other areas along the new highway. In areas adjacent to the new highways and the border between the two countries, the proportion of nomadic populations may decrease, and population density will increase. The inevitable change in border regime will negatively impact the frequency of crossings to visit relatives outside established points, but will make crossings more convenient within established sections. The implementation of transport infrastructure projects will likely not lead to a change in migration rates for cross-border ethnic groups or provoke an increase in separatist sentiment. The creation of international highways will improve the well-being of cross-border ethnic groups by creating new jobs and opening up trade, tourism, sorting, packaging, and other businesses, while reducing migration of cross-border ethnic groups to regional centers or other large cities.

Keywords: Mongolia, Russia, China, border, history, transport, economy, infrastructure, ethnicity

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation project no. 24-48-03030 “The Ethnic Factor in the Development of Inter-civilizational Dialogue between Russia and Mongolia at the Present Stage”.

For citation: Luzyanin S. G., Kushkhov B. Kh. The Impact of Russia–Mongolia–China Economic Corridor Projects on Communication between Cross-Border Ethnic Groups of the Russian Federation and Mongolia. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 3. Pp. 506–524. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-506-524

1. Введение

Научные разработки определенного числа современных исследователей монголо-российских отношений [Железняков 2016; Железняков, Чулуунбаатар 2023]

посвящены доказательству гипотезы о межцивилизационном характере диалога двух стран. В данном контексте особенный интерес представляет обширный трансграничный регион, рассматриваемый в упомянутой парадигме в качестве переходной зоны между двумя цивилизациями. Его масштабы определяются не только площадью этой зоны и протяженностью границы двух стран (3 485 км), но и большим числом народов и этнических групп, одновременно проживающих и в России, и в Монголии. В статье осуществляется анализ перспективного влияния проектов трехстороннего российско-монгольско-китайского экономического коридора как ключевой геополитической инициативы в данном субрегионе на взаимодействия в среде трансграничных этносов.

Методологическая составляющая данной темы напрямую связана с разработанной в российском монголоведении концепцией монгольской цивилизации и ее места в современных реалиях, что позволяет более точно определить цивилизационные российско-монголо-китайские «стыки», их специфику и перспективы существования [Железняков 2016; Лузянин 2021].

С 2013 г. китайская инициатива «Один пояс и один путь» (ИПП) превратилась в современный системный фактор влияния на Экономический коридор, количественно и качественно развивая российско-монголо-китайские трансграничные проекты, включая транспортную и энергетическую (углеводородную) составляющие [Бабаев, Лузянин 2024].

Для определения влияния транспортно-инфраструктурных проектов на трансграничную этническую среду перед представленным исследованием были последовательно поставлены следующие задачи:

- 1) оценить наиболее вероятные варианты реализации включенных в Программу развития Экономического коридора проектов;
- 2) изучить теоретические основы взаимодействия в среде трансграничных этносов, факторы интенсификации контактов;
- 3) локализовать и сопоставить районы трансграничного проживания отдельных народов и выходящих к государственной границе участков транспортно-инфраструктурных проектов;
- 4) изучить возможное влияние на опыте уже существующего международного транспортного коридора Россия – Монголия – Китай (Центральный коридор), а также аналогичных проектов, уже реализованных на других границах (в силу сходства ключевых факторов выбраны китайско-казахстанские инициативы);
- 5) оценить актуальность выделенных факторов для конкретных проектов, проходящих через границу России и Монголии.

2. Перспективные формы реализации проектов Экономического коридора и вспомогательных инициатив

С учетом специфики объекта исследования представляется уместным выделить следующие наиболее важные факторы двусторонних отношений, наиболее полно характеризующие контекст трансграничного взаимодействия. С 2019 г. государственные отношения России и Монголии обладают высоким статусом «Всеобъемлющего стратегического партнерства». С 2014 г. между двумя странами установлен безвизовый режим, позволяющий находиться без специальных разрешений на территории соседней страны сроком до 30 суток. Широкие перспективы для двусторонних торгово-экономических контактов открывает

Временное торговое соглашение Монголии с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), подписанное в июне 2025 г. в Минске¹.

Экономический коридор Россия – Монголия – Китай является обширной программой, выдвинутой лидерами трех стран в ходе их первой трехсторонней встречи на полях саммита ШОС в 2014 г. в Душанбе [Дондоков, Намжилова 2022: 53]. Позднее, в 2016 г., проект получил комплексную программу с упоминанием и описанием основных проектов, подписанную на аналогичном саммите в Ташкенте [Программа 2016]. Несмотря на амбициозные задачи, удалось достичь существенного продвижения по его реализации в силу ряда обстоятельств только по небольшому количеству инициатив, наиболее успешной из которых является создание трансмонгольского газопровода «Сила Сибири – 2». Тем не менее факт проработки комплексной программы по электро- и топливно-энергетическому, торгово-экономическому, транспортно-инфраструктурному и туристическому сотрудничеству трех стран определяет долгосрочную востребованность Экономического коридора. Это в свою очередь делает актуальной проработку его влияния и на этнорелигиозную обстановку в трансграничном регионе.

В настоящее время на границе Монголии с Россией, протяженность которой достигает 3 485 км, функционируют восемь автомобильных и два железнодорожных пограничных переходов, связывающие Республику Алтай, Бурятию, Тыву и Забайкальский край с Баян-Ульгийским, Убсунурским, Завханским, Селенгинским, Хэнтийским и Восточным аймаками Монголии.

Обсуждаются перспективы создания железнодорожного маршрута, соединяющего Тыву, Западную Монголию и Синыцзян-Уйгурский автономный район. Такая конфигурация упоминалась в ходе состоявшейся в мае 2025 г. встречи заместителя министра транспорта Российской Федерации и председателем Национального комитета Монголии по модернизации контрольно-пропускных пунктов². В настоящее время стороны готовят дорожную карту по совместному развитию пограничных переходов на границе России и Монголии. Данная дискуссия между Россией и Монголией ведется одновременно с продвижением транспортных инициатив Монголии и Китая, призванных связать Западную Монголию с КНР. В частности в 2024 г. введена в эксплуатацию трансграничная железная дорога Шивээхурэн – Сэхээ, которую монгольская сторона предполагает соединить с вышеупомянутым переходом Цагаан-Тологой – Арцсурь [Дондоков 2024: 16]. В свою очередь российская сторона занимается оценкой перспективности дороги Кызыл – Курагино, которая соединит Цагаан-Толгой с основными российскими международными магистралями³. Проект активно

¹ ЕАЭС и Монголия заключили временное торговое соглашение [электронный ресурс] // ЕЭК (Евразийская экономическая комиссия). 27.06.2025. URL: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-mongoliya-zaklyuchili-vremennoe-torgovoe-soglashenie/?sphrase_id=415606 (дата обращения: 20.07.2025).

² Россия и Монголия ведут скоординированную работу по развитию пунктов пропуска через границу. 8 мая 2025 г. [электронный ресурс] // Министерство транспорта Российской Федерации. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11861> (дата обращения: 15.07.2025).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 129-р [электронный ресурс] // Документы – Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/drWrVydZYzvipBV3mBNArxTlXlgtuAM.pdf> (дата обращения: 11.07.2025).

продвигается властями таких субъектов, как Республика Тыва и Красноярский край, так как рассматривается ими исключительно перспективным для экономического развития [Кылгыдай, Соян 2022: 72].

Варианты реализации Восточного коридора также активно обсуждаются сторонами в двух- и трехсторонних форматах. Монгольский проект железной дороги Чойбалсан – Хуут – Бичигт сопрягается, с одной стороны, с обсуждением модернизации пункта перехода Соловьёвск – Эрэнцав и участка дороги Эрэнцав – Чойбалсан¹.

На центральной железнодорожной магистрали весной 2025 г. был возобновлен приостановленный в 2020 г. пассажирский маршрут Москва – Улан-Батор – Пекин, создающий дополнительные возможности для перемещения людей между странами субрегиона.

О востребованности продвижения работ над коридорами говорит растущий из года в год грузопоток магистрали Эрлянъ – Улан-Батор – Улан-Удэ².

Упомянутая в программе Экономического коридора концепция «Северного коридора» в настоящее время получила развитие в виде перспективного проекта железной дороги Эрдэнэт – Овоот, призванной соединить Запад Монголии с ныне существующей Улан-Баторской железной дорогой (Центральным коридором)³. Интерес к данному проекту со стороны России и Китая в настоящее время не значителен.

Другим немаловажным проектом в рамках Экономического коридора является создание трехстороннего туристического маршрута. В 2023 г. представителями России, Монголии и Китая было заключено соглашение о развитии туристического маршрута «Великий чайный путь» (ВЧП), повторяющего торговый путь из Китая через Монголию в Сибирь и города центральной части России⁴. Реализация данной инициативы потребует в том числе интенсификации сети маршрутов гражданской авиации, соединяющей города «Пути» из трех стран. Отдельным аспектом ВЧП является создание комплекса сезонных ярмарок и фестивалей культур и ремесел народов трех стран.

Создаются новые международные пограничные переходы на автомобильных магистралях. В частности к концу 2025 г. планируется завершить комплексную модернизацию российской стороны перехода Хандагайты – Оршоо, соединяющего Тыву с Убсунурским аймаком Монголии.

¹ С. Бямбаогт: Хил холболтын төмөр замууд барьж, шинэ гарцууд нээснээр 2030 онд төмөр замын хүчин чадал жилд 180 сая тонн болно. 22.11.2023 [электронный ресурс] // Улс хоорондын шуудан илгээмжийн гаалийн газар. URL: <https://post.customs.gov.mn/?p=1350> (дата обращения: 25.07.2025).

² Монгол, Орос, Хятад гурван улсыг холбосон төмөр замын төв коридорыг шинэчлэх, ТЭЗҮ-ийг эхлүүлэхээр тохиролцов. 16.09.2022 [электронный ресурс] // Ikon.mn. URL: <https://ikon.mn/n/2054> (дата обращения 20.07.2025).

³ Монголия столкнулась с бюджетными проблемами с подключением к российским автомобильным и железным дорогам. 20.01.2025 [электронный ресурс] // Поворот России к Азии. URL: <https://russiaspivottoasia.com/russian/mongoliya-stolknulas-s-byudzhetnymi-problemami-s-podklyucheniem-k-rossijskim-avtomobilnym-i-zheleznyim-doroga/> (дата обращения: 16.07.2025).

⁴ Россия, Китай и Монголия запустят межгосударственный туристический маршрут «Великий чайный путь». 10.10.2023 [электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_kitay_i_mongoliya_zapustyat_mezhgosudarstvennyy_turisticheskiy_marshrut_velikiy_chaynyy_put.html (дата обращения: 19.07.2025).

Активно развивается проходящий через Запад Монголии участок международной автомагистрали АН-4¹.

3. Теоретические подходы к трансграничной коммуникации внутри этносов

Современная российская наука по большей части сосредоточена на исследовании трансграничных этносов, проживающих в Российской Федерации, Монголии и Китая. В этом плане граница с Монголией является одной из старейших российских границ, пересекающих высоко интегрированные этнокультурные пространства.

Профильные исследователи называют рассеченное государственной границей единое этнокультурное пространство этнокультурным трансграничным регионом (ЭТГР) [Кучинская 2011: 301]. К факторам поддержания контактов в ЭТГР относят отсутствие в пограничной зоне естественных природных рубежей (и сходство природных условий как следствие), нарастание экономической глобализации, сходную социально-экономическую структуру, примерно одинаковый уровень модернизации, симметричность параметров экономического развития трансграничных регионов, их расположение на линиях экономического взаимодействия и транспортных коридоров, имеющих международное значение, отсутствие территориальных претензий². Вместе с тем коммуникацию затрудняют (или делают ее проблемной для двух государств) низкая плотность населения и высокая дисперсность расселения, низкая плотность транспортной сети, чрезмерная «прозрачность» границы. Помимо этого, важно помнить, что зачастую трансграничные регионы с проживанием одного и того же народа представляют собой очаги нестабильности, центры сосредоточения сецессионистских тенденций.

Используя теоретический опыт в контексте монголо-российской границы, можно выделить такие ЭТГР, как «алтайско-казахский» (крайний западный участок границы), «тувинский» (западный участок), и «агинско-бурятский» (восточный участок). К причинам образования сразу нескольких ЭТГР на российско-монгольской границе можно отнести такие факторы, как:

1) формирование большей части границы в XVII–XIX вв. как границы между Российской Империей и Империей Цин в районах с некогда сильными самостоятельными державами (Сибирское ханство, государство Алтан-Хана, Джунгарское ханство и т. д.) и большим числом «двоеданцев» и «троеданцев», зависимых от нескольких региональных игроков одновременно [Цзян 2020: 21];

2) обилие социально-экономических потрясений и процессов, спровоцировавших миграцию отдельных этносов: Гражданская война в России, коллективизация и т. д. [Нанзатов, Соднопилова 2017: 30];

3) кочевая и полукочевая трансграничная этническая среда, предполагавшая интенсивные перемещения ряда этнических групп;

¹ Кушхов Б. «Азия-Европа» и магистраль АН-4 выгоды для России 4.10.2023 [электронный ресурс] // Новое Восточное Обозрение. URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/10/04/aziya-evropa-i-magistral-an-4-vygody-dlya-rossii-mongolii-i-kitaya/> (дата обращения: 16.07.2025).

² Влияние межэтнического взаимодействия на развитие трансграничного региона [электронный ресурс] // Институт степи Уральского отделения РАН // URL: <https://orensteppe.org/content/vliyanie-mezhetnicheskogo-vzaimodeystviya-na-razvitie-transgranichnogo-regiona> (дата обращения: 15.07.2025).

4) низкая плотность населения в приграничных районах;

5) фактор тувинской государственности в первой половине XX в., формирование которой затронуло не все тувинские кожууны [Смирнова, Блинова 2024: 293]. В это же время в силу продолжительного взаимодействия тувинцев с монголами имела место и проблема тувинской национальной идентичности, предполагавшей выбор между ориентацией на российское (советское) или на монгольское этнокультурное пространство [Садовой 2019: 152].

4. Наложение географии проектов Экономического коридора на российско-монгольские ЭТГР

Наиболее вероятные участки выхода континентальных магистралей к границе России и Монголии географически совпадают со следующими ЭТГР, выделяемыми по признаку наличия трансграничного этноса в качестве большинства или заметного меньшинства в прилегающих районах и сомонах двух стран:

– тувинцы составляют заметное меньшинство в населении сомона Давст Убсунурского аймака и абсолютное большинство в прилегающем к ним Овюрском кожууне Республики Тыва, заметное меньшинство в сомоне Тэс Завханского и сомоне Баянтэс Убсунурского аймака [Донгак, Чулуун 2015: 139] и абсолютное большинство в прилегающем к ним Эрзинском кожууне Республики Тыва, заметное меньшинство в приграничных сомонах Хубсугульского аймака;

– сомон Чулуунхороот Восточного аймака, один из районов проживания в Монголии хоринских бурятов, не граничит, но находится на незначительном удалении от Оловянниковского и Забайкальского районов и Агинского Бурятского округа Забайкальского края — территорий проживания агинских бурятов [Бороньева 2008: 75];

– алтайские казахи составляют абсолютное большинство в населении всех сомонов Баян-Ульгийского аймака [Смирнова, Блинова 2024: 294] и большинство населения примыкающего к нему Кош-агачского района Республики Алтай [Ларина, Наумова 2008: 46];

– ряд народностей, наиболее этнически близких к российским тувинцам, проживают на территории Хубсугульского аймака Монголии, через который предполагается вести магистраль так называемого Северного коридора [Калихман, Калихман 2011: 73].

Таким образом, на маршрутах магистралей экономического коридора проживают такие трансграничные народности, как алтайские казахи, тувинцы, буряты (агинские и хори). Результаты географического наложения проектов магистралей на ЭТГР, необходимого для изучения влияния первых на обстановку во вторых, представляется уместным отобразить в виде таблицы (см. табл. 1).

5. Анализ возможного влияния проектов Экономического коридора на коммуникацию в среде трансграничных этносов

Прежде всего представляется уместным обобщить опыт, полученный при изучении ситуации в районах на российско-монгольской границе с уже существующими континентальными магистральями.

Так, фактор трансграничных этносов наименее ярко выражен именно в районе пересечения границы России и Монголии ныне существующей магистралью, модернизация которой должна образовать так называемый Центральный

коридор. Если до 80 % населения Кяхтинского района составляют выходцы из европейской части России, то сомон Алтанбулаг, равно как и соседствующий с ним город Сухэ-Батор, имеет весьма разнообразный этнический состав. Подобная ситуация возникла из-за пролежавшего через эти территории с XVIII в. по конец XIX в. «Великого чайного пути», который привел к значительному притоку людей из других районов двух стран в окрестности нынешнего «Центрального коридора» [Кириллова 2018: 10]. В это же время и железнодорожная линия в Монголию от станции Наушки полноценно функционирует с 1950-х гг.

Похожая ситуация наблюдается в районе пересечения государственной границей Восточного коридора. Пониженная доля трансграничных этносов на участке (до 90 % населения Борзинского района — русские) может быть вызвана, как и в случае с Центральным коридором, уже продолжительным существованием железнодорожной транспортной магистрали из Соловьевска до Чойбалсана (с 1939 г.).

Таким образом, развитие континентальных маршрутов в прошлом могло приводить к значительному снижению доли трансграничных этносов в районах их пролегания. В особенности это касается железнодорожных магистралей и существовавших до них континентальных торговых путей. Однако данное явление распространяется лишь на районы и сомоны, непосредственно находящиеся на границе, в то время как в большинстве прилегающих к ним единицам магистрали оказывают весьма низкое влияние на их этнический состав, который сохраняет в них все признаки ЭТГР. Вероятно, подобные изменения могут затронуть и Западный коридор, в частности сомон Баянтэс Завханского аймака и Эрзинский кожуун Республики Тыва.

Рост доступности российских товаров в приграничных монгольских сомонах из-за оптимизации логистики может привести к изменению привычек питания кочевого населения. Уникальность российско-монгольской границы заключается в том, что около трети населения монгольского приграничья ведут кочевой образ жизни [Жамьянова, Осодоев 2019: 71]. Популярность кочевого хозяйства может заметно снизиться из-за перехода местных жителей к оседлой деятельности, связанной с международными магистралями. Примечательно, что наименьшая доля приграничных кочевников наблюдается в сомонах, примыкающих к Центральному коридору (Трансмонгольской магистрали от станции Наушки). Подобная тенденция может негативно сказаться на сохранности отдельных традиций трансграничных народов.

Для получения более широкого представления о влиянии международных магистралей на ЭТГР требуется изучить ситуацию на границах других стран, через которые также весьма интенсивны трансконтинентальные перевозки. По мнению авторов, в качестве исследовательского материала по данной теме в достаточной степени подходит китайско-казахстанская граница и территории вокруг переходов Нур-Жолы – Хоргос и Достык – Алашанькоу. Данный выбор объясняется следующими критериями:

- 1) наличие ЭТГР с проживанием казахов и уйгуров по обе стороны от границы;
- 2) как минимум для одной стороны (КНР) народы ЭТГР являются национальным меньшинством (как и тувинцы, буряты и казахи для России);

Таблица 1. Наложение маршрутов перспективных магистралей на территории расселения трансграничных этнических групп
 [Table 1. Overlay of prospective highway routes on the territory of the settlement of cross-border ethnic groups]

Транспортно-инфраструктурные проекты	Маршрут	Районы, аймаки, через которые проходит магистраль	Ближайшие сомоны и районы на пересечении магистрально-российско-монгольской границы	Трансграничное население
Модернизация пограничного перехода Хандагайты – Боршоо	Переход Хандагайты – Боршоо	Убусунурский аймак, Республика Тыва	Сомон Давст Убусунурского аймака, Овьюрский кожуун Республики Тыва	Тувинцы (заметное меньшинство в сомоне Давст).
Западный коридор	От российско-монгольского перехода Цаган-Толгой – Арцзуурь через Нарийнеухайт до монгольско-китайского перехода Шивээхурэн – Сэхээ	Завханский, Убусунурский, Гоби-Алтайский, Баянхонгорский, Южно-Гобийский аймаки	Сомон Тэс Завханского аймака, сомон Баянтэс Убусунурского аймака, Эрзинский кожуун Республики Тыва	Убусунурский и в меньшей степени Завханский аймаки – тувинцы
Центральный коридор	От российско-монгольского перехода Наушки – Сухэ-Батор через Улан-Батор и до монгольско-китайского перехода Замын-Уд – Эрэн-Хото	Селенгийский, Дархан-Ульский, Центральный, Средне-Гобийский, Гоби-Сумбэрский и Восточно-Гобийский аймаки, город Улан-Батор, Республика Бурятия	Сомон Алтанбулаг Селенгийского аймака, Кяхтинский район Республики Бурятия при непосредственной близости Джидинского района Республики Бурятия	Буряты (в меньшинстве в прилегающих к переходу районах и сомонах), до 50 % населения Джидинского района Республики Бурятия
Восточный коридор	Российско-монгольский переход Соловьёвск – Эрэнцав через Чойбалсан к китайско-монгольскому переходу Бичигт – Зуунхагавч	Восточный и Сухэ-Баторский аймаки	Сомон Чулуунхороот Восточного аймака, Борзинский район Забайкальского края при непосредственной близости к Ононскому Забайкальскому Оловянинскому району, а также Агинскому Бурятскому округу	Сомон Чулуунхороот, Ононский, Оловянинковский, Забайкальский районы Забайкальского края и Агинский Бурятский округ Забайкальского края — основные районы проживания агинских бурят

Северный коридор	Вероятность реализации ниже, однако существует монгольский проект магистрали «Эрдэнэт – Овоот» с продолжением до Арцсуурь	Проходит по территории Хубсугульского, Орхонского и Завханского аймака	—	Хубсугульский аймак — один из районов проживания тувинцев в Монголии
Автомобильная магистраль АН-4	Кош-Агач – Цагаан-Нуур – Ульгий – Ховд — до Такешикена	Баян-Ульгийский и Кобдоский аймаки Монголии, Республика Алтай и Алтайский край	Кош-Агацкий район Республики Алтай	Большинство сомонов Баян-Ульгийского аймака и Кош-Агацкий район: большинство — алтайские казахи

3) логистически слабая зона, континентальный транзит через которую был запущен только в середине 2010-х гг., отсутствие интенсивных трансграничных экономических и транспортных связей до создания магистралей;

4) сопоставимый возраст имеющейся границы (не относится к новым постсоветским);

5) как и проекты «Экономического коридора», местные коммуникации призваны обслуживать грузооборот по большей части на маршруте Китай – Европа и, в меньшей степени, Китай – Россия;

6) относительно высокая степень изученности как транспортно-инфраструктурной, так и этнокультурной обстановки на границе;

7) ввод нового эмпирического материала в подобные исследования российского приграничья, помимо доминирующего в них анализа ЭТГР на российско-казахстанской границе.

Анализ ситуации в ЭТГР в районе Нур-Жолы – Хоргоса и Достык – Алашанькоу привел к выделению на эмпирическом материале целого ряда факторов влияния на них международных магистралей. Представляется уместным последовательно изложить каждый из них с наложением на ситуацию на границе России и Монголии.

- а – улучшение транспортной доступности и пассажирского сообщения:

Ключевым фактором развития коммуникации в ЭТГР является развитость трансграничной транспортно-инфраструктурной сети. Запуск континентальных железнодорожных маршрутов (исключительно грузовых) в ЭТГР привел к увеличению объема пассажирских перевозок (преимущественно автомобильных). Таким образом, рост объема международных грузовых перевозок через российско-монгольскую границу может привести к интенсификации пассажирского сообщения;

- б – создание новых объектов и предприятий внешними акторами, ввоз специалистов другого этноцивилизационного происхождения:

В 2012 г., еще на начальном этапе стремительного роста евразийского транзита, при пограничном переходе Нур-Жолы – Хоргос была открыта трансграничная зона свободной торговли (ЗСТ). В силу международного характера перехода и провозимых через него грузов ЗСТ не вводит ограничения для пребывания или работы на ней граждан третьих стран. При этом исследователи китайско-казахстанского трансграничья, равно как и местные жители, отмечают, что международные коммуникации не привели к росту числа китайцев, проживающих или работающих в казахстанском Хоргосе и Достыке, и во всей Жетысуйской области¹. Вместе с тем с китайской стороны население Хоргоса возросло в три раза за счет непостоянно проживающих в нем выходцев из центрального Китая (по большей части это ханьцы). Такую же закономерность демонстрирует и анализ российско-монгольской границы у уже существующих железнодорожных переходов, который свидетельствует о значительном приросте в них доли русского населения с российской и халха-монгольского с монгольской границы параллельно с ростом грузооборота и сопутствующего коммерческого сектора. В связи с этим вероятно предположить, что доля трансграничных народов в насе-

¹ О том, как казахстанцы живут в приграничных районах с Китаем. 31.03.2018 [электронный ресурс] // WEproject.media. URL: <https://weproject.media/articles/detail/otom-kak-kazakhstanstsy-zhivut-v-prigranichnykh-rayonakh-s-kitaem/> (дата обращения: 4.07.2025).

лении прилегающих к переходу Цаган-Толгой – Арцсуурь значительно снизится за счет притока в них определенного числа новых жителей из других регионов России и Монголии, при этом особенно сильно может поменяться ситуация с российской стороны как более сильной в экономическом плане;

- в – изменение режима границы, модернизация переходов:

В силу увеличения загруженности пограничного перехода Нур-Жолы – Хоргос после создания на нем сначала хаба континентальной железнодорожной магистрали, а потом и ЗСТ стороны произвели его комплексную модернизацию, значительно ускорившую скорость его прохождения не только грузовым, но и пассажирским транспортом. Все это привело к учащению поездок к родственникам, живущим по другую сторону от границы, на учебу и работу в ближайшие крупные города КНР и Казахстана. С развитием магистралей Экономического коридора для жителей Убсунурского и Завханского аймака, к примеру, такие российские города, как Кызыл, Барнаул, Новокузнецк и Горно-Алтайск, окажутся логистически ближе.

Вместе с тем с ростом экономического и политического значения китайско-казахстанской границы был усилен и режим ее охраны, значительно снизивший число переходов вне официальных пунктов (по месту жительства переходящих). Этот нюанс может оказаться особенно чувствительным для выходцев из трансграничных районов, живущих в Эрзинском кожууне Республики Тыва и Убсунурском аймаке Монголии, многие из которых по-прежнему сохраняют родственные связи с лицами, проживающими по другую сторону от государственной границы [Ойдуп, Кылыгдай 2019: 30]. По этой причине на этом участке наблюдается самое большое число незаконных пересечений границы России и Монголии. Проведение в этих местах железнодорожной магистрали континентального значения может привести к ограничению подобных переходов, что негативно скажется на интенсивности контактов в среде трансграничных народов, в особенности родственников, живущих в удалении от пограничных переходов. Однако подобная ситуация может также привести и к концентрации выходцев из трансграничных этносов в ближайших к магистрали населенных пунктах, что лишь позитивно скажется на их материальном благосостоянии и создаст дополнительные возможности для активизации взаимодействий в этнической среде;

- г – улучшение благосостояния местного населения:

Анализ границы Казахстана и КНР показал неизбежность роста благосостояния в среде трансграничных народов. Развитие партнерства Монголии с ЕАЭС, связанное со снижением или полной отменой таможенных пошлин, может привести к активизации трансграничной торговли на трансграничных переходах, модернизированных под нужды магистралей экономического коридора. В силу высокого уровня безработицы в Тыве и низкого уровня жизни в ее районах, прилегающих к перспективным переходам Цагаан-Тологой / Арцсуурь и Хандагайты / Оршоо, с высокой вероятностью может возрасти интенсивность челночной торговли. Именно подобная ситуация ранее возникла вокруг пограничных переходов между КНР и Казахстаном. Большое количество рабочих мест для местных жителей, ожидаемо, будет создано на объектах железнодорожной инфраструктуры. Это весьма важное обстоятельство в силу того, что российская Республика Тыва, а также монгольский аймак Увс имеют наибольший уровень

безработицы из всех приграничных регионов своих стран¹. Улучшение благосостояния в прилегающих к магистралям Экономического коридора районах России и Монголии позволит сократить миграцию из них: в крупнейшие города регионов с российской стороны и в Улан-Батор — с монгольской стороны. Это обстоятельство позитивно скажется на сохранении культуры и языков трансграничных народностей. Миграция в крупные города неизбежно приводит к ослаблению этнокультурных и языковых традиций в национальной среде, разрыву родовых связей. В частности, согласно Атласу российского приграничья, российская Тыва и монгольский Увс являются лидерами в своих странах по миграционной убыли населения из всех приграничных регионов². Предполагается, что континентальный транзит способен снизить миграционный отток в прилегающих регионах.

Другой стороной роста благосостояния местного населения станет общий рост экономических показателей прилегающих регионов и районов. Так, валовой региональный продукт Хоргоса, расположенного на китайско-казахстанской границе, в 2022 г. достиг 20,835 млрд юаней (2,86 млрд долл. США), что в 15,5 раз больше, чем в год запуска международного коридора (2013)³. Подобный прорыв был обеспечен во многом за счет создания в городе предприятий, ориентированных на рынок соседнего Казахстана. Значительные изменения произошли и по другую сторону от таможни. В частности в 2024 г. ближайший к пограничному переходу крупный город Жетыген был значительно увеличен за счет присоединения ряда населенных пунктов и переименован в Алатау⁴. В этом же году было объявлено о создании в нем крупной Свободной экономической зоны.

Вместе с тем при оценке экономического эффекта нужно учитывать значительный разрыв в объеме экономик Китая и России, а также Казахстана и Монголии. Примечателен и фактор увеличения числа альтернативных маршрутов — на момент открытия движения по западному и восточному железнодорожным коридорам, связывающих Китай с Европой магистралей будет уже шесть (восемь в случае более раннего завершения строительных работ по магистрали Китай – Кыргызстан – Узбекистан и Китай – Казахстан через Бугат). Хоргос в свою очередь был лишь третьим подобным коридором, лежащим на кратчайшей дороге в рамках маршрута «Китай – Европа». Помимо этого, в настоящее время Хоргос является вторым крупнейшим сухопутным портом в мире [Curtis, Klaus 2024: 68]. Тем не менее в монголо-российском приграничье живет значительно меньше людей, нежели на границе КНР и Казахстана (разрыв в плотности населения почти троекратный);

¹ Глава 3. Уровень жизни. 3.1. Социально-экономическая ситуация и диспропорции развития // Атлас российского приграничья. 2018. URL: <https://tsamsonov.github.io/borderlands/qual.html> (дата обращения: 14.07.2025).

² Глава 3. Уровень жизни. 3.1. Социально-экономическая ситуация и диспропорции развития [электронный ресурс] // Атлас российского приграничья. 2018. URL: <https://tsamsonov.github.io/borderlands/qual.html> (дата обращения: 14.07.2025).

³ Бывшая почтовая станция Хоргос стала глобальным городом. 14.09.2023 [электронный ресурс] // Жэньминь Жибао онлайн. Экономика. URL: <https://russian.people.com.cn/n3/2023/0914/c31518-20072112.html> (дата обращения: 16.07.2025).

⁴ Абдирайым К. Проект нового города Алатау представили на инвестфоруме в Алматы. 10 июля 2025 г. [электронный ресурс] // Inform.kz. URL: <https://www.inform.kz/ru/proekt-novogo-goroda-alatau-predstavili-na-investforume-v-almati-63e17c> (дата обращения: 29.07.2025).

- д – усиление внимания к сепаратистским движениям в среде трансграничных народов:

Комплексное ужесточение надзора КНР над этнической и религиозной обстановкой в Синьцзяне, до половины населения которого составляют уйгуры, хронологически совпал с активизацией работы в КНР над созданием международных транспортных коридоров, равно как и с резким ростом нагрузки на пограничные переходы с Казахстаном. Подобные ужесточения отмечаются некоторыми экспертами и относительно самих Хоргоса и Алашаньюку [Grant 2019: 69]. При этом отсутствуют сведения о росте сепаратистских настроений в Достыке и Алашаньюку: несмотря на расширение возможностей коммуникации в трансграничной этнической среде, вызванное магистралями, улучшение экономического благосостояния не только не привело к их росту, но и значительно снизило эмиграцию местных казахов в Казахстан [Dalekhan 2018: 598];

- е – рост числа туристов:

С развитием китайско-казахстанских магистралей был отмечен прирост туристического потока в трансграничные районы, что позволило «коммерциализировать» национальную культуру местных казахов и уйгуров, создав тем самым дополнительные мотивации для ее сохранения. В Хоргосе ежегодно проводится фестиваль культуры и туризма народов Средней Азии, служащий качественной площадкой для поддержания контактов и связей между представителями трансграничных народов¹.

6. Заключение

Таким образом, анализ возможного влияния проектов экономического коридора на благополучие трансграничных этносов и их внутреннюю коммуникацию на примере существующих российско-монгольских магистралей и новых аналогичных проектов на границе КНР и Казахстана привел к получению следующих выводов.

1. Реализация проекта Западного коридора может привести к сокращению доли трансграничных этносов в сомоне Баянтэс Завханского аймака Монголии и Эрзинском кожууне Республики Тыва РФ. Примечательно, что подобное возможно даже в случае отсутствия на границе железнодорожного пассажирского перехода. Вместе с тем подобный фактор распространится лишь на самые близкие к границе населенные пункты и практически не отразится на других районах, лежащих на пути новой магистрали.

2. В прилегающих к новым магистралям и границе двух стран территориях может сократиться доля кочевого населения. С одной стороны, это навредит кочевому хозяйству как важному элементу культуры большинства трансграничных народов. С другой — снижение числа кочевников может быть вызвано волной переезда в поисках рабочих мест на самом «Коридоре», что приведет к увеличению плотности населения в ЭТГР и поможет в интенсификации контактов внутри него.

3. Такой же позитивный эффект может возникнуть и от ужесточения охраны границы двух стран в результате усиления значения трансграничного транзита.

¹ В Хоргосе началась неделя культурных обменов между Китаем и Казахстаном. 18.09.2024 [электронный ресурс] // Синьхуа новости. URL: <https://russian.news.cn/2024/0918/11c48a19def444f38a3620376b028f34/c.html> (дата обращения: 19.07.2025).

Однако изменение режима границы негативно скажется на интенсивности переходов к родственникам вне установленных пунктов.

4. Рост международных грузовых перевозок по новым коридорам неизбежно приведет к увеличению интенсивности пассажирского потока через границу России и Монголии, улучшению условий перехода границы в том числе и для выходцев из трансграничных народностей.

5. При этом реализация транспортно-инфраструктурных проектов, скорее всего, не приведет к изменению показателей миграции представителей трансграничных этносов и не спровоцирует «волны» переездов на ПМЖ в соседнюю страну.

6. Создание международных магистралей улучшит благосостояние в среде трансграничных этносов из-за создания новых рабочих мест, возникновения торговых, туристических, сортировочных, упаковочных и других предприятий. С учетом повышенного уровня безработицы в прилегающих к границе регионах России и Монголии, это может привести к сокращению миграции представителей трансграничных этносов в региональные центры или другие крупные города в стране своей гражданской принадлежности, что видится благоприятным фактором для сохранения их численности.

7. Проекты Экономического коридора не приведут к росту сепаратистских настроений в среде трансграничных районов.

Литература

- Бабаев, Лузянин 2024 — *Бабаев К. В., Лузянин С. Г.* Поворот на Восток: Восточноазиатский вектор России (2014–2024) / отв. ред. С. А. Караганов. М.: РАН, 2024. 256 с.
- Бороноева 2008 — *Бороноева Т. В.* Буряты Монголии: социальная память и идентичность // *Власть*. 2008. № 8. С. 74–78.
- Дондоков 2024 — *Дондоков З. Б.-Д.* Экономический коридор Китай-Монголия-Россия: проблемы и перспективы регионального и приграничного сотрудничества // *Фундаментальные исследования*. 2024. № 10. С. 16–20.
- Дондоков, Намжилова 2022 — *Дондоков З. Б.-Д., Намжилова В. О.* Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов // *ЭКО*. 2022. № 12(582). С. 52–71.
- Донгак, Чулуун 2015 — *Донгак А. С., Чулуун С.* Этнокультурные контакты народов Саяно-Алтая и Западной Монголии // *Новые исследования Тувы*. 2015. № 1. С. 136–145.

References

- Babaev K. V., Luzyanin S. G. Turn to the East: Russia's East Asian Vector (2014–2024). S. Karaganov (ed.). Moscow: Russian Academy of Sciences, 2024. 256 p. (In Russ.)
- Boronoeva T. V. Buryats of Mongolia: Social Memory and Identity. *Vlast*. 2008. No. 8. Pp. 74–78. (In Russ.)
- Dondokov Z. B.-D. China-Mongolia-Russia Economic Corridor: Problems and Prospects of Regional and Cross-Border Cooperation. *Fundamental Research*. 2024. No. 10. Pp. 16–20. (In Russ.)
- Dondokov Z. B.-D., Namzhilova V. O. The China-Mongolia-Russia Economic Corridor: Building Infrastructure Connectivity in the Face of Global Challenges. *EKO*. 2022. No. 12(582). Pp. 52–71. (In Russ.)
- Dongak A. S., Chuluun S. Ethnocultural Contacts of the Peoples of Sayan-Altai and Western Mongolia. *The New Researches of Tuva*. 2015. No. 1. Pp. 36–145. (In Russ.)

- Жамьянова, Осодоев 2019 — *Жамьянова . Б., Осодоев П. В.* Демографический потенциал российско-монгольского приграничья в рамках экономического коридора Россия-Монголия-Китай // *Успехи современного естествознания*. 2019. № 11. С. 70–75.
- Железняков 2016 — *Железняков А. С.* Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа. М.: Весь мир, 2016. 288 с.
- Железняков, Чулуунбаатар 2023 — *Железняков А. С., Чулуунбаатар Г.* Россия и Монголия в цивилизационной и геополитической парадигмах развития Центральной Евразии // *Вестник Российского университета Дружбы народов*. Серия: Социология. 2023. № 3. С. 612–621.
- Калихман, Калихман 2011 — *Калихман Т. П., Калихман А. Д.* Саянский перекресток как трансграничный объект всемирного природно-культурного наследия // *Известия Русского географического общества*. 2011. № 143(1). С. 72–81.
- Кириллова 2018 — *Кириллова С. В.* Становление и развитие международной торговли России в Забайкалье в XVII–XVIII вв. // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: История. 2018. Т. 24. С. 6–17.
- Кучинская 2011 — *Кучинская Т. Н.* Трансграничный регион как форма социокультурного пространства в поисках когнитивной модели исследования // *Современные проблемы науки и образования*. 2011. № 6. С. 297–306.
- Кылгыдай, Соян 2022 — *Кылгыдай А. Ч., Соян Ш. Ч.* О возможностях развития Тывы как приграничного региона // *Экономика. Профессия. Бизнес*. 2022. № 3. С. 69–73.
- Ларина, Наумова 2008 — *Ларина Е. И., Наумова О. Б.* Кош-агачские казахи-мигранты // *Вестник Евразии*. 2008. № 2. С. 44–65.
- Zham'yanova Yu. B., Osodoev P. V. Demographic Potential of the Russian-Mongolian Borderland within the Framework of the Russia-Mongolia-China Economic Corridor. *Advances in Current Natural Science*. 2019. No. 11. Pp. 70–75. (In Russ.)
- Zheleznyakov A. S. Mongolian Civilization: History and Modernity. Theoretical Substantiation of the Atlas. Moscow: Publishing House "The Whole World", 2016. 288 p. (In Russ.)
- Zheleznyakov A. S., Chuluunbaatar G. Russia and Mongolia in the Civilizational and Geopolitical Paradigms of the Development of Central Eurasia. *RUDN Journal of Sociology*. 2023. No. 3. Pp. 612–621. (In Russ.)
- Kalikhman T. P., Kalikhman A. D. Sayan Crossroads as a Transboundary Object of World Natural and Cultural Heritage. *Bulletin of the Russian Geographical Society*. 2011. No. 143(1). Pp. 72–81. (In Russ.)
- Kirillova S. V Formation and Development of Russia's International Trade in Transbaikalia in the 17th-18th Centuries. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*. 2018. Vol. 24. Pp. 6–17. (In Russ.)
- Kuchinskaya T. N. Cross-Border Region as a Form of Socio-Cultural Space in Search of a Cognitive Research Model. *Modern Problems of Science and Education*. 2011. No. 6. Pp. 297–306. (In Russ.)
- Kylgidai A. Ch., Soyann Sh. Ch. On the Possibilities of Development of Tuva as a Border Region. *Economics Profession Business*. 2022. No. 3. Pp. 69–73. (In Russ.)
- Larina E. I., Naumova O. B. Kosh-Agach Kazakh Migrants. *Acta Eurasica*. 2008. No. 2. Pp. 44–65. (In Russ.)

- Лузянин 2021 — *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации // *Восток / Oriens*. 2021. № 5. С. 141–152.
- Лузянин S. G. Russia-Mongolia-China: Historical and Modern Transformations. *Vostok / Oriens*. 2021. No. 5. Pp. 141–152. (In Russ.)
- Нанзатов, Содномпилова 2017 — *Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М.* Агинские буряты в XIX в.: Этнический состав и расселение // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2017. Т. 26. № 2. С. 28–35.
- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Agin Buryats in the 19th Century: Ethnic Composition and Settlement. *Bulletin of the Buryat Scientific Center (SB RAS)*. 2017. Vol. 26. No. 2. Pp. 28–35. (In Russ.)
- Ойдуп, Кылгыдай 2019 — *Ойдуп Т. М., Кылгыдай А. Ч.* Тувинско-монгольское приграничье: динамика межэтнических связей // *Природные ресурсы, среда и общество*. 2019. № 3(3). С. 29–33.
- Oydup T. M., Kylgyday A. Ch. Tuvan-Mongolian Borderland: Dynamics of Interethnic Ties. *Natural Resources, Environment and Society*. 2019. No. 3(3). Pp. 29–33. (In Russ.)
- Программа 2016 — Программа создания Экономического коридора Россия – Монголия – Китай. Ташкент, 2016. 10 с.
- Program for the creation of the Russia-Mongolia-China Economic Corridor. Tashkent, 2016. 10 p. (In Russ.)
- Садовой 2019 — *Садовой А. Н.* Национальная политика России в трансграничных зонах. Этнические аспекты исследования социальных технологий // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 442. С. 145–156.
- Sadovoy A. N. National Policy of Russia in Cross-border Zones. Ethnic Aspects of the Study of Social Technologies. *Tomsk State University Journal*. 2019. No. 442. Pp. 145–156. (In Russ.)
- Смирнова, Блинова 2024 — *Смирнова Т. Б., Блинова А. Н.* Этнодемографические процессы в приграничных регионах Азиатской России в новых условиях поворота на Восток // *Журнал фронтальных исследований*. 2024. № 3. С. 281–300.
- Smirnova T. B., Blinova A. N. Ethnodemographic Processes in the Border Regions of Asian Russia in the New Conditions of the Turn to the East. *Journal of Frontier Studies*. 2024. No. 3. Pp. 281–300. (In Russ.)
- Цзян 2020 — *Цзян И.* История вопроса о китайско-российской границе и значение его решения для укрепления межгосударственных отношений России и Китая // *Мир русскоговорящих стран*. 2020. № 3(5). С. 18–36.
- Jiang Y. The History of the Sino-Russian Border Issue and the Significance of Its Solution for Strengthening Interstate Relations between Russia and China. *World of Russian-Speaking Countries*. 2020. No. 3(5). Pp. 18–36. (In Russ.)
- Curtis, Klaus 2024 — *Curtis S., Klaus I.* The Belt and Road City: Geopolitics, Urbanization, and China's Search for a New International Order (= Город Пояса и Пути: геополитика, урбанизация и поиск Китаем нового мирового порядка). New Haven; London: Yale University Press, 2024. 73 p.
- Curtis S., Klaus I. The Belt and Road City: Geopolitics, Urbanization, and China's Search for a New International Order. New Haven and London: Yale University Press. 2024. 73 p. (In Eng.)

- Dalekhan 2018 — *Dalekhan A.* Return migration issues in Kazakh-Chinese relations: Mobility and immobility in migration of Kazakh diaspora in China (= Фактор обратной миграции в отношениях КНР и Казахстана: повышение и понижение миграционной динамики казахской диаспоры в Китае) // *Opcción*. 2018. Vol. 34. № 85. Pp. 582–604.
- Grant 2019 — *Grant A.* Crossing Khorgos: Soft power, security, and suspect loyalties at the Sino-Kazakh boundary (= Пересекая Хоргос: мягкая сила, безопасность и подозрения в нелояльности на китайско-казахстанской границе) // *Political Geography*. 2019. № 76. Pp. 61–83.
- Dalekhan A. Return Migration Issues in Kazakh-Chinese Relations: Mobility and Immobility in Migration of Kazakh Diaspora in China. *Opcción*. 2018. Vol. 34. No. 85. Pp. 582-604. (In Eng.)
- Grant A. Crossing Khorgos: Soft Power, Security, and Suspect Loyalties at the Sino-Kazakh Boundary. *Political Geography*. 2019. № 76. (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 3, pp. 525–545, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-525-545

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930

**От Чайного пути к Монгольско-
 му коридору «Нового Шелкового
 пути»: полевые результаты меж-
 дисциплинарной экспедиции Ин-
 ститута монголоведения, буддоло-
 гии и тибетологии Сибирского от-
 деления РАН в КНР (август 2025 г.)**

*Борис Ванданович Базаров¹,
 Дамдин Доржиевич Бадараев²,
 Александр Борисович Базаров³,
 Александр Дмитриевич Гомбожапов⁴,
 Виктория Очировна Намжилова⁵,
 Чингис Цыбикдоржиевич Цыренов⁶,
 Цэндмаа Энхчимэг⁷*

UDC 930

**From the Tea Road to the Mongolian
 Corridor of the “New Silk Road”:
 Field Results of the Interdisciplinary
 Expedition of the Institute for Mon-
 golian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the SB of the RAS in the PRC (Au-
 gust 2025)**

*Boris V. Bazarov¹,
 Damdin D. Badaraev²,
 Alexander B. Bazarov³,
 Alexander D. Gombozhapov⁴,
 Victoria O. Namzhilova⁵,
 Chingis Ts. Tsyrenov⁶,
 Tsendmaa Enkhchimeg⁷*

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

академик РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель

0000-0001-5326-1317. E-mail: bazarov60[at]mail.ru

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Scientific Advisor

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор социологических наук, директор

0000-0001-8173-7175. E-mail: damdin80[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Director

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

стажер-исследователь

Intern Research Associate

 0000-0001-5248-3583. E-mail: sasha.bazarov.97[at]bk.ru

⁴ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

⁴ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат исторических наук, заведующий

Cand. Sc. (History), Head of Department

 0000-0001-9793-2274. E-mail: agombozh[at]gmail.com

⁵ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

⁵ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Cand. Sc. (Economic Sciences), Senior Research Associate

 0000-0001-7362-4701. E-mail: dayavika[at]yandex.ru

⁶ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

⁶ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-1088-0625. E-mail: chts17[at]mail.ru

⁷ Институт истории и этнологии МАН (д. 13, пр. Энхтайван, Баянзурхский район, 13330 Улан-Батор, Монголия)

⁷ Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (13, Enkhtaivan Ave., Bayanzurkh District, 13330 Ulaanbaatar, Mongolia)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate, Academic Secretary

 0000-0002-6346-3016. E-mail: rigvady[at]yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Базаров А. Б., Гомбожапов А. Д., Намжилова В. О., Цыренов Ч. Ц., Энхчимэг Цэндмаа, 2025

© Bazarov B. V., Badaraev D. D., Bazarov A. B., Gombozhapov A. D., Namzhilova V. O., Tsyrenov Ch. Ts., Enkhchimeg Tsendmaa, 2025

Аннотация. *Цель* исследования — на основе материалов международной полевой экспедиции Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН и партнеров в КНР (10–25 августа 2025 г.) показать, как историческая инфраструктура Великого Чайного пути (финансовые институты шаньсийских купцов, логистические узлы, административные практики Цин) соотносится с современными формами репрезентации и проектами Монгольского коридора «Нового

Шелкового пути». *Материалы и методы.* Эмпирическую базу составили сводные полевые записи по маршруту Чжанцзякоу – Тяньцзинь – Тайюань – Цисянь – Пинъяо – Пекин – Хух-Хото – Баотоу – Уланчаб, музейные коллекции и городские пространства, деловая документация и визуальные источники. Применены методы включенного наблюдения, историко-источниковедческого и текстологического анализа, картографической привязки полевых точек к историческим трассам, сравнительного анализа исторических и современных логистических и финансовых решений. *Результаты.* Зафиксированы полевые свидетельства функционирования шаньсийских протобанков и переводных векселей, реконструированы ключевые элементы инфраструктуры караванной торговли и их современная музейная и урбанистическая репрезентация; показано формирование сетей академического и экспертного сотрудничества, ориентированных на изучение исторических и современных экономических коридоров. *Выводы.* Материалы экспедиции подтверждают продуктивность аналитической модели «финансы – логистика – администрирование» для интерпретации механики Великого Чайного пути и демонстрируют потенциал сопоставления исторических узлов с трассировкой Монгольского коридора «Нового Шелкового пути»; обосновывается необходимость дальнейших комплексных исследований, включая южнокитайские регионы происхождения чаев, для более полной реконструкции транзитных связей России, Монголии и Китая. **Ключевые слова:** Великий Чайный путь, Монгольский коридор, шаньсийские купцы, логистика Цин, Баотоу, Чжанцзякоу, Тяньцзинь, музейные источники, полевые исследования

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ в рамках проектов «От Чайного пути к Монгольскому коридору „Нового Шелкового пути“: исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая» (№ 24-48-03025); «Наследие Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139). Авторы выражают признательность коллегам из КНР и Монголии, а также администрациям и сотрудникам музеев и исследовательских центров по маршруту.

Для цитирования: Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Базаров А. Б., Гомбожапов А. Д., Намжилова В. О., Цыренов Ч. Ц., Энхчимэг Цэндмаа. От Чайного пути к Монгольскому коридору «Нового Шелкового пути»: полевые результаты междисциплинарной экспедиции Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН в КНР (август 2025 г.). // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 525–545. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-525-545

Abstract. *The aim* of this study is to use materials from an international field expedition conducted by the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (IBMT) SB RAS and partners in China (August 10–25, 2025) to demonstrate how the historical infrastructure of the Great Tea Road (financial institutions of Shanxi merchants, logistics hubs, and Qing administrative practices) relates to contemporary forms of representation and projects of the Mongolian Corridor of the “New Silk Road”. *Materials and Methods.* The empirical base consisted of consolidated field notes along the route Zhangjiakou – Tianjin – Taiyuan – Qixian – Pingyao – Beijing – Hohhot – Baotou–Ulanqab, museum collections and urban spaces, business documentation samples, and visual sources. Participant observation, historical source and textual analysis, cartographic mapping of field points to historical routes, and a comparative analysis of historical and contemporary logistical and financial decisions were used. *Results.* Field evidence of the functioning of Shanxi proto-banks and bills of exchange were recorded, key elements of the caravan trade infrastructure and their modern museum and urban representation were reconstructed, and the formation of academic and expert collaboration networks focused on the study of historical and contemporary economic

corridors was demonstrated. *Conclusions.* The expedition materials confirm the effectiveness of the “finance-logistics-administration” analytical model for interpreting the mechanics of the Great Tea Road and demonstrate the potential of comparing historical nodes with the route of the Mongolian Corridor of the “New Silk Road”. The need for further comprehensive research, including the southern Chinese regions of tea origin, is substantiated for a more complete reconstruction of the transit links between Russia, Mongolia, and China.

Keywords: Great Tea Road, Mongolian Corridor, Shanxi merchants, Qing logistics, Baotou, Zhangjiakou, Tianjin, museum sources, field research

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation: project no. 24-48-03025 “From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the “New Silk Road”: Historical Projections and Modern Interactions of Russia, Mongolia and China”; the expedition included a participant in project no. 23-78-10139 “The Legacy of the Mongol Empire and Medieval Mongols in the Historical Memory of the Peoples of Inner Asia”. The authors express their gratitude to their colleagues from China and Mongolia, as well as to the administrations and staff of the museums and the research centers along the route.

For citation: Bazarov B. V., Badaraev D. D., Bazarov A. B., Gombozhapov A. D., Namzhilova V. O., Tsyrenov Ch. Ts., Enkhchimeg Tsendmaa. From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the “New Silk Road”: Field Results of the Interdisciplinary Expedition of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB of the RAS in the PRC (August 2025). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 3. Pp. 525–545. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-525-545

1. Введение

Институциональная и материальная история Великого Чайного пути на пересечении России, Монголии и Китая предоставляет уникальный материал для сопоставления исторических торгово-логистических путей с современными проектами трансграничной связности. Полевая экспедиция Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (10–25 августа 2025 г.) была специально нацелена на сбор «коротких» первичных свидетельств (музейные и городские локации, локальные деловые и административные практики, свидетельства городской топографии, контакты с исследовательскими центрами), необходимых для последующей верификации архивными фондами и статистикой. Экспедиция была реализована в рамках проектов Российского научного фонда № 24-48-03025 и № 23-78-10139.

Цель статьи — систематизировать маршрут и результаты экспедиции по тематическим узлам и обозначить аналитические перспективы:

- 1) финансовая и организационная инфраструктура торговли (купечество Шаньси, вексельные практики);
- 2) роль администрации династии Цин в настройке внутренне- и внешне-торговых цепочек;
- 3) исторические торговые ландшафты и их современная реинтерпретация (музейные и городские пространства);
- 4) сопряжение исторической географии Чайного пути с современными проектами Монгольского коридора.

В качестве базовых источников для сопоставления используются классические исследования русско-китайской торговли через Кяхту [Шишмарев 1886; Силин 1947; Сладковский 1974; Хохлов 1989; Субботин, 1892], работы по административной архитектуре поздней империи Цин (включая практики ямской /

уртонной / почтовой службы и компетенции Лифаньюаня) [Schorkowitz, Chia 2017], а также исследования по шаньсийским «*riàohào*» как институту перевода средств и управления рисками на длинных сухопутных маршрутах [Ji 2003].

Для картографической увязки полевых точек и исторических трасс использованы опубликованные исторические описания путей и локальных торговых узлов (Калган – Урга – Кяхта), что позволяет корректно соотносить музейные и городские наблюдения с ключевыми экономико-географическими линиями эпохи [Мишакова 2011; Yanagisawa 2019].

Эмпирическая база — сводные полевые записи в ходе экспедиции с фиксацией маршрута, контактами с научными коллективами, посещенными музеями и исследовательскими центрами, а также отмеченными материальными свидетельствами торговых практик (документальные образцы, экспозиции, городской «наслаивающийся» ландшафт торговли и логистики). Сводка содержит последовательные отчеты по этапам: Чжанцзякоу (10–11 августа), Тяньцзинь (12 августа), провинция Шаньси: Тайюань – Пинъюань (14–17 августа), Пекин (18–20 августа), Автономный район Внутренняя Монголия: Хух-Хото, Баотоу, Уланчаб (21–24 августа). Дополнительно можно применить «типологию городов маршрута»: пограничный транзитный узел сухопутной торговли (Чжанцзякоу), морской договорный порт (Тяньцзинь), купеческо-финансовый кластер шаньсийцев (Тайюань – Пинъюань), столичная административная цепка (Пекин) и степные центры позднеимперского и индустриального освоения (Хух-Хото, Баотоу, Уланчаб).

2. Чжанцзякоу (Калган, провинция Хэбэй)

Точка старта — исторический узел Великого Чайного пути, связанный с караванной торговлей и пограничной инфраструктурой. Осмотры включали городской музей, исторический центр, участок Великой стены у ворот Дацзинмэнь и монастырь Юньцюань-сы; исследовательская задача — оценить роль пограничной заставы и актуальное место города в экономике Северного Китая.

Карта «Великого тракта Чжанцзякоу (Калган) – Урга» (кит. 张库大道 *zhāng kù dàdào*, монг. *Жанчхүү-Хүрээ чөлөө*) 1927 г. отражает один из важнейших сухопутных маршрутов, связывавших Северный Китай с Монголией (фото 1). На схеме показан путь от города Чжанцзякоу (кит. 张家口 *zhāngjiākǒu*, пров. Хэбэй) до Кулунь (кит. 库伦 *kùlún*, современный г. Улан-Батор), а также промежуточные станции и расстояния между ними, представленные в таблице (табл. 1). В нижней части карты приведена условная легенда с обозначениями дорог, рек, горных хребтов и административных границ.

Особый интерес представляет перечень почтовых станций (кит. 驿站 *yìzhàn*), где указывались расстояния в верстах — ли (примерно полкилометра) между отдельными пунктами. Это свидетельствует о высокой степени организации караванного движения: путь делился на четко фиксированные этапы, что облегчало перемещение торговых караванов, военных отрядов и почтовых служб. Отдельно обозначены традиционные монгольские административные единицы — Чахар, Тушэту-хан и Сайн-нойон-хан, что отражает сохранявшуюся в тот период структуру местного управления.

Карта 1927 г. имеет не только топографическое, но и важное экономико-историческое значение: она фиксирует состояние торгово-транспортной инфраструктуры накануне глубоких трансформаций, связанных с развитием железнодорожного сообщения в Северо-Восточной Азии.

Таблица 1. Расстояния между почтовыми станциями и поселениями вдоль тракта Чжан-Ку

[Table 1. Distances between postal stations and settlements along the Zhang-Ku highway]

Начальный и конечный пункты (почтово-грузовые станции)	Расстояние в верстах (кит. 里 lǐ, lì, около 0,5 км)
Чжанцзякоу (张家口) → до Дацзинмэнь (кит. 大境门, «Врата Великой границы»)	20 ли
Дацзинмэнь (大境门) → до уезда Хуайлай (怀来).	120 ли
Уезд 怀来 (Хуайлай) → до уезда Сюаньхуа (宣化)	100 ли

Фото 1. «1927 год, карта тракта Чжанцзякоу-Кулунь», схема дороги между Северным Китаем (Чжанцзякоу, пров. Хэбэй) и Монголией (Улан-Батор), важный отрезок Чайного пути. Далее станции: Сяхуаюань (下花园), Душикоу (独石口), Долон (多伦), Шилингол (锡林郭勒) и так вплоть до современного Улан-Батора (кит. 库伦). Источник: сфотографировано авторами в музее города Калган (张家口博物馆)

[Foto 1. «1927, map of the Zhangjiakou-Kulun highway», diagram of the road between Northern China (Zhangjiakou, prov. Hebei) and Mongolia (Ulaanbaatar), an important segment of the Tea Route. Next stations: Sahuagin (下花园), Desico (独石口), Dolon (多伦), Xilingol (锡林郭勒), and so up-to-date Ulaanbaatar (chin. 库伦)]

Дополнительно зафиксированы элементы городской памяти о транзитной функции Калгана: локальные нарративы о верблюжьих караванах к Урге / Кяхте, визуальные реконструкции «караванной» городской экономики и связи «пограничная застава – ярмарка / склад – постоя / почтовая станция». По материалам музея и беседам с исследователями уточнены практики охраны и пропуска, что перекликается с описаниями в русской и китайской исторической литературе о сезонах прохода, структуре сборов и распределении ролей между военными и гражданскими структурами [Силин 1947: 39–101; Сладковский 1974: 42–75]. Для последующего анализа выделены три «узла памяти»: ворота Дацзинмэнь как символ контроля потоков; кварталы старого города с функциональной перегруппировкой складских и торговых помещений; музейные стенды по связи Калгана с линией Пекин – Урга – Кяхта.

Основанный в 1429 г. в период правления императора Сюаньдэ династии Мин как военное укрепление, крепость Чжанцзякоу (фото 2) входила в оборонительную систему Сюаньфу и выполнял функции стратегической пограничной крепости. Город также играл важную роль в меновой торговле кочевников с китайскими крестьянами. Уже к концу династии Цин и в начале периода Республики Китай город имел устойчивую улично-планировочную структуру и стал опорным пунктом внешнеэкономических связей Северного Китая и Монголии.

На территории крепости Чжанцзякоубао 张家口堡, занимающей 23 гектара (550 м с востока на запад и 374 м с севера на юг), сохранилось 478 дворовых комплексов времен Мин, Цин и Республики, из которых 33 находятся под государственной охраной. В архитектурном облике Чжанцзякоу прослеживаются как традиционные китайские формы (башни, жилые дворы, протобанки-пяохао), так и следы западного влияния, выразившиеся в появлении иностранных банков и торговых контор в начале XX в.

3. Тяньцзинь

Фокус города заключается в морском направлении российско-китайского взаимодействия, история инфраструктурного строительства и административные решения династии Цин по настройке торгово-логистических цепочек. Тяньцзинь исторически ассоциируется с ключевым портовым городом, соединившим южные чайные регионы страны с местным купеческим капиталом. Формирование договорного союза купцов «юга» и «севера» впоследствии обеспечило планомерное выстраивание логистических транспортных маршрутов через сухопутные пути для продвижения китайского товара на крупные рынки Азии и Европы.

Полевой блок включал посещение резиденции-музея жизни последнего императора династии Цин Пу И (1906–1967), которая отражает символику завершения целой эпохи. Его биография — от правителя Поднебесной до обычного гражданина КНР — экспонируется в музейных стендах через фотографии, документы и воспоминания (фото 3). Династия Цин, к которой он принадлежал, была неразрывно связана с расцветом Чайного пути: именно в XVII–XIX вв. караванные маршруты через Чжанцзякоу обеспечивали вывоз китайского чая в Монголию, Россию и Европу, превращая этот путь в ключевую артерию евразийской торговли.

Падение монархии и последующая судьба Пу И параллельны упадку традиционной чайной торговли. Если в XIX в. Цинская империя еще контролировала караванные связи, то к 1920–1930-м гг. Чайный путь утратил свое значение, уступив железным дорогам и индустриальным центрам. Таким образом, фигура

Фото 2. Дорога к павильону Юйхуангэ (кит. 玉皇阁)
Источник: сфотографировано авторами в крепости Чжанцзякоу
[Foto 2. The road to the Yuhuang Pavilion (chin. 玉皇阁)]

Пу И становится символом перехода от «чайной» имперской эпохи к новому времени, когда империя исчезла, а вместе с ней и старые формы торговли, уступив место модернизации и новым маршрутам.

Для сопоставления исторических и современных логистических схем зафиксированы три «урбанистических» слоя: договорный порт ядра Бохайского залива с институциональным наследием Иностранных концессий и Морской таможни (структуры учета, санитарного контроля и тарифной классификации грузов); железнодорожная сцепка с Пекином и северными узлами как фактор перетока потоков на сухопутные линии; современная портово-индустриальная агломерация, обеспечивающая морской выход для северокитайского внутреннего пояса. Полевые заметки по музейным экспозициям и городским пространствам позволили уточнить, как институциональные практики модернизации (санитарный режим, таможенная статистика, регулирование склада и тары) исторически сопрягались с чайными и текстильными потоками, а сегодня переосмысляются в туристическом и образовательном нарративе города.

В торговле и в налоговой системе термин 石 dàn (фото 4, табл. 2) обозначал количество зерна или чая, проходящее без обложения пошлиной, т. е. это своего рода квота на 免税 miǎnshuì (освобождение от налога).

Фото 3. Экспозиция с фотографиями и подписями, посвященными жизни последнего императора Китая Пу И (кит. 溥仪). Тексты на карточках — это хронологические заметки с датами и краткими описаниями.

Источник: сфотографировано авторами в парке Цзинъюань (кит. 静园)
Слева направо, сверху вниз:

- 1946 г., январь. Пу И как свидетель на Токийском процессе
- 1959 г., 4 декабря. Государственный совет принял решение об амнистии, и Пу И был освобожден из тюрьмы
- 1962 г., 30 апреля. Пу И с коллегами из Политического консультативного совета Китая
- 1960 г., 26 января. Пу И был приглашен на всекитайскую конференцию народных представителей (сессия в Пекине)
 - Пу И в 1945 г. в тюрьме Фушунь, беседует с надзирателем
 - Пу И беседует с друзьями во время амнистии
 - 1962 г. февраль. Пу И посещает парк в Пекине с коллегами
- Нанкинский процесс. Японские военные преступники в клетке, свидетельство
 - Фото из юности Пу И и его сестры (ок. 1943 г.)
 - Пу И сажает деревья вместе с коллегами
 - Пу И в библиотеке Пекина, читает газеты
 - Пу И пишет мемуары в конце 1950-х гг.
- 1945 г., 19 августа. Пу И арестован советскими войсками в аэропорту Шэньян
 - Пу И подписывает документы в 1956 г.
 - Пу И лечится в госпитале
- 1943 г. — фото Пу И и его жены, сделанное в возрасте 14 лет (школьное фото)
 - Фото жены Пу И — Вань Жун
- 1937 г., 6 апреля. Вань Жун была увезена японцами и находилась в состоянии тяжелой зависимости
- Различные фотографии 1930–40-х гг., связанные с семьей Пу И и его окружением
 - Письма и документы, написанные Пу И
 - Официальные бумаги времён его пребывания в заключении

- Фото Пу И с китайскими школьниками в 1960-х гг.

[Foto 3. An exhibition with photographs and captions dedicated to the life of the last Emperor of China, Pu Yi. The texts on the cards are chronological notes with dates and short descriptions]

From left to right, from top to bottom:

- 1946, January. Pu Yi as a witness at the Tokyo trial
- 1959, December 4. The State Council decided on an amnesty and Pu Yi was released from prison
- 1962, April 30. Pu Yi and colleagues from the Chinese Political Advisory Council
- 1960, January 26. Pu Yi was invited to the National People's Congress (Beijing session)
 - Pu Yi is in Fushun prison in 1945, talking to the warden
 - Pu Yi talks to friends during the amnesty
- February 1962. Pu Yi is visiting a park in Beijing with colleagues
 - The Nanjing trial. Japanese war criminals in a cage, evidence
 - Photo from Pu Yi's youth and his sister (circa 1943)
 - Pu Yi plants trees with colleagues
 - Pu Yi is in the Beijing library, reading a newspaper
 - Pu Yi is writing memoirs in the late 1950s
- 1945, August 19th. Pu Yi is arrested by Soviet troops at Shenyang Airport
 - Pu Yi is signing the documents in 1956
 - Pu Yi is in hospital
- 1943 — photo of Pu Yi and his wife, taken at the age of 14 (school photo)
 - Photo of Pu Yi's wife
- Wan Zhun. 1937, April 6. Wan Zhun was taken away by the Japanese and was in a state of severe addiction
- Various photographs from the 1930s and 40s related to Pu Yi's family and his entourage
 - Letters and documents written by Pu Yi
 - Official papers from the time of his incarceration
 - Photo of Pu Yi with Chinese schoolchildren in the 1960s

Зерновые суда (кит. 漕船 *cáochuán*) перевозили налоговое зерно по Великому каналу из южных провинций в столицу (Пекин). Чтобы стимулировать перевозки и покрывать расходы купцов, государство разрешало определенное количество грузов провозить без пошлин 免税 *miǎnshuì* — т. е. за эти объемы не брали пошлину.

Эти объемы 免税 *miǎnshuì* фиксировались в данях (кит. 石 *dàn*), и цифры менялись от династии к династии (в зависимости от финансовых нужд государства и экономической политики). В разные годы правительство регулировало, какой объем зерна / чая можно провозить без налога, чтобы балансировать бюджет и торговлю.

Для купцов данные квоты были очень выгодны: они экономили большие деньги, так как пошлины на перевозки были высокими. Для государства это было и средство стимулирования торговли, и форма поощрения лояльных перевозчиков. На международных торговых маршрутах (например, через Ханькоу или Кяхту) беспошлинный режим также играл роль фактора конкурентоспособности.

4. Провинция Шаньси: город Тайюань и уезд Пинъю

Здесь экспедиция получила ключевые материалы по финансовой и организационной платформе Чайного пути: образцы трансфертных векселей (кит. 汇票 *huìpiào*), сведения о формировании чайных терминалов и караванных центров

Таблица 2. Объем местных продуктов, освобожденных от налога при династиях Мин и Цин*

[Table 2. Volume of local products exempt from tax during the Ming and Qing dynasties]

Период (династия, годы)	Норма и годовой объем освобожденных от налога товаров
Династия Мин: 1465–1487 гг. 1622–1666 гг. 1573–1620 гг.	→ 19 даней → 40 даней → 60 даней
Исчислялось по 11 770 зерновым судам в год	→ всего 11 770 –706 200 даней
Династия Цин: 1799 г. → 10 даней 1796 г. → 15 даней 1826 г. → 18 даней	→ 10 даней → 15 даней → 18 даней
В годы правления императора Даогуана дополнительно прибавлено 6 320 даней	→ всего 113 860 даней

* Подсчет велся один раз в год. Дань — мера объема сыпучих и жидких тел, равная 103,647 л [Непомнин 2005: 184–218].

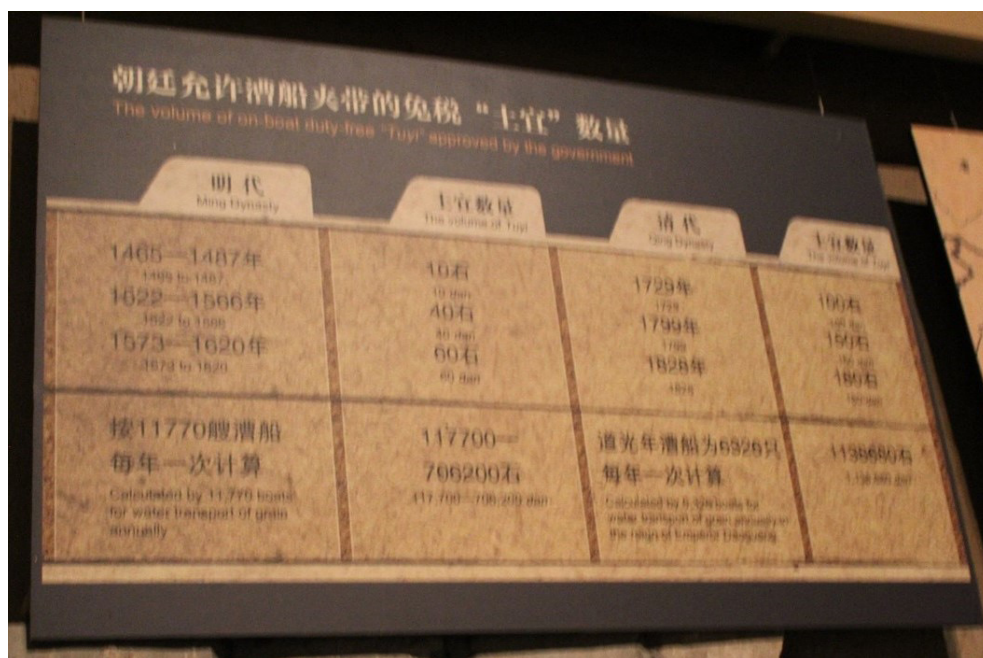

Фото 4. Количество местных продуктов (кит. ту-и 土宜), освобожденных от налога для казенных зерновых судов, утвержденное двором

Источник: сфотографировано авторами в Тяньцзиньском музее

[Foto 4. The number of local products (chin. tu-i 土宜) exempt from tax for state-owned grain vessels, approved by the yard]

в Шаньси и Внутренней Монголии, а также данные о связи военной экономики Цин с концентрацией купеческого и ростовщического капитала.

Отмечены контакты с администрациями музеев и объекты традиционных производств (стеклодувное дело, мебель, лак). В Тайюане активно продвигаются товары местного производства, основы которых заложены еще в период функционирования Чайного пути. На примере усадьбы клана Цяо (Qiao Family Courtyard Park), расположенной в пригородном уезде, запечатлен образец сохранения и реконструкции величия шаньсийского купечества цинского периода и развития на его основе современного туристического кластера провинции с использованием чайной тематики. Город Пинъюо как финансовая столица Чайного пути с 400-летней историей привлекает особое внимание со стороны исследователей и туристов. Здесь заложены основы банковской вексельной системы. Восстановленные за последние годы объекты архитектуры города Пинъюо стали популярными туристическими объектами провинции Шаньси. В пределах относительно небольшого древнего города реконструированы музеи, купеческие дома, торговые лавки, смотровые площадки, здесь широко представлена уличная торговля и местная гастрономическая кухня и т. д. Зафиксированы наблюдения высокого уровня инфраструктуры, агрокультуры, переработки и энергоснабжения.

В «Записках об уезде Фэньян», составленных в середине XIX в., провинция Шаньси описана следующим образом: *«В Цзинь (территория современной провинции Шаньси) климат холодный, а земля бедная. Мало животных, людей много, а земли мало. Урожаи небольшие, не хватает гаоляна, пшеницы, проса, сои. Кроме того, все, что необходимо для повседневной жизни, приходится привозить из далеких краев»* [Лю 2009: 68–69]. В таких суровых условиях одним из главных занятий для жителей Шаньси стала посредническая торговля между Северным и Южным Китаем. Шаньсийцы скупали шелк в Ханчжоу (юго-восточная провинция Чжэцзян), чай и сахар — в Ханькоу (совр. г. Ухань, провинция Хубэй), лиановое полотно — в провинции Сычуань. Благодаря смелости, смекалке и умению приспосабливаться к обстоятельствам шаньсийские купцы создали целую сеть торговых путей и филиалов по всей Поднебесной. Главным из них был чайный торговый маршрут из Южного Китая, по реке Ханьшуй (северный приток реки Янцзы), через земли провинции Шаньси, через степи и пустыни Монголии в Сибирь, Москву и Санкт-Петербург.

Особую ценность в г. Тайюань представляет Музейный комплекс «Усадьба клана Цяо» (кит. 乔家大院 qiáo jiā dàyuàn). Данная усадьба принадлежала шаньсийскому чайному магнату Цяо Чжиюну (кит. 乔致庸 qiáo zhì yōng) из уезда Цисянь, внуку простого погонщика верблюдов, основавшего торговую династию Цяо [Усадьба 2013]. Примечательно, что в данной усадьбе были сняты десятки китайских исторических сериалов об эпохе Цин, так как своей роскошью она соперничала с Запретным городом в Пекине. Всемирную известность усадьба получила в 1991 г., после того как режиссер Чжан Имоу снял в усадьбе знаменитый фильм под названием «Зажги красный фонарь» (кит. 大红灯笼高高挂 dàhóng dēnglong gāogāo guà), повествующий о трагической истории образованной девушки по имени Сунлянь, ставшей четвертой женой китайского феодала в 1920-е гг., подробно раскрывающий коварный механизм и философию тирании. На 48-м Венецианском кинофестивале этот фильм получил «Серебряного льва» за лучшую режиссерскую работу. Всего в данной усадьбе было снято свыше 40 фильмов и телесериалов.

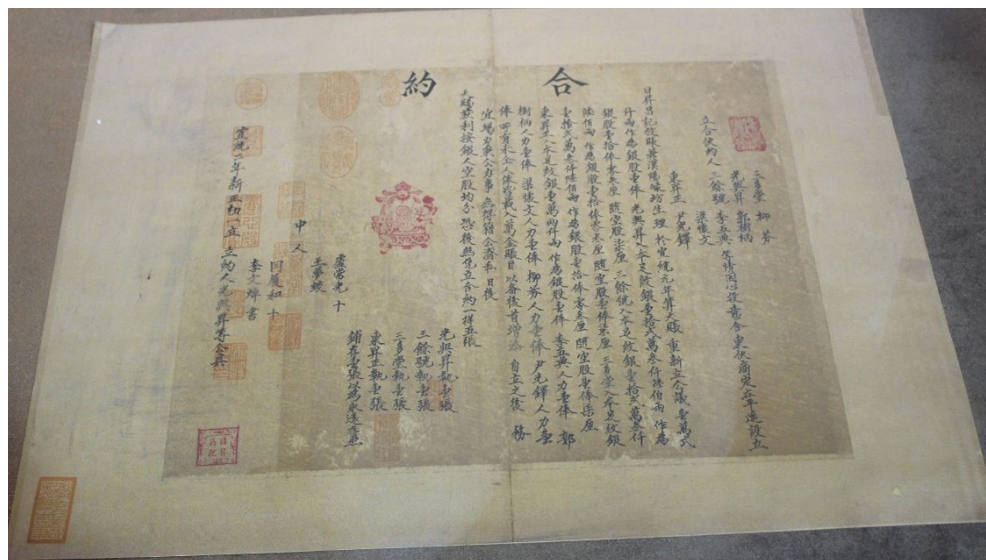

Фото 5. Экземпляр документа-соглашения о товариществе между шаньсийскими купцами. Источник: сфотографировано авторами в музее шаньсийского купечества
 [Foto 5. A copy of the partnership agreement between Shanxi merchants]

Рассмотрим типовой частный контракт поздней Цин («合約» — «договор»), представленный в экспозиции музея шаньсийского купечества (фото 5). Такие документы применялись для купли-продажи земли и домов, займов под залог, партнерств и крупных поставок. Компоновка стандартная: заголовок, основная правовая формула («議定合約一紙... 其條如下» yìdìng héyuē yīzhǐ... qí tiáo rúxià), перечисление условий (цена / срок / проценты / границы), блок гарантий («如有爭訟... 不累受約人» gú yǒu zhēngsòng... bù léi shòuyuērén) и финальная часть с участниками. Вдоль левого поля — ряд красных квадратных печатей и отметок посредников и свидетелей (中人、見證 zhōng rén jiàn zhèng), подтверждавших сделку; подобные «клейма» служили и для последующей легализации на ямынях (государственное учреждение в Китае до 1949 г.).

По набору клише и по дате в конце (эра Гуансюй) документ относится к концу XIX – началу XX вв. Подобные контракты широко использовали шаньсийские купцы и торговые агенты на северокайтайских и монгольских маршрутах Чайного пути: договор фиксировал цену, сроки оборота капитала и ответственность сторон, что снижало риски транзитной торговли. Из-за старения бумаги часть иероглифов не поддается прочтению; выше дан аккуратный переписанный текст с пометками «□» в местах лакун, сохраненным историческим языком и порядком строк.

В результате первичного источниковедческого анализа и перевода было выявлено, что данный договор был подписан в 1910 г. (2-й год правления императора Сюаньтуна):

合約
 今有立約人□□□與受約人□□□，就□□事議定合約一紙。其條如下：
 一、所涉□□（田產/貨物）在□□□，界至：東至□□，西至□□，南至□□，北至□□。

- 二、價銀共計□□兩，當面收訖，永不反悔。
- 三、期自光緒□□年□□月起至□□年□□月止；屆期清還，仍付息銀每月□□（如有）。
- 四、此約經中人□□□、見證□□□在場押記；日後若有爭訟，由立約人自出首理斷，不累受約人。
- 五、此約一紙，雙方各執一份，永遠為據。

右立合約

立約人□□□ 押

受約人□□□ 押

中人□□□ 押

見證□□□ 押

光緒□□年□□月□□日

«ДОГОВОР (合約)

Настоящим заключен один экземпляр договора между Стороной-1 (□□□) и Стороной-2 (□□□) по делу о □□. Условия:

1) предмет договора — □□ (земельный участок / товар), расположенный в □□□; границы: на востоке — □□, на западе — □□, на юге — □□, на севере — □□.

2) цена составляет □□ лянов серебра; сумма получена при подписании, отступлений и отмен не будет.

3) срок действия — с □□ года Гуансюя, □ месяца, по □□ год, □ месяца; по истечении срока производится полный расчет; при наличии — выплачиваются проценты в размере □□ в месяц.

4) в присутствии посредника (中人) □□□ и свидетелей □□□ проставлены печати; в случае спора истцом выступает Сторона-1, Сторона-2 ответственности не несет.

5) договор составлен в одном экземпляре; каждая сторона хранит по копии, подлежит постоянному исполнению.

Подписи / печати: Сторона-1, Сторона-2, посредник, свидетели.

Дата: □□ год правления Гуансюя, □ месяца, □ день».

Дополнительно зафиксированы финансовые практики шаньсийских протобанков (Жишэнчан 日升昌, Сетунцин 协同庆) как института безналичных расчетов на длинных сухопутных трассах: показаны внутренние регистры, коды филиалов, процедуры верификации и кассового контроля, а также долговые расписки, привязанные к сезонности чайной торговли. По музейным материалам и консультациям подтверждается, что к концу XIX в. действовало около трех десятков шаньсийских домов-пяохао с широкой сетью филиалов, выполнявших как коммерческие, так и казенные переводы (в том числе для гарнизонов и провинциальных казначейств), что снижало транзакционные издержки и риски оборота серебра на северных маршрутах [Ji 2003: 84–128].

На фото 6 представлен переводной вексель (хуэйпяо) как один из образцов данной практики; расположение основных элементов документа детализировано в табл. 3.

Основной текст внутри рамки:

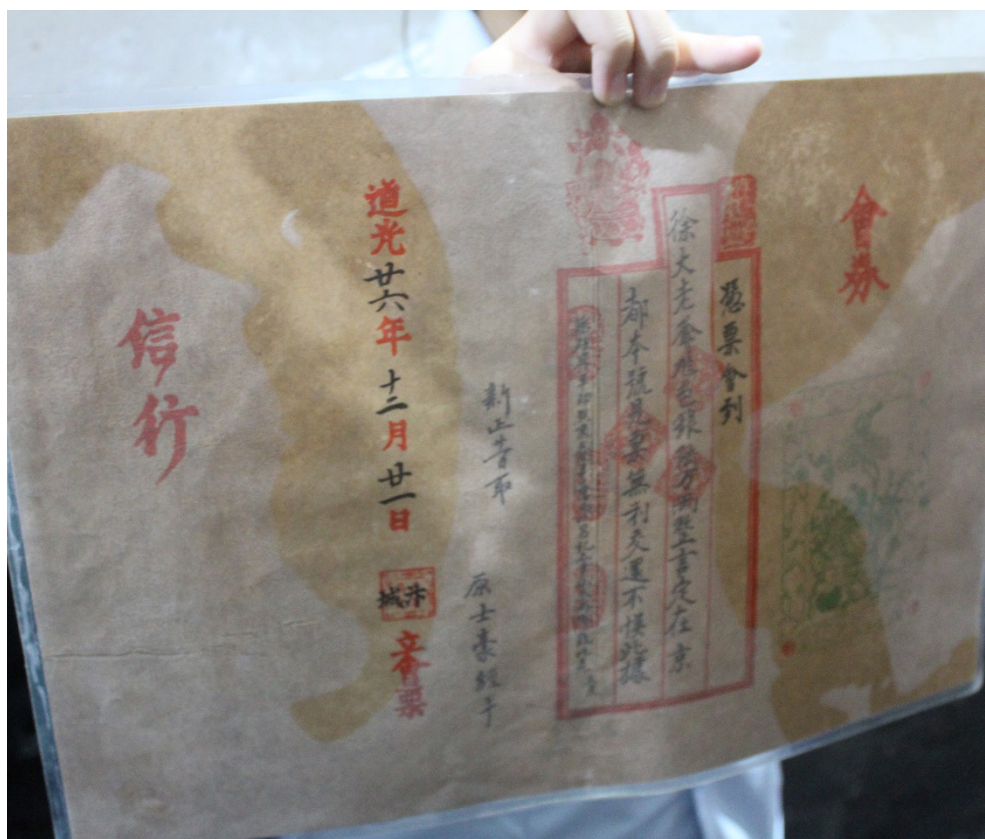

Фото 6. Лицевая сторона векселя с зашифрованной информацией о сумме перевода.
 Источник: сфотографировано авторами в музее торгового дома Жишенчан в г. Пинъюань
 [Foto 6. The front side of the bill with encrypted information about the transfer amount]

«По предъявлении данного билета производится расчет / перевод. По распоряжению старшего управляющего (大老 *dàlǎo*) надлежит выплатить серебро стандартной пробы в сумме [неразборчивая величина] лянов, место платежа — столица (Пекин).

Настоящий билет: при предъявлении проценты не начисляются; после оплаты подлежит возврату; оспариванию не подлежит (настоящее служит подтверждением)».

Служебные пометки:

- «Обработал / исполнитель» (подписи-надписи), «контрольная печать(и)».
- Дата: «21-й день 12-го месяца 26-го года правления Даогуана» (= 21 декабря 1846 г. по солнечному календарному соответствию).
- Боковая красная отметка: «Снято из обращения / прекращено хождение».

Таблица 3. Расположение основных элементов переводного векселя*
 [Table 3. Arrangement of the main elements of the bill of exchange]

Место	Надпись
Справа, красной вязью (вне рамки)	會票 huìpiào
Внутри красной рамки (черные столбцы)	憑票會列 píngpiào huì liè

	大老** 會 dàlǎo huì [...] 名銀 míng yín [□] 兩整 言定在京 liǎng zhěng yándìng
	茲本票 zī běnpiào 見票無利 wúli 交還不悔 jiāohuán 此據 cǐ jù***
Узкий служебный столбец слева внутри рамки (мелким почерком, закрыт печатями)	經手 jīngshǒu [姓名若干 xìngmíng ruògān] / 監印 jiānyìn (圓印數方 yuán yìnshù fāng)****
Слева, красной вертикалью (дата)	道光廿六年十二月廿一日 dàoguāng – nián shí'èryuè niàn yīrì
Крупная боковая отметка слева (красной тушью)	信行***** xìnxìng – достойный доверия

* Видны несколько красных круглых печатей поверх текста и зеленый орнамент-защита справа внизу. Источник: сформировано авторами на основе фото б.

** «大老» — титул старшего управляющего пиаохао (вексельного дома).

*** Формула «見票無利 / 交還不悔此據» стандартна для векселей шаньсийских домов: оплата по предъявлению без начисления процентов; после расчета билет возвращается; документ не подлежит отмене.

**** «言定在京» фиксирует место платежа: Пекин (京 jīng).

***** «停行» ставили при погашении, истечении срока, закрытии конторы или изъятии конкретного экземпляра из оборота.

Экспедиционный этап в провинции Шаньси показал историческую роль купечества в развитии Чайного пути с его ключевыми транспортно-логистическими и финансовыми факторами. Современные проекции, отраженные в музейных экспозициях, памятных сооружениях, научной и публицистической литературе, а также в объектах бизнеса городов Тайюань и Пинъюань, демонстрируют факты ревитализации тематики Великого чайного пути при активном участии государственных структур и бизнес-сообществ. Установленные контакты с состоятельными местными жителями показали сохранность у потомков шаньсийских купцов традиционных ценностей предпринимательства с прочно заложенной финансово-материальной базой. Общение с ними показало высокую с их стороны заинтересованность в посещении городов и стран по маршруту Великого чайного пути.

5. Пекин

17 августа группа отбыла в Пекин. Рабочая программа включала встречу в Центре монголоведения Института этнологии и антропологии Китайской академии общественных наук (далее — КАОН), обмен мнениями и предварительные договоренности о сотрудничестве, знакомство с массивом профильных академических журналов. Отдельный блок — культурно-коммуникационный: чайная церемония; проект «Чай и Поднебесная»; консультации с Координационным Советом по проекту «Великий Чайный путь» при Ассоциации содействия развитию китайской культуры. Состоявшиеся переговоры и общение с представителями этих сообществ показали высокий уровень институционализации тематики Чайного пути в социокультурном и общественном укладе. Развитая сеть негосударственных общественных организаций культурной направленности характеризуется вовлеченностью государственных интересов и частных

Осмотр Музея археологии Института истории КАОН и исторического чайного района Маляндао (исторические биржи XVIII–XIX вв., современные чайные рынки) был направлен на сопоставление исторических свидетельств формирования транзитных узлов «чайного пути» с современными формами организации оптово-розничной торговли чаем. Коллекция музея (более 6 000 уникальных артефактов) охватывает широкое разнообразие материальной культуры континентального Китая от палеолита до современности. Посещение чайного рынка и беседа с владельцами крупных оптово-розничных фирм по продаже чая позволила собрать данные о текущих тенденциях на рынке чая и заинтересованности в экспортных поставках в Россию.

В аналитическом отношении Пекин выступает как столица-«сцепка», где административные практики позднеимперского времени (включая компетенции Лифаньюаня по делам северных территорий и отношениям с Монголией / Россией) сопрягались с финансово-расчетными операциями купцов Шаньси; музейные и библиотечные фонды дают источниковую базу для сопоставления столичной регуляции транзита, почтово-ямской организации и распределения потоков между морским направлением (Тяньцзинь) и сухопутной линией на Калган / Кяхту [Perdue 2005: 547–568].

6. Внутренняя Монголия: гг. Хух-Хото, Баотоу, Уланчаб

В Хух-Хото экспедиция участвовала в Международном симпозиуме по монголоведению (20–23 августа), где апробированы доклады членов экспедиционной группы и проведены многочисленные встречи с академическими центрами региона. Заключены два соглашения о сотрудничестве (с Институтом этнологии и социологии Университета Внутренней Монголии и Институтом истории науки и техники Педагогического университета Автономного района Внутренняя Монголия), предусматривающие, среди прочего, совместные исследования экономических коридоров и задачи оцифровки источников на тибетском и классическом монгольском языках.

В Баотоу (23 августа) зафиксированы примеры современной коммерциализации бренда «Чайный путь» в городской среде (историко-культурный парк «Старый город Баотоу», квартал «Баотоу цзиньцзе») и высокоинформативные музейные экспозиции о роли города в консолидации грузов шаньсийских купцов и организации верблюжьих караванов; в локальных нарративах подчеркивается связь купеческих домов Шаньси с ранней капитализацией региональной торговли, что коррелирует с известными описаниями эволюции торгово-финансовых сетей северокайского пояса. Отдельно описаны сохранные вывески лавок XIX в., позволяющие реконструировать ассортимент и перечень сопутствующих финансовых и страховых услуг.

В Уланчабе (24 августа) отмечена преимущество логистической функции узла: от исторической почтовой станции (уртона) Чайного пути к современному железнодорожному контейнерному хабу. Особое географическое положение Уланчаба (близость к столичному региону Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, автомобильные магистрали и железные дороги, в том числе ведущие в Монголию и далее в Россию) учитывается в стратегическом планировании логистических маршрутов современного Китая: Уланчаб позиционируется как единственный город, не являющийся административным центром провинции, откуда отправля-

ются контейнерные поезда Китай – Европа. В настоящее время при государственной поддержке активно развивается расположенный в Уланчабе индустриальный парк «Международный логистический центр Цисуму», ориентированный на переработку импортных поставок масличных и зерновых культур, производство изделий из древесины и кожи.

7. Заключение

1. Результаты экспедиции подтвердили рабочую модель «финансы – логистика – администрирование» для объяснения механики Чайного пути: безналичные переводы пяхоао, караванная и портовая логистика и регуляторные практики поздней Цин образуют взаимосвязанную систему. Это переводит фокус с изолированных стоянок на сеть расчетных и учетных отношений, наложенных на транспортные плечи. Важную роль в системе цинских финансов играл так называемый институт гуаньси (кит. 关系 *guānxi*) — система частно-правовых и неофициальных денежно-имущественных отношений, основанных на личных, межклановых, гильдейских и земляческих связях.

2. Сформирована прикладная типология городов маршрута, задающая распределение функций: пограничный транзитный узел (Чжанцзякоу), морской интерфейс (Тяньцзинь), финансово-организационный кластер (Тайюань – Цисянь – Пинъяо), столичная административно-расчетная сцепка (Пекин), степные центры консолидации и переработки потоков (Хух-Хото, Баотоу, Уланчаб). Такая рамка пригодна для картографирования и сопоставления исторических и современных цепочек.

3. Для финансового блока определены направления количественной реконструкции: реестр домов «*riàohào*» и их корреспондентов, атрибуция тарифов и комиссий, оценка доли безналичных расчетов в сезонной динамике чайной торговли. Музейные регистры и внутренние коды филиалов позволяют перейти от описательных кейсов к сопоставимым рядам.

4. В административном измерении выделены проверяемые гипотезы о влиянии приоритетов поздней Цин на трассировку и сезонность потоков. Полевые материалы по Пекину и Тяньцзиню задают точки входа в источники по пограничному режиму, почтово-ямской организации, складам и тарификации, что позволяет связать государственный спрос с конкретными маршрутами и терминалами.

5. Исторические ландшафты демонстрируют современную репрезентацию историко-экономического наследия. На примере посещенных населенных пунктов показано, как «бренд Чайного пути» встраивается в городские стратегии через культурные кластеры и туризм; для оценки эффектов предлагаются метрики занятости, малого бизнеса, посещаемости и городских доходов, сопоставимые с индустриальными трансформациями степного узла.

6. Сопряжение с Монгольским коридором приобретает институциональную форму: установленные партнерства и планы оцифровки источников создают инфраструктуру знаний для «сшивки» исторической сети с современными коридорами. Это позволяет тестировать совместимость норм и режимов транзита, а также измерять преемственность узлов, транспортных плеч и терминалов.

7. Данные проведенной экспедиции подтверждают научный потенциал темы «Великого чайного пути», открывают новые возможности для углублен-

ного изучения происхождения чая, его изготовления, сортировки и упаковки для доставки на крупные торговые рынки евразийского континента и за его пределами. Возникает необходимость организации новой исследовательской экспедиции по южным провинциям Китая для выявления глубинной роли «чая» как исторического феномена в налаживании и установлении межстрановых и трансграничных взаимодействий России, Монголии и Китая.

Литература

- Лю 2009 — Лю Ц. Чайная торговля между Китаем и Россией // Теория и практика общественного развития. 2009. № 2. С. 63–75.
- Мишакова 2011 — Мишакова О. Э. Кяхта: от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2011. № 7. С. 46–50.
- Непомнин 2005 — Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
- Силин 1947 — Силин Е. П. Русско-китайская торговля через Кяхту. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1947. 204 с.
- Сладковский 1974 — Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем. Т. 2: 1917–1974. М.: Наука, 1974. 367 с.
- Субботин 1892 — Чай и чайная торговля в России и других государствах: Производство, потребление и распределение чая / составил А. П. Субботин. СПб.: Изд. А. Г. Кузнецова, Тип. Северн. телеграф. агентства, 1892. 722 с.
- Усадьба 2013 — Усадьба клана Цяо / Чэнь Цзе, Чжан Синь. Тайюань: Шаньси цзинцзи чубаньшэ (Экономика Шаньси), 2013. 200 с.
- Хохлов 1989 — Хохлов А. Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е годы XVIII в. – середина XIX в. // Бурятия XVII – начала XX в.: Экономика и социально-культурные процессы: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1989. С. 15–50.

References

- Liu Z. Tea Trade between China and Russia. *Theory and Practice of Social Development*. 2009. No. 2. Pp. 63–75. (In Russ.)
- Mishakova O. E. Kyakhta: From Caravan Trade to Freeport. From the History of Trade Relations between Russia and China in the 18th and First Half of the 19th Centuries. *BSU Bulletin. Philosophy*. 2011. No. 7. Pp. 46–50. (In Russ.)
- Nepomnin O. E. History of China: The Qing Era. 17th – early 20th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 712 p. (In Russ.)
- Silin E. P. Russian-Chinese Trade through Kyakhta. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe Knizhnoe Izdatelstvo, 1947. 204 p. (In Russ.)
- Sladkovsky M. I. History of Trade and Economic Relations between the Peoples of Russia and China. Vol. 2: 1917–1974. Moscow: Nauka, 1974. 367 p. (In Russ.)
- Subbotin A. P. Tea and Tea Trade in Russia and other Countries. Production, Consumption and Distribution of Tea. A. Subbotin (comp.). St. Petersburg: A. G. Kuznetsov, 1892. 722 p. (In Russ.)
- The Estate of the Qiao Clan. Chen Jie, Zhang Xin. Taiyuan: Shanxi jingji chubanshe (“Shanxi Economy”), 2013. 200 p. (In Chn.)
- Khokhlov A. N. Kyakhta and Kyakhta Trade (1720s – mid-19th century) Buryatia of the 17th – early 20th Centuries: Economy and Socio-cultural Processes: Collection of Scientific Papers. Novosibirsk: Nauka, 1989. Pp. 15–50. (In Russ.)

- Шишмарев 1886 — *Шишмарев Я. П.* Записка действительного статского советника Шишмарева 27 февраля 1886 г. // Монголия в трудах генерального консула Российской империи в Урге Я. П. Шишмарева. Некоторые мысли о праве России на Амур в документах и публикациях: (к 160-летию Генерального консульства России в Монголии) / сост. А. И. Шинковой, Ю. В. Кузьмин. Иркутск: БГУ, 2021. С. 97–175.
- Shishmarev Ya. P., Note by Acting State Councilor Shishmarev on February 27, 1886. Mongolia in the Writings of the Consul General of the Russian Empire in Uрга, Ya. P. Shishmarev. Some Thoughts on Russia's Right to Amur in Documents and Publications: (on the 160th Anniversary of the Russian Consulate General in Mongolia) A. Shinkova, Yu. Kuzmin (comp.). Irkutsk: Baikal State University, 2021. Pp. 97–175. (In Russ.)
- Ji 2003 — *Ji Z.* A History of Modern Shanghai Banking: The Rise and Decline of China's Finance Capitalism. Armonk; London: M. E. Sharpe, 2003. 325 p.
- Ji Z. A History of Modern Shanghai Banking: The Rise and Decline of China's Finance Capitalism. Armonk; London: M. E. Sharpe, 2003. 325 p. (In Eng.)
- Perdue 2005 — *Perdue P. C.* China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 752 p.
- Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 752 p. (In Russ.)
- Schorkowitz, Chia 2017 — *Schorkowitz D., Chia N.* (eds.). Managing frontiers in Qing China: the Lifanyuan and Libu revisited. Leiden: Brill, 2017. 462 p.
- Schorkowitz D., Chia N. Managing Frontiers in Qing China: the Lifanyuan and Libu Revisited. Leiden: Brill, 2017. 462 p. (In Eng.)
- Yanagisawa 2019 — *Yanagisawa A.* Qing "Government Caravans" in Kiakhta (1760–1778) // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 2019. Vol. 77. Pp. 79–100.
- Yanagisawa A. Qing "Government Caravans" in Kiakhta (1760–1778). *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. 2019. Vol. 77. Pp. 79–100. (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 3, pp. 546–558, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-546-558

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 394.7+398.332

UDC 394.7+398.332

Небесная трагедия: затмение луны в языке и мифологии тюрко-монгольских народов

Celestial Tragedy: Lunar Eclipse in the Language and Mythology of the Turkic and Mongolic Peoples

*Марина Михайловна Содномпилова¹,
 Баир Зориктоевич Нанзатов²*

*Marina M. Sodnompilova¹,
 Bair Z. Nanzatov²*

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova[at]yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З., 2025

© Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z., 2025

Аннотация. Введение. В традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов из космических объектов именно с ночным светилом связывалось большое разнообразие значений, символов и функций. *Целью* данной статьи является анализ отражения лунного затмения в языке, мифологии, магических практиках и обрядах тюрко-монгольских народов. *Материалы и методы.* Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах. Основными источниками исследования стали материалы по мифологии и фольклору тюрко-монгольских народов, отражающие представления кочевников о спутнике нашей планеты. *Результаты.* В лексике тюрко-монгольских народов затмение луны отражает определения, выражающие идеи: 1) пленения ночного светила; 2) его смерти; 3) его загрязнения / помутнения. В регионе преобладает первая идея, тесно связанная с мифами о персонажах, проглатывающих

небесные светила. Автономно от мифов в языке монгольских народов фиксируется третья идея. Названия затмения, транслирующие идею загрязнения, помутнения представляют собой следы архаичного мифологического сюжета, имеющего африканские «корни», несмотря на отсутствие в тюрко-монгольской среде мифов, повествующих о причине и форме загрязнения луны. *Выводы.* В центральной части Внутренней Азии концентрируются представления о лунном затмении как о пленении, поглощении луны неким чудовищем, локализующимся на небе, образ которого имеет южное происхождение. Исключением является образ медведя, характерный для северной периферии тюрко-монгольского мира. В ритуальных действиях, направленных на спасение небесного светила, можно увидеть следы архаичных представлений, связывающих Сибирь с регионами российского Дальнего Востока, Восточной Азии. Локальный характер имеет обычай включения в ритуалы «спасения» луны сирот у тюрков Южной Сибири и бурят. Группу таких особенных людей в некоторых местах дополняют вдовы, близнецы, мальчишки, достигшие трехлетнего возраста.

Ключевые слова: тюрко-монгольские народы, луна, названия, этимология, мифологические образы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монгоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Небесная трагедия: затмение луны в языке и мифологии тюрко-монгольских народов // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 546–558. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-546-558

Abstract. *Introduction.* Among the cosmic objects in the traditional worldview of the Turkic and Mongolic peoples, it was the night luminary that was associated with a wide variety of meanings, symbols, and functions. The purpose of this article is to analyze the reflection of the lunar eclipse in the language, mythology, magical practices, and rituals of the Turkic and Mongolic peoples. *Materials and methods.* The work is based on a comprehensive, systemic-historical approach to studying the past. The research methodology is based on historical and ethnographic methods. The main sources of the study were materials on the mythology and folklore of the Turkic and Mongolic peoples, reflecting the ideas of nomads about the satellite of our planet. *Results.* In the vocabulary of the Turkic and Mongolic peoples, the lunar eclipse is associated with a group of terms expressing the ideas of 1. the capture of the night luminary, 2. its death, and 3. pollution/clouding. The first idea, closely related to myths about characters swallowing celestial bodies, prevails in the region. The other ideas are fixed in the languages of the Mongolic peoples independently of the myths. The names of the eclipse, conveying the idea of pollution, clouding, are traces of an archaic mythological plot with African “roots”, despite the absence of myths in the Turkic and Mongolic environment that tell about the cause and form of pollution of the moon. *Conclusions.* In the central part of Inner Asia, ideas about the lunar eclipse are concentrated as the capture, absorption of the moon by a certain monster localized in the sky, the image of which has a southern origin. An exception is the image of a bear, characteristic of the northern periphery of the Turkic and Mongolic world. In ritual actions aimed at saving the celestial body, one can see traces of archaic ideas that connect Siberia with the regions of the Russian Far East and East Asia. The custom of including orphans in the rituals of “saving” the Moon among the Turkic peoples of Southern Siberia and the Buryats is of a local nature. The group of such special people in some places is supplemented by widows, twins, boys who have reached 3 years of age.

Keywords: Turkic and Mongolic peoples, moon, names, etymology, mythological images

Acknowledgement. The reported study was funded by government subsidy, project no.123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”.

For citation: Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Celestial Tragedy: Lunar Eclipse in the Language and Mythology of the Turkic and Mongolic Peoples. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 3. Pp. 546–558. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-546-558

1. Введение

Издревле пристальное внимание людей было приковано к ночному светилу. В традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов из космических объектов именно с луной связывалось большое разнообразие значений, символов и функций. Изучению небесных светил посвящено множество работ, в которых внимание уделялось их роли в жизни людей, лексике, мифологическим образам, преимущественно в магической и ритуальной практике, однако в большинстве случаев сведения являлись частью общих исследований, посвященных астральной тематике. Отдельный интерес исследователей вызывали персонажи пантеонов тюрко-монголов, связанных с солярной, лунарной и астральной символикой. В частности специальные исследования этой проблематике посвятили Л. П. Потапов [Потапов 1969], Н. А. Алексеев [Алексеев 1980], В. Я. Бутанаев, Ч. В. Монгуш [Бутанаев, Монгуш 2005], Б. С. Дугаров [Дугаров 2005]. Верования и ритуальные практики тюрко-монгольских народов, связанные с небесными светилами, рассмотрели в своих работах В. А. Бурнаков, Д. Ц. Цыденова [Бурнаков, Цыденова 2013; Бурнаков 2012], В. Е. Васильев [Васильев 2020], Ж. М. Юша [Юша 2024].

Смешанные чувства у людей вызывали такие астрономические явления, как затмения небесных светил. На территории Внутренней Азии, где преимущественно проживают тюркские и монгольские народы, бытуют очень разные представления об этом астральном явлении. Целью данной публикации является анализ отражения лунного затмения в языке, мифологии, магических практиках и обрядах тюрко-монгольских народов.

2. Материалы и методы

Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходах к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах. Основными источниками исследования стали материалы по мифологии и фольклору тюрко-монгольских народов, отражающие представления кочевников о спутнике нашей планеты, в том числе материалы архива Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (далее — ЦВРК ИМБТ СО РАН).

3. Результаты исследования

Затмение луны в представлениях тюрко-монгольских народов Внутренней Азии в целом характеризовалось как явление негативное. Если в далеком прошлом затмение небесных светил рассматривалось как случайное и непредсказуемое, то со временем возникли представления о периодичности лунного

и солнечного затмений. Так, ойраты предполагали, что солнечное затмение происходит каждые три года, а лунное — каждые три месяца. Но у захчинов бытует мнение, что затмение луны случается раз в три года, оно может произойти 15-го числа в зимний период либо уже в начале весны. Считалось, что, если лунное затмение произойдет весной, будет сильная засуха. Придавалось значение и тому, в каком направлении тень от нашей планеты падала на Луну, когда затемнение начиналось с северной стороны спутника и двигалось на юг, это считалось хорошей приметой, если наоборот — то плохой [Ганболд 2012: 31]. Однако неизвестны ни позитивные, ни негативные последствия этих примет. Беременные женщины не должны были наблюдать за затмениями солнца и луны [Ганболд 2012: 31]. В лексике тюрко-монгольских народов затмение луны отражают определения, выражающие идеи: 1) пленения ночного светила; 2) его смерти; 3) загрязнения / помутнения.

Хакасы затмение луны трактовали как смерть светила *ай олгени* [Бутанаев 1999: 77]. Аналогичное понимание отмечалось и у якутов: они называли затмение луны *ыйөлүүтэ* [Кузьмина 2023: 111], что транслировало идею гибели светила [Слепцов 1972: 286]. Алтайцы толковали затмение как пленение луны *ай кары / ай карыкан туты* [Потанин 1883: 191] мифическим чудовищем. Их взгляды разделяли тувинцы: затмение они называли *ай туттурушкуну*, что означало пленение [Бутанаев, Монгуш 2005: 43]. В казахском языке лунное затмение обозначалось как *айдынтұтылұы* [Джанузаков 1982: 163], такое же значение оно имело в сойотском языке — *ай туьттурган* ‘луна затмилась’ [Рассадин 2002: 11].

Монгольские народы также полагали, что во время затмения небесные светила оказывались схваченными, плененными мифическими чудовищами, и, созерцая это явление, люди кричали чудовищу: «*Алха, отпусти!*». Затмение небесных светил в калмыцком языке представлено выражением *араха нар / сар хаалһн* (‘араха солнце / луну закрыл’) [МКРС 2002: 136]. В диалектах предбайкальских бурят обозначение лунного затмения в форме *hara alxa bar'a* (‘луну алха схватил’) было зафиксировано в материалах Усть-Удинско-Осинской диалектологической экспедиции 1976 г. [ЦВРК. ОАФ. Д. 2285а. Блокнот 1. Л. 43; ЦВРК. ОАФ. Д. 2285а. Блокнот 3. Л. 74; ЦВРК. ОАФ. Д. 2285б, Блокнот 1. Л. 91]. Следует отметить, что это выражение, отражающее широко распространенное среди предбайкальских бурят представление о природе данного астрального явления, зафиксировано рядом исследователей (В. А. Михайловым [Михайлов 1996], М. Н. Хангаловым [Хангалов 1959], И. А. Манжигеевым [Манжигеев 1978] и др.).

Вместе с тем в монгольских языках распространение получило и другое название лунного затмения. Г. Н. Потаниным у ойратов зафиксировано выражение *сар куртеля* [Потанин 1883: 191]. В литературной версии монгольского языка это выражение выглядит следующим образом: х.-монг. *нар / сар хиртэх, хиртэлгэ* — ‘затмение солнца / луны’, стп.-монг. *naran kirtube* — ‘солнце затмилось’ [БАМРС 2001: 87]. Известны два значения термина *хиртэх*: ‘1) загрязняться, пачкаться; замараться; 2) потемнеть, потускнеть’ [БАМРС 2001: 87]. В бурятском варианте это же слово звучит как *хиртэлгэ* [БРС 1972: 573]. Их происхождение связано с термином *хирэ*, имеющим значение ‘грязь’.

3.1. Затмение луны в мифологии

Значения рассмотренных выше двух групп определений лунного затмения — «пленение» и «загрязнение» — очень важны, они отражают две разные идеи интерпретации этого явления в мировоззрении тюрко-монголов.

Затмения луны происходили довольно часто, и представления, составленные тюрко-монголами Внутренней Азии об этом явлении, отразились в мотиве поглощения / пленения луны разными персонажами.

В древних верованиях предбайкальских бурят, расселившихся севернее оз. Байкал, с севером связывался образ мифического черного зверя, появление которого на земле вызывало затмение небесных светил. Сведения о большом звере, в чьем образе проглядываются черты медведя, были записаны в 1913 г. В. И. Подгорбунским в Прибайкалье, в улусе Шохтой, от бурятского шамана Пиноса: *«На востоке... в черной дыре... в земле, большой зверь живет. Он годами ничего не ест. Когда ночью редко выходит... луну глотает... Когда днем выходит, солнце глотает... Потом зверь опять в черную дыру уходит, годами лежит...»* [Подгорбунский 1996: 233–234]. Данная бурятская версия напоминает якутский сюжет о фазах луны. Полагаем, что сходство взглядов в данном случае указывает на общность мировоззренческой базы предков якутов и бурят.

Среди монгольских народов наибольшую известность получил мотив о некоем чудовище Араха / Алха / Раху. *«Затмения солнца и луны бывают, по мнению бурят, в трудные по болезни и другим причинам годы, и затмения считаются делом мифического чудовища Алха, которое старается поглотить светила»* [Михайлов 1996: 74].

Несмотря на сходство названий, происхождение чудовища в мифологии разных народов значительно отличается. Истоки этого образа имеют южное происхождение и связаны с индуистской мифологией. В сюжетах повествований о затмениях небесных светил, и в частности луны, упоминаются персонажи индуистской мифологии — дэвы, асуры, Очирвани / Ваджрапани, а также священный напиток бессмертия амрита, возникший из океана, либо созданный богами. Согласно основному сюжету, чудовище Раху выпило напиток и спряталось. Его местонахождение выдали небесные светила, и обнаруженное чудовище богами было рассечено напополам. Солнце и луну чудовище глотает в отместку, говоря при этом луне: *«Ты указала на меня, и за это я три раза в год буду заслонять твое лицо»* [Семь звезд 2004: 41].

По другой версии, известной и бурятам, и ойратам, некое чудовище Араха, жившее на земле, сильно досаждало людям (у ойратов-дербетов), испортило творение бурхана — человека, съев с его тела шерсть (у тункинских бурят), за что было наказано верховным божеством — Ехэ бурханом. Араха спрятался от божества, но месяц выдал его местонахождение. Божество рассекло чудовище напополам. Оставшаяся на небе верхняя часть Арахи с тех пор регулярно мстит месяцу, проглатывая его. Но поскольку у чудовища только половина тела, месяц из него вываливается [Потанин 1883: 191, 193].

Среди мотивов происхождения чудовища, вредящего небесным светилам, выделяется мотив, встречающийся в одной из версий главного эпического произведения бурят «Гэсэр»: появление чудовища, проглатывающего небесные светила, связано с поединком двух владык небесного мира — Хана Хюрмаса и Атай Улана. Первый, одержав победу над Атай Уланом, разрубает его тело на

множество частей. Голова Атай Улана, застряв между небом и землей, превращается в чудовище Араха-шудхэр:

*«Большая круглая голова закрутилась,
Между небом и землей остановилась,
Верх возвратиться — так сил уж нет,
Вниз опуститься — желания нет.
Превратилась она в чудовище Архан-шудхэр¹,
Блуждает по небу меж звездных сфер, то медленно вращается,
То метеором несется,
Намеревается проглотить и луну, и солнце» [Гэсэр 1988: 93].*

Тувинцы объясняли затмение луны действиями чудовища Амырга, и, чтобы освободить луну, пугали его шумом [Потапов 1969: 292]. Несколько хакасских мифов объясняют затмение луны действиями мифического чудовища Чилбегена, которого Ах-Кудай помещает на луну, спасая человечество, либо светило само, спустившись к земле, схватило чудовище.

В Южной Сибири были актуальны образы неких злых колдунов либо ведьм, которые поднимаются к ночному светилу и распускают свои волосы, закрывая луну. У хакасов светило закрывала злая колдунья [Бутанаев 2003: 47]. Зловредные действия земных колдунов *орбыше* и *торынчи*, закрывающих светило покрывалом и вызывающих затмения, отмечены в ряде алтайских преданий, записанных Г. Н. Потаниным и Н. Ф. Катановым [Потанин 1883: 193; Катанов 1907: 204, 375]. В преданиях тофаларов в затмении небесных светил также повинна злая колдунья, являющаяся помощницей черта-аза в Среднем мире. Эта ведьма *чел бага / чил бага* постоянно вредила людям. Чтобы на земле было темно, она проглотила солнце, *«которое бурхан освободил, разрубив колокольчиком горло ведьме»* [ТНВС 2008: 315]. На западе Монголии, где живут захчины, процесс затемнения светила объясняют следующим образом: *«Говорят, что во время лунного затмения тень зла покрывает луну со всех сторон, вызывая неприятности»* [Ганболд 2012: 31].

В некоторых районах Халхи (Монголия) распространен миф о том, что чудовищу Раху помогает небольшое насекомое со множеством ног, которое обычно живет под корой деревьев и в скалах. Когда наступает время затмения, насекомое вырастает до размеров коровы и ловит солнце и луну своими усами, помогая Раху [Ганболд 2012: 31].

Другое определение лунного затмения, обнаруженное в монгольских языках и отражающее идею загрязнения светила, следует охарактеризовать как отголосок древнейших представлений людей о луне, зародившихся еще на африканском континенте. Следует особо отметить, что в своем большинстве эти воззрения связываются не с затмениями луны, а с лунными пятнами. Как удалось выяснить Ю. Е. Березкину, характерной чертой «африканских» воззрений сапиенсов о лунных пятнах был нефигуративный характер их истолкования. Иными словами, в ранних представлениях человека лунные пятна виделись непосредственно пятнами грязи, золы, песка, навоза, которыми было испачкано небесное светило в силу разных причин (из зависти, в целях приглушения слишком яркого света и т. д.). *«Нефигуративный характер истолкования пятен на лунном диске объединяет Африку южнее Сахары с Австралией, Меланезией и Южной Америкой»* [Березкин 2013: 99–100]. Нефигуративная интерпретация лунных пятен также характерна для юга Балкан и Кавказа, известна она в Восточной Европе, встреча-

¹ Так в источнике.

ется и у енисейских кетов. «Однако по сравнению с вариантами фигуративного истолкования лунных пятен таких случаев в Европе и Сибири ничтожно мало» [Березкин 2013: 99–100].

Примечательно, что монгольское определение затмения *хиртэх* не зафиксировано не только у калмыков, но, по нашему мнению, неизвестно у предбайкальских бурят, живущих к северу от оз. Байкал. Этот факт может быть объяснен поздним распространением данного определения среди монгольских народов. Ориентировочно это слово могло войти в лексику монголов уже после ухода части ойратов (совр. калмыков) на берега р. Волги.

Относительно этого термина существует мнение Д. Д. Дондоковой, которая полагает, что монгольское слово *kirteh* с его первоначальным (прямым) значением «загрязняться, запачкаться, замараться, потускнеть» связано с тюркским *kirik* — «пачкаться, загрязняться», *kir* — «грязь, сор» [Дондокова 2003: 34], но автором это предположение не обосновано. Мысль о заимствовании данного определения из тюркского языка ставит новые вопросы: разные варианты выражений, обозначающих затмения в самих тюркских языках, никак не связаны с понятиями «грязь», «пачкаться». Выходит, что монгольское население, проживающее практически в окружении тюркских народов, сохранило этот термин, а сами тюрки его утратили. Обращает на себя внимание и тот факт, что данный термин расходится с превалирующим в мифах монгольских народов мотивом захвата небесных светил чудовищем. Таким образом, монгольский вариант обозначения лунного / солнечного затмения представляет определенную загадку, которая требует своего разрешения.

В Сибири нефигуративный характер лунных пятен был отмечен только в толкованиях енисейских кетов, язык которых предположительно связан родством с сино-кавказской макросемьей. А они, напомним, также видели в лунных пятнах разные формы загрязнения [Березкин 2013: 99–100].

3.2. Действия во время затмения

Лунное и солнечное затмения считались опасным явлением, и люди пережидали его, соблюдая определенные правила. У ойратов, в частности, запрещалось спать во время затмения, следовало наблюдать за ним, пока оно не закончится, и только потом ложиться спать. Во время солнечного или лунного затмения запрещено было пировать или заниматься сексом, так как это считалось большим грехом. Также в это время следовало прикрывать дымовое отверстие юрты. Определенные ограничения отмечены и в питании: захчины во время затмения не варили мясную пищу, обходились молочной и так ночевали [Ганболд 2012: 31]. Локальным действием является обычай бурят во время затмения мешать перекисшее молоко — *курунгу*, но его значение уже потеряно [Михайлов 1996: 74].

Алгоритм действий разных народов тюрко-монгольского мира был примерно одинаков. Во время затмения нужно было создавать много шума: для этого били по металлической посуде, звенели медными колокольчиками, стреляли из ружья в сторону светила, кричали: «Луна умерла!», «Алха, пусти!», тем самым пугая чудовище, схватившее луну. Олёты во время затмения молились, сжигая ягоды можжевельника, зажигали свечи, били по металлическим предметам, чтобы создать шум, стреляли из ружей и заставляли детей плакать [Ганболд 2012: 31]. Помимо этого, среди обязательных действий отмечались насильственные дей-

ствия в отношении собак — их били, крутили им уши, добиваясь того, чтобы животные визжали и лаяли. Это подтверждается сообщением обурятавшегося тунгуса (из Присаянья): «Во время затмения в старые годы науськивали собак, чтобы они своим лаем прогнали альбин-читкура от месяца» [Потанин 1883: 193]. Так поступали хакасы, тувинцы, буряты, алтайцы. Монголы заставляли лаять и визжать собак темной масти с рыжими подпалинами и со светлыми пятнами над глазами — *улан халтар* [БРС 1973: 539]. Таких собак называют *дөрвөн нүдтэй* «четырёхглазыми» и наделяют их особыми магическими способностями — якобы только их взору доступно то, что никто другой не способен увидеть. Например, «четырёхглазые» собаки, по мнению бурят и хакасов, могут видеть луну в период междулуния. Такие собаки якобы могли видеть иной мир [Бурнаков 2012 : 201].

Так почему же во время затмений небесных светил доставалось именно собакам? Ответ, на наш взгляд, можно найти в соседнем дальневосточном регионе. В мифологической картине мира народов Приамурья обитателями Солнца и Луны являются злые собаки, которые набрасываются на светила в момент затмения. Нивхи, удэгейцы и нанайцы считали, что, когда солнце и луна теряли свой блеск, их пожирали «небесные» собаки. При наступлении затмения они били по металлическим предметам, чтобы прогнать животных. В нанайской легенде луна-мужчина Биа полюбил Солнце — женщину Сиун, период междулуния был для них временем свидания. Их близость не понравилась верховному божеству Эндури, который спустил свою собаку на луну. Она укусила Биа, тогда он отправился на далекие небесные луга, чтобы полечиться целебными травами. И ушел так далеко, что люди на земле перестали видеть лунный свет — такое объяснение дается в ней затмению [Подмаскин 2004: 102]. Отголосок этого мотива обнаруживается в мифологии якутов, которые фазы луны объясняли регулярными нападениями на светило волков и медведей.

Аналогичные версии затмения бытовали и по другую сторону Тихого океана. «Индийцы Америки считали, что во время затмения за луной гонятся по небу огромные собаки, которые хватили и терзали это светило, пока ее свет не становился багровым и тусклым от крови, струящейся из ран. Индейцы поднимали оглушительный шум, стреляли, играли на музыкальных инструментах и били собак» [Подмаскин 2004: 104]. Наличие таких сюжетов среди американских индейцев указывает, что возраст этого мотива никак не меньше того времени, когда предки индейцев ушли на земли нового континента.

Среди других «приемов», использовавшихся в целях «спасения» небесного светила, выделяются действия тюрков Южной Сибири, бурят и якутов, которые особые функции возлагали на ритуальные действия, направленные на «освобождение» небесных светил и выполняемые людьми социально-обездоленными — сиротами. Согласно убеждениям бурят, во время затмения громко кричать и плакать должны были дети-сироты. Считалось, что плач сироты доносится до самого верхнего яруса неба, а потому будет услышан верховным божеством, который сурово накажет обидчика сироты. Также к группе обездоленных буряты причисляли вдов. Это убеждение хорошо отражено в эпосе «Гэсэр», в сюжете, описывающем огромные бедствия, обрушившиеся на головы людей с поражением главы восточных небожителей Атай Улана в битве с его соперником из лагеря западных небожителей. Части тела побежденного Атай Улана были сброшены

на землю, где они превратились в разного рода чудовищ, начавших истреблять людей, насылая на них болезни. Земные цари, терявшие своих подданных, решили воззвать к своим небесным покровителям с просьбой защитить их. Чтобы их просьбы достигли неба, с больных и страдающих подданных собрали слезы и слюни, а великой шаманкой был совершен обряд *сасали барьха* — чашу с этим подношением она бросила на небо. Чаша разбила угол дворца верховного небожителя Хана-Хюрмас-тэнгэри, дворец пошатнулся, и только тогда небожитель смог узнать о бедствиях людей. В другой, более этнографичной версии этого, чтобы просьбы людей дошли до божеств, жестоко избили безмужную вдову Билэхэн и оставшегося без родителей мальчика [сироту] — «они плакали и кашляли, тогда их слюни и слезы собрали в разбитой поваренке. Ныне буряты говорят, что слезы безмужней вдовы и сирот ядовиты, т. е., что их безвинно заставляли плакать и обижать очень грешно» [Хангалов 1959: 246].

Обижать сироту большим грехом считали и якуты. «Если заставить плакать сироту, то его плач проходит насквозь через девять небес и становится слышен Айыы тойону. Тогда Айыы тойон накажет человека, обидевшего сироту» [ЯМ 2004: 261]. Хакасы и тувинцы в ночь лунного затмения заставляли кричать одинокого мужчину, сироту от рождения, голос которого якобы мог доноситься до луны. Человек, на которого возлагалась миссия обращения к небу, кричал, называя свое имя: «Голос такого-то [имя] одинокого человека дойдет до неба!» [Бутанаев, Монгуш 2005: 43; Потанин 1883: 192].

Тувинцы из Эрзинского района, наделяя сверхъестественными способностями близнецов вообще, особо выделяя мальчика, родившегося в паре с девочкой. Они верили, что, вырастая, он «мог во время солнечного затмения кричать, обращаясь к солнцу, на злые силы, вызывающие затмение» [Потапов 1969: 275].

Южнее, в Монголии, этот обычай и его толкование существенно отличается. Так, у ойратов, алтайских урянхайцев во время затмения принято было заставлять плакать и кричать трехлетних мальчиков. Объяснялось это только тем, что, с одной стороны, число три в монгольской культуре является сакральным, с другой — мальчик, достигший трех лет, уже считался большим. Следует отметить, что в монгольской культуре очередной этап социализации ребенка был связан с переходом малыша из младенчества в детство и обычно приходился на трехлетний возраст. Маркировался этот переход особым обрядом — стрижкой утробных волос ребенка. Говорят, что герои монгольского народного эпоса достигают полной силы и мужества к трем годам [Ганболд 2012: 31].

Характерные возможности сироты в мифологии и обрядовых практиках тюрко-монгольских народов обнаруживают аналогии в традициях разных славянских народов. У них считается, что слезы сирот и вдов могут влиять на погоду, вызывать дождь во время засухи, поскольку им оказывает особое покровительство сам Бог, стоящий на страже их интересов [Сирота в языке...]

4. Заключение

В центральной части Внутренней Азии преобладают представления о лунном затмении как о пленении, поглощении луны неким чудовищем, локализующимся на небе. Его образ, имея южное происхождение (Индия), распространялся с буддизмом. Предположительно, локальным (сибирским) видится образ большого темного зверя, в котором угадываются черты медведя, периодически выбираю-

щегося из своего убежища и глотающего небесные светила, а потом уходящего спать. Более редкими и, возможно, более архаичными являются взгляды о гибели небесного светила.

Определения затмения, выражающие идею загрязнения, помутнения, носят следы архаичного мифологического сюжета, имеющего африканские «корни». Несмотря на отсутствие в тюрко-монгольской среде мифов, повествующих о причине и форме загрязнения луны, этот факт ставит проблему исследования хронологии и направлений миграции народов, оставивших эти представления. Интерес вызывает их языковая и этническая принадлежности. Учитывая, что в сибирском регионе такое же толкование затмения было зафиксировано только у енисейских кетов, его наличие в лексике монголов, возможно, отражает какие-то очень давние связи предков монголов с этим населением.

В ритуальных действиях, направленных на «спасение» небесного светила, также можно увидеть следы архаичных представлений, связывающих Сибирь с регионами российского Дальнего Востока, Восточной Азии (действия с собаками). Локальный характер имеет обычай включения в ритуалы «спасения» луны сирот, бытующий у тюрков Южной Сибири, бурят. К числу таких особенных людей в некоторых местах относят вдов, близнецов, мальчиков, достигших трехлетнего возраста.

Источники

ЦВРК — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Интернет-источник

Сирота в языке ... — Сирота в языке, верованиях и обрядах. Лаборатория фольклористики Российского государственного гуманитарного университета. Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика [электронный ресурс] // URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/TROFIM1.htm> (дата обращения 15.05.2025).

Литература

Алексеев 1980 — Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 315 с.
 БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. III. О–Ф. М.: Academia, 2001. 439 с.

Sources

Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS)

Online source

An Orphan in Language, Beliefs, and Rituals. The Laboratory of Folklore Studies at the Russian State University for the Humanities. Folklore and Post-folklore: Structure, Typology, Semiotics. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/TROFIM1.htm> (accessed 15 May 2025).

References

Alekseev N. A. Early Forms of Religion of the Turkic Peoples of Siberia. Novosibirsk: Nauka, 1980. 315 p. (In Russ.)
 Big Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 3. Ö–F. Moscow: Academia, 2001. 439 p. (In Mong. & Russ.)

- Березкин 2013 — *Березкин Ю. Е.* Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013. 320 с.
- БРС 1973 — Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Советская энциклопедия, 1973. 803 с.
- Бурнаков 2012 — *Бурнаков В. А.* Традиционные представления хакасов о собаке // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2012. № 5. С. 196–216.
- Бурнаков, Цыденова 2013 — *Бурнаков В. А., Цыденова Д. Ц.* Луна в традиционном мировоззрении хакасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2013. Т. 12. Вып. 3. С. 267–279.
- Бутанаев 1999 — *Бутанаев В. Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 236 с.
- Бутанаев 2003 — *Бутанаев В. Я.* Бурханнизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Хакасск. гос. ун-т, 2003. 260 с.
- Бутанаев, Монгуш 2005 — *Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Хакасск. гос. ун-т, 2005. 196 с.
- Васильев 2020 — *Васильев В. Е.* К происхождению культа солнца и неба у якутов // География: развитие науки и образования. СПб.: Астерион, 2020. С. 431–435.
- Ганболд 2012 — *Ганболд М.* Ойрад монголчуудын байгаль хамгаалах уламжлал. Bibliotheca oiratica–XXVIII. Улаанбаатар: Соёмбо, 2012. 189 х.
- Гэсэр 1988 — *Гэсэр.* Бурятский героический эпос. Кн. 1 / пер. с бур. В. Солоухина. М.: Современник, 1988. 397 с.
- Джанузаков 1982 — *Джанузаков Т. Д.* Очерк казахской ономастики. Алма-Ата: Наука, 1982. 175 с.
- Дондокова 2003 — *Дондокова Д. Д.* Лексика духовной культуры бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 134 с.
- Berezkin Yu. E. Africa, Migrations, Mythology. Areas of Distribution of Folklore Motifs in Historical Perspective. St. Petersburg: Nauka, 2013. 320 p. (In Russ.)
- Buryat-Russian Dictionary. K. Cheremisov (comp.). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1973. 803 p. (In Buryat & Russ.)
- Burnakov V. A. Traditional Ideas of the Khakass People about Dogs. In: Worldview of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospect. 2012. No. 5. Pp. 196–216. (In Russ.)
- Burnakov V. A., Tsydenova D. Ts. The Moon in the Traditional Worldview of the Khakassians. *Vestnik NSU. Series: History & Philology*. 2013. Vol. 12. No. 3. Pp. 267–279. (In Russ.)
- Butanayev V. Ya. Khakassian-Russian Historical and Ethnographic Dictionary. Abakan: Khakasiya, 1999. 236 p. (In Russ.)
- Butanayev V. Ya. Burkhanism of the Sayano-Altai Turkic Peoples. Abakan: Khakassian State University, 2003. 260 p. (In Russ.)
- Butanayev V. Ya., Mongush Ch. V. Archaic Customs and Rituals of the Sayan Turkic Peoples. Abakan: Khakassian State University, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Vasiliyev V. E. On the Origin of the Cult of the Sun and Sky among the Yakuts. In: *Geography: Development of Science and Education*. St. Petersburg: Asterion, 2020. Pp. 431–435. (In Russ.)
- Ganbold M. The Nature Conservation Tradition of the Oirat Mongols. (Bibliotheca Oiratica–XXVIII). Ulaanbaatar: Soyombo, 2012. 189 p. (In Mong.)
- Geser. Buryat Heroic Epic. Book 1. V. Soloukhin (transl. from Buryat). Moscow: Sovremennik, 1988. 397 p. (In Russ.)
- Dzhanuzakov T. D. Essay on Kazakh Onomastics. Alma-Ata: Nauka, 1982. 175 p. (In Russ.)
- Dondokova D. D. Vocabulary of Buryat Spiritual Culture. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2003. 134 p. (In Russ.)

- Дугаров 2005 — *Дугаров Б. С.* Бурятская гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. 298 с.
- Дугаров B. S. Buryat Geseriad: Heavenly Prologue and the World of Epic Deities. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2005. 298 p. (In Russ.)
- Катанов 1907 — *Катанов Н. Ф.* Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). Т. 9. СПб.: [б. и.], 1907. 640 с.
- Katanov N. F. The Dialects of the Uriankhians (Soyots), Abakan Tatars and Karagases (Samples of Folk Literature of Turkic Tribes, published by V. V. Radlov). Vol. 9. St. Petersburg, 1907. 640 p. (In Russ.)
- Кузьмина 2023 — *Кузьмина А. А.* Концепт «Луна» в якутской языковой картине мира // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 3. С. 106–117.
- Kuz'mina A. A. The Concept of “Moon” in the Yakut Linguistic Picture of the World. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. Vol. 21. No. 3. Pp. 106–117. (In Russ.)
- Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 125 с.
- Manzhigeev I. A. Buryat Shamanistic and Pre-shamanistic Terms. Moscow: Nauka, 1978. 125 p. (In Russ.)
- Михайлов 1996 — *Михайлов В. А.* Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соёл, 1996. 111 с.
- Mikhaylov V. A. Religious Mythology. Ulan-Ude: Soyol, 1996. 111 p. (In Russ.)
- МКРС 2002 — Я изучаю калмыцкий. Малый калмыцко-русский словарь / сост. Илишкин И. К., Муниев Б. Д., Бадмаева В. Д., Шургучинова М. О. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 511 с.
- I am studying Kalmyk. Small Kalmyk-Russian Dictionary. I. Ilishkin, B. Muniyev, V. Badmaeva, M. Shurguchinova (comp.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 511 p. (In Russ.)
- Подгорбунский 1996 — *Подгорбунский В. И.* Религиозные и космологические представления у бурят, якутов и тунгусов (полевые материалы 1913–1922 гг.) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып. 2. М.: Наука, 1996. С. 221–241.
- Podgorbunskiy V. I. Religious and Cosmological Ideas of the Buryats, Yakuts and Tungus (field materials from 1913–1922). In: Problems of the Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolian Peoples of Southern Siberia and Adjacent Territories. No. 2. Moscow: Nauka, 1996. Pp. 221–241. (In Russ.)
- Подмаскин 2004 — *Подмаскин В. В.* Космография тунгусо-маньчжуров и нивхов // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2004. № 1(113). С. 94–105.
- Podmaskin V. V. Cosmography of the Tungus-Manchus and Nivkhs. *Vestnik of the Far Eastern Branch of the RAS*. 2004. No. 1(113). Pp. 94–105. (In Russ.)
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1883. 1029 с.
- Potantin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. No. 4. Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1883. 1029 p. (In Russ.)
- Потапов 1969 — *Потапов А. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 401 с.
- Potapov A. P. Essays on the Folk Life of the Tuvans. Moscow: Nauka, 1969. 401 p. (In Russ.)

- Рассадин 2002 — *Рассадин В. И.* Сойыгт–быраат–орыс словарь (= Сойотско–бурятско–русский словарь). Улан-Удэ: [б. и.], 2002. 226 с.
- Семь звезд 2004 — Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступит. ст., комм. Д. Э. Басаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Слепцов 1972 — Якутско–русский словарь / ред. Слепцов П. А. М.: Советская энциклопедия, 1972. 568 с.
- ТНВС 2008 — Тюркские народы Восточной Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М.: Наука, 2008. 422 с.
- Хангалов 1959 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 тт. Т. II. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 443 с.
- Юша 2024 — *Юша Ж. М.* Культ солнца и луны в обрядах и верованиях тюрков Саяно-Алтая // Традиционная культура. 2024. Т. 25. № 4. С. 14–21.
- ЯМ 2004 — Якутские мифы. Саха өс-номохторо / сост. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2004. 451 с.
- Rassadin V. I. Soyot-Buryat-Russian Dictionary. Ulan-Ude: [s.n.], 2002, 226 p. (In Russ.)
- Seven Stars. Kalmyk Legends and Traditions. D. Basaev (comp., trans., introd. article, comm.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2004. 415 p. (In Russ.)
- Sleptsov P. A. (ed.). Yakut-Russian Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1972. 568 p. (In Yakut. & Russ.)
- Turkic Peoples of Eastern Siberia. D. Funk, N. Alekseev (ed.). Moscow: Nauka, 2008. 422 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryatiya Book Publ., 1959. 443 p. (In Russ.)
- Yusha Zh. M. The Cult of the Sun and Moon in the Rituals and Beliefs of the Turks of Sayan-Altai. *Traditional Culture*. 2024. Vol. 25. No. 4. Pp. 14–21. (In Russ.)
- Yakut Myths. N. Alekseev (comp.). Novosibirsk: Nauka, 2004. 451 p. (In Yakut & Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 3, pp. 559–575, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-559-575

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 316.728+371.8.062.1+371.87

Образовательные стратегии монгольских семей скотоводов в условиях реформ: феноменологический анализ адаптации к 12-летнему обучению

*Нанжидмаа Хишигдулам¹,
 Анна Анатольевна Изгарская²*

¹ Монгольский национальный университет образования (д. 296, район Сухэ-Батора, 14191 Улан-Батор, Монголия)

преподаватель

UDC 316.728+371.8.062.1+371.87

Educational Strategies of Mongolian Pastoral Families under Reform: a Phenomenological Analysis of Adaptation to 12-Year Schooling

*Nanjidmaa Khishigdulam¹,
 Anna A. Izgarskaya²*

¹ Mongolian National University of Education (296, Sukhbaatar District, 14191 Ulaanbaatar, Mongolia)

Lecturer

 0009-0003-6136-0130. E-mail: [khishigdulam\[at\]msue.edu.mn](mailto:khishigdulam[at]msue.edu.mn)

² Институт философии и права Сибирского отделения РАН (д. 8, ул. Николаева, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

² Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS (8, Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate

 0000-0001-9313-0805. E-mail: [aizgarskaya\[at\]gmail.com](mailto:aizgarskaya[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Хишигдулам Нанжидмаа,
 Изгарская А. А., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Khishigdulam Nanjidmaa,
 Izgarskaya A. A., 2025

Аннотация. *Введение.* Актуальность исследования определяется сложившимся противоречием между переходом Монголии на 12-летнюю систему образования и неготовностью шестилетних детей скотоводов участвовать в данном процессе. Заимствованная у стран с высоким уровнем доходов и оседлым образом жизни образовательная система не соответствует экономическим возможностям домохозяйств кочевников, не учитывает их образ жизни и особенности социализации их детей. До 2005 г. дети скотоводов начинали учебный процесс с 8 лет и были лучше подготовлены к проживанию в условиях созданной еще в советское время системы школ-интернатов. *Цель* исследования — обозначить стратегии адаптации семей скотоводов к снижению возраста поступления детей в школу, определить социально-экономические и психологические факторы, влияющие на выбор стратегии. Феноменологический метод качественного исследования и глубинные полуструктурированные интервью позволили понять мотивы, побуждающие

родителей-скотоводов выбирать образовательную стратегию для своих детей. В *результате* феноменологического анализа 20 семей были выделены три зависимые от места проживания детей стратегии адаптации к снижению школьного возраста: в интернате; в семье родственников; сезонное разделение семьи для сопровождения ребенка в образовательном процессе. Описаны экономические, психологические и социальные издержки семей, обусловленные выбором стратегий. Домашнее обучение рассматривается как основная доступная для скотоводов-кочевников стратегия подготовки ребенка к школе. Данная стратегия требует организации системной методической помощи родителям. Использование услуг школьных интернатов является доминирующей стратегией бедных семей, вынужденных мириться с тем, что в условиях «текучки» педагогических кадров дети в возрасте 6–8 лет остаются без должного присмотра, сталкиваются с буллингом и различными видами дискриминации. Проживание ребенка с родственниками семьи рассматривается как альтернативная, но не всем доступная стратегия, увеличивающая финансовые затраты и создающая нагрузку на принимающие семьи. Стратегия сезонного разделения семьи является наиболее благоприятной для ребенка, но ведет к перераспределению обязанностей в семье или реорганизации домохозяйства. В *выводах* подчеркнута необходимость разработки адаптированных к кочевому образу жизни моделей образования, улучшения инфраструктуры связи в сельских районах, снижения финансового бремени семей за счет государственной поддержки, создание специализированных программ подготовки к школе для шестилетних детей.

Ключевые слова: образование, Монголия, переход на 12-летнюю систему образования, семьи скотоводов, кочевой образ жизни, школы-интернаты, раннее школьное обучение, феноменологическое исследование, социальная адаптация, образовательные стратегии, доступ к образованию

Для цитирования: Хишигдулам Нанжидмаа, Изгарская А. А. Образовательные стратегии монгольских семей скотоводов в условиях реформ: феноменологический анализ адаптации к 12-летнему обучению // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 559–575. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-559-575

Abstract. Introduction. The relevance of the study is determined by the existing contradiction between Mongolia's transition to a 12-year school education program and the socio-psychological unpreparedness of six-year-old children leading a nomadic lifestyle with their herdsman parents to participate in this process. Since the collapse of the socialist system, the Mongolian government has been borrowing educational models from high-income countries with sedentary populations, which do not correspond to the economic opportunities of nomadic households and do not take into account their lifestyle and the socialization characteristics of their children. During the Soviet period, nomadic children attended school from the age of 8 and were better prepared for life in boarding schools. *The aim of the study* is to identify strategies for adaptation of nomadic families to the reduction in the age of children entering school, and to identify the socio-economic and psychological factors influencing the choice of strategy. The motives for choosing an educational strategy by nomadic families were described using a phenomenological qualitative research method and semi-structured in-depth interviews. A study of 20 families revealed three strategies for adapting to the decline in school age depending on the children's place of residence: in a boarding school; in a family of relatives; seasonal separation of the family to accompany the child in the educational process. The economic, psychological and social costs of families due to the choice of strategies are described. Nomads view homeschooling as the primary strategy available to them for preparing their children for school. This strategy requires the organization of systematic work to provide methodological assistance to parents. Boarding schools are

the dominant strategy for poor pastoralist families who have to accept that high turnover of teaching staff means that their children aged 6-8 years will be left without adequate supervision and may be subject to bullying and various forms of discrimination. Having a child live with family relatives is an alternative but not universally available strategy that increases the financial costs of the nomadic household and creates an additional burden for the host family. The strategy of seasonal separation of the family is the most favorable for the child. However, this strategy leads to a redistribution of responsibilities in the family or to a reorganization of the household. The study findings highlight the need to develop education models adapted to the nomadic lifestyle, improve communication infrastructure in rural areas, reduce the financial burden on families through government support, and create specialized preschool programs for six-year-olds.

Keywords: education, Mongolia, transition to 12-year education system, pastoral families, nomadic way of life, boarding schools, early schooling, phenomenological research, social adaptation, educational strategies, access to education

For citation: Khishigdulam Nanjidmaa, Izgarskaya A. A. Educational Strategies of Mongolian Pastoral Families under Reform: A Phenomenological Analysis of Adaptation to 12-Year Schooling. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol.17. Is. 3. Pp. 559–575. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-559-575

1. Введение

После распада мировой системы социализма образование в Монголии переживает период кардинальных трансформаций, обусловленных процессами включения в мировую систему разделения труда и интеграции в мировое образовательное пространство. Уникальный кочевой уклад жизни почти трети населения Монголии всегда создавал специфические трудности для обеспечения доступа детей скотоводов к образованию. В советский период была создана целая система мер, которые позволяли учитывать особенности социализации таких детей при поступлении в школу. Например, учитывалось то, что 6-летние дети кочевников тяжело адаптируются к непривычному для них образу жизни за пределами стойбища в условиях школ-интернатов. Следует отметить, что на прогрессивность и новаторство системы школ-интернатов для детей семей пастухов, существовавших в советской Монголии, указывают многие исследователи [Балдано, Кириченко 2012; Ahearn, Bumochir 2016: 90; Dierkes 2012: 4; Steinert-Khamsi, Stolpe 2004]. Создание школ-интернатов имело системное значение для страны, поскольку только в 1950 г., «когда, наконец, после широкого спектра реформ стало достаточно школ-интернатов», правительство Монголии смогло создать систему всеобщего обязательного школьного образования [Steinert-Khamsi, Stolpe 2004: 41] и планомерно осуществлять языковую политику по ликвидации безграмотности и обучению кочевого населения письменности на основе кириллицы [Бикмаева 2022: 239].

В период с 1991 г. по 2003 г. правительство Монголии не имело достаточных средств для финансирования школ и школьных общежитий в сельских районах [Ahearn, Bumochir 2016]. В результате перехода к рыночной экономике система школ-интернатов оказалась в упадке, их число резко сократилось. Тысячи сельских школьников остались без доступа к обучению [Ушаков 2018: 90]. Отсутствие необходимых ресурсов тормозило реформы. До 2005 г. Монголия оставалась одной из немногих стран мира, где дети поступали в школу, как и в советский период, в возрасте 8 лет, что было обусловлено особенностями

климата, образа жизни и физического развития монгольских детей. Однако, как и в большинстве государств постсоветского пространства, монгольское правительство ориентировалось на образцы, транслируемые странами с высоким уровнем доходов и оседлым населением, что не соответствовало реалиям Монголии.

После распада СССР, потеряв основного инвестора, правительство Монголии стремилось привлечь внимание международного сообщества к плачевному состоянию своих школ-интернатов. И только в 2003 г. такие организации, как Японское агентство международного сотрудничества (Japan International Cooperation Agency — JICA), организация Развития Севера (Northern Development) и Азиатский банк развития (Asian Development Bank), стали выделять гранты и кредиты на реконструкцию школ-интернатов. Увеличение финансирования помогло решить проблему доступности образования для детей скотоводов, однако образовательное пространство структурировалось и наполнялось содержанием по лекалам и в соответствии с представлениями новых инвесторов о должном [Хишигдулам и др. 2024]. С 2008–2009 учебного года начался поэтапный переход от 11-летней к 12-летней системе общего образования, возраст поступления в школу был снижен до 6 лет. Это масштабное изменение потребовало кардинальной реорганизации всей образовательной системы страны. Кульминацией этих преобразований стал Указ Президента Монголии № 98 от 9 июля 2014 г., установивший новые требования к организации учебного процесса для шестилетних детей. В частности он обязал школы *«обеспечивать обучение, развитие, психологическую помощь и поддержку шестилетним детям, а также поддерживать общение с их родителями и опекунами»* [Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн зарлиг 2014].

Однако в действительности переход к 12-летней системе оказался серьезным экономическим вызовом, он сгенерировал целый ряд проблем социального и психологического характера для семей скотоводов. В повседневных усилиях, направленных членами домохозяйств на образование детей, можно выделить три различных стратегии адаптации в соответствии с выбором места проживания: в школах-интернатах; с родственниками семьи; с одним из родителей в центре сомона (монг. сум — административная единица, эквивалентная району). На сегодняшний день имеется немало исследований, посвященных проблемам образования кочевых детей в Монголии [Ahearn, Bumochir 2016; Dyer 2022; Ichinkhorloo 2024; Batkhyuyag, Dondogdulam 2018]. Наше исследование концентрируется на нескольких ключевых вопросах: доступности образования, качестве образовательных услуг и адаптации традиционных семей к современным образовательным требованиям. Однако глубинному пониманию повседневных стратегий адаптации семей скотоводов к переходу на 12-летнее образование, а также внутренних мотивов и переживаний людей, вызванных реформой, уделяется недостаточно внимания.

Цель исследования заключается в анализе основных стратегий, которые используют семьи скотоводов в Монголии, чтобы дать образование своим детям в условиях перехода на 12-летнюю систему обучения и снижения возраста поступления в школу до 6 лет, а также в определении социально-экономических и психологических факторов, влияющих на выбор образовательных решений кочевыми семьями.

2. Материалы и метод

В рамках данного исследования был применен феноменологический метод качественного исследования. Этот подход был выбран, поскольку он позволяет исследовать жизненный опыт участников, понять причины их выбора той или иной стратегии, уяснить смыслы, вкладываемые ими в деятельность [Pietkiewicz, Smith 2014]. Феноменологический анализ дает возможность исследователю проникнуть в субъективный мир участников и понять, как они воспринимают и интерпретируют свой опыт в области образования детей [Smith et al 2012]. Данный подход особенно актуален для изучения образовательных практик семей скотоводов, поскольку позволяет выявить скрытые мотивы, переживания и стратегии, которые не всегда очевидны при использовании количественных методов исследования.

В научном изучении приняли участие 20 семей скотоводов, проживающих в различных регионах Монголии на расстоянии от 8 до 80 км от центров сомонов. Выборка была сформирована методом целенаправленного отбора с учетом критериев географического распределения, количества детей школьного возраста и основного вида деятельности семьи (скотоводство как основной источник дохода).

Социально-демографические характеристики участников исследования отражают типичную структуру скотоводческих семей в современной Монголии. Среди респондентов 90 % составляют женщины, поскольку именно они чаще всего принимают решения, связанные с образованием детей. Средний возраст участников варьируется от 32 до 62 лет, при этом образовательный уровень распределяется следующим образом: 45 % имеют неполное среднее образование, 45 % — полное среднее, 5 % — высшее и 5% — начальное образование. В каждой из исследуемых семей насчитывается от 1 до 4 детей школьного возраста, причем в половине семей только один ребенок посещает школу. Эта демографическая характеристика отражает общие тенденции к замедлению рождаемости в сельских районах Монголии и влияние экономических факторов на планирование семьи, что подтверждается данными национальной переписи населения [Хүн ам, орон сууцны 2021: 9].

Сбор данных осуществлялся посредством глубоких полуструктурированных интервью, которые проводились на монгольском языке в естественной среде обитания участников. Продолжительность каждого из них составляла от 45 минут до 1,5 часов. Все интервью записывались с согласия участников и впоследствии транскрибировались для проведения интерпретативного феноменологического анализа (IPA) [Smith et al. 2012]. Этот подход позволил исследовать индивидуальный опыт участников, выявить общие и уникальные темы, а также понять смыслы, которые семьи придают своим образовательным стратегиям.

3. Результаты

Дошкольное образование. Проблема доступа к дошкольному образованию остается критически важной для Монголии. По состоянию на 2024–2025 учебный год в Монголии функционируют 1 407 дошкольных учреждений (городских — 655, поселковых — 752), в которых обучается 264 818 детей (в городе — 125 429, в поселках — 139 389) [Боловсролын салбарын 2025: 32]. Однако, несмотря на достигнутый прогресс в решении проблемы, по данным ЮНИСЕФ, 20 % детей в возрасте 3–5 лет все еще не имеют доступа к услугам дошкольного образования,

особенно актуальна она для детей сельских скотоводов, детей с инвалидностью и семей с низким доходом [Education. Empowering the leaders 2024]. Исследования монгольских ученых подтверждают наличие особого рода трудностей у семей кочевников-скотоводов с доступом к образованию [Sukhbaatar et al. 2024].

Домашнее обучение является основной доступной образовательной стратегией для детей в возрасте 3–5 лет, родившихся в семьях скотоводов. Международные исследования показывают, что активное участие семьи в домашних образовательных мероприятиях, таких как чтение, пение и игры, приводит к значительному улучшению когнитивных навыков детей, и это свидетельствует о потенциале домашней модели образования, способствующей повышению готовности к школе детей из труднодоступных групп населения [Global report 2024: 17]. Этот вывод актуален в монгольском контексте, где традиционная культура семейного воспитания может служить дополнительным ресурсом для образовательного развития детей.

Однако не все родители готовы системно и качественно осуществлять самостоятельную подготовку ребенка к школе. Все семьи отметили необходимость оказания методической помощи родителям малолетних детей. Следует отметить, что опыт организации и функционирования такой поддержки в Монголии есть. Например, Японский фонд социального развития Всемирного банка (World Bank's Japan Social Development Fund) финансировал проект «Спасите детей Монголии. Улучшение результатов начального образования для наиболее уязвимых детей в сельских районах Монголии (2012–2016)», который охватывал 30 сомонов в провинциях Архангай, Дорнод, Сухэ-Батор и Увурхангай и более 7 500 наиболее уязвимых детей в возрасте от 5 до 10 лет [Save the Children 2012–2016]. Еще одним результатом реализации такой стратегии стала «Учебная программа по обучению грамотности на основе жизненных навыков». Утвержденная Министерством образования, культуры и науки Монголии в декабре 2010 г. и опубликованная на монгольском и казахском языках программа предоставляла помощь родителям, занимающимся кочевым скотоводством. В рамках проекта по ее реализации были разработаны и выпущены учебные материалы (видеодиски, альтернативные учебные программы, пособия для сотрудников консультационных центров), позволяющие родителям самостоятельно подготовить ребенка к школе [Хишигдулам, Изгарская 2025: 100]. Однако, по данным ЮНИСЕФ, и через десять лет после внедрения учебной программы «уровень знаний учителей и родителей о преимуществах раннего обучения также низок» [Early childhood education 2019].

3.1. Стратегии размещения детей в период обучения в школе

Школы-интернаты как доминирующая стратегия семей, занимающихся кочевым скотоводством. Проживание детей в школах-интернатах является наиболее распространенной стратегией адаптации, к которой, как выяснилось, прибегает 40 % исследованных семей. Широкое ее использование обусловлено логистическими трудностями кочевого образа жизни. Одна из участниц исследования отметила: «Мы перемещаемся четыре раза в год в поисках лучших пастбищ для наших животных. Для детей невозможно каждый раз менять школу, поэтому интернат — это единственный выход для получения стабильного образования». Дети из таких семей проводят почти девять месяцев в году вдали от своих родных.

Статистические данные подтверждают устойчивый спрос на места в интернатах [Ерөнхий боловсролын сургуулийн 2025]. Потребность в них особенно высока в сомонных центрах и сельской местности. Однако многие общежития не приспособлены для детей с инвалидностью, не соответствуют установленным национальным стандартам качества [Loo, Narantuya, Enkhtuya 2022]. Почти в 20 % интернатов имеются проблемы с отоплением, отсутствуют базовые санитарно-гигиенические условия. В интернатах наблюдается дефицит и «текучка» педагогических кадров. Зачастую дети в возрасте 6–8 лет остаются без должного присмотра. Воспитанники интернатов сталкиваются с запугиванием, буллингом, различными видами дискриминации [Batkhyuyag, Dondogdulam 2018: 5–6]. Поэтому, как и в начале 2000-х гг. [Steiner-Khamsi 2005: 170], данная стратегия адаптации характерна в основном для малоимущих семей, и она далеко не всегда приводит к успеху.

Примерно 30 % населения Монголии живет за чертой бедности, которая заметно ограничивает в стране доступ к качественному образованию (см. подробнее [World Bank 2022: 34–35]). Отправить ребенка в школу на два года раньше в связи с переходом на 12-летнюю систему обучения для многих домохозяйств означает увеличение затрат, они не могут приобрести основные школьные принадлежности, форму, внести плату за обучение. Нередки случаи, когда дети вынуждены бросить школу, чтобы помогать родителям по дому или найти работу. В сельских районах, где ресурсы скудны, эта проблема проявляется особенно остро. Отсутствие качественного образования ограничивает возможности сельских детей в будущем. Оставляя школу, они упускают шанс помочь своим семьям покончить с бедностью.

Родители, выбравшие данную стратегию, имеют разные возможности для поддержания связи с детьми. 40 % семей могут регулярно видеться с детьми, например, забирая их домой на выходные или привозя им в интернат продукты питания. Однако 30 % родителей из-за удаленности проживания и суровых климатических условий видятся с детьми только дважды в год — во время зимних и летних каникул. Одна из матерей так описала свой опыт: *«Когда наступает зима, дороги становятся непроходимыми, я не вижу своего сына три месяца. Это очень тяжело для материнского сердца, но я понимаю, что образование важнее моих переживаний»*. Очевидно, что опыт такого длительного разлучения с семьей для ребенка в возрасте 6 лет нельзя расценивать как благоприятный.

Проживание с родственниками как альтернативная стратегия. Размещение детей у родственников, проживающих в центрах сомонов или аймаков, представляет собой попытку сохранить связь с семьей. Данная стратегия, как правило, обеспечивает детям более благоприятные условия. Однако ее реализация создает дополнительную нагрузку на принимающие семьи и требует значительных материальных затрат на содержание детей. Одна из участниц исследования отметила: *«Моя сестра живет в центре сомона и согласилась взять моего сына на время учебы. Но я должна каждый месяц отправлять ей деньги на его содержание, покупать одежду и школьные принадлежности. Это большая финансовая нагрузка для нашей семьи»*. Кроме роста затрат, данная стратегия часто приводит к конфликтам, связанным с воспитательным процессом, поскольку родители и родственники могут иметь различные взгляды на методы воспитания и требования, предъявляемые к ребенку.

Временное проживание с одним из родителей в центре сомона. Стратегия временного разделения семьи, когда один из родителей (обычно мать) переезжает с детьми в центр сомона на период обучения, представляет собой обстоятельство, наиболее благоприятствующее решению проблемы доступа к образованию. Но такой подход требует существенной реорганизации семейного хозяйства и перераспределения трудовых обязанностей между супругами. Одна из матерей так объяснила свое решение: *«Я не могла оставить шестилетнего сына в интернате — он был слишком мал и постоянно плакал. Поэтому я переехала с ним в сомон, а муж остался со старшими детьми и животными. Мы живем раздельно уже три года, видимся только во время каникул».* Такая стратегия создает значительные психологические и экономические трудности для всех членов семьи, но чаще родителями воспринимается как единственный способ обеспечить ребенку получение качественного образования при сохранении семейной близости.

3.2. Социально-экономические вызовы

Финансовые аспекты образования. Постановление Правительства Монголии № 175 от 25 сентября 1995 г. «О некоторых мерах по обеспечению питанием, продуктами питания и бытовыми условиями учащихся общеобразовательных школ-интернатов» стало ключевым документом, регулирующим финансирование и обеспечение бытовых нужд учащихся общеобразовательных школ-интернатов [Ерөнхий боловсролын сургуулийн 1995]. Этот документ нацелен на обеспечение нуждающихся детей базовыми условиями проживания и обучения, сочетая государственную поддержку с участием семей. Он четко разграничивает зоны ответственности, возлагая основные финансовые затраты на социальную поддержку наименее защищенных категорий детей на местные бюджеты. В частности постановление обязывает местные власти покрывать расходы на питание, одежду, учебники и гигиенические товары для детей-сирот и детей из крайне малообеспеченных семей. Кроме того, именно из местных бюджетов должны финансироваться затраты на поддержание жизнеобеспечения самих интернатов, включая коммунальные услуги (электричество, отопление), благоустройство, обслуживание, а также приобретение мебели и постельных принадлежностей. Важно отметить, что данное постановление остается действующим по сей день.

Пункт 3 «б» данного документа обязывает родителей и опекунов заключать договоры о поставке продуктов питания для своих детей, проживающих в интернате. Особенностью некоторых интернатов является требование семей скотоводов в год поставлять мясо в объеме 60 кг на каждого ребенка. Один из участников отметил: *«Каждый год мы должны отдать интернату 60 килограммов мяса за каждого ребенка. Это значительная часть дохода нашего хозяйства, особенно в неурожайные годы».* Родители также оказывают добровольную материальную помощь интернатам при замене окон, ремонте помещений и покупке мебели, что свидетельствует об активном участии семей в поддержании образовательной инфраструктуры, но одновременно создает дополнительную финансовую нагрузку на домохозяйства.

Финансовые затраты на обучение детей часто превышают возможности семейных бюджетов. Исследование Монгольского союза поддержки скотоводов подтверждает, что в начале 2021 г. образовательные расходы составляли значительную часть семейного бюджета скотоводческих хозяйств, особенно в

условиях нестабильности цен на животноводческую продукцию [Малчны гэр бүлийн 2021].

Проблема связи в отдаленных районах. Современные средства связи и коммуникации в Монголии интенсивно развиваются и являются способом повседневного общения и получения информации [Ганбаатар и др. 2022]. Отсутствие стабильной связи препятствует эффективному взаимодействию семей скотоводов и образовательных учреждений. Особенно острой проблема становится в зимний период, когда погодные условия затрудняют передвижение, а потребность в координации с образовательными учреждениями возрастает в связи с необходимостью принятия решений о посещении школы детьми. Один из респондентов так описал критическую ситуацию: *«Мне довелось пройти пешком 3 км, чтобы поймать связь и позвонить учителям моих детей. Было очень холодно, но мне пришлось дважды подолгу объяснять учителям, что я не могу отправлять детей в школу из-за снежного бурана»*. У 35 % участников исследования стабильная связь отсутствует, что вынуждает их преодолевать значительные расстояния, чтобы связаться с детьми и учителями.

3.3. Психологические и социальные аспекты

Готовность детей к раннему школьному обучению. Проблема готовности шестилетних детей из кочевых семей к школьному обучению остается одной из наиболее дискуссионных в контексте образовательной реформы. Согласно статье 4.6 «Закона о дошкольном и общем образовании», *«дети с отклонениями в развитии по медицинским или другим серьезным причинам могут быть приняты в школу в возрасте 7 лет»* [Монгол улсын хууль 2023]. Однако результаты исследования показывают, что скотоводы не осведомлены о существовании данной правовой нормы и отдают детей в школу независимо от их психологической готовности. Одна из матерей отметила: *«Мой младший сын в шесть лет еще не умел самостоятельно одеваться и постоянно плакал, когда я уходила. Но в школе сказали, что все дети должны начинать учиться в шесть лет, и я не знала, что можно отложить на год»*. Со снижением возраста поступления в школу дополнительные трудности возникли у детей из кочевых семей, которые традиционно развиваются в условиях большей свободы и меньшей структурированности жизненного пространства.

Социальная адаптация и эмоциональное развитие. Раннее разлучение с семьей создает множественные психологические вызовы для детей из кочевых семей. Родители отмечают как негативные, так и позитивные аспекты раннего обучения в условиях интернатов. Маленькие дети испытывают потребность в родительском внимании, тоскуют по дому, сталкиваются с материальным и финансовым различиями среди сверстников, оказываются жертвами краж и буллинга. Одна из матерей рассказывала: *«Мой сын звонил каждый день и плакал в телефон, просил забрать его домой. Учителя говорили, что это нормально, что все дети так адаптируются, но мне было очень тяжело слышать, как он плакал»*.

Признавая положительные изменения в развитии детей, родители отмечают, что дети становятся более самостоятельными, ответственными и учатся самовыражению. Один из отцов заметил: *«За год в интернате мой сын научился сам убирать свою постель, стирать одежду и даже помогать младшим детям. Дома он никогда этого не делал»*. Несмотря на трудности адаптации, большин-

ство детей из кочевых семей демонстрируют высокие показатели академической успеваемости, что свидетельствует об их способности преодолевать первоначальные трудности [Save the Children 2012–2016].

Перспективы профессионального развития. Важным результатом исследования стал факт выражения всеми участниками опроса единодушного нежелания видеть своих детей в качестве продолжателей семейной скотоводческой традиции. Вескими доводами являются сложности жизни скотовода, отсутствие реальной государственной поддержки и резкое падение цен на животноводческую продукцию. Одна из участниц объясняла: «Жизнь скотовода стала очень тяжелой. Цены на мясо и молоко упали, а расходы на корм и ветеринарные услуги растут. Я не хочу, чтобы мои дети жили в такой неопределенности. Пусть лучше получают образование и найдут стабильную работу в городе». Исследование Монгольского союза поддержки скотоводов подтверждает эти настроения: более 80 % семей скотоводов не рассматривают продолжение семейного дела как приоритетную перспективу для своих детей [Малчны гэр бүлийн 2021].

Относительно профессиональных предпочтений для своих детей 40 % родителей заявили, что не будут влиять на выбор детьми специальности и готовы предоставить им свободу в этом вопросе. Остальные выразили предпочтения в пользу таких профессий, как врач, юрист, учитель, инженер. Такой выбор отражает стремление к социальной мобильности через образование и ориентацию на престижные профессии в монгольском обществе. Следует отметить, что выходцы из кочевых семей, получив педагогическое образование, не стремятся вернуться и работать в сельских школах, что создает дефицит квалифицированных кадров в системе образования.

4. Дискуссия

Полученные результаты свидетельствуют о сложном характере адаптации семей скотоводов к современным образовательным требованиям. Обозначенные стратегии адаптации отражают попытки семей найти баланс между сохранением традиционного уклада жизни и обеспечением детям доступа к качественному образованию. В отличие от общих исследований проблем доступности образования полученные нами данные углубляют понимание психологических издержек раннего разлучения детей с семьей. Можно сделать вывод о необходимости разработки и внедрения отсутствующих в текущий момент целевых программ психосоциальной поддержки.

Финансовые трудности, с которыми сталкиваются семьи скотоводов при обеспечении доступа к образованию, отражают более широкую проблему социально-экономического неравенства. Требование, предъявляемое к семьям скотоводов поставлять мясо интернатам, может рассматриваться как форма натурального налога, который непропорционально затрагивает скотоводческие семьи, усиливая их экономическую уязвимость.

Нехватка школ-интернатов в районах привела не только к отсеву детей из бедных кочевых семей, но и сформировала социально стратифицированную систему, которая потенциально способна стигматизировать детей из семей, не имеющих средств для лучших альтернатив, как людей второго сорта [Steiner-Khamsi, Stolpe 2005].

Проблемы коммуникации и связи выявляют критические пробелы в инфраструктурном обеспечении образования в отдаленных районах. Отсутствие стабильной связи не только затрудняет координацию между родителями и школами, но и ограничивает возможности дистанционного обучения, ставшего особенно актуальным в период пандемии COVID-19 и остающегося важным для обеспечения непрерывности образовательного процесса.

Выявленное в исследовании нежелание родителей видеть своих детей продолжателями семейной традиции отражает более глубокие культурные трансформации монгольского общества.

5. Ограничения исследования

Несмотря на ценность полученных данных, настоящее исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, проведенная целенаправленно выборка 20 семей может не полностью отражать все многообразие адаптационных стратегий в различных климатических и экономических зонах Монголии. Будущие исследования могли бы расширить географию выборки для повышения ее репрезентативности.

Во-вторых, преобладание женщин среди респондентов (90 %) могло обусловить определенный ракурс восприятия образовательных проблем, поскольку опыт и приоритеты мужчин-скотоводов могут отличаться. Включение большего числа мужчин в будущие исследования позволит получить более сбалансированную картину.

В-третьих, кросс-секционный характер исследования не позволяет проследить в долгосрочном порядке за тем, как выбранные образовательные стратегии сказываются на развитии детей и благополучии семей. Лонгитюдинальные исследования могут предоставить более полное понимание динамики этих процессов.

6. Заключение

Проведенное исследование отчетливо выявило сложности, с которыми сталкиваются кочевые семьи Монголии, адаптируясь к современной образовательной реформе, включающей переход на 12-летнее обучение и снижение возраста поступления в школу до 6 лет. Несмотря на универсальный охват школьным образованием, дети из кочевых семей по-прежнему находятся в неравных условиях по сравнению с городскими сверстниками. Это проявляется в высоких финансовых, психологических и социальных издержках, связанных с основными стратегиями адаптации детей: через школы-интернаты, проживание с родственниками или раздельное проживание семьи.

Тем не менее исследование обнаружило единодушное стремление родителей к получению образования их детьми вне традиционной скотоводческой деятельности. Это подчеркивает осознание возрастающей роли образования как ключевого фактора социальной мобильности в современном монгольском обществе.

Для успешной и справедливой реализации реформы критически важен комплексный подход. Он включает разработку альтернативных моделей образования, адаптированных к кочевому образу жизни, улучшение инфраструктуры связи в сельских районах, усиление государственной поддержки семей скотоводов для снижения финансового бремени, создание специализированных программ подготовки к школе для шестилетних детей-кочевников, а также информирование родителей об их правах.

В долгосрочной перспективе задачи обеспечения равных возможностей для всех детей Монголии требуют соблюдения тонкого баланса между интеграцией в мировые стандарты и сохранением уникальной культурной идентичности кочевых народов. Результаты этого исследования могут иметь практическое применение для формирования образовательной политики в Монголии и способны служить основой для аналогичных программ в других странах со схожими социально-экономическими условиями и вызовами.

Литература и источники

- Балдано, Кириченко 2012 — *Балдано М. Н., Кириченко С. В.* Формирование светской системы образования в Монголии (1920–1930-е гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. Серия. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2021. № 2. С. 3–8. DOI: 10.18101/2305-753X-2021-2-3-8
- Бикмаева 2022 — *Бикмаева К. И.* Этапы языковой политики в Монгольской Народной Республике // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 232–246. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246
- Боловсролын салбарын 2025 — Боловсролын салбарын статистикийн мэдээлэл 2024–2025 (= Статистические данные по сфере образования на 2024–2025 гг.). Улаанбаатар: Боловсролын Яам, 2025. 134 х.) [электронный ресурс] // URL: https://cdn.greensoft.mn/uploads/users/2649/files/Statistics/Education_Yearbook_2025.pdf (дата обращения: 28.06.2025).
- Ганбаатар и др. 2022 — *Ганбаатар Ц., Отгондоо Н., Сергей Н., Машибат З., Пурэв-Очир Н., Батжаргал Б.* Библиотеки Монголии: влияние пандемии Covid-19 // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3. №. 3. С. 59–76. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.59-76

References

- Baldano M. N., Kirichenko S. V. Development of the Secular Education System in Mongolia (1920–1930s). *BSU Bulletin. Humanities Research of Inner Asia*. 2021. No. 2. Pp. 3–8. (In Russ.). DOI: 10.18101/2305-753X-2021-2-3-8
- Bikmaeva K. I. Mongolian People’s Republic: Stages of Language Policy Revisited. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 2. Pp. 232–246. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246
- Educational Statistics 2024–2025. Ulaanbaatar: Ministry of Education, 2025. 134 p. Available at: https://cdn.greensoft.mn/uploads/users/2649/files/Statistics/Education_Yearbook_2025.pdf (accessed: 28 June 2025). (In Mong.)
- Ganbaatar T., Otgondoo N., Sergei N., Mashbat Z., Purev-Ochir N., Batjargal B. The Effects of Covid-19 on Libraries of Mongolia. *Respublica Literaria*. 2022. Vol. 3. No. 3. Pp. 59–76. (In Russ.). DOI: 10.47850/RL.2021.3.3.59-76

- Ерөнхий боловсролын сургуулийн 1995 — Ерөнхий боловсролын сургуулийн дотуур байрны сурагчдын хоол хүнс, ахуйн хангамжийн талаар авах зарим арга хэмжээний тухай засгийн газрын 1995 оны 9-р сарын 25 өдөр батлагдсан 175-р тогтоол (= Постановление Правительства Монголии № 175 от 25 сентября 1995 года «О некоторых мерах по обеспечению питанием, продуктами питания и бытовыми условиями учащихся общеобразовательных школ-интернатов») [электронный ресурс] // URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=2379> (дата обращения: 21.06.2025).
- Resolution of the Government of Mongolia No. 175 of September 25, 1995 “On Some Measures to Provide Food, Essential Goods and Housing And Living Conditions to Students of General Education Boarding Schools”. Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=2379> (accessed: 21 June 2025). (In Mong.)
- Ерөнхий боловсролын сургуулийн 2025 — Ерөнхий боловсролын сургуулийн суралцагчдаас дотуур байранд суух хүсэлт гаргасан хүүхэд, бүс, аймаг, нийслэлээр 2010–2024. (= Число детей, подавших заявления на размещение в интернатах общеобразовательных школ: по регионам, провинциям и столице) [электронный ресурс] // Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. 2025. URL: https://www2.1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_2001_019V1 (дата обращения: 28.06.2025).
- Children Applying for Boarding in Secondary Schools, by Region, Province, and Capital City, 2010–2024. Unified Statistical Database. 2025. Available at: https://www2.1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_2001_019V1 (accessed: 28 June 2025). (In Mong.)
- Малчны гэр бүлийн 2021 — Малчны гэр бүлийн амьжиргааны судалгаа. Монгол малчдыг дэмжих холбоо (= Исследование средств к существованию семей скотоводов. Монгольская ассоциация поддержки скотоводов). Улаанбаатар: Минхийн усэг, 2021. 167 х.
- Livelihood Survey of Herder Families. Mongolian Herders Support Association. Ulaanbaatar: Minkhiyin useg, 2021. 167 p. (In Mong.)
- Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн зарлиг 2014 — Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн 2014 оны 98 дугаар зарлиг (= Указ Президента Монголии № 98 от 2014 года) [электронный ресурс] // URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/10496/> (дата обращения: 21.04.2025).
- Decree No. 98 of the President of Mongolia of 2014. Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail/10496/> (accessed: 21 April 2025). (In Mong.)

- Монгол улсын хууль 2023 — Монгол улсын хууль «Сургуулийн өмнөх болон ерөнхий боловсролын тухай». 2023 оны 07 сарын 07 өдөр (= Закон об образовании «О дошкольном и общем образовании». 7 июля 2023 г.) [электронный ресурс] // URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=16759959012931> (дата обращения: 28.06.2025).
- Ушаков 2018 — Ушаков Д. В. Современные тенденции развития монгольской системы образования (часть 1) // *Философия образования*. 2018. № 4. С. 81–93. DOI: 10.15372/PHE20180408
- Хишигдулам и др. 2024 — Хишигдулам Н., Ичинхорлоо Ш., Изгарская А. А. Образовательная политика в современной Монголии: ключевые этапы и тенденции // *Философия образования*. 2024. № 3. С. 52–71. DOI: 10.15372/PHE20240304
- Хишигдулам, Изгарская 2025 — Хишигдулам Н., Изгарская А. А. Двухязычное образование этнических меньшинств в Монголии // *Философия образования*. 2025. № 2. С. 93–114. DOI: 10.15372/PHE20250207
- Хүн ам, орон сууцны 2021 — Хүн ам, орон сууцны 2020 оны улсын ээлжит тооллого — Хүн амын өсөлт, нас, хүйсийн бүтэц. Улаанбаатар; Монгол Улсын Үндэсний Статистикийн Хоро, 2021. 76 х. (= Национальная перепись населения и жилищного фонда 2020 года — Рост населения, возрастная и половая структура. Улан-Батор, 76 с.) [электронный ресурс] // Үндэсний статистикийн хороо. URL: <https://www.1212.mn/mn/statistic/file-library/view/47812403> (дата обращения: 26.06.2025).
- Ahearn, Bumochir 2016 — Ahearn A., Bumochir D. Contradictions in schooling children among Mongolian pastoralists // *Human Organization*. 2016. Vol. 75. No. 1. Pp. 87–96. DOI: 10.17730/0018-7259-75.1.87
- Law of the Republic of Mongolia “On Pre-school and General Education”. July 7, 2023. Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=16759959012931> (accessed: 28 June 2025). (In Mong.)
- Ushakov D. V. Current Trends in the Development of the Mongolian Education System (part 1). *Philosophy of Education*. 2018. No. 4. Pp. 81–93. (In Russ.). DOI: 10.15372/PHE20180408
- Namjidmaa K., Ichinkhorloo S., Izgarskaya A. A. Educational Policy in Modern Mongolia: Key Stages and Trends. *Philosophy of Education*. 2024. Vol. 24. No. 3. Pp. 52–71. (In Russ.). DOI: 10.15372/PHE20240304
- Khishigdulam N., Izgarskaya A. A. Bilingual Education of Ethnic Minorities in Mongolia. *Philosophy of Education*. 2025. Vol. 25. No. 2. Pp. 93–114. (In Russ.). DOI: 10.15372/PHE20250207
- Population Growth, Age and Sex Structure. Ulaanbaatar: Mongol Ulsyn Statistikiyin Khoro, 2021. 76 p. National Statistics Committee. Available at: <https://www.1212.mn/mn/statistic/file-library/view/47812403>. (accessed: 26 June 2025). (In Mong.)
- Ahearn A., Bumochir D. Contradictions in Schooling Children among Mongolian Pastoralists. *Human Organization*. 2016. Vol. 75. No. 1. Pp. 87–96. (In Eng.) DOI: 10.17730/0018-7259-75.1.87

- Batkhyuyag, Dondogdulam 2018 — *Batkhyuyag B., Dondogdulam T.* Mongolia case study: The evolving education needs and realities of nomads and pastoralists. Background paper to the 2018 Global Education Monitoring Report: Migration, displacement and education: building bridges, not walls. UNESCO, 2018. 11 p.
- Batkhyuyag B., Dondogdulam T. Mongolia Case Study: The Evolving Education Needs and Realities of Nomads and Pastoralists. Background Paper to the 2018 Global Education Monitoring Report: Migration, Displacement and Education: Building Bridges, not Walls. UNESCO, 2018. 11 p. (In Eng.)
- Dierkes 2012 — *Dierkes J.* Introduction: Research on Contemporary Mongolia // Change in Democratic Mongolia. Social Relations, Health, Mobile Pastoralism, and Mining / ed. by J. Dierkes. Leiden; Boston: Brill, 2012. Pp. 1–13.
- Dierkes J. Introduction: Research on Contemporary Mongolia. In: Change in Democratic Mongolia. Social Relations, Health, Mobile Pastoralism, and Mining J. Dierkes (ed.). Leiden; Boston: Brill, 2012. Pp. 1–13. (In Eng.)
- Dyer 2022 — *Dyer C.* Boarding schools in transition: A post-socialist analysis of «relevance» as an education policy problem in Mongolia // Journal of Childhood, Education & Society. Vol. 3. No. 3. Pp. 208–225. DOI: 10.37291/2717638X.202233208
- Dyer C. Boarding Schools in Transition: A post-socialist analysis of “relevance” as an Education Policy Problem in Mongolia. *Journal of Childhood, Education & Society*. 2022. Vol. 3. No. 3. Pp. 208–225. (In Eng.) DOI: 10.37291/2717638X.202233208
- Early childhood education 2019 — Early childhood education. The first years of a child’s life set the stage for all future growth [электронный ресурс] // UNICEF for every child. Mongolia. URL: <https://www.unicef.org/mongolia/early-childhood-development> (дата обращения: 28.06.2025).
- Early Childhood Education. The First Years of a Child’s Life Set the Stage for all Future Growth. UNICEF for Every Child. Mongolia. Available at: <https://www.unicef.org/mongolia/early-childhood-development> (accessed: 28 June 2025). (In Eng.)
- Education. Empowering the leaders 2024 — Education. Empowering the leaders of tomorrow with the skills and resilience they need to succeed [электронный ресурс] // UNICEF for every child. Mongolia. URL: <https://www.unicef.org/mongolia/education> (дата обращения: 28.06.2025).
- Education. Empowering the Leaders of Tomorrow with the Skills and Resilience they Need to Succeed. UNICEF for Every Child. Mongolia. Available at: <https://www.unicef.org/mongolia/education> (accessed: 22 June 2025). (In Eng.)
- Global report 2024 — Global report on early childhood care and education: the right to a strong foundation. UNESCO, UNICEF for every child, 2024. 159 p. [электронный ресурс] // URL: <https://www.unicef.org/reports/global-report-early-childhood-care-and-education-right-strong-foundation> (дата обращения: 28.06.2025).
- Global Report on Early Childhood Care and Education: the Right to a Strong Foundation. UNESCO, UNICEF for every Child, 2024. 159 p. Available at: <https://www.unicef.org/reports/global-report-early-childhood-care-and-education-right-strong-foundation> (accessed: 22 June 2025) (In Eng.)

- Ichinkhorloo 2024 — *Ichinkhorloo B.* Modern «Nomadic» Civilization: Construction and Politics in Mongolia [электронный ресурс] // *Acta Mongolica*. 2024. Vol. 606. No. 22. Pp. 224–240. DOI: 10.22353/am.202401.17
- Ichinkhorloo B. Modern "Nomadic" Civilization: Construction and Politics in Mongolia. *Acta Mongolica*. 2024. Vol. 606. No. 22. Pp. 224–240. (In Eng.) DOI: 10.22353/am.202401.17
- Loo, Narantuya, Enkhtuya 2022 — *Loo B., Narantuya D., Enkhtuya G.* Education in Mongolia // *WENR. World Education News + Reviews*. 8 August 2022 [электронный ресурс] // URL: <https://wenr.wes.org/2022/08/education-in-mongolia> (дата обращения: 22.06.2025).
- Loo B., Narantuya D., Enkhtuya G. Education in Mongolia. *WENR. World Education News + Reviews*. 8 August 2022. Available at: <https://wenr.wes.org/2022/08/education-in-mongolia> (accessed: 22 June 2025). (In Eng.)
- Pietkiewicz, Smith 2014 — *Pietkiewicz I., Smith J. A.* A practical guide to using Interpretative Phenomenological Analysis in qualitative research psychology [электронный ресурс] // *Czasopismo Psychologiczne – Psychological Journal*. 2014. Vol. 20. No. 1. Pp. 7–14. DOI: 10.14691/CPPJ.20.1.7
- Pietkiewicz I., Smith J. A. A Practical Guide to Using Interpretative Phenomenological Analysis in Qualitative Research Psychology. *Czasopismo Psychologiczne – Psychological Journal*. 2014. Vol. 20. No. 1. Pp. 7–14. (In Eng.) DOI: 10.14691/CPPJ.20.1.7
- Save the Children 2012–2016 — Save the Children in Mongolia. Project Spotlight: Improving Primary Education Outcomes for the Most Vulnerable Children in Rural Mongolia. 2012–2016. [электронный ресурс] // URL: https://resourcecentre.savethechildren.net/pdf/mongolia_project_spotlight_factsheet.pdf (дата обращения: 28.06.2025).
- Save the Children in Mongolia. Project Spotlight: Improving Primary Education Outcomes for the Most Vulnerable Children in Rural Mongolia. 2012–2016. Available at: https://resourcecentre.savethechildren.net/pdf/mongolia_project_spotlight_factsheet.pdf (accessed: 28 June 2025). (In Eng.)
- Smith et al 2012 — *Smith J. A., Flowers P., Larkin M.* Interpretative Phenomenological Analysis: Theory, Method and Research. London: SAGE, 2012. 232 p.
- Smith J. A., Flowers P., Larkin M. Interpretative Phenomenological Analysis: Theory, Method and Research. London: SAGE, 2012. 232 p. (In Eng.)
- Steiner-Khamsi 2005 — *Steiner-Khamsi G.* Vouchers for Teacher Education (Non) Reform in Mongolia: Transitional, Post-socialist, or Antisocialist Explanations? // *Comparative Education Review*. 2005. Vol. 49. No. 2. Pp. 148–172. DOI: 10.1086/428103
- Steiner-Khamsi G. Vouchers for Teacher Education (Non) Reform in Mongolia: Transitional, Postsocialist, or Antisocialist Explanations? *Comparative Education Review*. 2005. Vol. 49. No. 2. Pp. 148–172. (In Eng.) DOI: 10.1086/428103
- Steinert-Khamsi, Stolpe 2004 — *Steinert-Khamsi G., Stolpe I.* Decentralization and Recentralization Reform in Mongolia: Tracing the Swing of the Pendulum // *Comparative Education*. 2004. Vol. 40. No. 1. Pp. 29–53. DOI: 10.1080/0305006042000184872
- Steinert-Khamsi G., Stolpe I.* Decentralization and Recentralization Reform in Mongolia: Tracing the Swing of the Pendulum. *Comparative Education*. 2004. Vol. 40. No. 1. Pp. 29–53. (In Eng.) DOI: 10.1080/0305006042000184872

- Steiner-Khamsi, Stolpe 2005 — *Steiner-Khamsi G., Stolpe I.* Non-Traveling ‘Best Practices’ for a Traveling Population: The Case of Nomadic Education in Mongolia // *European Educational Research Journal*. 2005. Vol. 4. No. 1. Pp. 22–35. DOI: 10.2304/eej.2005.4.1.2
- Sukhbaatar et al. 2024 — *Sukhbaatar B., Tarkó K., Sukhbaatar B.* Mongolian Pastoralist Parents’ Experiences in Managing Their Primary School Children’s Living Arrangements // *The Qualitative Report*. 2024. Vol. 29. No. 5. Pp. 1399-1415. DOI: 10.46743/2160-3715/2024.7068
- World Bank 2022 — World Bank. *Mongolia Poverty Update 2022: New Methods, New Insights*. Washington, DC: World Bank. 107 p. [электронный ресурс] // URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099539205232562803> (дата обращения: 25.12.2025).
- Steiner-Khamsi G., Stolpe I. Non-Traveling “Best Practices” for a Traveling Population: The Case of Nomadic Education in Mongolia. *European Educational Research Journal*. 2005. Vol. 4. No. 1. Pp. 22–35. (In Eng.) DOI: 10.2304/eej.2005.4.1.2
- Sukhbaatar B., Tarkó K., Sukhbaatar B. Mongolian Pastoralist Parents’ Experiences in Managing Their Primary School Children’s Living Arrangements. *The Qualitative Report*. 2024. Vol. 29. No. 5. Pp. 1399-1415. (In Eng.) DOI: 10.46743/2160-3715/2024.7068
- World Bank. *Mongolia Poverty Update 2022: New Methods, New Insights*. Washington, DC: World Bank. 107 p. Available at: URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099539205232562803> (accessed: 25 December 2025).

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 3, pp. 576–594, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-576-594

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 39

Народные песни донских калмыков в записи от С. И. Манжикова

*Эльза Петровна Бакаева*¹

UDC 39

**The Folk Songs of Don Kalmyks
 Recorded from S. I. Manzhikov**

*Elza P. Bakaeva*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5188-1202. E-mail: [ebakaeva\[at\]yandex.ru](mailto:ebakaeva[at]yandex.ru)

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025

© Бакаева Э. П., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Bakaeva E. P., 2025

Аннотация. В архиве Калмыцкого научного центра РАН хранится рукопись «Калмыцкие народные песни», включающая тексты, которые записаны востоковедом Церен-Дорджи Номинхановым в период с 1927 г. по 1962 г. среди разных этнических групп. *Цель* статьи — дать общую характеристику народным песням, записанным ученым у донского калмыка Санжи Ивановича Манжикова в 1962 г. Статья является продолжением исследования, в ходе которого в других статьях автором были рассмотрены записи песен калмыков донской станицы Граббевской и большедербетовских калмыков, датированные 1927 г., и песни ойратов-торгутов, записанные в 1935 г. *Результаты.* Песни из репертуара С. И. Манжикова позволяют судить об особенностях песенной традиции донских калмыков, сохранившихся до начала 1960-х гг., отражают разнообразие этого жанра у них и свидетельствуют о связи истории и устного народного творчества этой этнической группы. Они соответствуют предворяющему рукописный сборник Ц.-Д. Номинханова эпиграфу, в котором сосредоточена мысль о том, что песня — это история народа. Донские калмыки были знакомы с историческими песнями калмыков из основной этнической группы, в них прослеживается знание этнических подразделений, внимание к теме «свой» — «чужой». Зафиксировано проявление так называемого «сжатия» времени в фольклорной традиции, а также такой особенности, когда своей традицией считается то, что заимствовано у основной этнической группы. Особенностью песен донских калмыков является наличие большого числа песен на военную тему, в которых прославляются участники походов, защищавшие страну от врагов. Это связано с воинской обязанностью донских калмыков-казаков. Благодаря собирателю записаны песни, сложенные в период русско-турецкой войны и датированные 1877 г. В репертуаре С. И. Манжикова немало песен религиозной тематики, что свидетельствует о глубине религиозной традиции среди донских калмыков и ее

особой значимости в связи с их военной службой и рисками, связанными с ней. Лирические песни имели широкое распространение среди донских калмыков, как и среди других этнических групп. Они имеют схожую структуру, основаны на приеме параллелизма, их большая часть посвящена матери, старшим родственникам либо девушке, выходящей замуж.

Ключевые слова: Церен-Дорджи Номинханов, фольклорные материалы, калмыки, С. И. Манжиков, Научный архив Калмыцкого научного центра РАН

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Архив востоковеда Ц.-Д. Номинханова: каталогизация, исследование (к 125-летию со дня рождения)» (№ 24-28-01746, <https://rscf.ru/project/24-28-01746/>).

Для цитирования: Бакаева Э. П. Народные песни донских калмыков в записи от С. И. Манжикова // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 576–594. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-576-594

Abstract. Intriduction. The archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS contains the manuscript “Kalmyk Folk Songs”, which includes texts recorded by the orientalist Tseren-Dordzhi Nominkhanov in the period from 1927 to 1962 among different ethnic groups. The *purpose* of the article is to give a general description of folk songs recorded by the scientist from the Don Kalmyk Sanzhi Ivanovich Manzhikov in 1962. The article is a continuation of the study, in three other articles the author examines recordings of songs of the Kalmyks of the Don *stanitsa* Grabbevskaya and Kalmyks of Bolshederbetovskiy ulus, dated from 1927, and the songs of the Xinjiang Torguts dated from 1935. *Results.* The songs from S. I. Manzhikov’s repertoire allow us to judge the peculiarities of the song tradition of the Don Kalmyks, which survived until the early 1960s, reflect the diversity of this genre among them and testify to the connection between the history and oral folk art of this ethnic group. They correspond to the epigraph that precedes the handwritten collection by Ts.-D. Nominkhanov, the meaning of which is that the song is the history of the people. The Don Kalmyks were familiar with the historical songs of the Kalmyks from the main ethnic group, they show knowledge of ethnic divisions, attention to the theme of “friend” – “alien”. The manifestation of the so-called “compression” of time in the folklore tradition is recorded, and attribution to their tradition of what they borrowed from the main ethnic group. A special feature of the songs of the Don Kalmyks is a large number of songs on a military theme, glorifying the participants of the campaigns defending the country from enemies. This is due to the duty of the Don Kalmyks Cossacks in military service. Thanks to the collector, songs composed during the Russian-Turkish war and dated 1877 were recorded. S. I. Manzhikov has a lot of religious-themed songs in his repertoire, which testifies to the depth of the religious tradition among the Don Kalmyks and its special significance in connection with the songs of military service and the constant risks associated with it. Lyrical songs were widely distributed among the Don Kalmyks, as among other ethnic groups, they have a similar structure, are based on the use of parallelism, and most of them are dedicated to the mother, older relatives, or a girl getting married.

Keywords: Tseren-Dordzhi Nominkhanov, folklore materials, Kalmyks, S. I. Manzhikov, Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Acknowledgments. The research was carried out at the expense of a grant of the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01746 “Archive of orientalist Ts.-D. Nominkhanov: cataloguing, research (for the 125th anniversary of the scientist)” (<https://rscf.ru/en/project/24-28-01746/>).

For citation: Bakayeva E. P. The Folk Songs of Don Kalmyks recorded from S. I. Manzhikov. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 3. Pp. 576–594. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-576-594

1. Введение

В архиве Калмыцкого научного центра РАН хранится рукопись «Калмыцкие народные песни» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. 82 л.], в которой содержатся тексты 150 песен, записанных известным востоковедом Церен-Дорджи Номинхановым в период с 1927 г. по 1962 г. от представителей разных этнических групп калмыков и торгутов Синьцзяна. Песни калмыков донской станицы Граббевской и большедербетовских калмыков, а также торгутов Синьцзяна анализируются в отдельных статьях [Бакаева 2025а; Бакаева 2025б; Бакаева 2025в]. Цель данной статьи — дать характеристику фольклорным материалам, записанным Ц.-Д. Номинхановым в 1962 г. от уроженца станицы Денисовской Санжи Ивановича Манжикова [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–50], во взаимосвязи с традициями донских калмыков.

2. Песни, записанные в 1962 г. от уроженца станицы Денисовской С. И. Манжикова

Самый большой блок (67¹ из 150 песен) в рукописном сборнике песен [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2], составленном Ц.-Д. Номинхановым, представляют тексты, записанные с 16 апреля по 18 июля 1962 г. в г. Элисте от знатока калмыцкого фольклора Санжи Ивановича Манжикова (1891–1965). Примечательно, что ученым указываются точные даты записи песен: 16 апреля, 31 мая, 14, 16, 18 июля 1962 г. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 23, 50]. Они же составляют большую часть дела № 58 из Научного архива КалмНЦ РАН, содержащего зафиксированные от С. И. Манжикова песни и благопожелания [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. 34 л.]. Стоит отметить, что примечания исполнителя в обеих рукописях идентичны.

Как отмечает П. Э. Алексеева в своей работе о богшрахинцах, т. е. уроженцах донской станицы Денисовской (калм. *Богшрахна ээмг*), С. И. Манжиков родился в семье выходцев из этой станицы, находившихся на заработках на конных заводах. После 1917 г. он служил в рядах Первой Конной армии, а по окончании Гражданской войны работал ветеринаром на военных конных заводах Ростовской области. В период депортации в результате несчастного случая потерял зрение. Как знатока фольклора его «открыл» Ц.-Д. Номинханов, записавший от него песни и благопожелания. Позже от этого сказителя сотрудницей Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ) А. Ц. Бембеевой (Бартуновой) были зафиксированы сказки, публикация которых составила отдельный сборник [Алексеева 2002: 113, 114; Хальмг туульс 1968]. Пять образцов песен и пять благопожеланий, записанных Ц.-Д. Номинхановым от С. И. Манжикова, были опубликованы П. Э. Алексеевой [Алексеева 2002: 114–116].

¹ В деле содержатся 44 песни донских калмыков, записанные в 1927 г., 67 песен донских калмыков, зафиксированных в 1962 г., 29 песен большедербетовских калмыков и 10 песен ойратов-торгутов Синьцзяна. Таким образом, значительная часть песенного сборника относится к традиции донских калмыков.

2.1. Песни исторического характера

Согласно примечанию¹ к песне № 14 «Алта деернь һархла» («Когда взойдешь на Алтай»), текст которой основан на традиционном приеме параллелизма, она относится к фольклорной традиции XVII в. Историчность ее состоит в том, что песня исполнялась еще во времена, когда предки калмыков начали откочевку с Алтая в места нынешнего пребывания народа («Алтаһас нааран һарсн цагт дуулсн дун») [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 28]. В короткой песне № 40 (всего 6 строк) упоминается, что в те времена калмыки носили красные кисти на головных уборах [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 38].

Песню «Алта гидг һазраснь» («Из местности, называемой Алтай», № 66) П. Э. Алексеева относит к лирическим [Алексеева 2002: 115–115], хотя по содержанию она религиозная, ее можно отнести и к историческим, так как в ней поется о трудностях пути в Тибет. В исполнении С. И. Манжикова она содержит три куплета, два из которых (второй и третий) соответствуют известной калмыцкой песне «Зу гидг һазр» («Страна, называемая Тибет»). В них, как и в этой песне, поется о паломничестве в Тибет, путь до которого занимает шесть лет, о том, что около Кукунора давали отдых коням, а врагам давали отпор. В первом же куплете песни говорится об отправлении героя из местности, называемой Алтай, на золотом соловом коне, на котором он и добирается до благословенной земли. Исследователи отмечали, что для калмыцкой традиции характерно включение в песню «Алта гидг һазраснь» строк из песни «Зу гидг һазр» [Төрскн һазрин дуд 1989: 30; Цебигов 1991: 17–18]; высказывалось предположение, что эти песни сложены в разное время и в них соответственно отражены разные пути в Тибет [Бакаева 2021]. Ц.-Д. Номинханов также приводит примечание исполнителя о том, что песня № 66 была сложена Зунгру-багши из Эркетеневогского аймака в 1905–1906 гг.: «Эрктнэ (донских калмыков) ээмгин Азовын Зунгру багшин 1905–1906 г. һарсн дун» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 49; НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 28]. Нами пока не обнаружено сведений, почему Зунгру-багши назван «Азовын», однако указание на то, что он возглавлял хурул Эркетеневогской станицы, наводит на мысль о том, что речь идет именно о Дамбо Ульянове² (1844–1913), известном как Зунгру-багши Эркетеневогского хурула, который совершил путешествие в Тибет в 1904–1906 гг. Таким образом, С. И. Манжиковым создание песни приписывалось Дамбо Ульянову, автору сочинения «Предсказание Будды о Доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг.» [Ульянов 1913; Ульянов 2014]. Как пишет сам Д. Ульянов, он бывал в Монголии, неоднократно пытался проехать в Тибет, но его путешествие туда состоялось только в начале 1904 г. Он выехал 6 февраля из донской станицы, а возвратился домой из паломничества в Тибет 10 февраля 1906 г. [Ульянов 1913: 24–49]. А. М. Позднеев приводит сведения о

¹ Примечания составлены Ц.-Д. Номинхановым со слов исполнителя песен, который разъясняет содержание текстов и дополняет информацией. Интересно, что лишь в одном случае ученый специально отмечает, что комментарий принадлежит Манжикову С. И., — когда указывает, что песня № 4 сочинена уроженцем Власовской станицы в то время, когда тот находился в тюрьме [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24].

² Сам Д. Ульянов в своем сочинении писал, что родился в задонских степях, куда родители уехали из станицы еще до его рождения, а в 10 лет, осиротев, он с младшим братом впервые приехал в Эркетеневогскую станицу [Ульянов 1913: 4]. Собственное религиозное имя приводится им как Джимбья Зунгру [Ульянов 1913: 21].

том, что Д. Ульянов неоднократно путешествовал по Монголии, «приобрел» там высшие ученые степени цаннита и собрал обширную тибетскую и монгольскую литературу [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 61. Л. 30об.–31; цит. по: Сабрукова 2014: 204]. Необходимо отметить, что песня «Зу гидр назр» впервые была опубликована как старинная в 1897 г. А. М. Позднеевым [Позднеев 1897: XI], затем специально была записана Г. Й. Рамstedтом (1903 г.), и уже тогда в ней присутствовали строки из песни «Алта гидг назраснь» [Halén 1991: 173–174; Бакаева 2021]. Примечательно, что донские калмыки, действительно, создание песни о паломничестве в Тибет связывали с известным своим сородичем, хотя авторство этой песни, сложенной еще в XVIII в., не может принадлежать Д. Ульянову. Такое «сближение», «сжатие» времени характерно для фольклорной традиции и свидетельствует о популярности песни, сложенной во время посольства хана Дондук-Даши в Тибет [Бакаева 2021: 93–98].

П. Э. Алексеева при публикации пяти песен С. И. Манжикова включила в их число как историческую песню № 11 о прибытии парня в калмыцкие кочевья к родственникам по материнской линии, которых он называет дарованными судьбой (*заята наһцнр*). К историческим она отнесена, судя по примечанию, потому, что сложили ее о прибывшем в калмыцкий нутук от «казахских черных татар» (*хасг хар маһдас*) 19-летнем сыне калмычки по имени Гаван Шарва, которую во время откочевки 1771 г. пленил и взял в жены казахский хан [Алексеева 2002: 114]: *Заһлма боран унад, / Заята наһцнриһән темцлэв. / Занла эдл күчтэ билэ (-лэ). / ... Оһтрһуднь хадгдсн тооснь / Заһлма борин тоосн билтэл. / Заята наһцнртан ирхнь, / Зая иктэ ээж минь сангдва* ‘Оседлав быстрого, как кобчик, сивого своего коня, устремился я к родственникам по матери. Был он сильным, как слон. Пыль, заслонявшая пространство, была пылью, поднятой сивым конем. Когда прибыл к родственникам по матери, вспомнилась очень счастливая мать моя’¹ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 27].

Вторая песня, вошедшая в публикацию П. Э. Алексеевой также как историческая [Алексеева 2002: 114–115], — песня № 51, в которой поется о том, что донские казаки захватили земли, где ранее расселялись калмыки, о тоске по родному дому, герою видится отцовским домом белая церковь, а солдаты — подданными отца [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 42]. Таким образом, песня соотносится с определенным историческим фактом, но основное ее содержание имеет лирический характер.

Песня № 67 из репертуара С. И. Манжикова является вариантом архаической калмыцкой песни «Шар шилин гүлзиг...» («[На] архара с золотистой / желтой горы...»), текст которой впервые был записан в 1902 г. от калмыков станицы Денисовской А. М. Листопадовым (в переводе названа «Песня охотника») [Листопадов 1998: 558–669]. Три текста этой песни — в записях А. М. Листопадова, А. В. Бурдукова и А. Ш. Кичикова — анализировались Д. В. Убушиевой [Убушиева 2013]. Первая строчка в исполнении С. И. Манжикова отличается от начальных строк в более ранних записях, что можно объяснить забвением устаревшего слова *гүлз* ‘архар’: вместо «Шар шилин гүлзиг...» («[На] архара с золотистой / желтой горы...») в записи 1962 г. присутствует строка: *Шар ширэсин һунзд* ‘Гунзуты (священнослужители) с желтыми престолами’, не связанная с основным содержанием (на охоте выстрел из лука и попадание дяди в племян-

¹ Перевод автора. — Э. Б.

ника (*аак чини эндүрэд ...чамаһан харвулва*) по ошибке из-за его одеяния и сокрушение содеянным), которое в других ее вариантах соответствует. В песне присутствуют такие формулы, как: «если отец спросит, скажите, что идет, если мать спросит, скажите, что придет», «о любимце матери скорбить с жалостью», «шубой из тигровой кожи (в других вариантах — шкурой дзерена) отмеченный», что является иносказательной передачей сведений о гибели человека. Таким образом, в репертуаре С. И. Манжикова присутствовала архаическая песня [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 50], повествующая о реальном событии, когда на охоте дядя убивает своего племянника. Но текст 1962 г. заметно короче записанного в родной для С. И. Манжикова станице Денисовской на шесть десятилетий ранее.

Согласно примечанию, песня № 13 была сочинена в период жизни детей Убаши-хана: *Ови хаана куүкднь [бээх] цагт һарсн дун* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 28]. В ней говорится о том, что герои собираются добратся до матери, кочевье которой расположено на Волге: *Ик делтэ кер / Ижлүрн хэлэж цуурдва. / Ижлднь нутглсн ээждэн / Итлг болж курий. Ботхн бөрвтэ борнь / Богдыһан эргэд меңве. / Богдднь нутглсн ээждэн / Бокиурһа болж күрий* ‘Гнедой с большой гривой, глядя в сторону Волги, ржет. До матери, живущей на Волге, доберемся, став балабаном. Сивый с флягой из шкуры верблюжонка [на спине] кружит вокруг [горы] Богдо, словно охотясь. До матери, живущей около Богдо, доберемся, став воробьем’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 28]. Таким образом, в песне поется о калмыках, родители которых остались на Волге. Речь может идти об откочевавших в Центральную Азию в 1771 г., так как отмечается, что временем создания песни считается время поколения детей Убаши-хана.

Исторический характер имеет песня № 39, в которой упоминается имя ее героя: *олһа келтэ Жован Дорж, күмн ухата Жован Дорж, делүиғ ухата Жован Дорж* ‘Джован Дорджи острый на язык, Джован Дорджи умнейший из людей, Джован Дорджи с широким умом’, о нем же в примечании отмечено: *Цевднахна гэмгэ Жован Дорж* ‘Джован Дорджи из Цевднякинског¹ аймака’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9 Оп. 1. Д. 2. Л. 38]. Однако текст этой песни имеет сходство с известной песней о зайсанге Джова Дорджи Кутузове из Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии, который известен как один из представителей калмыцкой интеллигенции. Он преподавал в Санкт-Петербургском университете, работал в Калмыцком управлении в Астрахани, оказывал помощь К. Ф. Голстунскому в проведении экспедиционной работы среди калмыков, собирал материалы по фольклору калмыков [Алексеева 2010: 61; Бакаева 2022: 352–353]. Отдельные строки буквально совпадают, как и содержание песен: о гибели Джова Дорджи в пути, когда он едет в бричке, запряженной тремя рыжими скакунами (у С. И. Манжикова — *тергэнэ һорвн шарһань*; в записи Г. Й. Рамстедта о Д. Д. Кутузове — *tergenī yurbun zerdēn* (*тергени һурвун зердеень*)) [Ramstedt 1962: 90]; о том, что *бергн* (старшая невестка) не смогла ему помочь (у С. И. Манжикова — *эк түшэтэ бергнь эндүһин учрар үлдв* ‘невестка, хотя и помогала, как мать, из-за ошибки не смогла’; в тексте Г. Й. Рамстедта — *Eke tūšytāi ceŋker bergēn* ‘Невестка, хотя и помогала, как мать’); в тексте С. И. Манжикова Джован Дорджи «засыпан землей, вырытой лопатой» (*күрзинән шораднь даргдва*); в тексте о Д. Д. Кутузове прямо говорится о его

¹ Цевднякинский аймак — так называли калмыки свою станицу Граббевскую.

смерти — «ушел в небесную обитель» (*теңгрин оронд оч*), находясь на дороге с песчаными буграми. Также в песне № 39 говорится, что Джован Дорджи погиб в борьбе за общее дело (*олнаннь кергт хорлгдва*) — тогда как известно, что зайсанг Д. Д. Кутузов умер, возвращаясь в свой улус из Астрахани, куда ездил по делам Управления калмыцким народом.

Таким образом, имеется сходство сюжетов и текстов песни о Джован Дорджи с песней о малодербетовском зайсанге Джова Дорджи Кутузове. Примечание о том, что песня посвящена цевднякинскому Джован Дорджи, вероятно, записано Ц.-Д. Номинхановым со слов С. И. Манжикова. Это свидетельствует о том, что образ Джован Дорджи не был знаком исполнителю, но он знал, что герой песни из другого улуса, и потому назвал другую станицу¹, «приблизив» историю малодербетовского зайсанга к донским калмыкам. Сходство с песней о зайсанге Д. Д. Кутузове позволяет считать, что песня, исполненная С. И. Манжиковым, была посвящена именно этому зайсангу. Это подтверждает и песня богшрахинцев «Чис улан альмчн» («Плач по умершему мужу»), записанная А. М. Листопадовым в 1902 г., где говорится о красивейшем и умнейшем из людей зайсанге Дорджи, который уехал в Астрахань (*эдл зүстэ хурвн шарһа Эддрхнэн темцэд жциркрад* ‘три одинаковой масти соловых коня бегут, устремившись к Астрахани’) и повторяется куплет о дрожках или бричке, расписанных как кюрде, и о том, что умнейший из людей Дорджи засыпан землей, т. е. умер (*күрд(-ле) эрэтэ тергнчн күүтр болһнднь күржцнэд, күмн(-ла) ухата Доржэ зэасц күрзэр(-ле) шораднь даргдад*) [Шивлянова 2002: 227].

Еще одна песня имеет примечание о том, что она посвящена нойону Цевднякинскому аймака. Это песня № 32 о нойоне Джимбе Шарва, которая прославляет его, а также говорится о том, что, неся войсковую службу, он был знаком с начальством из Новочеркасска: *Кермнинтн сээдүдлән таньлдва (таньлта), / Таньлдн гижэ таньлдсн угав, цергин учрар таньлдва* ‘знаком со знатью Новочеркасска, не ради знакомства знакомился, а потому, что служил, знакомился’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 35]. В записанном А. М. Листопадовым тексте видим тот же мотив: *Кер халтр мөрнчн / Кермен күлтрнь сайглад, / Кел заңта Жимбо Шарва / Кермин сээдүдлэ таньлта* ‘Гнедой с желтоватыми подпалинами конь твой иноходью до Новочеркасска дойдет, речистый Джимбо Шарва с начальством Новочеркасска знакомство водит’ [Шивлянова 2002: 221]. Песня № 32 С. И. Манжикова является вариантом песни «Кер халтр мөрн» (в переводе — «О Джимбо-богатыре»), записанной А. М. Листопадовым от С. Сарановой в станице Денисовской в 1902 г.; совпадают полностью некоторые строки и содержание: *Өнчэр өсгсн Жимбо Шарва / Өргмжэ буульмэжднь ортха* ‘Сиротой выросший Джимбо Шарва пусть восхвалений удостоен будет’ (С. Саранова) — *өнчэр өсгсн Жимбо Шарва* ‘Выросший сиротой Джимбе Шарва’ (С. И. Манжиков).

2.2. Песни на военную тему

Среди песен на военную тему в этом рукописном сборнике есть песни, в целом посвященные военной службе, защите родного края, а также те, о которых С. И. Манжиков сообщает конкретные сведения, например, к какому периоду истории они относятся.

¹ Цевднякинский аймак находился ближе большинства донских калмыцких станиц к улусам Калмыцкой степи.

В песне № 2 поется о захвате табунов лошадей, что приводило к враждебным отношениям с соседями. Ученый в примечании со слов исполнителя пишет: *Кезэнэ дэн өскэж, аду булалдг цагин дун* ‘Песня давних времен, когда, соперничая из-за табунов, порождали войны’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 23].

В песне № 48 содержится призыв поразить врагов, которые наступают с разных сторон: *Барун үзгин дээсиг бачмдэж йовэж дарыйа¹. / Зун үзгин дээсиг зүүчремлэж курч дарыйа* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 41].

Из песен, записанных у С. И. Манжикова, особый интерес вызывает песня, восходящая к эпической традиции калмыков. В ней содержится восхваление дворца эпического героя — хана Джангара, властелина страны Бумбы. Обычный зачин, в котором молодой человек двадцати с небольшим лет отправляется в армию, отражает важность значения военной службы и защиты Родины, продолжается отсылкой к «временам аранзала Зерде» (*Арнэл Зеердин амр цагт*), когда богатырь, с которым идентифицируется герой песни, отправлялся на борьбу с врагами хана Джангара (*Жаңһринтин дээснднь мордув*). Словно в эпическом тексте, в песне С. И. Манжикова так поется о дворце властителя Джангара: *эзлгч эзн богд Жаңһрин өргэ* ‘правящего властителя богдо Джангара дворец’; *дөчн дөрвн термтэ, / дөрвн миңһн уньнта, / хаиш болд харачта, / хавсн мөңгн цаһргта, / эвтэ зандн эрктэ бээж, / һал шиһлэр дотрлгсн бээж* ‘С сорока четырьмя решетками-терме, с четырьмя тысячами жердей-унинов, крепким, как яшма, кругом-харачи, с серебристой поперечиной дымника — цагараком, с порогом из подходящего сандала с отделкой изнутри красным стеклом’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 37].

Для донских калмыков военная служба была обязанностью, и потому в песнях С. И. Манжикова прослеживается тема призыва в армию. Так, к песне № 37 Ц.-Д. Номинхановым дано такое примечание: *Цергт мордэж йовсн залусин дун* (‘Песня мужчин, призванных в армию’). Ее герои, переправляясь через реку Маныч, обращаются к отцам и матерям, чтобы они молились будде Майтрейе во время их похода, а добравшись до города Новочеркасска, отмечают, что он красивый, когда дальше плывут на корабле, вспоминают младших братьев и сестер: *Ману һатлад һарһнь, / Маңһнаһснь көлсн һарһна. / Маниг өсксн ээж, аав / Мэдр бурхндн зальврит. / Кермен гидг городнь / Кеемсг болчкад кеууһгл. / Кермэр дамжад йовһнь, / Кензе дуурһн сангдна* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 37].

Значимость песен о воинах и богатырях находит отражение в том, что в сборнике песен, записанных от С. И. Манжикова, собиратель первой поместил ту, в примечании к которой написано: «Гурвн баатриг магтсн дун» («Песня, прославляющая трех богатырей») (записана раньше других — 16 апреля 1962 г.). Она имеет военный характер, в ней поется о Габан Шараве, Керядг-батыре и Шарарада-батыре, которые выступают против врагов, упоминаются и кони богатырей: *шар алг мөрн* ‘желто-пестрый конь’, *кер алг* ‘гнедой’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 23]. О них же поется в песне донских калмыков (№ 30 «Гал-маань һаңхулж»), где вместе с богатырями по имени Гавун, Шорада, Керяда, Мазан они рубятся с противником [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 15].

¹ Обратим внимание на окончание глагола повелительного наклонения. В песнях, записанных Ц.-Д. Номинхановым у грабевских и ставропольских (большедербетовских) калмыков в 1927 г., мы отмечаем такое же окончание, свидетельствующее о сохранении архаической формы [Бакаева 2025а; Бакаева 2025б]. Здесь мы видим ее сохранение в записях начала 1960-х гг.

Песня № 10 также имеет военный характер, и Ц.-Д. Номинханов в примечании к ней сообщает, что она была сложена в 1877 г., во время русско-турецкой войны: «Эн дууг 1877 жилд түргэл дээлдхнд харһсн дун». В песне используется традиционный прием параллелизма; призванный в армию вспоминает свою мать и мечтает стать птицей, чтобы долететь до нее: *Зах(ан) салаһинтн экнэснь / Заһуһинэн омгар мордлав. / Зая хөвнь бээхлэ, / Танта маниһэн харһулуйта. / Зая иктэ ээждэн / Заһлма болж күрий. / Бурултынтн экнэснь / Бууһан үүрч мордлав, / Буйн кишгтэ ээждэн / Богшурһа болж күрийе!* ‘От развилки на окраине с гордостью мужчины я отправился служить. Если предназначено судьбой, то с вами дадут встретиться. До счастливой матери доберемся, став кобчиком. От истока Бурулты с ружьем на плече я отправился служить. До добродетельной матери своей доберемся, став воробьем’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 26]. Подобное содержание имеет и песня № 41, в ней выражается обращение к Дежентену, отправившемуся в поход, на кого же он оставил своих младших [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 39].

Песня № 20, согласно примечанию, также сложена во время русско-турецкой войны, в 1877 г. Ее содержание свидетельствует о том, что сочинена она уходящими в военный поход, которые желают старшим родственникам (остающимся дома) и тем, кто отправляется, пребывать в здравии и счастье [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 31].

В отдельных песнях содержится конкретная информация о том, в какое подразделение направляется воин. Так, в тексте песни № 28 говорится, что 20-летний юноша, уходящий на службу в армию, отправляется во второй полк. Согласно примечанию, эту песню пели именно уходящие в армию [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 34]. В песне № 63 поется об уезжающем на пограничную службу воине, уже надевшем шинель и взявшем свою шашку: *Хар керихэн унад, / Харулын цегт мордлав. / Харулын цегт мордвчигн, / Хамг ламртан зальврия. / Шар толһата шашк минь / Шаһаһинь цокж шаржжнна, / Шаһаһинь цокж шаржжнавчигн, / Шажн ламдан зальврия* ‘На темно-гнедого коня сев, отправился я на пограничную службу, хотя и отправился на пограничную службу, будем всем ламам молиться. С желтой рукоятью шашка моя бьет по щиколотке и гремит, хотя и бьет по щиколотке и гремит, будем молиться ламам’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 47]. В тексте этой песни встречаются русизмы (шинель, ученье), указывающие на конкретные условия быта военнослужащих: *Ут хормата шинель минь / Учень цегт зокаста. / Ут шинелэн өмсхнь, / Ут хаалһар йовлав, / Ут хаалһар йовбчигн, / Учргсан дээсэн дария* ‘Длинная шинель моя для учений подходит. Надев длинную шинель, отправился я в дальний путь. Хоть и в дальнем мы пути, будем врагов давить’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 47].

Переживания за отправляющихся на военную службу звучат во многих песнях, зафиксированных от С. И. Манжикова. Так, в песне № 61 поется о том, что прекрасный мужчина по имени Цеден, преодолевая реку Гашун (‘Горькая’), так далеко находящуюся от дома, проливает горькие слезы. Сев на гнедого своего с растрепанной гривой, на плоту поднялся по реке Цеден, вернулся бы в течение месяца: *Гашун гидг голнь / Гаслһта хол һазрэ. / Гашу һатлад (һархнь) йовхнь, / Гашун нульмснь асхрна. / Сальһр делтэ керигэн унад, / Сал өөдлэд һарва. / Сэн залу Цеднтн гилэ / Сардань нег ирич* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2.

Л. 47]. В таких текстах обязательным компонентом является упоминание о необходимости обращения к буддийским божествам с просьбой-мольбой о покровительстве. Большинство песен сложены с использованием традиционного для калмыцких песен приема параллелизма: в первых строках поется о коне либо о природе, в следующих идет обращение за покровительством к божествам — Тенгер-бурхану (Небу) и Ямандаге (№ 62 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 47]), Майтрейе (№ 42 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 39]), ламам и даже к религиозному сочинению «Алмазная сутра» (калм. *Дорж Жодв*) (№ 50 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 42]). В последней песне содержится формула: «если спросят: отец — скажите, идет, если мать — скажите, придет, если жена — скажите, болеет», что соответствует эвфемистической формуле сообщения о гибели человека, которая присутствует в песне № 67 и песне «Шаршили гүлзиг...» («[На] архара с золотистой /желтой горы...»). Действительно, в примечании собиратель сообщает, что песня сложена после того, как одного из двух калмыков, возвращавшихся из армии, убили грабители. Завершается песня обращением за защитой к «Алмазной сутре»: *Алтар бичгэсн Дорж Жодвнь / Эмндм туслх болтха-ла* ‘Пусть поможет моей жизненной силе Дорджи Джодва, написанная золотом’ (№ 50 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 42]).

В собрании песен, зафиксированных от С. И. Манжикова, ясно прослеживается тема беспокойства о тех, кто обеспечивает спокойную жизнь, сражаясь с врагами. Но в песне № 65 содержатся строки, в которых отражена горечь переживаний за то, что донские калмыки отселились от своих традиционных кочевий, изменили образ жизни, став казаками, и в отличие от обычных скотоводов взяли на себя обязанность прохождения военной службы¹. В ней выражается укор в том, что традиционная пища калмыков-скотоводов уже не так нравится им, а воды реки Егорлык стали для них священным напитком-аршан: *Донжгта цээтн хорн болву? / Доңсолын (доңсолун) уснь аршан болву? / Мошкмр боорцгтн хорн болву? / Хар сүхэрнь аршан болву?* ‘Что, чай из сосуда *донжик* отравой стал? Что, вода из реки Доңсолу (Егорлык) стала аршаном? Что, борцоки *мошкмр* отравой стали? Черные их сухари аршаном стали?’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 43].

Таким образом, военная тема связана с темами борьбы с врагами и ожидания близкими возвращения призванных в действующие части, с думами о тех, кто ушел в поход, о доме и необходимости покровительства всевышних воинам.

В примечании к песне № 26 сообщается, что она была сочинена, когда наступали многочисленные враги, но были побеждены: *Шилтэд иргсн дээсиг / Шидрхн зееңртэһэн дарулув* ‘Напирвавших врагов я подавил вместе с родствен-

¹ Согласно зафиксированным Ц.-Д. Номинхановым воспоминаниям Б. Л. Башангинова, по достижении 21 года все калмыки-казаки принимали присягу в Станичном управлении в присутствии буддийского священнослужителя, затем в течение года они дважды отправлялись в специальный лагерь со своим конем и обмундированием для прохождения учебных курсов. По достижении 22 лет они подлежали призыву в регулярную армию, где служили 3,5 года, причем в течение примерно трех месяцев перед этим необходимо было прожить в казарме, чтобы конь призывника привык к несению строевой службы. После прохождения службы донские калмыки состояли на военном учете — до достижения примерно 30 лет «в первой очереди», затем до достижения 40 лет — «во второй очереди», лишь после этого их переводили в запас. В военное же время все донские казаки могли быть отправлены в армию [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 45–49].

никами по матери' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 33]. В текстах ряда песен (№ 25, 44, 45, 51 и др.) красной нитью проходит пожелание о том, чтобы уходящие в военный поход (в армию) вернулись живыми и здоровыми: *Айндан мордгсн ахир-дүүнрнь / Эмд-менд иртхэ-лэ* 'Пусть старшие и младшие братья, призванные в армию, вернутся в полном здравии' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 33]. Упоминаются в этих песнях и будни военнослужащих, к примеру, отдых на привалах в балках и готовка пищи на кострах [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 43].

2.3. Песни религиозного характера

С песнями на военную тему связаны песни религиозного характера. Одна из них — песня № 66 «Алта гидг назраснь», авторство которой С. И. Манжиков, как отмечалось выше, приписал паломнику Дамбо Ульянову. Она рассмотрена в разделе, посвященном песням исторического характера, так как была сложена во время конкретного паломничества [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 49].

Буддийские божества и ламы, к которым обращаются за помощью в сохранении жизни и здоровья призванных на военную службу, упоминаются во многих песнях. Вместе с тем отдельные песни имеют истинно религиозный характер. Так, в песне № 58 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 46] сообщается о том, что скоро наступит праздник Цаган сар и всем будут покровительствовать божества Цаган Шюкерте (Белозонтичная Тара) и Окон Тенгри (Лхамо), а также выражается пожелание о том, чтобы все собрались и помолились вместе с ламами: *Цаһан сарин нег шинд / Цаһаһан һарһэж менделий... / Цаһан Шүкртн евэтхэл... / Ач иктэ ламин зергд / Бүгдэрн курч мөргий / ...Окн Теңернь евэтхэ* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 46]. В песне № 59 поется о буддийском храме, воздвигнутом на землях хошутов, откуда музыка и религиозные песнопения доносятся до странствующих [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 46].

Песня № 60 посвящена восхвалению тибетского монастыря Галдан. В ней поется о том, что из монастыря доносятся звуки белых раковин-дунг и песнопения монахов, а сам храм Галдан уподобляется золотой крыше, имеющей 108 граней, под которой находится большая статуя божества: *Хун цаһан дуңгин айсар / Хуврг эрдень яңва. / Олнднь тухслта / Ор һанцхн Галданви, / Зун нээмн талта / Зууһин алтн деевр. / Түүндень суудг-ла курэ ик шүтэнбе?* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 47].

Во всех перечисленных религиозных песнях используется прием параллелизма: первые строки посвящены коню, его бегу, вторая часть куплета — божествам и ламам, которым следует поклоняться. Так и в песне № 62 поется о сивом коне с тавром в виде сосуда бумба и о том, чтобы герою покровительствовали божества [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 47]. В песне № 47 появляется новый мотив — престарелая мать вспоминается в дни буддийского поста мацг: *Сээһн зацта ээжнь / Сарин мацглань сангдна... / Нас иктэ ээж минь / Нээмн шинин мацглань сангдна* 'С прекрасным нравом мать вспоминается в день поста. Престарелая мать моя вспоминается в день поста восьмого числа (лунного месяца)' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 41]. Необходимо также отметить наличие в песнях на религиозную тему традиционных формул калмыцкого фольклора: *Дала дунд жирмэхэ сээһн, / Даянднь суусн ламнрнь сээһн* 'В океане мальки хороши, из погруженных в созерцание ламы хороши' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 33], *Шилэснь тодрхаин гегэһитн үзий. Шикрэснь эмтэһн зэрлгитн соңсий*

‘Увидим священнослужителя-геяна яснее, чем через стекло, услышим наказания ваши, что сахара слаще’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 33].

Песня № 30 демонстрирует связь песен религиозной и военной тематики: в ней поется о том, что если у мужчины помыслы чисты, то ладится дело у него, а вкусив «белой пищи», благополучно возвратится он домой: *Цаһан санаһар йовхнь гилэ / Залуһинэн үүлнь бүтнэ. / ...Цаһан идэһэн амсхнь / Цаһан хаалһар хэрий* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 34].

Благопожелания — специфический компонент песен религиозного характера, и потому текст песни № 4 звучит как прославление мира и пожелание его процветания: *Өрүн һарсн нарн билэ, / Өңгтэ сээхн солоһн / Эн бээсн бүгдэрн / Номин йосар жүрһий* (другой вариант: *Эн цагин амтнь / Номин йосар жүрһитхэ* ‘Ранним утром солнце встало, красивая цветная радуга появилась. Все, кто есть, вместе будем счастливы, живя по законам религии (или: люди этого времени пусть будут счастливы, живя по законам религии)’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24]. Вместе с тем этот текст отличается от других тем, что здесь мир природы и мир людей, живущих в соответствии с буддийским учением, сопоставляются с тем, кто сочинил песню, кто мечтает о помощи и спасении своей страдающей души. В примечании Ц.-Д. Номинханов со ссылкой на С. И. Манжикова отмечает, что песня была сложена выходцем из Бембдякинского аймака (Власовской станицы) Овшин Очиром, который находился три года в заключении [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24]. Видимо, поэтому в его словах так прославляется широкое пространство, в котором солнце сияет, как флаг (*томргч оһтргһу, туг нарнь мандалад...* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24]).

2.4. Лирические песни

Среди песен, записанных Ц.-Д. Номинхановым у С. И. Манжикова, есть и лирические, большая часть из них посвящена матери, которую вспоминают уехавший в далекие земли сын или дочь, есть песни о замужестве, о любви к девушке и песни, исполнявшиеся на свадьбах. В них используется характерный для калмыцкой традиции прием параллелизма. Так, в песне о матери (№ 12) поется: *Нэрхн сүүлтэ начн шовун / Нартыһан эргэд меңеж. / Нас иктэ ээж минь / Нээринэн сүүртнь сангдва* ‘С тонким хвостом сокол охотится, кружа над землей. Старенькая мать моя вспомнилась мне на пиру’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 28]. Песня № 7 посвящена матери, в одиночку взрастившей сына по имени Церен, который стал настоящим мужчиной, он считает свою мать «светлым умом»: *Сар мандлма борнь / Сээни шинжэнь орва-ла. / Сарулхн ухата ээж минь / Гольшигинтн шинжэнь орва-ла. / Өндр деернь һархнь / Өрүн солоһһнь долвкна-ла (сияет), / Өнчэр өсгсн Церен / Сээни шинжэнь орва-ла* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 30]. В песне № 18 воспеваются мать и все старшие родственники, с которыми никто не может сравниться: *Өңгин аһр бээвчн, / Эрвэ ахла эдлцэтэ уга. / Өңгинэн ээжнр бээвчн, / Эрвэ ээжэдэ эдлцэтэ уга* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 30]. Думам о матери, родственниках посвящена и песня № 16, в ней они вспоминаются с приходом весны, появлением зеленой листвы и возвращением перелетных птиц: *Харсн шовун ирсн цагт / Хээрлдэ ээжнь сангдна. / ...Намч цецгэ делгрх цагт / Нээрсг аһрм сангдна* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 29]. Такая ассоциация связана с тем, что мать воспринимается как начало всех начал, а весна — как начало пробуждения

природы после холода зимы. Воспоминания о матери являются также темой песен №№ 23, 38, 47 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 32, 38, 41], в которых мысли о матери навевают тоску по дому и грусть о былом счастливом времени: *Жирһл дүрглиһэн санхнь, / Зүркн минь уйдва-ла (уйдна). / Жирн наста ээжһэн санхнь / Жирһн болж медгдв (сангдна)* ‘Когда вспоминаешь о счастливой веселой жизни, сердце мое наполняет печаль. Когда вспоминаешь 60-летнюю мать, образ ее видится словно мираж’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 32].

Песня № 6 «Хар келн тоһрун», как и другие варианты этой известной калмыцкой песни, посвящена теме замужества девушки. С широко распространенным текстом имеет сходство первый куплет, далее следует другой текст, но его содержание соответствует песне девушки, которую забирают у матери [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24]. Песни №№ 8, 9 и другие, по свидетельству Ц.-Д. Номинханова, пели, когда девушку выдавали замуж, в них выражается страдание от разлуки с родными и ожидание еще более трудной, чем в родном доме, жизни: *Цел көк хулсн-зегснь хуврнэ гидгнь энв. / Цевртнь өсксн (ээжэсн хольжэд хархнь), элк гемтэ болвлв. / ...Аавасн хольжэд хархнь ад гемтэ болвлв, / Аавинэн кегулгсн эмалнь элх дутман йонзта-ла* ‘Совсем зеленый камыш и чакан так могут измениться. От матери, воспитавшей в целомудрии, уезжая, душой горевала. От отца уезжая, словно безумная стала. Сделанное отцом седло словно изношенное стало’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 25]. В песне № 22 также поется о девушке, выданной замуж, о чем собиратель сообщает в примечании [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 32].

В песнях на эту тему отражены и социальные противоречия. Так, в песне № 9 (сочиненной в 1904–1905 гг. согласно примечанию собирателя), говорится о том, что богач берет хорошую девушку из бедной семьи в жены для своего сына, и ей предстоит испытать немало страданий в чужой семье: *Тэвн шарһа мөрнь / Таша деерэн тамһта. / Таварн өсгсн биив ноһхн, / Тамтахн һазртнь тусвлч, көөрк. / Хаврин һурвн сарднь / Халун салькн нарндань шатвлч, көөрк. / Зун шарһа мөрнь / Зула деерэн тамһта. / Зөндэн өсгсн биив ноһхн, / Зовлңта һазртнь тусвлч, көөрк. / Зуни һурвун сарднь зухинэн амнднь хатвлч көөрк. / Намрин һурвн сарднь / Нарн, салькнднь хатвлч, көөрк* ‘У пятидесяти соловых коней на бедрах есть тавро. Вольготно выросшая девушка, попала ты в место, подобное преисподней, бедняжка. В весенние три месяца горячие ветра обжигают, как солнце. У ста соловых коней на темени есть тавро. Вольно выросшая девушка, попала ты в место, где придется страдать, бедняжка. Летние три месяца у глинобитной печи проводя, изнуришься, бедняжка. В осенние три месяца солнце и ветер, обжигая, иссушат тебя, бедняжка’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 26].

К песням на тему любви относятся песни № 54 (о девушке, о которой мечтает молодой человек), № 55 (известная песня «Наһц аавин цоохр ноха») и другие.

Собиратель пометил как старинную песню № 15, которая относится к свадебным пировым песням (*сөңгин дуд*). Она не озаглавлена, но ее текст соответствует известной калмыцкой песне «Саглр харһан намчднь». В ней поется о том, что поющий принимает гостей, поднося чарку сидящим на пиру старшим родственникам: *Үрэрн суугсн ахнриһэн / Үдин сөңгэрн гиичлүллэв, / ...Хээрсег сээхн ахнриһэн / Нээринэн сөңгэрн гиичлүллэв, / ... Сааларен [?] суугсн ахнриһэн / Саалинэн [?] идәһэрн гиичлүллэв* ‘Дружных братьев своих обеденной чаркой угощая, я привечал. Любящих красивых братьев своих чаркой на пиру угощая, я

привечал. [?] братьев своих молочной пищей угощая, я привечал' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 29]. Этой песне близка песня № 31, в которой также поется о гостеприимстве и угощении на пиру близких и друзей: *Агтын турун үүлнэснь / Асхрсн борань орна-ла. / Амргин иньг, таниһэн / Ааһта идэхэрн гиичлүллэв. / Серк семэжн үүлнэснь / Сергерсн борань орна-ла. / Седклин иньг, таниһэн, / Сөңгстэ идэхэрн гиичлүллэв* 'Из тучи, похожей на копыто скакуна, проливается дождь, друг мой, вас, угощая чашей пищи, я привечал. Из тучи, похожей на перья, проливается дождь. Желанный друг, вас, поднося вам напитки, я привечал' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 31]. В песне присутствует фольклорная формула «*пройдет дождь, уедет гость*», соответствующая народной калмыцкой поговорке *Орсн боран гиидг, ирсн гиич хэрдг* 'Идущий дождь перестанет, приехавший гость уедет'. В целом ряде песен, записанных от С. И. Манжикова, зафиксированы тексты, содержание которых сродни пословицам: *Нуурин уснасьн дөлэиң (-лэ гинэ-лэ), нухмл алтнасьн нигтииң (-лэ гинэ-лэ)* 'Тише воды в озере, крепче слитка золота' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 30]; *Ясн дотрк чимгнэсн нигтииң билэ, яңһг дотрк идэнээсень эмтэхнииң билэ* 'Был гуще костного мозга, был слаще ядра ореха'; *Өрүн һарсн нарнь — өңгтэ сээхн цолвң* 'Взошедшее утром солнце подобно красивой утренней звезде' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 36]; *Урлданантн борднь ууд эжолань түшэн болва, уйн баһ насднь ээж, аав түшэн болва. Ик геринтн бэрлһнд уньн, термнь түшэн болва, баһ геринтн бэрлһнд баран, орнь түшэн болва* 'Для коня на скачках удила-поводья — опора, для человека в детстве родители — опора. При возведении большой юрты ее жерди-унины и решетки-терме — опора, при возведении маленькой юрты сложенный в глубине скарб и кровать — опора' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24а].

Встречаются и песни философского плана, содержащие размышления о жизни, природе. Так, в песне № 3 поется о том, что если не будет ветра, то как пожелтеет осока, если не страдать мнительностью, то и ветер не будет в щели дуть: *Салькн уга болхла / Шуура юндан шарлдмб? / ... Сежсг уга болхла, / Сегркэ заагар / Салькн үлэишигн уга (оричигн уга)* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24].

Среди лирических песен выделяются песни бытового характера. Скотоводческий быт находит отражение в песнях табунщиков, которые теряют коней и готовы благодарить тех, кто поможет их найти (№ 31: [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 35]). В песнях содержится призыв следовать учению: *Эн цагин амтн эн номин йосар эжиргий* 'Люди этого времени, будем жить согласно этому учению' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 24]. Вместе с тем одна из песен (№ 7), в которой содержатся строчки о потере скота, посвящена иной истории — в ней сообщается о конфликте, который возник на донской земле: *Һурвн Хурһтын экнэсьн / Һучн темэхэн алдав. / Һучн темэхэндэн һундсн угав, / Һурвн ахдан һундув* 'У истока Гурвун Хургаты тридцать верблюдов я потерял. Не печалюсь из-за потери тридцати верблюдов, печалюсь из-за трех моих старших братьев' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 25]. Девушка поет о трех братьях, один из которых погиб в стычке «с мужиками» в Макеевке (калм. *Мэж*), у реки Маныч (калм. *Ману*) — об этом узнаем из примечания собирателя: *Эн залусин дүнь, 19-тэ куукнэ һарһсн дун. Ик ахинь можсгуд алчжэ* 'Этих мужчин младшая сестра, 19-летняя девушка, сочинила эту песню. Ее старшего брата убили мужики' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 25].

Необходимо отметить присутствие в текстах песен характерных формул, восходящих к калмыцкой традиции в целом: *Ohmphy өөдэн хэлэхнь, / Одн сарнь сээхн-ла. / ...Хотн дунд хэлэхнь / Хөн хурһнь сээхн-лэ* ‘Взглянешь на небо, там красивы месяц и звезды... Посмотришь на хотон, там красивы овцы и ягнята’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 32]. Вместе с тем в песнях донских калмыков, записанных от С. И. Манжикова, имеются и темы и мотивы, характерные для быта именно донских калмыков, проживавших поблизости от оседлого населения Войска Донского и перешедших раньше других калмыков к оседлому образу жизни. Например: *Ташу өөдэн хэлэхнь, тэрэн темснь сээхн-лэ* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 32] ‘Взглянешь на косогор, там красивы посеы и плоды’.

3. Заключение

Песни, записанные Ц.-Д. Номинхановым от С. И. Манжикова, отражают разнообразие этого жанра у донских калмыков и свидетельствуют о связи истории с устным народным творчеством представителей этой этнической группы.

Наиболее архаические произведения из собрания песен С. И. Манжикова — песни о прародине калмыков, находящейся в Центральной Азии, в них упоминаются горы Алтая и происходившие там события. Большой ряд песен посвящен воинам, отправляющимся в поход или пребывающим на армейской службе (что вполне объяснимо, поскольку донские калмыки являлись казаками и служба для них являлась служилым долгом), и тому, как начинаются войны. С песнями на военную тему связаны и песни религиозного характера — в концовке первых обязательно звучит тема обращения к буддийским божествам за помощью в сохранении жизней воинов. В рукописном сборнике встречаются и песни, посвященные природе, спутнику кочевника — коню, замужеству девушки, любви к матери, девушке. Есть песни об имевших место конфликтах и их последствиях, что неизбежно в любом обществе: песня о Джован Дорджи (№ 39), о столкновении с казаками-солдатами (№ 51), о братьях, пострадавших при конфликте в Макеевке, сочиненная их младшей сестрой (№ 7).

Песни, зафиксированные в первые годы после возвращения калмыцкого народа из сибирской ссылки (28.12.1943 – 09.01.1957), длившейся долгих тринадцать лет, когда калмыки жили в относительной изоляции друг от друга, позволяют судить об особенностях песенной традиции донских калмыков, сохранявшейся еще в начале 1960-х гг.

В результате анализа песен С. И. Манжикова можно утверждать, что донские калмыки были знакомы с историческими песнями основной этнической группы народа (населения Калмыцкой степи). Об этом свидетельствуют как архаические песни, которые были сочинены на раннем этапе общей этнической истории, так и песни, сложенные в XIX в. и затем ставшие известными среди донских калмыков-казаков. Такова песня о Джован Дорджи: будучи знакомы с ней, донские калмыки не знали историю зайсанга. Поэтому С. И. Манжиков называет Джован Дорджи зайсангом из Цевднякинского аймака, который располагался намного ближе, чем станица Денисовская, к Малодербетовскому улусу Калмыцкой степи, выходцем из которого и являлся персонаж данной песни — Джова Дорджи Кутузов.

В песнях донских калмыков прослеживается знание этнических подразделений, внимание к теме «свой» – «чужой». Так, отнесение Джован Дорджи

к зайсангам не своей станицы свидетельствует об их традиции определения чужого: незнакомый — значит чужой, вероятно, из другой станицы. В других песнях присутствует противопоставление людей из «своего аймака» и других аймаков (донские калмыки станицы называли аймаками).

Приписывание авторства песни «Из местности, называемой Алтай» Дамбо Ульянову (Зунгру багши), ламе, известному среди всех донских калмыков путешествием в Тибет, Монголию, пребыванием в Санкт-Петербурге, где он даже знакомился с представителями царской семьи, свидетельствует о том, что донские калмыки знали песни, сложенные калмыками из Калмыцкой степи, и обнаруживает так называемое «сжатие» времени в фольклорной традиции, когда более ранние события относят к своему времени. Кроме того, эта песня демонстрирует, как своей традицией считали то, что заимствовали у основной этнической группы.

У донских калмыков, как можно судить по репертуару С. И. Манжикова, есть немало военных песен. В большинстве песен из них прославляются участники походов, защищающие страну от врагов. Вместе с тем в репертуаре С. И. Манжикова зафиксирована и одна песня, в которой высказывается сожаление по поводу того, что донские калмыки, переселившись с основных территорий своего расселения, где они занимались традиционным видом хозяйствования, в степи Придонья, подчинили свою жизнь общим законам казачьей среды. Благодаря собирателю записаны песни, сложенные в период русско-турецкой войны и датированные 1877 г.

В репертуаре С. И. Манжикова немало песен религиозной тематики. Во-первых, это свидетельствует о глубине религиозной традиции среди донских калмыков. Во-вторых, религиозная тема приобретала особое значение в связи с военной службой и рисками, связанными с ней. Кроме того, значение религиозной темы, возможно, связано и с тем, что до Великой Российской революции хурул Денисовской станицы в течение определенного времени, по крайней мере, когда М. Борманжинов был Багши-Ламой донских калмыков, являлся для последних главным хурулом.

Лирические песни имели широкое распространение среди донских калмыков, как и среди других этнических групп. Они имеют схожую структуру, основаны на приеме параллелизма, их большая часть посвящена матери, старшим родственникам либо девушке, выходящей замуж.

В целом можно сделать вывод о том, что Ц.-Д. Номинханов без купюр записал весь песенный репертуар С. И. Манжикова. И этот материал подтверждает тезис, вынесенный Ц.-Д. Номинхановым в качестве эпиграфа, смысл которого заключается в том, что песня — это история народа [НА КалмнЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 1].

Источники

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов
Института восточных рукописей РАН.

НА КалмнЦ РАН — Научный архив Кал-
мыцкого научного центра РАН.

Sources

Archive of Orientalists of the Institute of
Oriental Manuscripts of the RAS.

Scientific Archive of the Kalmyk Scientific
Center of the RAS.

Литература

- Алексеева 2002 — Алексеева П. Э. Сказочник Санжа Манжиков // Алексеева П. Э. Богшрахинский аймак и богшрахинцы. Краткие исторические очерки. Элиста: Джангар, 2002. С. 113–120.
- Алексеева 2010 — Алексеева П. Э. Народные просветители Кутузовы // Алексеева П. Э. О людях и времени. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 61–64.
- Бакаева 2021 — Бакаева Э. П. Путь в Тибет: религиозные песни калмыков и реалии путешествий // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3(33) С. 9–22.
- Бакаева 2022 — Бакаева Э. П. История о зайсангах Джова-Дорджи и Эмген-Убаши в калмыцком фольклоре: прообразы и этнографическая специфика мотива соперничества // Новый филологический вестник. 2022. № 2(61). С. 346–366. DOI: 10.54770/20729316-2022-2-346-366
- Бакаева 2025а — Бакаева Э. П. Народные песни калмыков в записи Ц.-Д. Номинханова у уроженцев станицы Граббевской (1927 г.) // Новый филологический вестник. 2025. № 1(73). С. 315–323. DOI: 0.54770/20729316-2025-1-315
- Бакаева 2025б — Бакаева Э. П. Народные песни в записи Ц.-Д. Номинханова от большедербетовских калмыков // Новый филологический вестник. 2025. № 2(73). С. 366–376.
- Бакаева 2025в — Бакаева Э. П. Народные песни синьцзянских торгутов в записи Ц.-Д. Номинханова (1935 г.): специфика источника // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 95–117. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-95-117

References

- Alekseeva P. E. The Storyteller Sanzha Manzhikov. In: Alekseeva P. E. Bogshrahinsky Aimag and Bogshrahins. Brief Historical Sketches. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 113–120. (In Russ.)
- Alekseeva P. E. Kutuzovs — Folk Enlighteners. In: Alekseeva P. E. About People and Time. Elista: KIH RAS, 2010. Pp. 61–64. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. The Way to Tibet: Religious Songs of the Kalmyks and the Realities of Travel. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021. No. 3(33) Pp. 9–22. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. The Story of the Zaisangs of Jova-Dorji and Emgen-Ubashi in Kalmyk Folklore: Prototypes and Ethnographic Specifics of the Motif of Rivalry. *New Philological Bulletin*. 2022. No. 2(61). Pp. 346–366. (In Russ.). DOI: 10.54770/20729316-2022-2-346-366
- Bakaeva E. P. Kalmyks Folk Songs Recorded by Ts.-D. Nominkhanov among the Natives of Stanitsa Grabbevskaya (1927). *New Philological Bulletin*. 2025. No. 1(73). Pp. 315–323. (In Russ.). DOI: 0.54770/20729316-2025-1-315
- Bakaeva E. P. Kalmyk Folk Songs Recorded by Ts.-D. Nominkhanov among Bolshederbet Kalmyks. *New Philological Bulletin*. 2025. No. 2. Pp. 366–376. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Folk Songs of the Torguts of Xinjiang Recorded by Ts.-D. Nominkhanov (1935): Specifics of the Source. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. No. 1. Pp. 95–117. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-95-117

- Листопадов 1998 — *Листопадов А. М.* Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года. Публикация В. К. Шивляновой // Из истории русской фольклористики. Вып. 4–5. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 541–560.
- Листопадов А. М. Kalmyk Songs Recorded in the Denisovo Village of the Salsky District in November 1902. V. Shivlyanova (publ.). In: From the History of Russian Folklore. No. 4–5. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. Pp. 541–560. (In Russ.)
- Позднеев 1897 — *Позднеев А. М.* Предисловие // Сказание о хождении в тибетскую страну Мало-дөрбётского База-бакши. СПб.: Фак. Вост. яз. Петерб. ун-та, 1897. С. I–XVIII.
- Pozdneev A. M. Preface. In: The Legend of Walking to the Tibetan Country of the Maloderbetovskyy Basa-Bakshi. St. Petersburg: Oriental Languages Faculty of St. Petersburg University, 1897. Pp. 1–18. (In Russ.)
- Сабрукова 2014 — *Сабрукова С. С.* Памятник буддийской архитектуры — Эркетеневский хурул (по материалам АВ ИВР РАН) // Письменные памятники Востока. 2014. № 1(20). С. 201–205.
- Sabrukova S. S. Monument of Buddhist Architecture — Erketenevsky Hurul (based on Materials of the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS). *Written Monuments of the East*. 2013. No. 1(20). Pp. 201–205. (In Russ.)
- Төрскн назрин дуд 1989 — Төрскн назрин дуд (= Песни родной земли) / сост., предисл. Б. Б. Оконов Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 308 с.
- Songs of the Native Land. B. Okonov (comp., pref.) Elista: Kalmykia Book Publ., 1989. 308 p. (In Kalm.)
- Убушиева 2013 — *Убушиева Д. В.* Текстологический анализ трех вариантов калмыцкой народной песни «Шарашилин гүлзиге» / «[На] архара с золотистой горы» // *Oriental Studies*. 2013. Т. 6. № 4. С. 88–92.
- Ubushieva D. V. Textual Analysis of Three Variants of the Kalmyk Folk Song “Shara Shilin Gulzige” “Argali From the Golden Mountain”. *Oriental Studies*. 2013. Vol. 6. No. 4. Pp. 88–92. (In Russ.)
- Ульянов 1913 — *Ульянов Д.* Предсказание Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг. СПб.: Центральная типо-литография, 1913. 118 с.
- Ulyanov D. The Buddha’s Prediction about the House of Romanov and a Brief Outline of my Eravels to Tibet in 1904–1905. St. Petersburg: Tsentralnaya Tipo-litografiya, 1913. 118 p. (In Russ.)
- Ульянов 2014 — *Ульянов Д.* Предсказание Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг. // От Волги до Лхасы: Путешествие Дамбо Ульянова и Нарана Уланова в Тибет. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 27–148.
- Ulyanov D. The Buddha’s Prediction about the House of Romanov and a Brief Outline of my Travels to Tibet in 1904–1905. In: From the Volga to Lhasa: the Journey of Dambo Ulyanov and Naran Ulanov to Tibet. Elista: KIH RAS, 2014. Pp. 27–148. (In Russ.)
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс. 2-гч боть / записано от сказителя Санжи Манжикова А. Ц. Бембеевой; отв. ред. М. Э. Джимгиров. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1968. 266 х.
- Kalmyk Fairy Tales. Vol. 2. Notes from the Storyteller Sanzhi Manzhikov by A. Ts. Bembeeva; M. E. Dzhimgirov (ed.) Elista: Kalmykia Book Publ., 1968. 266 p. (In Kalm.)

- Цебиков 1991 — Сто калмыцких народных песен / предисл., вступ. ст. и коммент Л. И. Цебикова. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Шивлянова 2002 — Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года. Публикация В. К. Шивляновой // Богшрахинский аймак и богшрахинцы / авт.-сост. П. Э. Алексеева. Элиста: Джангар, 2002. С. 213–237.
- Halén 1991 — *Halén H. Some Kalmuk notes by G. J. Ramstedt // Studia Orientalia. Vol. 67. Helsinki, 1991. Pp. 171–187.*
- Ramstedt 1962 — Ramstedt G. J. *Kalmükische Lieder: Bearbeitet und Herausgegeben von Sh. Balinov und P. Aalto // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Bd. 63. 1962. S. 1–127.*
- One Hundred Kalmyk Folk Songs. L. Tsebikov (preface, introd. article and comm.). Elista : Kalmykia Book Publ., 1991. 128 p. (In Russ.)
- Kalmyk Songs Recorded in the Denisovskaya Village of the Salsky District in November 1902. V. K. Shivlyanova (publ.). In: Bogshrahinsky Aimag and Bogshrahkhintsy. P. Alekseeva (comp.). Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 213–237. (In Russ.)
- Halén H. Some Kalmyk Notes by G. J. Ramstedt. *Studia Orientalia*. Vol. 67. Helsinki, 1991. Pp. 171–187. (In Eng.)
- Ramstedt G. J. *Kalmükische Lieder: Bearbeitet und Herausgegeben von Sh. Balinov und P. Aalto. Journal de la Societe Finno-Ougrienne*. Vol. 63. 1962. Pp. 1–127. (In Germ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 3, pp. 595–615, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-595-615

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.3 930.25

UDC 811.512.3 930.25

«Образцы селенгинского диалекта монгольского языка» из фонда Ф. П. Аделунга Российской национальной библиотеки

*Анна Александровна Туранская*¹

“Samples of the Selenginsk dialect of Mongolian language” preserved in the collection of F. P. Adelung at the National Library of Russia

*Anna A. Turanskaya*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-4293-5771. E-mail: turanskaya[at]mail.ru

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025

© Туранская А. А., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Turanskaya A. A., 2025

Аннотация. Статья посвящена одному из многочисленных монгольских переводов отдельных слов и фраз, выполненных в ответ на обращение российского и немецкого библиографа и лингвиста Л. И. Бакмейстера к путешественникам и исследователям различных частей света. Составленная и изданная им в Санкт-Петербурге в 1777 г. небольшая брошюра на четырех языках, получившая в научной литературе известность под латинским названием «Idea et desideria de colligendis linguarum speciminibus», положила начало систематическому сбору лингвистического материала для подготовки знаменитого тезауруса «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы», первый том которого был опубликован десять лет спустя — в 1787 г. под редакцией П. С. Палласа. Документ под названием «Образцы селенгинского диалекта монгольского языка в двух экземплярах, полученные 18 августа 1779 и 30 марта 1780 г.» был подготовлен для П. С. Палласа, который в свою очередь передал его Л. И. Бакмейстеру. Впоследствии упомянутый материал оказался в распоряжении известного лингвиста и археографа Ф. П. Аделунга, занимавшегося сбором различных рукописных и печатных источников в процессе работы над трудом «Обозрения всех известных языков и наречий», опубликованных в 1820 г. Настоящая статья вводит в научный оборот оригинальный монгольский перевод 1779 г. слов и фраз по Л. И. Бакмейстеру, а также сопровождающие его примечания неизвестного автора, сохранившиеся в фонде Ф. П. Аделунга (Ф. 7) Российской национальной библио-

теки. Текст снабжен комментариями и кратким анализом его лингвистических особенностей и историко-культурного контекста.

Ключевые слова: история, монголоведение, переводы на монгольский язык XVIII в., собрание Российской национальной библиотеки, П. С. Паллас, Ф. П. Аделунг

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Разработка инструментария и комплексные исследования монгольских языков и их диалектов (с применением технологий анализа больших массивов данных словарных и корпусных материалов (№ 25-78-20008).

Для цитирования: Туранская А. А. «Образцы селенгинского диалекта монгольского языка» из фонда Ф. П. Аделунга Российской национальной библиотеки // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 595–615. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-595-615

Abstract. The article is devoted to one of the numerous Mongolian translations of individual words and phrases made in response to the appeal of the Russian and German bibliographer and linguist L. I. Bakmeister to travelers and researchers of various parts of the world. The small brochure he compiled and published in St. Petersburg in 1777, known in scholarly literature under its Latin title “Idea et desideria de colligendis linguarum speciminibus”, marked the beginning of a systematic collection of linguistic material for the preparation of the famous thesaurus “Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects, Collected by the Hand of the Most August Personage”, the first volume of which was published ten years later — in 1787 — under the editorship of P. S. Pallas. The document entitled “Samples of the Selenginsk dialect of Mongolian language in two copies, received on August 18, 1779, and March 30, 1780” was prepared for P. S. Pallas, who in turn passed it on to L. I. Bakmeister. Subsequently, the mentioned material came into the possession of the well-known linguist and archaeographer F. Adelung, who collected various manuscript and printed sources while working on his “Survey of All Known Languages and Dialects”, published in 1820. The present article introduces into scholarly circulation the original Mongolian translation of 1779 of the words and phrases according to Bakmeister, as well as the accompanying notes by an unknown author, preserved in the collection of F. Adelung (Coll. 7) at the National Library of Russia. The text is supplied with comments and a brief analysis of its linguistic features and historical-cultural context.

Keywords: history of Mongolian studies, 18th-century translations into the Mongolian language, collection of the National Library of Russia, P. S. Pallas, F. Adelung

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 25-78-20008 “Developing Research Tools and Conducting Comprehensive Studies of the Mongolic Languages and Their Languages: Applying Big Data Tools for the Analysis of Dictionaries and Corpora”.

For citation: Turanskaya A. A. “Samples of the Selenginsk dialect of Mongolian language” preserved in the collection of F. P. Adelung at the National Library of Russia. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 3. Pp. 595–615. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-595-615

1. Введение

Е. Н. Санскритьяна, занимавшаяся в 50–60 гг. XX в. сортировкой и инвентаризацией монгольской части коллекции Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека, далее — РНБ), отмечала, что «коллекция монгольских рукописей и ксилографов ... очень немногочисленна, в особенности если сравнить ее с богачейшими собраниями

монгольских рукописей и ксилографов¹ Института востоковедения Академии наук СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН, далее — ИВР РАН) и Восточной библиотеки Ленинградского государственного университета² (ныне — СПбГУ). Материал коллекции разнородный и совершенно случайный. В основном почти все рукописи и ксилографы коллекции Публичной библиотеки хорошо известны и имеются в других хранилищах восточных рукописей» [Санскритьяна 1972: 86].

Отчасти это наблюдение отражает реальное положение дел: сформированный в 1960-е гг. Фонд 922 «Монгольская новая серия. Рукописи и ксилографы» в настоящее время насчитывает лишь 43 единицы хранения. Однако в других фондах Отдела рукописей РНБ хранится значительное количество материалов по истории Монголии³ и монгольскому языку. К последним относятся уникальные документы, отложившиеся в архивном фонде [РНБ. Ф. 7] известного историка, археографа и лингвиста Фридриха фон (Федор Павлович) Аделунга (1768–1843). Основную часть фонда (183 ед. хр. из 218) составляют рукописные и печатные материалы, собранные Ф. П. Аделунгом в ходе работы над подготовкой «Обозрения всех известных языков и наречий» [Adelung 1820], задуманного как введение к последующему изданию «Bibliotheca glottica» и продолжение знаменитого многотомного труда И. К. Аделунга «Митридат, или Общее языкознание» [Adelung 1806; Adelung 1809; Adelung 1809; Adelung 1809; Adelung 1809; Adelung 1817]. Это собрание, составлявшееся им в течение тридцати пяти лет, включает с большей или меньшей полнотой образцы 200 языков всех частей света.

Материалы по монгольским языкам, рассортированные, хотя и не совсем корректно, самим Ф. П. Аделунгом в отдельные папки по языковым группам под заголовками: «LXVIII. Mongolisch» («68. Монгольский»), «LXXI. Buratisch» («71. Бурятский») и «LXIX. Kalmückisch» («69. Калмыцкий»), — хранятся под шифрами: [РНБ. Ф. 7. Ед. хр. 108; РНБ. Ф. 7. Ед. хр. 109; РНБ. Ф. 7. Ед. хр. 110].

2. Монгольские материалы фонда Ф. П. Аделунга [РНБ. Ф. 7]

Вышеупомянутые единицы хранения представляют собой разрозненные и тематически неоднородные документы, поступившие к Ф. П. Аделунгу из различных источников. Поскольку данные материалы ранее не упоминались в научной литературе, ниже приводится их краткое описание.

РНБ. Ф. 7. Ед. хр. 108 «Монгольский»

1. Л. 1–19⁴: перевод на монгольский язык слов и фраз по Л. И. Бакмейстеру⁵, снабженный примечаниями неизвестного составителя. На л. 1 имеется заголовок на немецком языке: «Mongolisch aus Selenginsk in duplo empfangen d. 18 Aug. 1779 und d. 30 Mart. 1780». («Образцы селенгинского диалекта монгольского языка в двух экземплярах, полученные 18 августа 1779 и 30 марта 1780 г.»). На л. 3 приклеены два письма на немецком языке П. С. Палласа, относящиеся к

¹ Каталог объемного собрания был подготовлен А. Г. Сазыкиным [Сазыкин 1988; Сазыкин 2001; Сазыкин 2003].

² Каталог коллекции был издан В. Л. Успенским [Uspensky 1999].

³ Статья Т. А. Вагановой и М. Я. Стецкевич «Материалы по русско-китайским отношениям XVII–XX вв. (до 1917 г.), хранящиеся в Отделе рукописей РНБ» в настоящий момент готовится к публикации автором статьи.

⁴ На л. 1 имеется заголовок, относящийся к содержимому папки.

⁵ Подробнее об этом см. ниже.

данным материалам. Два экземпляра монгольско-русского словника с примечаниями помещены на л. 4–11 и 12–19. На л. 11v имеется надпись чернилами на французском: «*Reçû par S.E. Mr. S. E. Mr. de Klitchka, gouverneur d'Irkutzk, le 30 Mars 1780*» («Получено от Его Превосходительства г-на Клички, губернатора Иркутска, 30 марта 1780 г.»); на л. 19v: «*Reçû par Mr. Professeur Pallas, le 18 d'Aouît 1779*» («Получено от г-на профессора Палласа, 18 августа 1779 г.»).

2. Л. 20–24: перевод на монгольский язык слов и фраз по Л. И. Бакмейстеру с комментариями на немецком. На л. 24v имеется надпись чернилами на французском: «*Reçû par Mr. le Professeur Pallas avec la lettre du 18 Juillet 1773*» («Получено от г-на профессора Палласа с письмом от 18 июля 1773 г.»).

3. Л. 25–28: краткий разговорник с титульным названием «*Gespräch in Mongolischer Sprache. Aus den Papieren des Dr. Redowsky*» («Монгольский разговорник. Из бумаг доктора Редовского») (л. 25–27); словник «*Mongolische Wörter aus Dr. Redowsky zu Urga am 3. Jan. 1806. Ausgezeichnet*» («Монгольские слова, записанные доктором Редовским в Урге 2 января 1806 г.») (л. 28), записанные ботаником, исследователем флоры Сибири и Камчатки И. И. Редовским (1774–1807) латиницей.

4. Л. 29–35: русско-монгольский и русско-немецкий разговорник (одних и тех же предложений) неизвестного составителя.

5. Л. 36–40: лекарственные рецепты на тибетском языке с объяснениями их применения на монгольском и переводом на русский, выполненный в 1805 г. А. В. Игумновым (1761–1835) для графа И. О. Потоцкого (1761–1815). На л. 40r имеется надпись черными чернилами: «*По приказанию Его превосходительства Сятельного графа Ивана Осиповича Потоцкого переводиль с Монголскаго на Россійской языкъ въ Кяхтѣ, ноября 27 дня 1805 года, надворный совѣтникъ Александръ Игумновъ*».

6. Л. 41–44: пустые листы, однако, по-видимому, ранее принадлежавшие И. И. Редовскому, о чем свидетельствует приписка на л. 40v: «*aus Redowsky's Papieren*» («Из бумаг Редовского»).

7. Л. 45–48: монгольский алфавит и отдельные слоги в монгольской графике с латинской транслитерацией.

8. Л. 49: заметки о монгольских языках «*Mongolischer Sprachstamm*».

9. Л. 50–51: письмо И. Я. Шмидта (1779–1847) о первом опыте книгопечатания наборным шрифтом на монгольском языке¹.

10. Л. 52–53: первый лист «Главы I. О Небе» неизданного «Китайско-монголо-маньчжуро-русско-латинского лексикона» П. И. Каменского (1765–1845)².

11. Л. 54: иллюстрация № 21 («*Pallas. Sammlung Theil Platte 21*») из книги П. С. Палласа 1801 г. [Pallas 1801] с графемами различных систем письма, распространенных среди монгольских народов (ланча, тибетский устав (учэн), курсив (умэ) и монгольское вертикальное письмо, включая галик).

12. Л. 55: заметки о монгольском языке на немецком И. Я. Шмидта.

13. Л. 56–57: первый оттиск книгопечатания наборным шрифтом молитвы «Отче наш» на монгольском языке И. Я. Шмидта 1818 г.

14. Л. 58–61: фрагмент Евангелия от Матфея, изданного И. Я. Шмидтом в 1815 г. На последнем листе приписка черными чернилами: «*Vier Bogen der*

¹ Подробнее см. [Walravens, Turanskaya 2023: 185–186]. Л. 51 — пустой.

² Подробнее см. [Чегодаев 2011; Walravens 2022; Walravens 2024: 116].

Kalmückischen Bibel aus der St. Petersburger Bibelgesellschaft) («Четыре листа Калмыцкой Библии от Санкт-Петербургского Библейского общества»).

15. Л. 62: рукописный образец монгольского шрифта. В верхней правом углу листа приписка: «*Mongolische Schrift, mitgeteilt von Hrn. Schmidt*» («Монгольский шрифт, предоставленный г-ном Шмидтом»).

16. Л. 63–97: монгольско-немецкий словарь под названием «*Mongolisches Wörterbuch, gesammelt von Dr. Redowsky, Botaniker der chinesischen Gesandtschaftsreise des Grafen Golowkin*» («Монгольский словарь, составленный доктором Редовским, ботаником посольства графа Головкина). Монгольские слова переданы в латинской транскрипции.

РНБ. Ф. 7. Ед. хр. 109 «Бурятский»

1. Л. 2–7: бурятско-немецкий словарь «*Bratskisches Wörterbuch*» анонимного автора. Монгольские слова переданы в латинской транскрипции.

2. Л. 8: краткий монгольско-немецкий словарь, в конце которого представлен перевод молитвы «Отче наш». Монгольские слова переданы в латинской транскрипции.

3. Л. 9: бурятско-монгольские названия лекарственного сырья «*Burätisch-Mongolische Namen aus Arzenei-Mittel*» из бумаг Редовского (aus Redowsky's Papieren).

4. Л. 11–12: бурятские песни, выписанные из «Путешествия по Сибири» И. Г. Гмелина¹ под титульным названием «*Ode Buratica s. Brazkia*».

5. Л. 13: заметки о бурятском языке.

6. Л. 14–16: перевод на монгольский язык слов и фраз по Л. И. Бакмейстеру. На л. 14 название написано чернилами: «*Buratisch im Irkutskischen Districtn, mit grammatischen [неразб.]. Alles durch Hr. Prof. Pallas inspicirt*» («Бурятский язык Иркутского уезда, с грамматическими [...]. Проверено Г-ном Палласом»). На л. 15 подписано черными чернилами: «*Перевод разговора брацких народов Иркутскаго уезду*», на л. 16v: «*переводиль иркуцкой дворянинъ толмачъ Иванъ Семеновъ²*».

7. Л. 17–19: записи о спряжении глагола «быть». На л. 17 написано следующее заглавие: «Иркутской губерняи перевод брацкого языка», на л. 19: «*подлинной переводиль иркуцкой дворянинъ Иванъ Семеновъ. Енваря 16 дня 1773 года*». На л. 20 пять примеров с подписью «Склонение число единственное», также в переводе Ивана Семенова (подпись: «*переводиль иркуцкой дворянинъ Иванъ Семеновъ*»).

РНБ. Ф. 7. Ед. хр. 110 «Калмыцкий»

1. Л. 3–10: перевод на ойратский язык слов и фраз по Л. И. Бакмейстеру. На л. 10v имеется приписка черными чернилами: «*Reçu par Mr. le Professeur Gùldenstaedt le 18 Sept. 1775*» («Полученные от г-на профессора Гюльденштедта³ в 1775 г.»).

2. Л. 11–16: немецко-ойратский краткий словарь и алфавит, полученный от профессора Палласа 10 ноября 1773 г. «*Kalmukois et Alphabet Kalmukois. Reçu par M. le Professeur Pallas avec sa lettre du 10 Novembre 1773*». Судя по почерку, автором этих материалов является переводчик и путешественник И. Иериг (1747–1795).

¹ Тексты скопированы с [Gmelin 1752: 370–374].

² Вероятно, Семенов Иван Егорович (ум. в 1894 г.), иркутский купец 2-й гильдии.

³ И. А. Гюльденштедт (1745–1781) — естествоиспытатель и путешественник.

3. Л. 17–19: заметки об ойратском языке.
4. Л. 20–23: ойратский алфавит неизвестного составителя.
5. Л. 24–33: калмыцкие слова и выражения, записанные Н.-К. Витсенем, голландским послом в Московию в 1664–1665 г., и выписанные из изданного им описания путешествия в 1692 г. [[Witsen 1785: 297–304](#)].
6. Л. 34–42: заметки о калмыках, монголах и их языках.
7. Л. 43–44: молитва «*Oratio Dominica Chalmuscice versa*» («Отчет наш на калмыцком языке»), изданная в научном журнале «*Nova Acta Eruditorum*» в 1734 г. [[Müller 1734](#)].
8. Л. 45: типографский оттиск с молитвой «„Отче наш“ ойратским наборным шрифтом И. Я. Шмидта 1814 г.¹».
9. Л. 46–55: краткий словарь телеутского и вотяцкого языков под названием «Словари языковъ калмыцкаго, собранный в горахъ Алтайскихъ в 1806 году и вотяцкаго собранный въ жилищахъ вотяковъ в 1810 году». На л. 47 имеется надпись чернилами: «*Teleuten, oder weise Kalmücken. S. Mithridates I. 492²*» («Телеуты, или какие [они] калмыки»).
10. Л. 56–71: бурятско-монгольский-калмыцкий словарь с заглавием «*Burätisch Mongolish Calmükisches Vocabularium*».
11. Л. 72–79: заметки под названием «*Notizen (Mongolen und Assanen)*» («Заметки (монголы и асаны³)») о монгольских племенах и других тюркских этносах Сибири.
12. Л. 79–81: краткая библиография по истории монголов и гуннов «*Literatur über die Mongolen und Hunnen*».

3. «Образцы селенгинского диалекта монгольского языка» [[РНБ. Ф. 7. Ед. хр. 108. Л. 1–19](#)]

«Образцы селенгинского диалекта монгольского языка в двух экземплярах, полученные 18 августа 1779 и 30 марта 1780 г.» («*Mongolisch aus Selenginsk in duplo empfangen d. 18 Aug. 1779 und d. 30 Mart. 1780*») представляют собой два идентичных экземпляра перевода слов и фраз на монгольский язык (см. факс. 1). Вошедшие в документ слова и выражения подобраны не случайно — они соответствуют «*речам для переводу*», приведенным в небольшой брошюре «Объявление и прошение касающіяся до собрания разныхъ языковъ въ примѣрахъ», изданной в Санкт-Петербурге в 1773 г. на четырех языках (русском, французском, немецком и латыни) российским и немецким библиографом и лингвистом Л. И. Бакмейстером (1730–1806) [[Бакмейстер 1777](#)]. Став одним из участников амбициозного проекта Екатерины II по составлению сравнительного словаря, Л. И. Бакмейстер обратился к ученым из разных стран с просьбой предоставить лингвистический материал по предложенному образцу. Собранный в результате обширный корпус языковых данных лег в основу первого издания «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и наречій собранные десницею Всевысочайшей особы», составленного П. С. Палласом (1741–1811) [[Сравнительные словари 1787](#)].

¹ Подробнее см. [[Walravens, Turanskaya 2023: 187](#)].

² Ссылка на описание телеутов, представленное в [[Adelung 1806: 492](#)].

³ Ассанский, ныне мертвый (с XVIII в.) язык из енисейской группы палеоазиатских (палеосибирских) языков, имевший распространение к востоку от современного Красноярска, от Енисея до Кана.

Материалы, по-видимому, относятся к числу многочисленных документов, собранных и полученных Л. И. Бакмейстером. Перевод слов и фраз в двух экземплярах был выполнен неизвестным толмачом в 1779 г. и передан П. С. Палласом. На это указывает одно из писем, отложившихся вместе с документом¹ (см. факс. 2):

Die mongolische Übersetzung die ich d. 18 Aug. 1779 empfieng hat mir mein Freund in Selenginsk, Hr. Major Wlassof, als ein Duplicat der an Hr. Gouv. Klitschka von ihm eingesandten, den ich den 30. Mart. 1780, also nachher, empfieng, zugeschikt. Er hatte Ihren gedruckten Aufsatz u. den Auftrag ihn übersetzen zu lassen, schon in Sibirien von mir erhalten. Weil er es aber nicht mehr nöthig geglaubt, so war es unterblieben, bis der Hr. v. Klitschka die Sache bei ihm wieder in Erinnerung brachte, da er denn geglaubt hatte diese Übersetzung sey auch mir nöthig. Es ist noch ein Papier dabey, welches aber nur Religions Nachrichten enthält, u. das ich daher für meinen Gebrauch zurück behalten habe. Doch steht es Ihnen, zum Durchlesen, ebenfalls, zu drucken.

*Ew. Hochwohlgeboren ergebenster
P. S. Pallas*

‘Монгольский перевод, который я получил 18 августа 1779 года, был прислан мне моим другом в Селенгинске, господином майором Власовым, как [и его] дубликат, который он отправил господину губернатору Кличке, от которого я получил его 30 марта 1780 года, то есть позднее. Он [Власов] получил напечатанное вами сочинение и поручение сделать перевод от меня в Сибири. Однако он счел это [поручение] более ненужным, и перевод не был сделан до тех пор, пока господин Кличка снова не напомнил ему об этом. Тогда он решил, что этот перевод может понадобиться и мне. К письму прилагается ещё один документ, который, однако, содержит лишь сведения о религии, и потому я оставил его для собственных нужд. Тем не менее, он также в вашем распоряжении для прочтения и, при желании, публикации.

*С глубочайшим почтением,
Ваш покорнейший слуга,
П. С. Паллас’.*

Письмо П. С. Палласа² проливает свет на происхождение обоих экземпляров «Образцов селенгинского диалекта монгольского языка»: две копии документа были получены им лично и впоследствии переданы Л. И. Бакмейстеру. Упо-

¹ Автор выражает признательность Х. Вальравенсу за расшифровку этого письма, написанного очень беглым и неразборчивым почерком.

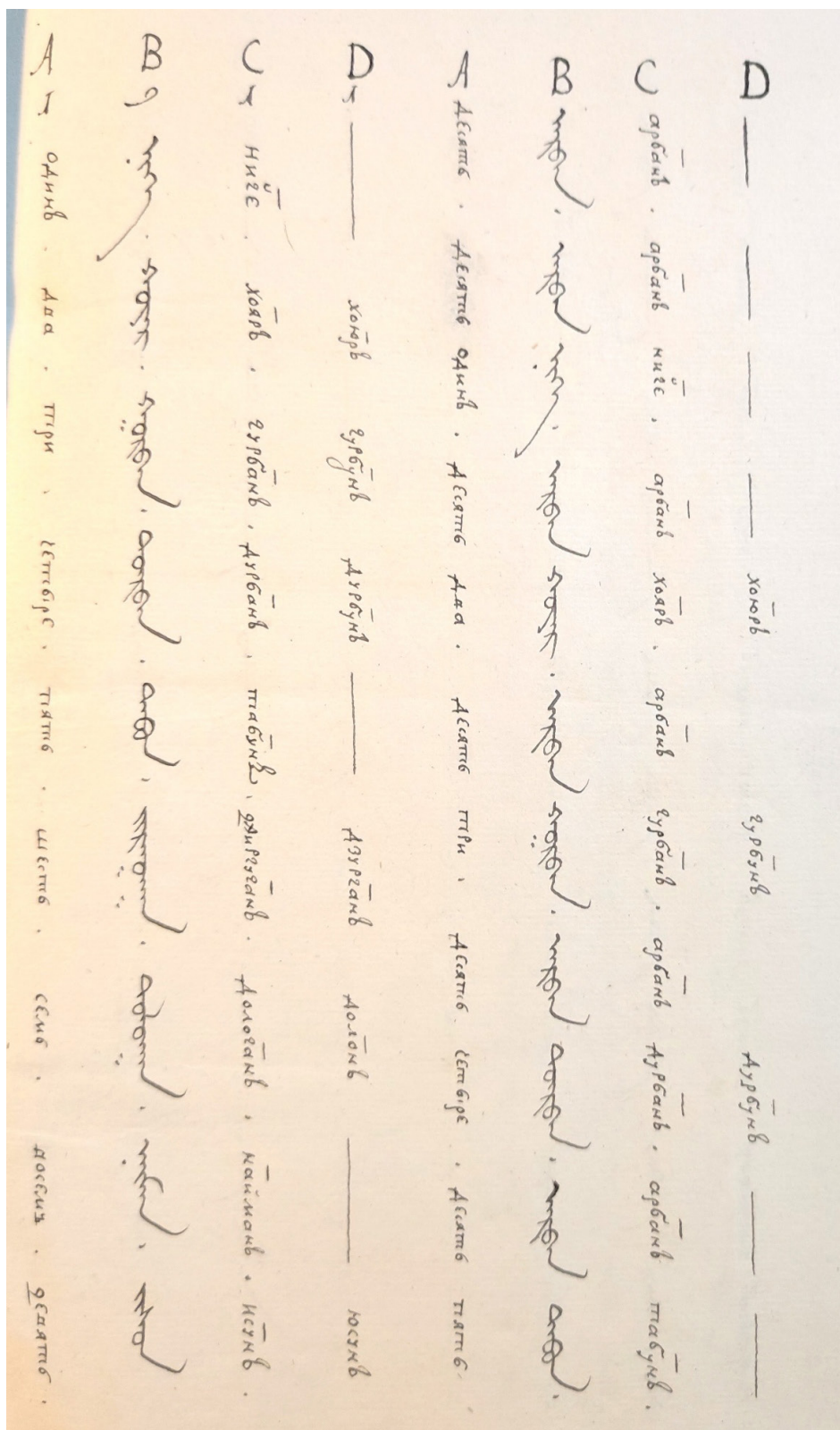
² Второе письмо, наклеенное на л. 2, не имеет отношения к вышеупомянутому монгольскому переводу слов и фраз по Л. И. Бакмейстеру. Оно датировано 1774 г. и содержит сообщение профессора П. С. Палласа о передаче другого документа — монгольского словаря объемом 16 листов большого формата.

‘Mongoles Mongolischen d. 13. Nov. 1774

Loc %

Dhr — Pr. Pallas hat einen früher geschriebenen Abstz. von 16 Seiten gr. 4° über die mongolische Schrift, worin auch viele in der Sprachprobe vorkommende Wörter sind, nemlich davon Schrift, Aussprache und Bedeutung. Sie können zu Rathe gezogen werden u. wenn er sie nicht drucken läßt, vielleicht ganz mit [], ob sie gh. nach dem Plan nirgends (?) nicht hereingehört, und 1-2 Bogen anfüllen würde.

Auf pag. 1 unten sind auch die [] fast nötig unserm Deutsch’.

Факс. 1. Образцы селенгинского диалекта монгольского языка [РНБ. Ф. 7. Ед. хр. 108. Л. 4]
 [Facs. 1. Samples of the Selenga dialect of the Mongolian language]

20 Aug.
 1779
 Die mongolische Uebersetzung hat mir mein
 Freund in Selenginsk H. Major Wlassoff,
 als ein Duplicat von H. Gons. Kliffka
 von ihm eingesandt zugefickt. Es fahr
 schon gedunkelt aufstet d. die Auftray die
 Uebersetzung zu lassen, schon in Sibirien von
 mir gesalhen. Weil er es aber nicht empfangt,
 Hie geglaubt, es was ob unvorstelllich, bis der
 H. v. Kliffka die Sache bei ihm wieder in Fein-
 wung bracht; da er dem geglaubt fahr
 diese Uebersetzung sey auf mich nöthig. Es ist
 noch ein Jagis dabey, wofel aber nur Keli-
 giont Kayrithz auffällt. d. das ist daser sein
 meins Gebrauch zuweil besalt, fahr. das ist
 ob H. von, zum Uebersetzen, ebenfalls zu druck.
 Für Gons. Kliffka. eingesandt
 P. S. Pallas

Ein Brief d. 30. März 1779, von Pallas
 an Bakmeister.

Факс. 2. Письмо П. С. Палласа Л. И. Бакмейстеру [РНБ. Ф. 7. Ед. хр. 108. Л. 3]
 [Facs. 2. Letter from P.S. Pallas to L. I. Bakmeister]

мянутого в письме майора Власова, которому было поручено сделать перевод, вероятно, можно отождествить с Власовым Осипом Федоровичем (около 1737 г., г. Селенгинск — около 1815 г.), получившим чин майора в 1770 г.¹ О. Ф. Власов известен как ботаник и собиратель флоры Сибири: собранные им материалы хранятся в гербариях Ботанического института РАН и Московского государственного университета. Ни один из известных источников не упоминает о знании им монгольского языка; поэтому можно предположить, что перевод был выполнен по его поручению лицом, владевшим монгольским языком и проживавшим в Селенгинске². На это косвенно указывает каллиграфическое письмо монгольской части текста³.

¹ Подробнее о нем см. [Бородин 1908: 19–20; Липшиц 1947: 129; Петряев 1954: 13].

² В Селенгинске в XVIII в. была, по крайней мере, одна школа, где преподавался монгольский язык — гарнизонная школа для обучения детей военнослужащих и солдатских сирот. О ней упоминается в [Пучковский 1960: 167–168].

³ В брошюре Л. И. Бакмейстера отмечалось, что «такія письма, каковы Калмыцкія или Китайскія, которыхъ въ типографіяхъ нѣтъ, но надлежитъ на мѣди вырѣзать, писать чотко и чисто, и при томъ не дѣлать отнюдь лишнихъ прикрасъ и почерковъ» [Бакмейстер 1777: 15].

В упомянутой выше брошюре Л. И. Бакмейстера содержались достаточно подробные указания относительно формы представления лингвистического материала: «...строка В содержит переводъ написанной собственнымъ каждому изъ оныхъ языку...; строка А показываетъ знаменованіе каждого слова въ семь переводъ порознь; ... строка С (прямой) оныхъ словъ выговоръ» [Бакмейстер 1777: 7]. В документе, отложившемся в фонде Ф. П. Аделунга, к указанным трем строкам была добавлена еще одна, содержащая своего рода транслитерацию / транскрипцию переведенных на монгольский слов и фраз.

Вместе с переводом, выполненным неизвестным лицом, сохранились довольно пространные примечания с пояснениями относительно включения тех или иных монгольских фраз.

Ниже приводится оригинальный текст перевода и примечаний анонимного автора. Он воспроизводится в настоящей статье с сохранением оригинальной структуры, старой орфографии и пунктуации.

А	В	С	Д	А	В	С	Д
1	?	1	1				
одинъ		нигѣ	_____	десять		арбанъ	_____
два		хойръ	хойръ	десять одинъ		арбанъ нигѣ	_____
три		гурбанъ	гурбунъ	десять два		арбанъ хойръ	хойръ
четыре		дурбанъ	дурбунъ			арбанъ	
пять		табунъ	_____	десять три		гурбанъ	гурбунъ
шесть		джиргуганъ	дурганъ	десять четыре		арбанъ дурбанъ	дурбунъ
семь		долгойнъ	долонъ				
восемь		найманъ	_____	десять пять		арбанъ табунъ	_____
девять		исунъ	юсунъ				

Калмыцкія или Китайскія, которыхъ въ типографіяхъ нѣтъ, но надлежитъ на мѣди вырѣзать, писать чотко и чисто, и при томъ не дѣлать отнюдь лишнихъ прикрасъ и почерковъ» [Бакмейстер 1777: 15].

[4v] A	B	C	D	A	B	C	D
десять шесть	ᠳᠡᠰᠢᠲᠦ ᠰᠡᠬᠦᠳᠡ	арбайнь джиргуйнь	_____	двадцать два	ᠳᠠᠸᠢᠰᠢᠲᠦ ᠳᠠᠭᠤ	хорйнь хойрь	_____
десять семь	ᠳᠡᠰᠢᠲᠦ ᠰᠡᠭᠦ	арбайнь долгойнь	_____	тридцать	ᠳᠠᠸᠢᠰᠢᠲᠦ ᠰᠡᠭᠦ	гучйнь	_____
десять восемь	ᠳᠡᠰᠢᠲᠦ ᠰᠡᠮᠡᠮᠤ	арбайнь наймань	_____	сорок	ᠰᠣᠷᠠᠭ	лучйнь	_____
десять девять	ᠳᠡᠰᠢᠲᠦ ᠳᠡᠭᠦᠰᠡ	арбайнь неунь	_____	шестьдесят	ᠰᠡᠬᠦᠳᠡᠰᠢᠲᠦ	джирбайнь	_____
двадцать	ᠳᠠᠸᠢᠰᠢᠲᠦ	хорйнь	_____	семдесят	ᠰᠡᠮᠳᠡᠰᠢᠲᠦ	далайнь	_____
двадцать одинь	ᠳᠠᠸᠢᠰᠢᠲᠦ ᠠᠨᠢ	хорйнь нигё	_____	семдесят одинь	ᠰᠡᠮᠳᠡᠰᠢᠲᠦ ᠠᠨᠢ	далайнь нигё	_____
<hr/>							
[5v] A	B	C	D	A	B	C	D
семдесят два	ᠰᠡᠮᠳᠡᠰᠢᠲᠦ ᠳᠠᠭᠤ	далайнь хойрь	_____	2	ᠨ	2	2
восемдесят	ᠰᠡᠮᠳᠡᠰᠢᠲᠦ ᠰᠡᠮᠡᠮᠤ	найнь	найнь	богъ умереть нетъ	ᠪᠣᠭᠠ ᠤᠮᠡᠷᠡᠲᠦ ᠨᠡᠲᠦ	бурхайнь укукв' угёй	_____
девяносто	ᠳᠡᠭᠦᠨᠠᠰᠤ	йрёмъ	_____		(ᠠ)		_____
девяносто девять	ᠳᠡᠭᠦᠨᠠᠰᠤ ᠳᠡᠭᠦᠰᠡ	йрёмъ исунъ	_____	человѣкъ долго бытис родить нетъ	ᠴᠡᠯᠣᠮᠤᠯᠠᠭᠤ ᠪᠢᠲᠢᠰᠢ ᠷᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠨᠡᠲᠦ	кумунъ унй алжкү турукв' угёй	кунь _____
сто	ᠰᠠᠲᠤ	дзагунъ	дзо		ᠰᠠᠳᠤ		_____
два сто	ᠰᠠᠳᠤ ᠳᠠᠭᠤ	хойрь дзагунъ	хойрь дзо		(ᠠ)		_____
тысяча	ᠲᠢᠶᠦᠰᠠᠭᠤ	миншайнь	_____	3	ᠮ	3	3
				мать спонхъ	ᠮᠠᠲᠦ ᠰᠤᠯᠠᠭᠠ	еке убер- унъ	_____
					ᠡᠬᠡ ᠤᠪᠡᠷᠦᠨᠦ	ёуренъ	_____

рука левая	ᠠᠷᠢᠯᠠᠯᠠᠭ	гарь сологай	_____	красная	ᠤᠯᠠᠨᠢᠨᠠ	улаинь	улаинь
рука отъ	ᠠᠷᠢᠯᠠᠯᠠᠭ	гарь ёше	_____				
лишю сила	ᠠᠷᠢᠯᠠᠯᠠᠭ	илэгү	_____				
	ᠠᠷᠢᠯᠠᠯᠠᠭ	куцугэй	_____	кости какъ	ᠶᠡᠰᠦ	ясу адалй	_____
	ᠠᠷᠢᠯᠠᠯᠠᠭ		са илю	камень	ᠴᠢᠯᠠᠭᠤᠨ	чилагунь	_____
	ᠠᠷᠢᠯᠠᠯᠠᠭ		_____	крепки	ᠬᠠᠲᠠᠭᠤ	хатагү	чолу хатү
15	ᠮᠤ	15	15				
волось	ᠨᠠᠭᠤᠰᠤ	килгасу ургү	_____	16	ᠳᠠᠵᠢᠭᠠᠰᠤᠨ	дажгасунь	дзанасунь
дологъ	ᠨᠠᠭᠤᠰᠤ	нарйнь	_____	рыба у глаза	ᠳᠤᠷᠦ	дурь видү	ду _____
топокъ	ᠨᠠᠭᠤᠰᠤ		_____	есть уши	ᠪᠤᠢ	буй чикй	бий _____
	ᠨᠠᠭᠤᠰᠤ		_____	нетъ	ᠤᠯᠡᠢ	улэй	_____
кровь	ᠬᠤᠰᠤ	чаву	_____				
	ᠬᠤᠰᠤ		_____				
[9r] А	В	С	Д	А	В	С	Д
17	ᠮᠤ	17	17	перья черныя	ᠤᠯᠤ	улү харй	_____
ста птица	ᠰᠢᠨᠢ	снѣ сѣбагу	_____				
лѣтатъ въ	ᠰᠢᠨᠢ	нискүй дурь	_____				
тиха	ᠰᠢᠨᠢ	алгүрь	шобу				
	ᠰᠢᠨᠢ		_____ дү				
	ᠰᠢᠨᠢ		_____	носъ вострой	ᠬᠣᠰᠢᠭᠤ	хошгү	хошу
	ᠰᠢᠨᠢ		_____		ᠬᠤᠷᠢᠨᠠ	хурна	_____
	ᠰᠢᠨᠢ		_____				
земля на	ᠰᠢᠨᠢ	гнзурь дурь	_____ дү	хвостъ	ᠰᠡᠭᠦᠯᠦ	сегүль	сүль
садится	ᠰᠢᠨᠢ	сагзүмүй	сона	короткой	ᠣᠭᠪᠦᠷ	огбрь	_____
	ᠰᠢᠨᠢ		_____				
	ᠰᠢᠨᠢ		_____				
си крылья въ	ᠰᠢᠨᠢ	си үнү	сиуни	си гисадъ въ	ᠰᠢᠨᠤ	си үрь	сиуни урь
	ᠰᠢᠨᠢ	джигүрь	_____ ту	белыя янца	ᠳᠤᠷᠦ	дурь	ту _____
	ᠰᠢᠨᠢ	дурь	_____	есть	ᠴᠠᠭᠢᠨ	цагйнь	_____ бай
	ᠰᠢᠨᠢ		_____		ᠤᠨᠠᠯᠦᠭᠦᠰᠦ	уналгс буй	_____ бай

младшей братъ твой чинхэсть	ᠳᠡᠭᠦ ᠴᠢᠨᠢᠭᠦ найтамуи	дегү чинү найтамуи	ду чиний найтама	его ъсть нить мало стало	ᠲᠡᠭᠦᠨᠢᠪᠠ илеку огѡху цукень болба	тегүнү илеку огѡху цукень болба	тунй _____ оху ⁷ _____ _____
младшая сестра твоя спить	ᠠᠶᠢᠨᠠᠭᠤ ᠴᠢᠨᠢᠭᠦ унтамуи	окнь дегү чинү унтамуи	_____ ду чиний унтана	10	⁷	10	10
отцьи вашь спать неть	ᠰᠢᠨᠢᠭᠦ ᠲᠠᠨᠠᠭᠤ унтаху угѡй	сннѣ танү унтаху угѡй	_____ танйй	носъ лица среди юо	ᠬᠠᠪᠠᠷᠢ нигургунь думлагурь	хабарь нигургунь думлагурь	хамарь норѡнть думдурь

(5)

[8r] A	B	C	D	A	B	C	D
11	??	11	11	12	12	12	12
нась у два вога	ᠮᠠᠨᠢ хойрь куль	мань дурь хойрь куль	_____ ду хойрь	волосы голова на растуть	ᠤᠰᠢᠪᠢ усѡ тологйй дурь уремуй	усѡ тологйй дурь уремуй	_____ тологйй ду урсунй
рука каклая на пять пять палець есть	ᠰᠢᠨᠢᠭᠦ хуртуу буй	гарь бурй дурь табу табунь хуртуу буй	_____ _____ ду	13	⁷ 13	13	13
	ᠬᠤᠷᠦ хурь бий		_____ _____ хурь бий	языкъ зубы ротъ въ есть	ᠬᠡᠯᠡ келе снндү амйнь дурь буй	келе снндү амйнь дурь буй	_____ _____ ду бий
				14	⁷ 14	14	14
				правая	ᠮᠢᠮᠢ мий	мий	_____ _____

[8v] A

(6)

(10)

[6v] A	B	C	D	A	B	C	D
студная итти петь, еще	ᠰᠣᠳᠤᠨᠢᠲᠦᠨᠢᠲᠦ	дзорчиджү ябухү едүй	дзорчидэй _____	четыре малына все здорово хороши суть	ᠴᠢᠳᠢᠷᠡ ᠮᠠᠯᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠰᠡ ᠵᠢᠳᠣᠷᠣᠪᠣᠭᠣ ᠬᠣᠷᠣᠮᠢᠨᠰᠢᠰᠦᠳᠦ	дурбйнь күу пумь менгү сайнь буй	дурбуйнь ку _____
родившись одинь годь два месяць стало	ᠷᠣᠳᠢᠪᠢᠰᠢᠨᠢᠰᠢ ᠠᠶᠢᠨᠢᠶᠢᠨᠠᠳᠤᠯᠠᠭᠤᠰᠢ ᠲᠤᠮᠡᠰᠢᠶᠢᠨᠰᠢᠰᠢᠰᠢ ᠰᠤᠲᠤᠯᠠᠭᠤᠰᠢ	туруксегёрь нигё джиль хойрь сарй болбай	турусёрь _____	первой бъажить	ᠲᠤᠷᠤᠬᠤᠰᠡᠭᠡᠷᠢᠶᠢᠨᠢ ᠨᠢᠭᠡᠳᠢᠵᠢᠯᠢᠭᠢ ᠬᠣᠢᠷᠢᠰᠠᠷᠢᠶᠢᠨᠢ ᠪᠣᠯᠪᠠᠶᠢ	теригунь гүжюмүй	турунь гуйна
7	ᠷ	7	7	другой скачать	ᠲᠤᠷᠠᠭᠣᠶᠢᠨᠢ ᠰᠢᠬᠠᠴᠢᠲᠠᠭᠢ	деть леткеремүй	_____
сйн	ᠰᠢᠶᠨ	енё	_____	третьей	ᠲᠤᠷᠡᠶᠡᠢ	гурбадугарь	гурбулрки
[7r] A	B	C	D	A	B	C	D
пость	ᠯᠣᠰᠢᠶᠢᠨ	дбуламуй	дблзана	наше говорить	ᠨᠠᠮᠤᠨᠢᠰᠢᠶᠢᠨᠢ ᠭᠣᠷᠣᠮᠢᠨᠢᠶᠢᠨᠢ	ману ⁷ келешекүй	манай
четвертой смететя	ᠴᠢᠳᠤᠷᠢᠲᠤᠶᠢᠨᠢᠰᠡᠮᠡᠲᠢᠶᠢᠨᠢ	дурбугуерь нигмуй	дурбулрки нигэе	слышать петь	ᠰᠢᠯᠢᠰᠢᠨᠢᠶᠢᠨᠢ ᠮᠡᠲᠢᠶᠢᠨᠢ	ги совосхү угёй	_____
8	ᠶ	8	8	9	(ᠶ) ᠵᠣᠷᠢᠪᠠᠳᠤᠭᠠᠷᠢᠶᠢᠨᠢ	9	9
еготь человк сайнь его жена глуха	ᠡᠭᠣᠲᠢᠶᠢᠨᠢ ᠴᠢᠯᠣᠪᠤᠬᠤ ᠰᠠᠶᠢᠨᠢᠶᠢᠨᠢᠶᠢᠨᠢ ᠵᠡᠨᠠᠭᠤᠯᠤᠬᠤ	енё кумуть сохёрь егүнв емё дулей	_____	старшей брать твоя чихасть	ᠡᠨᠢᠶᠢᠨᠢᠶᠢᠨᠢ ᠰᠣᠬᠡᠷᠢᠶᠢᠨᠢ ᠡᠮᠡᠶᠢᠨᠢᠶᠢᠨᠢ	ахй чинү пайтамуй	_____
			енунь	_____	ᠡᠨᠢᠭᠤᠨᠢᠶᠢᠨᠢ	_____	чинй пайтанй
			_____	старшая сестра твоя спить	ᠰᠡᠳᠤᠷᠠᠭᠠᠶᠢᠨᠢ ᠰᠡᠰᠡᠲᠢᠷᠠᠶᠢᠨᠢ ᠰᠡᠮᠢᠶᠢᠨᠢ	егсчй чинү унтамуй	_____
			_____	_____	ᠡᠭᠡᠰᠢᠴᠢᠶᠢᠨᠢ ᠤᠨᠲᠠᠮᠤᠶᠢᠨᠢ	_____	чинй унтанй
[7v] A	B	C	D	A	B	C	D

[5v] A	B	C	D	A	B	C	D
дѣтей целуетъ	ᠳᠡᠲᠡᠢ ᠴᠡᠯᠠᠭᠤᠨ	ᠵᠡᠮᠦᠭᠡᠳᠢ ᠰᠢᠳᠠᠮᠤᠢ	ᠣᠯᠭᠤᠨ	4 сѣ женщины брюхата была	ᠰᠡ ᠪᠢᠶᠢᠨ	4 ᠡᠨᠢ ᠡᠭᠡᠨᠡᠰᠡᠷᠢ ᠳᠠᠵᠢᠷᠮᠤᠰᠤᠨ ᠪᠢᠯᠠᠭ	4 _____
ея тѣтка въ молоко много	ᠡᠶ᠋ᠠ ᠲᠡᠭᠦᠨᠠ ᠮᠣᠯᠠᠭᠤ ᠮᠢᠨᠭᠣ	ᠡᠭᠢᠨᠦ ᠶᠤᠬᠤᠲᠤ ᠳᠤᠷᠢᠰᠤ ᠤᠯᠡᠮᠡᠵᠢ	ᠡᠭᠢᠨᠢ ᠯᠤ _____	сына родила отъ назадъ	ᠰᠢᠨᠠ ᠷᠣᠳᠢᠯᠠ ᠣᠲᠢ ᠨᠠᠵᠠᠳᠤ	ᠬᠤᠪᠡᠭᠦᠨᠢ ᠲᠤᠷᠤᠭᠤᠭᠡᠨᠢ ᠡᠨᠡ ᠬᠡᠢᠶᠢᠰᠢ	ᠬᠤᠪᠤᠨᠢ ᠲᠤᠷᠤᠭᠤᠭᠡᠨᠢ ᠠᠰᠢ ᠬᠣᠶᠢᠨᠢ
мужъ ее любить	ᠮᠤᠵᠢ ᠡᠶ᠋ᠠ ᠯᠤᠪᠢᠲᠢ	ᠨᠠᠭᠦᠷᠢ ᠡᠭᠢᠨᠢ ᠲᠢ ᠨᠠᠶᠠᠬᠤᠮᠤᠢ	_____ ᠡᠭᠢᠨᠢᠨᠢ ᠨᠠᠶᠠᠬᠤᠨᠢ				

[6r] A	B	C	D	A	B	C	D
шесть день стаю	ᠰᠡᠬᠡᠳᠡᠶ᠋ᠠ ᠰᠢᠶᠠᠭᠤ	ᠳᠢᠵᠢᠷᠭᠦᠭᠢᠨᠢ ᠰᠢᠳᠦᠷᠢ ᠪᠣᠯᠠᠭᠢ	ᠳᠤᠷᠭᠢᠨᠢ _____	подле сѣдя шачеть	ᠰᠡᠳᠢᠶᠠᠭᠤ ᠰᠢᠶᠠᠭᠤ	ᠳᠡᠷᠭᠡᠳᠡ ᠰᠢ ᠶᠠᠵᠤ ᠶᠢᠯᠠᠶᠢᠭᠤᠢ	_____ ᠰᠣᠳᠢᠵᠢ ᠶᠢᠯᠠᠳᠠ
ея тѣло еще болитъ	ᠡᠶ᠋ᠠ ᠲᠡᠭᠦᠨᠠ ᠪᠣᠯᠢᠲᠢ	ᠡᠭᠢᠨᠦ ᠪᠢᠰᠠᠭᠦ ᠰᠢᠳᠠᠮᠤᠢ	ᠡᠭᠢᠨᠢ _____	5 ребенокъ сосать хотенія нетъ	ᠶᠢ ᠶᠠᠨᠢ	5 ᠬᠡᠰᠤᠬᠡᠨᠢ ᠬᠤᠭᠢᠷᠠᠭᠤ ᠳᠦᠷᠠ ᠶᠤᠲᠡᠢ	5 ᠬᠤᠭᠤᠬᠡᠨᠢ _____
ея дочь	ᠡᠶ᠋ᠠ ᠳᠣᠭᠦ	ᠡᠭᠢᠨᠦ ᠣᠬᠢᠨᠢ	ᠡᠭᠢᠨᠢ _____	6 сн дзуунка	ᠶᠢ ᠶᠠᠨᠢ	6 ᠡᠨᠢ ᠬᠡᠭᠤᠬᠡᠨᠢ	6 _____ ᠬᠤᠭᠡᠲᠤ

18	ᠲᠠᠰᠤ	18	18	мы даямь шамы угольа видимь.	ᠮᠤ ᠳᠠᠶᠢᠮᠤ ᠰᠢᠮᠤ ᠤᠭᠣᠯᠢᠶ᠋᠎ᠠ ᠪᠢᠳᠢᠮᠢᠮᠤ	бвда угага нүлс негүрсу удземүй	уга _____ _____ нбрсу удзене
дерво на листья зеленая сучья толстая	ᠳᠡᠷᠪᠣ ᠨᠠ ᠯᠢᠰᠢᠲᠤᠭ᠎ᠠ ᠵᠡᠯᠡᠨᠢᠶ᠋᠎ᠠ ᠰᠤᠴᠢᠶ᠋᠎ᠠ ᠲᠣᠯᠰᠢᠶ᠋᠎ᠠ	модбнь дурь напчий ногогань савзай будугути	_____ ду _____ ногонь _____ будути				
				20	ᠲᠣ	20	20
				река вь вода быстро течь	ᠷᠡᠬᠤ ᠪᠡ ᠪᠠᠳᠤ ᠪᠢᠶᠰᠢᠷᠠ ᠲᠡᠴᠢᠰᠢ	гбуль дурь усу тургёнть уругумуй	голь ду _____ _____ урусунь
19	ᠮᠣ	19	19				
огонь горитъ	ᠣᠭᠣᠨᠢ ᠭᠣᠷᠢᠲᠢ	галь воцомуй	_____ ноцонь _____				
				21	ᠮᠤ	21	21
				месяць звезда огь	ᠮᠡᠰᠢᠶᠢᠰᠢ ᠵᠢᠪᠡᠳᠤ ᠣᠭᠢ	сарь одбнь ёие	_____ _____ одонь са
[10r] A	B	C	D	A	B	C	D
великъ солнце огь малъ	ᠪᠡᠯᠢᠬᠦ ᠰᠣᠯᠤᠨᠲᠡ ᠣᠭᠢ ᠮᠠᠯᠠ	ёкё нарань ёие багъ	_____ парана са _____	радуга видеть я	ᠷᠠᠳᠤᠭᠠ ᠪᠢᠳᠢᠲᠢ ᠶ᠋᠎ᠠ	солонгъ ги удзёе би	_____ _____ _____
22	ᠰᠢ	22	22	23	ᠰᠢ	23	23
вчераъ вечерь дождь шоль	ᠰᠢᠶᠠᠷᠠᠸᠠᠨ ᠪᠡᠴᠢᠷᠢ ᠳᠣᠵᠢᠳᠢ ᠰᠣᠯᠢ	утугзурь удесй борогань оробъ	_____ _____ боро _____	ночь темная день светлой есть	ᠨᠣᠴᠢ ᠲᠡᠮᠢᠨᠠ ᠳᠡᠨᠢ ᠰᠡᠳᠡᠯᠠᠢ ᠡᠰᠡᠲᠢ	сунй харангуй саурь гегегёнть буй	_____ _____ _____ _____ гегёнть бий
сегодня утро но	ᠰᠡᠭᠡᠳᠠᠨᠢ ᠤᠷᠲᠤ ᠨᠠ	енёдурь урлугё беръ	_____ укле геръ				

ПРИМЪЧАНІЯ

1^р. подъ числомъ 4^{оі}. рѣчи, она еще не может, въ строкѣ А. Знаменованіе показано. Ея тѣло болитъ, потому что въ монгольскомъ языкѣ хотя мѣстоименіе онъ, по помонголски тере и есть; но оногo впереводѣ встроку В. по свойству языка положить нельзя, потому причинѣ, что он не столько разумъ тѣх слов изобразить сколько затмить можетъ. 2^р. подчисломъ 9^{оі} рѣчи, братъ твои чихаетъ, сестра твоя спитъ, встроках А В С въ два ряда одинъ задругим написано для знанія, которои изъ нихъ угоденъ быть можетъ, по той причинѣ что слово братъ намонгольскомъ языкѣ различается. Ежели старшей братъ, то называется аха, а ежели младшей такъ то по писменному дегу, а пословесному выговору ду. Такъже слово и сестра, старшюю егечи, а младшюю пописменному окинъ дегу, а пословесному выговору окинъ ду называютъ. 3^р. въ сообщенныхъ для переводу рѣчахъ встроку А знаменованіе каждаго слова впереводѣ хотя порознь, однако въ некоторыхъ мѣстахъ по склонности тѣхъ рѣчей и разума показано, потому что въ монгольскомъ языкѣ глаголы кроме временъ и образовъ въ трехъ лицахъ единственного и множественного числа различенія не имѣютъ, такъже и имена существительныя, а особливо значащая вещь не одушевленную въ единственномъ и множественномъ числѣ во всемъ сходны. 4^р. монгольское нарѣчіе дуръ (а) а всловесномъ разговорѣ ду и ту, употребляется прилагательномъ надежѣ послѣ слова, а иногда знаменуетъ предлоги у на въ, во и такъже после слова полагается. 5^р. въ строкѣ С букву Г подъ знакомъ произноситъ за латинское g. 6^р. втотже строкѣ [11r] С слогъ си подъ знакомъ произносится заруской ши. 7^р. четвертая строка D приложена для знанія такогo, что в монгольскомъ языкѣ обыкновенной въ народѣ словесной выговорѣ отписменного и печатного въ книгахъ, въ техъже самыхъ словахъ имѣетъ отмену и сокращеніе. то есть всловесномъ разговорѣ в словахъ не которые слоги совсемъ выпускаются в иныя окончаніе переменяютъ на другую гласную наприм: слова шесть сыновъ пишутся и печатаются въ книгахъ ᠰᠢᠬᠡᠰᠢᠨᠤᠨᠢᠨᠢ ᠰᠢᠬᠡᠰᠢᠨᠤᠨᠢᠨᠢ джиргуганъ кубегунъ, а словесно тѣже слова да отменно выговариваются, а именно дзурганъ кубунъ. Однако сколько писменнои словъ выговорѣ всловесномъ разговорѣ не употребителенъ, сколько и обыкновенной словесной выговорѣ вписменномъ употреблять не позволяется, а каждой то есть писменнои и словеснои словъ выговорѣ долженъ быть въ своемъ мѣстѣ. И такъ, которая слова въ словесномъ выговорѣ отписменного имѣютъ отменность тѣ встроку D такъ написаны какъ всловесномъ разговорѣ употребляются, а которые какъ вписменномъ такъ и въ словесномъ выговорѣ никакого прененія и сокращенія не имѣютъ, то противъ техъ линеею проведено. 8^р. въ строкѣ В цифирныя слова тангутския, ибо въ монгольскомъ языкѣ собственныхъ цифирныхъ буквъ нетъ, апишутъ число всегда прописью. Вслучаежъ, употребляютъ означенной тангуцкой цифирь. 9^р. встроку В С и D протяжныя слоги чертою замѣчены. 10^р. угей (б) монгоское наречіе поруски вообще знаменіе нетъ; но при глаголахъ вмонгольскомъ языкѣ не, апри именахъ существительныхъ нетъ значить, и всегда назадъ своего слова полагается.

4. Заключение

Перевод, за исключением отдельных неточностей¹, а также сопровождающие его комментарии выполнены человеком, хорошо владевшим монгольским языком. Перевод сделан максимально точно в соответствии с текстом брошюры, опубликованной Л. И. Бакмейстером в 1777 г. «Образцы селенгинского диалекта монгольского языка» представляет собой один из первых документально засвидетельствованных опытов систематического сбора монгольских лексических данных для «Сравнительных словарей всех языков и наречий», составленных по единой методике. Несмотря на небольшой объем, данный материал имеет значительную научно-историческую ценность: он свидетельствует о раннем этапе становления монголоведения в России XVIII в. и отражает тесное взаимодействие между местными переводчиками, сибирскими толмачами и российскими исследователями, принимавшими участие в масштабном государственном лингвистическом проекте, инициированном Екатериной II.

Источники

РНБ — Российская национальная библиотека.

Sources

Russian National Library.

Литература

Бакмейстер 1777 — *Бакмейстер Г. Л. Х.* Объявление и прошение касающиеся до собрания разных языков в примерах. СПб.: при Академии наук, 1773. 34 с.

Бородин 1908 — *Бородин И. П.* Власов Осип Федорович // Коллекторы и коллекции по флоре Сибири. Труды Ботанического музея Императорской Академии наук, Вып. 4. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1908. 247 с.

Липшиц 1947 — *Липшиц С. Ю.* Русские ботаники: биографо-библиографический словарь: в 5 тт.; сост., отв. ред. В. Н. Сукачев. Т. 2: Быков – Горленко. М.: МОИП, 1947. 336 с.

Петряев 1954 — *Петряев Е. Д.* Исследователи и литераторы старого Забайкалья: очерки из истории культуры края. Чита: Кн. изд-во, 1954. 260 с.

References

Bacmeister H. L. C. Announcement and Petition Concerning the Collection of Various Languages in Examples. St. Petersburg: Academy of Sciences, 1777. 34 p. (In Russ., French, Lat., Germ.)

Borodin I. P. Vlasov, Osip Fedorovich. *Collectors and Collections on the Flora of Siberia. Proceedings of the Botanical Museum of the Imperial Academy of Sciences*, 1908. No. 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 247 p. (In Russ.)

Lipschitz S. Yu. Russian Botanists: A Biographical and Bibliographical Dictionary: in 5 vols. Comp., ed. by V. N. Sukachev. Vol. 2: Bykov – Gorlenko. Moscow: Moscow Society of Naturalists (MOIP), 1947. 336 p. (In Russ.)

Petryaev E. D. Researchers and Writers of Old Transbaikalia: Essays on the Cultural History of the Region. Chita: Book Publishing House, 1954. 260 p. (In Russ.)

¹ К числу неточностей можно отнести использование букв твердого ряда в случаях, когда следовало бы писать гласные мягкого ряда, и наоборот. Подобные графические колебания могут быть связаны не с недостаточным знанием языка, а с особенностями орфографической практики XVIII в. Так, например, в одной из фраз встречается написание: *köbegün-i törögßen-eče qoyisi jiruyān edür bolba, ene kümün soqor egün-ü eme dülei, üsün urtu narin* — где употребление букв твердого и мягкого ряда не всегда соответствует фонетическим нормам классического монгольского письма.

- Пучковский 1960 — *Пучковский Л. С.* Александр Васильевич Игумнов (1761–1834) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. III. М.: АН СССР, 1960. С. 166–195.
- Пuchkovsky L. S. Alexander Vasilyevich Igumnov (1761–1834). *Essays on the History of Russian Oriental Studies*. Vol. III. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. Pp. 66–195. (In Russ.)
- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I / отв. ред. Д. Кара. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 508 с.
- Sazykin A. G. Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. I. D. Kara (ed.). Moscow: Nauka, GRVL, 1988. 508 p. (In Russ.)
- Сазыкин 2001 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. II / отв. ред. Д. Кара. М.: Вост. лит., 2001. 415 с.
- Sazykin A. G. Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Vol. II. D. Kara (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001. 415 p. (In Russ.)
- Сазыкин 2003 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. III / отв. ред. Д. Кара. М.: Вост. лит., 2003. 280 с.
- Sazykin A. G. Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Vol. III. D. Kara (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001. 280 p. (In Russ.)
- Санскритьяна 1972 — *Санскритьяна Е. Н.* Краткий систематический каталог монгольских рукописей и ксилографов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Восточный сборник. Вып. 3. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 86–98.
- Sanskrit'yayana E. N. A Brief Systematic Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs of the M. E. Saltykov-Shchedrin State Public Library. *Vostochny Sbornik* [Oriental Collection]. Vol. 3. Moscow: Nauka, GRVL, 1972. Pp. 86–98. (In Russ.)
- Сравнительные словари 1787 — Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. СПб.: Тип. Шнора, 1787. 411 с.
- Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects, Collected by the Hand of the Most August Personage. Part 1, Containing the European and Asiatic Languages. Vol. 1. St. Petersburg: Shnor, 1787. 411 p. (In Russ.)
- Чегодаев 2011 — *Чегодаев А. Б.* Монгольско-маньчжурско-китайско-русско-латинский пятиязычный словарь П. И. Каменского: вопросы его создания и издания // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1(13). С. 128–130.
- Chegodayev A. B. The Mongolian–Manchu–Chinese–Russian–Latin Pentaglot Dictionary by P. I. Kamensky: Issues of Its Compilation and Publication. *Vestnik of Tomsk State University*. 2011. No. 1(13). Pp. 128–130. (In Russ.)
- Adelung 1820 — *Adelung F.* Übersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte. St. Petersburg: Gedruckt bey Nic. Gretsche, 1820. 185 s.
- Adelung F. Survey of All Known Languages and Their Dialects. St. Petersburg: Print. by Nic. Gretsche, 1820. 185 p. (In Germ.)

- Adelung 1806 — *Adelung J. C.* Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. mit dem Vater Unser als Sprachprobe in beynahe fünfhundert Sprachen und Mundarten. Tl. 1. Asiatische Sprachen. Berlin: Vossischen Buchhandlung, 1806. xxii, xxxiv, 686 s.
- Adelung 1809 — *Adelung J. C.* Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. mit dem Vater Unser als Sprachprobe in beynahe fünfhundert Sprachen und Mundarten. Tl. 2. Europäische Sprachen. Berlin: Vossischen Buchhandlung, 1809. xxiv, 808 s.
- Adelung 1809 — *Adelung J. C.* Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. mit dem Vater Unser als Sprachprobe in beynahe fünfhundert Sprachen und Mundarten. Tl. 3,1. Afrikanische Sprachen. Berlin: Vossischen Buchhandlung, 1809. x, 305 s.
- Adelung 1809 — *Adelung J. C.* Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. mit dem Vater Unser als Sprachprobe in beynahe fünfhundert Sprachen und Mundarten. Tl. 3,2. Amerikanische Sprachen. Berlin: Vossischen Buchhandlung, 1809. vi, 310–708 p.
- Adelung 1809 — *Adelung J. C.* Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. mit dem Vater Unser als Sprachprobe in beynahe fünfhundert Sprachen und Mundarten. Berlin: Vossischen Buchhandlung, 1807–1817. Tl. 3,3. Beschluss der Amerikanischen Sprachen. Berlin: Vossischen Buchhandlung, 1809. v, 474 s.
- Adelung 1817 — *Adelung J. C.* Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. mit dem Vater Unser als Sprachprobe in beynahe fünfhundert Sprachen und Mundarten. Tl. 4. Berlin: Vossischen Buchhandlung, 1817. 530 s.
- Gmelin 1752 — *Gmelin J. G.* Reise durch Sibirien von dem Jahre 1738 bis zum Ende 1740. Bd. 3. Göttingen: Vandenhoeck, 1752. 584 s.
- Adelung J. C. Mithridates, or General Linguistics, with the Lord's Prayer as a Language Sample in Nearly Five Hundred Languages and Dialects. Vol. 1: Asiatic Languages. Berlin: Vossischen Buchhandlung, 1806. xxii, xxxiv, 686 p. (In Germ.)
- Adelung J. C. Mithridates, or General Linguistics, with the Lord's Prayer as a Language Sample in Nearly Five Hundred Languages and Dialects. Vol. 2: European Languages. Berlin: Vossischen Buchhandlung, 1809. xxiv, 808 p. (In Germ.)
- Adelung J. C. Mithridates, or General Linguistics, with the Lord's Prayer as a Language Sample in Nearly Five Hundred Languages and Dialects. Vol. 3, Part 1: African Languages, 1809. Berlin: Vossischen Buchhandlung, 1809. x, 305 p. (In Germ.)
- Adelung J. C. Mithridates, or General Linguistics, with the Lord's Prayer as a Language Sample in Nearly Five Hundred Languages and Dialects. Vol. 3, Part 2: American Languages. Berlin: Vossischen Buchhandlung, 1809. vi, 310–708 p. (In Germ.)
- Adelung J. C. Mithridates, or General Linguistics, with the Lord's Prayer as a Language Sample in Nearly Five Hundred Languages and Dialects. Vol. 3, Part 3: Conclusion of the American Languages. Berlin: Vossischen Buchhandlung, 1809. v, 474 p. (In Germ.)
- Adelung J. C. Mithridates, or General Linguistics, with the Lord's Prayer as a Language Sample in Nearly Five Hundred Languages and Dialects. Vol. 4. Berlin: Vossische Buchhandlung, 1817. 530 p. Berlin: Vossische Buchhandlung. (In Germ.)
- Gmelin J. G. Journey Through Siberia from the Year 1738 to the End of 1740. Vol. 3. Göttingen: Vandenhoeck, 1752. 584 p. (In Germ.)

- Müller 1734 — *Müller G. F. Oratio Dominica Chalmeyccice versa, quam cum pronuntiatione et interpretatione verbali Petropolui Lipsiam ad Collectores Actorum Eruditorum transmisit Gerhardus Fridericus Mullerus, Academicus Imperatorius Petropolitano // Nova Acta Eruditorum. Lipsiae, 1734. 214 p.*
- Müller G. F. The Lord's Prayer Translated into Kalmyk, Which, Together with Its Pronunciation and Verbal Interpretation, Gerhard Friedrich Müller, Imperial Academician of St. Petersburg, Sent from St. Petersburg to Leipzig to the Collectors of the *Acta Eruditorum*. *Nova Acta Eruditorum*. Leipzig, 1734. 214 p. (In Lat.)
- Pallas 1801 — *Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften durch P. S. Pallas D. A. D. Professor der Naturhist. und ordentl. Mitgl. der Rußisch-Kayserl. Akademie d. W., der Römisch-Kayserl. und Königl. Schwedischen Akad. wie auch der Engl. Societät, der Petersburg. freyen ökonom. St. Petersburg : Gedruckt bey der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1801. 440 s.*
- Pallas P. S. Collections of Historical Accounts Concerning the Mongolian Peoples, by P. S. Pallas, Doctor of Medicine, Professor of Natural History, and Ordinary Member of the Imperial Russian Academy of Sciences, of the Imperial Roman and Royal Swedish Academies, as well as of the English Society and the St. Petersburg Free Economic Society. St. Petersburg: Print. by the Imperial Academy of Sciences, 1801. 440 p. (In Germ.)
- Uspensky 1999 — *Uspensky V. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Comp. by V. L. Uspensky with assistance from O. Inoue. Ed. by T. Nakami. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. 530 p.*
- Uspensky V. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Comp. by V. L. Uspensky with assistance from O. Inoue. Ed. by T. Nakami. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. 530 p. (In Eng.)
- Walravens 2022 — *Walravens H. Das Projekt eines Fünfsprachigen Wörterbuchs: Chinesisch–Mandschu–Mongolisch–Russisch–Lateinisch (1817) von Pavel Ivanovič Kamenskij // Zentralasiatische Studien. 2022. No. 50. S. 91–147.*
- Walravens H. The Project of a Five-Language Dictionary: Chinese–Manchu–Mongolian–Russian–Latin (1817) by Pavel Ivanovich Kamensky. *Zentralasiatische Studien*. 2022. No. 50. Pp. 91–147. (In Germ.)
- Walravens 2024 — *Walravens H. From the Kalmuck Steppes to Heinrich Heine. Written Monuments of the Orient. Vol. 10. 2024. No. 1(20). Pp. 109–122.*
- Walravens H. From the Kalmuck Steppes to Heinrich Heine. *Written Monuments of the Orient*. Vol. 10. 2024. No. 1(20). Pp. 109–122. (In Eng.)
- Walravens, Turanskaya 2023 — *Walravens H., Turanskaya A. The St. Petersburg Mongolian Type Revisited // Central Asiatic Journal. Ed by L. P. Laaman. 2023. No. 66. Pp. 185–193.*
- Walravens H., Turanskaya A. The St. Petersburg Mongolian Type Revisited. *Central Asiatic Journal*. L. P. Laaman (ed.). 2023. No. 66. Pp. 185–193. (In Eng.)
- Witsen 1785 — *Witsen N. Noord en oost Tartaryen: behelzende eene beschryving van verscheidene Tartersche en nabuurige gewesten, in de noorder en oostelykste deelen van Aziën en Europa ... ontworpen, beschreven, geteekent, en in 't licht gegeven. Amsterdam: M. Schalekame, 1785. 665 s.*
- Witsen N. North and East Tartary: Containing a Description of Various Tartar and Neighboring Regions in the Northern and Eastern Parts of Asia and Europe ... Designed, Described, Drawn, and Published. Amsterdam: M. Schalekame, 1785. 665 p. (In Germ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2025. Т. 17. № 3

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 26.12.2025. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 18,38. Тираж 100 экз. Заказ 40-25.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8